ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С.А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А.Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р. филол. наук., проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции, издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2022

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. Апрель – июнь

СОДЕРЖАНИЕ

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Бутов Р. Н. ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВАНИЯ СИЛЬНЫХ ОСНОВНЫХ ПУНКТУАЦИОННЫХ ПОЗИЦИЙ В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 5

Губанов С. А. К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИТЕТА В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ 8

Ковалев Г. Ф. ИМЯ И ОБРАЗ МАРИНЫ МНИШЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ 11

Радь, М. П. Вольготова Э. А. УНИВЕРСАЛИЯ «УЧЕНИК — УЧИТЕЛЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 14

ФИЛОЛОГИЯ

Бао Тинтин. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ: ПОЭТИКА «ЧУЖОГО ТЕКСТА» (НА МАТЕРИАЛЕ «СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ ПОВЕСТЕЙ» МИХАИЛА ЗОЩЕНКО) 20

Барбун В. В., Победаш Е. В. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОМОБИЛИСТА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ) 24

Ван Лолань. СТИЛИСТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СВАДЕБНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПИНЕЖЬЯ 30

Гальцова Д. Н. ИСТОЧНИКИ СИНОНИМИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ 33

Дьякова Т. А. ИВАН БУНИН И ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ЖАНРЕ ПАРОДИИ 42

Евдокимова Е. А. НЕЗНАНИЕ ПРАВДЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТИНЫ. «СКУЧНЫЕ ИСТОРИИ» А. П. ЧЕХОВА 46

Зейферт Е. И. ДВА МОЛЧАНИЯ: «SILENTIUM!» ТЮТЧЕВА И «SILENTIUM» МАНДЕЛЬШТАМА 51

Костылев А. О. А. П. ПЛАТОНОВ И СОВЕТСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1930-Х ГГ.: О НЕКОТОРЫХ ТЕМАХ ЭПОХИ 56

Купцова Н. Е. ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦЕНКАХ ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ США 61

Липина М. А. ОНЕЙРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ПОВЕСТИ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «ВОЗВРАЩЕНИЕ МЮНХГАУЗЕНА» 65

Литвинова Л. А. ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЯ ЛЕКСЕМЫ «VILLAGE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ) 70

Скрипникова Т. И. ПИСЬМО Р.-М. РИЛЬКЕ ПО ПОВОДУ «МИТИНОЙ ЛЮБВИ» И. А. БУНИНА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ 75

Сузрюкова Е. Л. ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭМЕ А. К. ТОЛСТОГО «ИОАНН ДАМАСКИН» 80

Чуриков С. А. ПУШКИНСКИЕ КОННЕКТЕМЫ В ПОЭЗИИ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. В. КОЛЬЦОВА 86

Шпилевая Г. А., Бондаренко В. А., Борисова У. Ю. ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Г. ПРЫГУНОВА: НАРРАТИВНЫЕ И ЖАНРОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ 91

ЖУРНАЛИСТИКА

Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Баканов Р. П. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО КРИТИКА И БЛОГЕРА ВАЛЕНТИНЫ ЛЬВОВОЙ 96

Базикян С. А. КУЛЬТУРТРЕГЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КУЛЬТУРА») 100

Горохов М. Ю. КРИТЕРИИ ЭКСПЕРТНОСТИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ 104

Данг Тхи Тхан. ВНЕДРЕНИЕ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЬЕТНАМА 108

Дудкина А. В. ВЛИЯНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ НА СОДЕРЖАНИЕ СЕТЕВЕГО МЕДИАТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СОЦСЕТИ «ВКОНТАКТЕ») 113

Зубко Д. В., Клюев Ю. В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАДИОЖУРНАЛИСТИКА В ФОРМАТЕ DIGITAL 118

Иванова С. В. МЕДИА В УСЛОВИЯХ КОММУНИКАЦИОННОГО ИЗОБИЛИЯ И «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» 123

Кажикин А. А. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 126

Колесникова В. В. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 131

Колосова А. Д. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЕДУЩЕГО ТОК-ШОУ С УЧАСТИЕМ СЕЛЕБРИТИ 134

Кругликова О. С. ЖУРНАЛИСТСКИЙ МИР ПЕТЕРБУРГА В КАРИКАТУРАХ ЖУРНАЛА «ДОБРЯК» (1882 Г.) 137

Лабутина В. В., Топчий И. В. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОЦЕНОЧНОЙ ПРАКТИКЕ КОММЕНТАРИЯ СЕТЕВОГО МЕДИАКОНТЕНТА 143

Назайкин А. Н. КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ 149

Новичихина М. Е., Дрогайцева М. А. О ПЕРИФЕРИЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ МЕДИАНОМИНАЦИИ В СИСТЕМЕ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ 152

Ню Мэнди. ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ КНР (ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС) 156

Овсейко В. И. ИЗ ИСТОРИИ ЗАКРЫТИЯ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЫ КОНЦА XIX В. «ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ» 161

Стогова Е. С. ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ДОВЕРИЕ АУДИТОРИИ 165

Турпалов Л. А. СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕССЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КРАЯ 169

Федотова Л. Н. ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НАДЕЖДЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИИ? ЧАСТЬ 2 173

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 179

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2022. № 2. April – June

CONTENTS

130TH BIRTH ANNIVERSARY OF M. I. TSVETAEVA

Butov R. N. FEATURES OF MARKING STRONG BASIC PUNCTUATION POSITIONS IN THE LYRICS OF M. I. TSVETAEVA 5

Gubanov S. A. ON THE QUESTION OF THE WAYS OF EXPRESSING THE EPITHET IN THE TEXTS OF M. TSVETAEVA 8

Kovalev G.F. NAME AND IMAGE OF MARINA MNISHEK IN POETIC CONSCIOUSNESS MARINA TSVETAEVA..... 11

Rad E. A., Volgotova M. P. RAD E. A., VOLGOTOVA M. P. UNIVERSAL "STUDENT–TEACHER" IN THE WORK OF M. I. TSVETAEVA..... 14

PHILOLOGY

Bao Tintin. INTERTEXTUALITY: THE POETICS OF "SOMEONE ELSE'S TEXT" (BASED ON THE MATERIAL OF "SENTIMENTAL STORIES" BY MIKHAIL ZOSHCHENKO)..... 20

Barbun V. V., Pobedash E. V. LINGUISTIC PERSONALITY OF A MOTORIST IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES (NOMINATIVE ASPECT)..... 24

Wang Luolan. STYLISTIC AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF KINDER TERMS IN THE WEDDING FOLKLORE OF PINEUGA..... 30

Galtsova D.N. SOURCES OF SYNONYMOUS CORRESPONDENCES IN VORONEZH DIALECTS..... 33

Dyakova T. A. IVAN BUNIN AND FYODOR DOSTOEVSKY: LITERARY DIALOGUE IN THE GENRE OF PARODY..... 42

Evdokimova E. A. IGNORANCE OF THE TRUTH AS AN OPPORTUNITY TO GAIN THE VARITY. «BORING STORYES» BY A.P. CHEKHOV..... 46

Seifert E. I. TWO SILENCES: «SILENTIUM!» TYUTCHEV AND MANDELSTAM'S «SILENTIUM»..... 51

Kostylev A. O. A. P. PLATONOV AND SOVIET CHILDREN'S LITERATURE OF THE 1930-S: ON SOME EPOCH THEMES..... 56

Kuptsova N. E. GENRE AND STYLE FEATURES OF THE NOVEL BY M. Y. LERMONTOV "THE HERO OF OUR TIME" IN THE USA LERMONTOV STUDIES. 61

Lipina M. A. DREAM NARRATIVE IN S. D. KRZHIZHANOVSKY'S NOVEL "THE RETURN OF MUNCHAUSEN"..... 65

Litvinova L. A. DYNAMICS OF SEMANTIC TRANSFORMATION (BASED ON LEXICOGRAPHIC AND HISTORICAL MATERIAL OF THE DESCRIPTION OF THE LEXEME "VILLAGE" IN ENGLISH) 70

Skripnikova T.I. A LETTER FROM R.-M. RILKE ABOUT "MITYA'S LOVE" BY I. A. BUNIN: THE EXPERIENCE OF READING.....75

Suzryukova E. L. AURAL IMAGES IN THE POEM "JOHN OF DAMASCUS" BY A. K. TOLSTOY..... 80

Churikov S. A. PUSHKIN 'S CONNECTEMES IN POETRY AND EPISTOLARY HERITAGE OF A.V. KOLTSOV..... 86

Shpilevaya G. A., Bondarenko V. A., Borisova U. Y. POETICS AND PROBLEMS OF L. G. PRYGUNOV'S WORKS: NARRATIVE AND GENRE ASPECTS OF MODERN PROSE AND POETRY..... 91

JOURNALISM

Al-Baydani Walid Abdulkarim Said, Bakanov R. P. THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE HERO IN THE WORKS OF TELEVISION CRITIC AND BLOGGER VALENTINA LVOVA 96

Bazikyan S. A. CULTURAL POTENTIAL OF MODERN MASS MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER «KULTURA») 100

Gorohov M. Y. CRITERIA OF EXPERTISE IN JOURNALISM 104

Dang Thi Than. INTRODUCTION OF CREDIT EDUCATION IN JOURNALISM EDUCATION IN VIETNAM 108

Dudkina A. V. SPIRITUAL VALUES OF RUSSIAN LITERATURE VS DESTRUCTIVE CONTENT OF NETWORK MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL NETWORK VK) 113

Zubko D. V., Klyuev Y. V. POLITICAL RADIO JOURNALISM IN DIGITAL FORMAT 118

Ivanova S. V. MEDIA IN CONDITIONS OF COMMUNICATION ABUNDANCE AND THE «NEW NORMALITY» 123

Kazhikin A. A. THE RUSSIAN SYSTEM OF SCIENTIST'S CERTIFICATION IN THE FIELD OF JOURNALISM AND MEDIA COMMUNICATIONS: TRENDS AND PROSPECTS 126

Kolesnikova V.V. MUSIC JOURNALISM OF THE VORONEZH REGION DURING THE PANDEMIC: VISUALIZATION OF CONTENT IN SOCIAL NETWORKS 131

Kolosova A. D. FEATURES OF THE SPEECH BEHAVIOR OF THE TALK SHOW HOST WITH THE PARTICIPATION OF CELEBRITIES 134

Kruglikova O. S. THE JOURNALISTIC WORLD OF ST. PETERSBURG IN THE CARTOONS OF THE MAGAZINE «DOBRYAK» (1882) 137

Labutina V. V., Topchii I. V. THE CONSTRUCTION OF GENDER IDENTITY IN THE EVALUATION PRACTICE OF THE COMMENTARY OF NETWORK MEDIA CONTENT 143

Nazaykin A. N. COMMUNICATION EXPECTATIONS FROM SOCIAL NETWORKS OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS 149

Novichihina M. E., Drogaitseva M. A. ON THE PERIPHERAL POSITION OF THE MEDIA NOMINATION IN THE COMMERCIAL NOMINATION SYSTEM 152

Niu Mengdi. MANIFESTATION OF TOLERANCE IN CHINA'S PUBLIC DIPLOMACY AND INTERNATIONAL COMMUNICATIONS (EXPERT SURVEY) 156

Ovseiko V. I. FROM THE CLOSING HISTORY PRIVATE NEWSPAPER OF THE LATE XIX CENTURY «ORENBURG REGION» 161

Stogova E. S. JOURNALISTIC TEXT AS AN INFLUENCE FACTOR ON THE TRUST OF THE AUDIENCE 165

Turpalov L. A. STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE NORTH CAUCASUS PRESS IN THE CONTEXT OF THE SOCIALIST MODERNIZATION OF THE REGION 169

Fedotova L. N. PUBLIC OPINION POLLS: HOPES OR ILLUSIONS? P. 2 173

SUBMISSION GUIDELINES 179

УДК 82–1:81’367:003.086: 821.161.1–1

ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВАНИЯ СИЛЬНЫХ ОСНОВНЫХ ПУНКТУАЦИОННЫХ ПОЗИЦИЙ В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Р. Н. Бутов

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 12 января 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена особенностям маркирования сильных основных пунктуационных позиций в лирике М. И. Цветаевой. В позиции между темой и ремой подобные построения позволяют в предельно сжатой форме передать картину или целую цепь событий со многими подробностями, охарактеризовать явление с разных сторон. В позиции между подлежащим и сказуемым перед нами общеязыковая тенденция, связанная с расширением основной функции тире — выступать заместителем опущенных элементов.*
Ключевые слова: *пунктуация, пунктуационная позиция, графика, лингвистика, поэзия, Цветаева.*

Annotation: *the article is devoted to the peculiarities of marking strong basic punctuation positions in the lyrics of M. I. Tsvetaeva. In the position between the theme and the rhema, such constructions make it possible to convey in an extremely concise form a picture or a whole chain of events with many details, to characterize the phenomenon from different sides. In the position between the subject and the predicate, we have a general linguistic tendency associated with the expansion of the main function of the dash — to act as a substitute for omitted elements.*
Keywords: *punctuation, punctuation position, graphics, linguistics, poetry, Tsvetaeva.*

Сильная основная пунктуационная позиция «осуществляет логико-грамматическое членение “речи-мысли”» [1, 208] и фиксирует границы синтагм, в поэзии это тема-рематическое членение предложения; позиция между подлежащим и сказуемым и др.

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как известно, действующими пунктуационными правилами не предусматривается графическое расчленение высказывания на тему и рему. Однако М. И. Цветаева очень активно использует тире на месте тема-рематического членения предложения — даже в тех случаях, когда это, на первый взгляд, совершенно не нужно.

Нормативная постановка тире имеет место в тех случаях, когда коммуникативно-синтаксическое членение совпадает с конструктивно-синтаксическим членением на состав подлежащего и состав сказуемого, причем сказуемое (рема) следует за подлежащим (тема) и выражается именем существительным или инфинитивом. Здесь соответствующим правилом предусматривается постановка тире [2, 98]. В отождествительно-предметных предложениях [3, 74–112] в этой позиции у М. И. Цветаевой тире очень частотно.

В современной лингвистической литературе имеется замечание об использовании тире в художественных текстах не на основании существующих правил, а вопреки им, в целях выразительности, для передачи, как считал А. Б. Шапиро: «какого-нибудь смыслового оттенка, необходимости в краткой задержке внимания читателя, для психологической подготовки его к восприятию содержания дальнейшей части предложения», или в связи с «общей склонностью пишущего к употреблению тире между синтаксически расчлененными частями сильно распространенного предложения» [4, 147].

В ряде работ отмечается, что тире становится универсальным знаком оформления коммуникативной устроенности предложения, вытесняя в ряде случаев предусмотренное правилами двоеточие и запятую [5].

В **простых предложениях** тире используется в тех случаях, когда:

а) тема выражена подлежащим (существительным), рема — глагольным сказуемым:

По голубым и голубым лестницам
Повел в высь.
Под голубым и голубым месяцем
Уста — жглись.

«Не ветром ветреным — до — осени…» [6, 258];

б) тема представлена составом подлежащего, рема — глагольным сказуемым или кратким прилагательным (одиночным или с зависимыми словами):

Срок исполнен, вожди! На подмостки
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел — с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

© Бутов Р. Н., 2022

Вождям [6, 151];

Серебряный клич — звонок.
Серебряно мне — петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?
«Разлетелось в серебряные дребезги…» [6, 255];

в) тема выражена подлежащим (местоимением), рема — сказуемым (существительным в именительном падеже):

Есть, о да, иные дети — тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы — дитя. Но все ли дети — тайны?
«Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!..» [6, 101];

Слушайте! — Я не приемлю!
Это — западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.
«Посвящаю эти строки…» [6, 176];

г) тема выражена подлежащим (инфинитивом), рема — сказуемым (наречием):

Плакать — глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ,—
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!
Жар-Птица [6, 117];

д) тема представлена составом подлежащего и глагольной частью составного сказуемого, рема — именной частью сказуемого:

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!
«Какой-нибудь предок мой был — скрипач…» [6, 238];

е) тема представлена грамматической основой предложения, рема — второстепенными членами (чаще всего с обстоятельственным значением):

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать — только тени
В тихом царстве любимых теней.
Ещё молитва [6, 98].

В художественных текстах простые предложения составляют гораздо меньшую часть высказываний (за исключением диалогической формы речи, имитирующей устную разговорную речь). Чаще мы имеем дело с более сложными (как в конструктивном, так и в коммуникативном плане) построениями. И, соответственно, способы репрезентации коммуникативного устройства предложения более сложны и разнообразны. Так, например, распространено использование различных знаков препинания для дополнительного членения сложной ремы высказывания.

Членение сложной ремы обусловлено её лексико-грамматической природой, поскольку сложная рема состоит из однородных членов предложения. Правила оформления однородных членов входят в круг строго кодифицированных, обязательных. Коммуникативные возможности знаков препинания, оформляющих синтаксическую однородность элементов высказывания, их коммуникативная значимость при этом плохо осознается, хотя такого рода построения имеют особую коммуникативную глубину: они позволяют в предельно сжатой форме передать картину или целую цепь событий со многими подробностями, охарактеризовать явление с разных сторон.

В **сложных предложениях** в целях расчленения элементов сложной ремы используется тире.

Во многих случаях тема и рема расчленяются при помощи точки. Этот прием в лингвистической литературе определяется как парцелляция.

Позиция между подлежащим и сказуемым

Ориентация на коммуникативный подход при пунктуационном оформлении текста определяет наличие тире в стихах М. И. Цветаевой в **позиции между подлежащим и сказуемым** даже в том случае, когда в качестве подлежащего выступает личное местоимение или сочетание местоимений, а также когда сказуемое употребляется с отрицанием (что по современным правилам не является нормой). Рассмотрим примеры:

а) подлежащее и сказуемое выражены именами существительным в именительном падеже, сказуемое — с отрицанием:

Удержать — перстом не двину:
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!
Волк [6, 567];

б) подлежащее выражено определительным местоимением, сказуемое — существительное в именительном падеже:

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами — хлам!
Как из душа! Как из пушки —
Пушкиным — по соловьям
Сло́ва, сокола́м полета!
— Пушкин — в роли пулемета!
Стихи к Пушкину 1 [7, 282];

в) подлежащее выражено личным и определительным местоимением, сказуемое — существительное в именительном падеже:

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся — любовь, и мягкий хлеб
Дарёной дружбы мне не нужен.
Aeternum vale [6, 114];

г) подлежащее выражено субстантивным, определительным местоимением, сказуемое — существительное в именительном падеже:

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребёнком
Прохожу. Всё — снег, всё — смерть, всё — сон.
«По дорогам, от мороза звонким,..» [6, 326];

д) подлежащее выражено личным и собирательным местоимением, сказуемое — существительное в именительном падеже:

Мы обе — феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам — для них совсем туманно:
Как и на всё — на фею нужен глаз!
Наши царства [6, 43];

е) подлежащее выражено относительным местоимением, сказуемое — существительное в именительном падеже:

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золочёный,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет.
Будет утром — мудрец, будет утром — холодный учёный
Тот, кто ночью — поэт.
Плохое оправданье [6, 86].

Как видим, для М. Цветаевой существование данной позиции — объективная данность текста. Наличие тире в данном случае (как и во многих других) говорит о том, что для Цветаевой важна сама позиция, а не то, чем выражено подлежащее или сказуемое.

Можно согласиться с Е. А. Семейко, что в данной позиции «реальная речевая практика стремится снять возможные ограничения, накладываемые правилами, к которым относятся учет морфологических характеристик подлежащего и сказуемого, наличие в предложении отрицательной частицы *не* или сравнительных союзов и т.д. Единственным и основным условием постановки тире в перечисленных конструкциях является наличие нулевого бытийного глагола. Можно говорить о том, что происходит устранение исключений и своеобразное выравнивание правила. Можно сказать, что разрешенное правилами употребление этого знака в ограниченном круге конструкций находится в определенном противоречии с действующей языковой тенденцией замещать элиминированный бытийный глагол в отождествительно-предметном предложении, без учёта формального способа выражения его главных членов.

Определение подобного употребления как авторского (что встречается в литературе по пунктуации) не имеет, на наш взгляд, веского основания. В данном случае перед нами не факт авторского, индивидуального употребления знака, а общеязыковая тенденция, связанная с расширением основной функции знака тире — выступать заместителем опущенных элементов» [8, 185–186]. Как видим, эта тенденция имеет уже давние корни.

Во всех выделенных нами двусоставных отождествительно-предметных предложениях проявляется контрастивно-отождествительная функция. Причем доминирует отождествление, а не контраст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кольцова Л. М. Пунктуация художественного текста как уровневая система: к постановке проблемы. Статья 1 / Л. М. Кольцова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 15.— Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.— С. 201–215.
2. Правила русской орфографии и пунктуации.— Изд. 2-е, стереотип.— М.: Учпедгиз, 1962.— 176 с.
3. Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов.— Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994.— 280 с.
4. Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация / А. Б. Шапиро.— М.: Просвещение, 1966.— 296 с.
5. Барулина Н. Н. О некоторых закономерностях в смешении тире и двоеточия / Н. Н. Барулина // Современная русская пунктуация.— М.: Наука, 1979.— С. 91–97.
6. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1.: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина / М. И. Цветаева.— М.: Эллис Лак, 1994.— 640 с.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2.: Стихотворения. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина / М. И. Цветаева.— М.: Эллис Лак, 1994.— 592 с.
8. Семейко Е. А. Нерегламентированное употребление тире в отождествительно-предметных предложениях / Е. А. Семейко // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка.— Воронеж, 2004.— С. 184–186.

Воронежский государственный технический университет
Бутов Р. Н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: romanvrn@inbox.ru

Voronezh State Technical University
Butov R. N., Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication
E-mail: romanvrn@inbox.ru

УДК 81.373.47

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИТЕТА В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С. А. Губанов

АНО ВО Университет «МИР»

Поступила в редакцию 31 января 2022 г.

Аннотация: *в статье рассматривается проблема способов выражения эпитета в текстах М. Цветаевой. Анализируются окказиональные формы адъективных слов в роли эпитетов, отражающих особенности творческого поиска поэта и формирующих специфику его идиолекта. Отмечается, что работа М. Цветаевой с атрибутивной лексикой является важным этапом создания образа и демонстрирует языковую рефлексию и внимание поэта к мельчайшим оттенкам значения слова.*
Ключевые слова*: эпитет, Марина Цветаева, идиостиль, идиолект, метафора, метонимия.*

Summary*: the article deals with the problem of ways of expressing the epithet in the texts of M. Tsvetaeva. Occasional forms of adjectival words are analyzed as epithets, reflecting the features of the poet's creative search and forming the specifics of his idiolect. It is noted that the work of M. Tsvetaeva with attributive vocabulary is an important stage in the creation of an image and demonstrates linguistic reflection and the poet's attention to the smallest shades of the word`s meaning.*
Keywords: *epithet, Marina Tsvetaeva, idiostyle, idiolect, metaphor, metonymy.*

Эпитет традиционно относится к элементарным тропам. Несмотря на многочисленные исследования данного средства языковой выразительности со стилистической [1], структурной [2], когнитивной [3, 4] и других точек зрения, остается немало вопросов относительно его дефиниции, признаков, типологии. Стилистический взгляд на природу эпитета подразумевает рассмотрение эффекта данного тропа, который он оказывает на поэтический контекст, его роли в организации художественного высказывания, особенностей функционирования в качестве характеризующего атрибутивного средства. Зачастую выделяются сквозные (лейтмотивные) эпитеты для языка того или иного писателя или поэта; в последнее время можно встретить термин «мегаэпитет», обозначающий эпитетное слово, номинирующее ряд однородных по семантике определений объекта эпитетации в рамках текста, нескольких текстов или дискурса. Е. Ф. Киров вводит понятие дискурсемы, ряда однотипных элементов, повторяющихся в текстах дискурса или нескольких дискурсов, а поскольку эпитет, по его мнению, легко понять и считать, то выделить дискурсему не составляет труда [5, 95].

Говоря о природе эпитета, нельзя обойти вопросы его типологии, структурных и семантических особенностей. Как показывают многие исследования, здесь также не наблюдается единства взглядов: типы простых, сложных и составных эпитетов представлены очень разнородно [2].

© Губанов С. А., 2022

Вышеперечисленные проблемы в эпитетологии можно, по нашему убеждению, решить в ходе многоаспектного анализа системы эпитетов в текстах одного художника слова: это даст системную картину языковой репрезентации данного тропа, позволит установить связь с мировоззрением автора, его эстетическими предпочтениями. Далее возможно сравнение систем эпитетов нескольких авторов с целью выявления идиостилевых особенностей эпитетных слов.

Под эпитетом в работе будем понимать любое слово признаковой семантики, содержащее оценочный, образный или эмоционально-экспрессивный компоненты значения. В некоторых работах предлагают такие терминологические обозначения, как «эпитетоид» [6], «квазиэпитет» и другие. На наш взгляд, они уводят от сути явления и не раскрывают специфики эпитета, а лишь усложняют терминологию.

Изучение языка текстов М. Цветаевой имеет давнюю историю; накоплено много ценных выводов, установлены закономерности языкового варьирования и образного словоупотребления [7, 8]. Эпитет также становился объектом анализа ученых, тем не менее остается немало проблемных участков [3, 4].

Целью работы является анализ особенностей образования и подбора эпитетов адъективного типа в текстах М. Цветаевой. Методом сплошной выборки было выявлено 257 единиц окказиональных форм эпитетов, выраженных качественными (выбирались прилагательные только в сравнительной и превос-

ходной степени, поскольку они чаще представлены нетривиальными словоформами), относительными и притяжательными прилагательными.

В рамках данной статьи остановимся на нетипичных, окказиональных формах выражения эпитета адъективными словами. К таковым относим следующие:

1) эпитеты, выраженные адъективными словами в сравнительной степени;

2) эпитеты, выраженные адъективными словами в превосходной степени;

3) эпитеты, выраженные относительными адъективными словами;

4) эпитеты, выраженные притяжательными адъективными словами.

1. Эпитеты, выраженные адъективными словами в сравнительной степени.

Прилагательные в форме сравнительной степени в роли эпитета делятся нами на два подтипа:

а) первый подтип включает в себя качественные адъективы в сравнительной степени, их окказиональный смысл заключен в необычной сочетаемости с объектом эпитетации, в несвойственности объекту данного признака:

Насколько лес ***добрее*** *моря…* [9, т. 7, 340]; *Горы —* ***редей*** *темени…* [9, т. 2, 330]; *Море —* ***седей*** *времени* [9, т. 2, 330].

Так, при существовании в языке прилагательного *добрый* и формы *добрее* в рассматриваемом контексте наблюдается окказиональная форма *добрее* не за счет своей формы (образована она верно, по законам языка), а содержания и сочетаемости: лес персонифицируется и становится добрее моря. В других случаях перед нами также метафоризация природных объектов по линии олицетворения, выраженная признаковыми словами в сравнительной степени. Отметим, что данная черта, антропоморфизация признаковой образной лексики, является идиостилевой для М. Цветаевой.

б) второй подтип включает в себя адъективы в сравнительной степени, которые приобрели ее в данном контексте, т.е. получили таким образом «качественность»; они представляют собой окказиональные прилагательные, употребленные в сравнительной степени («окказиональность в квадрате»):

Любят — думаете? Нет, рубят / Так! Нет — губят! Нет — жилы рвут! / О, как мало и плохо любят! / Любят, рубят — единый звук! Мертвенный! / И сие любовью Величаете? Мышц игра — / И не боле! Бревна ***дубовей*** */ И* ***топорнее*** *топора* [9, т. 3, 614]; ***Снеговее*** *скатерти, Мертвец — весь сказ! / Вся-то кровь до капельки / К губам собралась*! [9, т., 3, 197]; (*Тишаю, дичаю, волчею… / Как мне все-равны, всем-равна, / Волчонка — еще* ***поволчей)*** [9, т. 2, 328].

Поэт изобретает такие эпитеты, как *топорный* (в ином значении, нежели в языковом узусе: «сильный, массивный»), *снеговой* («очень белый»; в ином значении по сравнению с «относящийся к снегу»: напр., снеговой покров), а также форму сравнительной степени от прилагательного *волчий — поволчее*. Все формы выполняют функцию выражения интенсивного признака, сильного его проявления, поэтому условно относятся к разряду сравнительной степени, а ближе, скорее, к превосходной.

2. Эпитеты, выраженные адъективными словами в превосходной степени.

Практически всегда выражение крайней степени проявления признака средствами эпитета-прилагательного в превосходной степени построено на авторских синтаксических смещениях слов в составе фразы или параллелизме сопоставляемых объектов, игре словоформ:

— зеркально отражаются два эпитета и определяемых слова:

С тобой, ***нелепейшая*** *роскошь,* ***Роскошная нелепость!*** *— страсть!* [9, т. 1, 371];

— объединяются несколько эпитетов в превосходной степени с целью противопоставления крайних форм выражения признака объекта:

Чужая кровь — ***желаннейшая*** *и* ***чуждейшая из всех*** [9, т. 2, 220];

— употребляются параллельные конструкции с образованными по одной словообразовательной модели эпитетами в превосходной степени при разных определяемых словах:

На заре — ***наимедленнейшая*** *кровь / На заре —* ***наиявственнейшая*** *тишь* [9, т. 2, 98];

— нагнетаются эпитеты в превосходной степени, к которым присоединяется авторский комментарий или уточнение-возглас:

Для поэта ***самый страшный, самый злостный (и самый почетный!)*** *враг — видимое* [9, т. 5, 284];

— грамматически разрывается форма превосходной степени адъектива:

Роднее *бывшее —* ***всего*** [9, т. 2, 316];

— тавтологический эпитет:

Чтоб и в ***самом сонном*** *сне / Тебя не вспомнил* [9, т. 3, 299].

При таком разнообразии грамматического оформления форм превосходной степени прилагательных объединяющим фактором выступает желание М. Цветаевой как можно сильнее и заметнее акцентировать внимание на признаке, силе его проявления, интенсивности — так эпитет становится центром поэтического высказывания.

3. Эпитеты, выраженные относительными адъективными словами.

При использовании в качестве эпитетов слов изначально некачественной семантики происходит их «окачествление»: о них уже нельзя сказать, что они являются, например, относительными адъективами. Расширение, обновление семантики относительных прилагательных предполагает их окказиональное контекстуальное употребление:

***Огнестрельная** воля бдит* [9, т. 3, 127] (образное осмысление абстрактного имени); ***Цыганская** страсть разлуки! / Чуть встретишь — уж рвёшься прочь!* [9, т. 1, 247]; *… **мандаринные** улыбки…* [9, т. 3, 222] *Торопится красным гоном / Мой **конный** сон* [9, т. 3, 20]; *Есть времена — **железные** — для всех* [9, т. 1, 393]; *Накрапывает **колокольный** дождь* [9, т. 1, 271].

Только контекстуально можно понять значение эпитета: *колокольный* — «капающий, напоминающий звук колокола»; *мандаринные* — «благодарные за подаренные мандарины»; *конный* — «сон, в котором видится конь, происходит погоня» и т.д.

Абсолютно безобразные словоупотребления начинают приобретать новые оттенки значения и превращаться в образные, живые: *рельсовая режущая синь* (само слово *рельсовый* близко к термину, непоэтическое и малоупотребительное, но приобретает в контексте семантику дороги, горизонта, уходящего в небо).

4. Эпитеты, выраженные притяжательными адъективными словами.

Очень активно М. Цветаева употребляет притяжательные адъективы, особенно в разговорной, просторечной форме с суффиками *-ей,— ов* или *–ев, -ын/-ин*. Это касается как фольклорных поэм, где требуется стилизация, так и поэтических текстов, в которых нужно указать на принадлежность, чаще лицу или божеству. Возникают необычные формы: *Ариадний, Артемидин, Георгиев, Вакхов* и др.

*Она томилась лаской **Вакховой**…* [9, т. 2,186]; *Дабы ты меня не слушал / В ночь — в премудрости **старушьей**: / Скрытничестве — укреплюсь.* [9, т. 2, 122]; *Довольно **царицыны** недра / Порочить…*[9, т. 2, 171]; *Когда ж опять на грудь твою ступлю / Заносчивой пятою **амазоньей*** [9, т. 2, 43].

Помимо антропонимических эпитетов, поэт конструирует окказиональные притяжательные эпитеты от названий артефактов. В приводимом ниже примере он образован от слова *рапсодия*:

*Ночь — твой **рапсодов** плащ* [9, т. 2, 236] (в ночи звуки рапсодии, окутывающие слух).

Необычные способы выражения признака находят свое выражение не только в поэтическом, но и в прозаическом творчестве М. Цветаевой, о чем нужно говорить отдельно.

Подведем итоги. Как было видно из анализа языкового материала, способы выражения эпитета в текстах М. Цветаевой окказиональны как по форме, так и по семантике. Поэта привлекает языковая рефлексия, он пытается осмыслить и пережить события, пропуская их через свое, ни на кого не похожее мировоззрение. Признаковые слова, выраженные эпитетами, передают неограниченный спектр необходимых автору значений, являются сферой приложения неповторимого творческого почерка. На материале форм степеней сравнения прилагательных, а также относительных и притяжательных адъективов были выявлены окказиональные формы эпитетов, установлена их частотность в текстах поэта, нетривиальность семантики и подчеркнута важная роль для актуализации признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский.— М.: Высшая школа, 1989.— 406 с.
2. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка / Т. М. Фадеева.— М., 2014.— 349 с
3. Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы: Монография / С. А. Губанов.— Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016.— 144 с.
4. Губанов С. А. Языковая рефлексия в творчестве Марины Цветаевой: признаковая лексика / С. А. Губанов // Теория языка и межкультурная коммуникация.— 2021.— № 3 (42).— С. 33–41.— Режим доступа: https://tl-ic.kursksu.ru (Дата обращения: 30.01.2022).
5. Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии / Е. Ф. Киров // Казанская наука.— 2019.— № 3.— С. 93–95.
6. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) / Н. П. Булахова, А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика.— 2017.— № 2 (9).— С. 122–143.
7. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л. В. Зубова.— Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.— 264 с.
8. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / О. Г. Ревзина // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т.— М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996.— Т. I.— С. 5–40.
9. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах / М. И. Цветаева.— М.: Эллис-Лак, 1994–1995.

АНО ВО Университет «МИР»
Губанов С. А, кандидат филологических наук, доцент
E-mail: gubanov5@rambler.ru

International Market Institute
Gubanov S. A., Candidate of Philology, Assistant professor
E-mail: gubanov5@rambler.ru

УДК 82–1: 821.161.1–1(Цветаева М.)

ИМЯ И ОБРАЗ МАРИНЫ МНИШЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Г. Ф. Ковалев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 августа 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена особой теме в творчестве трагического русского поэта — Марины Цветаевой. Проблема оценки известной в российской истории авантюристки Марины Мнишек всегда интересовала не только историков, но и таких авторов, как А. Пушкин, М. И. Цветаева. В статье анализируется эволюция отношения Марины Цветаевой к ее любимому персонажу — польке Марине Мнишек.*
Ключевые слова: *Марина Цветаева, поэт, Марина Мнишек, польский персонаж, эволюция оценки.*

Abstract: *the article is devoted to a special theme in the work of the tragic Russian poet Marina Tsvetaeva. The problem of assessing the well-known in Russian history adventurer Marina Mnishek has always been of interest not only to historians, but also to such authors as A. S. Pushkin M. I. Tsvetaeva. The article analyzes the evolution of Marina Tsvetaeva's attitude towards her favorite character, the Polish Marina Mnishek.*
Keywords: *Marina Tsvetaeva, poet, Marina Mnishek, Polish character, evaluation evolution.*

Русские мужчины всегда ценили красоту и характер польской женщины. Утвержденный в литературе образ прекрасной и гордой до надменности полячки, укрепленный в XX веке российским кинематографом, стал одним из стереотипов в восприятии западных соседей. Проба поиска его истоков непременно приведет к персоне Марины Мнишек, четвертой дочери самборского воеводы Ежи Мнишка.

Эта женщина, будучи не обойденной вниманием в польской литературе (достаточно упомянуть хотя бы поэмы замечательных польских поэтов Юлиуша Словацкого «Сказочная Марина Мнишек» [1] и Зыгмунта Красиньского «Агай-хан» [2]), для русской — как сыгравшая неоднозначную, даже роковую роль в истории России — стала воплощением полярных начал: красоты, ума, силы, а также расчетливости и коварства.

Одним из первых к художественному образу Мнишек обратился А. Пушкин. Она стала главной героиней драмы «Борис Годунов». В основу изображения легли отнюдь не скупые данные из «Истории государства Российского» (а, как известно, именно у Н. М. Карамзина черпал Пушкин сведения о событиях Смутного времени), а уже сложившиеся к тому времени стереотипные представления о польской женщине. Как справедливо замечает профессор Б. Муха: «в портрете Мнишек у Пушкина внедрились его образные ассоциации, связанные с национальным характером польки, неизбежно смыкающиеся с мнениями современных установившихся в памятниках, литературных произведениях, а также пониманием этого российским обществом» [3, 531–532].

© Ковалев Г. Ф., 2022

Но Пушкин — мужчина, его пробы идеализировать образ Марины Мнишек можно понять. А ведь и Марина Цветаева была тоже влюблена в образ этой прекрасной авантюристки… Правда, она объясняла это примесью у себя польской крови. Кроме того, она была влюблена в поэзию Пушкина, и, как знать, не оттуда ли развился у нее интерес к Марине Мнишек.

Кажется, довольно справедливую, дала характеристику Марины Цветаевой учительница О. С. Панфёрова: «Известно, что лирика Марины Цветаевой обладает театральностью. Поэтесса часто примеривает на себя различные роли, отличающиеся особым разнообразием. Они включают в себя исторических лиц, сказочных персонажей, излюбленных литературных героев; это могут быть мифологические и библейские образы. Большое значение Цветаева придаёт именам. Они являются некими символами судьбы героя, которая определяется с рождением.

Необычайно интересует М. Цветаеву собственное имя, влияние которого она ощущает на себе. Она примеривает своё имя, прислушивается к нему, сравнивает себя с различными героями, историческими лицами, носящими это имя. Может быть, поэтому столь притягательным для Цветаевой становится образ женщины с исключительной судьбой Марины Мнишек. Черты авантюризма воспринимаются поэтессой как родственные» [4, 178].

Поляками были ее прапрадед Александр Бернацкий и прабабушка по материнской линии — графиня Мария Ледуховская. К этому же польскому роду принадлежала и ее бабушка (по матери) Мария Лукинична Бернацкая, о которой Цветаева писала: «От М. Л. Бернацкой <у меня> польский нос

и мятеж» [5, 419]. Впрочем, поэтесса находила свое сходство и с портретом прабабки: «О встрече *с собой*, *живой* — на портрете моей польской прабабки Гр<афини> Ледуховской — когда-нибудь расскажу. Сходство — до жути!» [6, 244].

А еще Цветаеву связывало с Мнишек общее имя. Любопытно, что биографией Мнишек занимался Дмитрий Иловайский, который считался отцом первой жены Ивана Цветаева, то есть дедом Марины. В повести «Дом у старого Пимена» (1933) поэтесса пишет: «Дмитрий Иванович Иловайский умер в 1919 году, девяносто одного года от роду (…) У меня остался от него один сувенир — книга о моей тезке и частично соотечественнице, Марине, в честь которой меня назвала мать» [7, 30].

А. Чернова-Сосинская, знакомая Цветаевой по Чехословакии, писала: «И так уж повелось: Марина Цветаева, или часто просто Марина, без фамилии. Цветаева любила свое имя, редкое в ее поколении. Ее всегда занимало значение имен, и собственное имя ей напоминало не святцы, а гордую полячку (Марину Мнишек)» [8, 299–300]. 4 мая 1914 г. Цветаева в своей записной книжке отмечает: «Если у меня будет еще дочь, я назову ее Мариной, или Зинаидой, или Татьяной. Если сын — Глебом, или Алексеем» [9, 58].

Взращенный поэтессой миф своего имени, однако, не сразу привел к восприятию романтико-трагической судьбы Марины Мнишек. Вначале в основу этого мифа Цветаева брала этимологию своего именования: Марина — ‘морская’. Гимном этого толкования звучит фрагмент стихотворения:

Кто создан из камня, кто создан из глины,—
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

«Кто создан из камня, кто создан из глины», 23 мая 1920.

Этимологизация сквозит также в двустишии из цикла стихотворений «Бабушка» (23 апр. 1919 г.): «Маринушка, Маринушка, Марина — синь моря!».

Позже имена обеих Марин прочно связались в поэтическом credo Цветаевой. Описывая вдохновение от московского пейзажа (Спас на Бору, Нечаянная Радость, фабрика Эйнем, Храм Христа, памятник Александру III — Царю-Миротворцу, Царю-Освободителю), она говорит: «И в ответ, вдохнов<енный> и бессвяз<ный> лепет о Марине: Марине — мне, Марине Ц<ветаевой>, Марине Мнишек» (Цветаева 2001, 273).

Цветаева посвятила судьбе Марины Мнишек большое стихотворение («Марина [Димитрий! Марина! В мире…»] 29–30 марта 1916), в котором польская «авантюристка» ни больше ни меньше как прославляется:

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя пою,
Злую красу твою,
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя –
Славно ношу.

Правят моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звезд.
«Марина», 1916 г.

О сочувственном восприятии Цветаевой действий своей тезки свидетельствует запись, сделанная еще в 1921 г.: «Чего искала Марина Мнишек?… Власти несомненно, но — какой? Законной или незаконной? <…> С грустью думаю, что искала она первой, но если бы *я* писала ее историю…». Продолжением оборванной фразы может послужить выдержка из текста Цветаевой, относящегося к 1932 г.: «…то написала бы себя, то есть не честолюбицу и не любовницу: себя — любящую и себя — мать. А скорее всего: себя поэта» [6, т. 4, 593].

Цветаева, когда была беременна уже второй дочерью, хотела сыну дать имя, исторически парное *Марине Мнишек*: «Если бы у меня родился сын, я бы назвала его — Димитрий, а уменьшительное сделала бы — «Лже» (9, 154).

Правда, у зрелой Цветаевой, утратившей первичный романтизм, оценка Мнишек меняется. Теперь Марина-мать, Марина-супруга имела право сказать о своем прежнем кумире:

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты — гордецу своему
Не родившая сына…
В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты гордецу своему
Не махнувшая следом.
На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты гордеца своего
Не покрывшая телом.
В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту,
— Ты, гордецу своему
Не отершая пота…
Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты — Лжедимитрию смогшая быть Лжемариной!
«Марина» 28 апреля 1921

Выраженная здесь переоценка образа представляется все же скорее следствием воли случая или настроения поэтессы. Доводов единения двух Марин обнаруживается гораздо больше. Не случайно образы Марины Мнишек и Марины Цветаевой вполне естественно слились у великой А. А. Ахматовой в единый:

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах,
То забьешься в дырявый скворечник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой…»
«Поздний ответ»

Исследовательница жизни и творчества Цветаевой А. А. Саакянц пишет: «Цветаеву здесь интересует Марина Мнишек не столько как исторический характер, но как фигура сложная и полная противоречий» [10, 292]. Российскую поэтессу всегда привлекали женщины с нетипичными биографиями, особенно те, характер которых имел что-то общее с ее собственным характером. Марина Мнишек — как и Цветаева — была раздираемой противоречиями и потому близкой поэтессе. А еще образ гордой и прекрасной польки — и здесь нельзя не согласиться с мнением польского литературоведа Я. Орловского — стал для Цветаевой фундаментом поэтической автомифологизации [11, s. 249].

Образ пушкинской Марины — идеала женской красоты (в основном в телесно-сексуальном плане) и манер — сформировался под воздействием уже существовавшего тогда стереотипа польской шляхтянки, а еще больше личных впечатлений поэта о женщинах-польках из его окружения.

Образ Мнишек у Цветаевой — личностный, а оттого противоречивый — оказался скрещенным с собственной судьбой поэтессы, отразил перемены в мировосприятии. Семейная трагедия Цветаевой, нависшая над ней дамокловым мечом, привела к замене автомифологизированной Марины Мнишек на ту, что близка, даже родственна Цветаевой по эмоциональному состоянию.

Неважно, какой из этих образов ближе исторической действительности. Оба, войдя в русскую литературу, серьезно обогатили ее…

ЛИТЕРАТУРА

1. Słowacki J. Balladyna / J. Słowacki.— Warszawa, 1970.
2. Красиньский З. Агай-хан. Историческая повесть / З. Красиньский / пер. В. Ходасевича; публ. В. Н. Козлякова // Начало века. СПб., 2000. Krasiński Z. Dzieła. Warszawa, 1934.— Т. 1.
3. Mucha B. Samozwancza carowa Maryna Mniszchowna w ocene Aleksandra Puszkina (Komentarz historyczny do Borysa Godunowa) / B. Mucha // Slavia Orientalis, 1988, t. XXXVII, № 3.— S. 529–536.
4. Панфёрова О. Образ Марины Мнишек в лирике Цветаевой / О. Панфёрова // Научный альманах.— 2018.— № 6–2(44).— С. 178–181.
5. Цветаева М. Неизданные записные книжки. В 2-х т. / М. Цветаева.— Т. 2.— М., 2001.
6. Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7 т. М. И. Цветаева.—Т. 7.— М., 1995.
7. Цветаева М. Дом у старого Пимена / М. Цветаева. // Цветаева М. Сочинения в 2 т.— Т. 2.— М., 1988.— С. 30–66.
8. Чернова-Сосинская А. В одном доме «на Смихове» / А. Чернова-Сосинская // Воспоминания о Марине Цветаевой.— М., 1992.— С. 299–300.
9. Цветаева М. Неизданные записные книжки / М. Цветаева.— В 2 т.— Т. 1.— М., 2000.
10. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. Саакянц.— М., 1999.
11. Orłowski J. Mit Polski w poetyckim świecie Maryny Cwietajewe / J. Orłowski // Słowianie Wschodni. Duchowość, mentalność, kultura // Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Ryszardowi Łużnemu w siedemdziesięciolecie urodzin, pod red. A. Raźny, D. Piwowarskiej, Kraków, 1997.— S. 241–249.

Воронежский государственный университет
Ковалев Г. Ф., доктор филологических наук, профессор
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Voronezh State University, Russia
Kovalev G. F., Doctor Doctor of Philology, Professor
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru

УДК 821.161.1

УНИВЕРСАЛИЯ «УЧЕНИК — УЧИТЕЛЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Э. А. Радь, М. П. Вольготова

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 5 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье впервые в творчестве М. Цветаевой рассматривается универсальная семиотическая конструкция «учитель — ученик», которая приобретает новый концептуальный характер. Отношения «учитель — ученик» отражают особенности мироощущения и мифотворчества М. Цветаевой и представляются в поэтических произведениях через индивидуальный ассоциативный образный ряд, связанный с вертикалью.*
Ключевые слова: *Цветаева, Волконский, Волошин, образ, мотив, символ, ученик, учитель, плащ, небо, гора, кедр, рука.*

Abstract: *in the article, for the first time in the work of M. Tsvetaeva, the universal semiotic construction "teacher — student" is considered, which acquires a new conceptual nature. The teacher–student relationship reflects the peculiarities of M. Tsvetaeva's attitude and myth-making and is presented in poetic works through an individual associative figurative series associated with the vertical.*
Keywords: *Tsvetaeva, Volkonsky, Voloshin, image, motif, symbol, student, teacher, cloak, sky, mountain, cedar, hand.*

Универсалия отношений «учитель — ученик» как «общечеловеческая репрезентация культурного опыта и деятельности…» [1, 506], связанная с духовной жизнью человека, в своем идеальном сущностном определении основана на духовной любви, духовном единении и устремленности душ навстречу друг другу. Универсалия «учитель — ученик» берет свое инвариантное начало, текстуально закрепленное, в библейской мифологии и связана с образом Иисуса Христа. Отталкиваясь от христианской концепции учительства и ученичества, отметим, что учитель — это Врата в духовную сферу, это человек, обладающий знаниями о внутренней жизни, познавший собственную внутреннюю жизнь и достигший значительных высот познания Бога. Совершенный Учитель — целостный не только внутренне, но и внешне.

Совершенные отношения «учитель — ученик» сопровождаются радостью от того, что происходит встреча их душ, озаренная духовной любовью. Встреча душ, духовная любовь осуществляются через опыт взаимоотражений учителя и ученика, в совместном движении вверх.

Отношения «ученик — учитель» складывались в сознании М. И. Цветаевой как будущего поэта еще в раннем детстве и были связаны с образом матери — Марии Александровны Мейн, музыкантши, страстно любящей стихи и их пишущей. «Мать — сама лирическая стихия. Я у своей матери старшая дочь, но любимая — не я. Мною она гордится, вторую — любит. Ранняя обида на недостаточность любви»,— напишет М. Цветаева в «Автобиографии» в январе 1940 г. [2, 6]. Мария Александровна была любящей матерью и учителем жизни и музыки, жестким и отчасти деспотичным. Сложные отношения матери и ребенка, детская психотравма, обусловленные диссонансом между *заданностью* и *данностью*, нашли отражение в автобиографической прозе М. Цветаевой «Мать и музыка» (1934). *Жизненная данность* — это: разочарование, что родилась дочь, а не сын («Когда вместо желанного, предрешенного, почти приказанного сына Александра родилась только всего я» [2, 10]), нереализованные амбиции матери, проявляющей по отношению к дочери *сверхтребования* стать музыкантом («Музыкального рвения <…> у меня не было. Виной, верней причиной, было излишнее усердие моей матери, требовавшей с меня не в меру моих сил и способностей, а всей сверхмерности и безвозрастности настоящего рожденного призвания. С меня требовавшей — себя! С меня, уже писателя — меня, никогда не музыканта» [2, 18]. *Внутренняя заданность* — от природы хороший слух, музыкальные способности, «растяжимая рука» («Жила бы мать дальше — я бы, наверное, кончила Консерваторию и вышла бы неплохим пианистом — ибо данные были» [2, 31], переживания ребенка, связанные с непониманием матери («Музыку — любила. Я только не любила — свою. Для ребенка будущего нет, есть только *сейчас* (которое для него — *всегда*)» [2, 19], общая музыкальность, способность будущего поэта слушать и вслушиваться («вся моя «немузыкальность» была — всего лишь другая музыка!» [2, 28], «было и другое: *заданное*, с музыкой несравненное и возвращающее ее на ее настоящее во мне место:

© *Радь Э. А., Вольготова М. П.*, 2022

общей музыкальности и «недюжинных» (как мало!) способностей. Есть силы, которых не может даже в таком ребенке осилить даже такая мать» [2, 31]). «Горечь несбывшегося призвания» и «несбывшаяся жизнь» матери (история любви, замужества Марии Мейн, рождение детей) порождали в детской душе ощущение духовной нелюбви, страха, разрывали возможные нити духовного родства, лишали семейного единения. Потом, в 1935 г., в письме В. Н. Буниной М. Цветаева о кровном родстве напишет: «Родство для меня — ничто. Т. е. внутри — ничто. Терпя годы, я внутри не стерпела и не простила — ничего» [3, 284–285]. Образ матери в сознании и воспоминаниях поэта распадается на две составляющие: любимой матери, в которой так нуждалось детское сердце, и матери-учителя, требующего старания и «заклинающего» на непонятные вещи, не воспитывающего, а испытывающего. «Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски. *Их* счастье — что не удалось, *наше* — что удалось!» [2, 14].

Внутреннее сопротивление авторитарности, ощущение нелюбви, а затем и ранняя потеря родного человека (в 1906 г., когда умерла мать, Марине было 13) привели к тому, что Цветаева в дальнейшем пожизненно испытывала потребность в обретении не реализованного в раннем детстве *духовного единения / родства душ* с человеком, в котором видела бы интеллектуальную, духовную, поэтическую высоту, которому желала поклоняться, подражать, учиться. Высокая сущность человека, творчества связана с вертикалью. Отношения «учитель — ученик» в биографии М. Цветаевой складывались как вертикально-иерархически недостижимые (например, «мать — дочь», «ученик — наставник»), а затем как вертикально-высокие равные («поэт — поэт»). Избирая для себя духовное ученичество как принцип жизни, Цветаева сохраняла в себе благоговение от встречи с духовно родственными душами.

М. Цветаева избирала поэтов, в творчестве которых брала для себя уроки жизни или которые сами преподносили их ей. Так, в шесть лет, влюбленная в Онегина и Татьяну («в них обоих вместе, в любовь» («Мой Пушкин») [2, 71]), Марина извлекает у пушкинской Татьяны «урок смелости. Урок гордости. Урок вечности. Урок судьбы. Урок одиночества»: «Многое предопределил во мне «Евгений Онегин». Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку — и руки, не страшась суда — то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах — сделала. И если я потом, когда уходили (всегда — уходили), не только не протягивала вслед рук, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей» [Там же].

Духовное воспитание Марины происходило в фокусе влияний, характерных для формирования культурных и религиозных взглядов русской интеллигенции. Духовное начало в семье олицетворяли и мать (через музыку и поэзию), и отец. Влияние на дочь отца, И. В. Цветаева, может быть охарактеризовано эстетическим воздействием античности и греко-римской мифологии как составляющих европейской культуры времен Ренессанса. Тема духовного и одухотворяющего, связанная с родителями Марины, сыграла главную формирующую роль в становлении юной Цветаевой как человека и как Поэта. В дальнейшей судьбе судьбоносными были встречи с людьми, оказавшими человеческое влияние на личность Цветаевой, готовой брать у них уроки жизни.

Символом ученичества в поэтическом творчестве Цветаевой станет слово-образ «плащ», с помощью которого автор с особой для поэта «преданностью» развивает разные темы, в том числе и тему «ученичества», с особым постоянством обращается к нему в своих стихотворениях[1]. Многозначный, но сохраняющий смысловое ядро тайны, неизвестного как возможность выбора для ученика в жизненной альтернативе, этот образ в своей семантической вариативности представлен в стихотворении «Ночные ласточки Интриги» из цикла «Плащ»:

Ночные ласточки Интриги –
Плащи,— крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.
Плащ прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: — темно…
Гудок дозора.— Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна —
Антуанетты домино.
Но вот, как черт из черных чащ –
Плащ — чернокнижник, вихрь — плащ,
Плащ — вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков.
Плащ цвета времени и снов –
Плащ Кавалера Калиостро (1918).

Данное стихотворение построено на едва уловимых антитезах: борьба и смирение, смелость и трусость, любовь и равнодушие, авантюризм уживается с прагматизмом, таинственное и сверхъестественное с простой обывательской жизнью. Плащ ученика («плащ, преклоняющий колено») — зарок верности, добродетели и защиты от жизненных бурь, неразлучной, крепкой дружбы, которой по плечу любые невзгоды.

[1] В стихотворениях М. Цветаевой частотность употребления слова «плащ» составляет 90 раз.

Согласно цветаевской концепции, учитель для ученика — пример для подражания, кумир, «высший разум», отец, Бог. Любовь Ученика к Учителю — безоговорочна, совершенна, идеальна, а преданность и преклонение — абсолютны. Духовная любовь представлена в разных смысловых оттенках. Полная отдача, стремление к самопожертвованию, желание растворить себя всего без остатка: «…и — дерзновенно улыбнувшись — первым / Взойти на твой костер» — напишет Цветаева в 1921 г. Готовая к сверхъестественной, первоапостольской жертвенности, лирическая героиня дерзновенно полагает, что она имеет на нее полное право. Отрекаясь от себя, своего «эго»[2], искренне ликует и ощущает покой внутри себя, потому что считает свой поступок праведным. Эти строки посвящены князю С. М. Волконскому.

С шестидесятидвухлетним князем С. М. Волконским, которого знала немного ранее и с которым отношения сложились не сразу, двадцатидевятилетняя М. Цветаева подружилась в 1921 г. Новая с ним встреча, работа над рукописью С. М. Волконского, многочисленные и долгие беседы с князем и чтение стихов заполнили собою большое временное пространство, остановили написание поэмы «Егорушка».

Князь Сергей Михайлович Волконский — представитель древнейшего дворянского рода, внук декабриста, писатель, театральный деятель, искусствовед, мыслитель общеевропейского масштаба, владел языками и глубокими знаниями мировой культуры. Ему была свойственна твердость, молодость, непоколебимость духа, неспособность к унынию и полное отсутствие усталости от жизни. Его облик, непохожий на большинство людей: красивое, породистое лицо, с крупными, негрубыми, правильными чертами и большими темными глазами. Его голову убеляла редкая седина на некогда темных волосах. Безукоризненно-прямая осанка [4, 245]. Девятилетняя Ариадна в письме к Е. О. Волошиной от 19 сентября 1921 г. написала: «Это наш с Мариной самый чудный друг… Он очень походил на Дон Кихота, только без смешного… Марина всегда говорила: «Я только двух таких и знаю: С. М. Волконский и Пра» [4, 245]. Интерес Цветаевой к Волконскому был естественен и предопределен. В лице мудрого старца, аристократа духа она обрела духовно родного человека. К тому времени, в очень непростое, послереволюционное, время, в силу разных обстоятельств и особенностей характеров она была лишена общения именно с теми, кто был ей *очень нужен*: Волошиным, Ахматовой, Блоком, Бальмонтом (летом 1920 г. уехавшим за границу). Многие знакомые и друзья Цветаевой не способны были заменить ей умудренного жизнью собеседника, старшего друга и истинного поэта. Появление удивительного человека, воплощающего мудрость, интересного собеседника, чуткого слушателя и наблюдателя, тонкого ценителя прекрасного, друга и учителя С. М. Волконского — восполнило этот пробел.

Цветаеву восхищали его стойкость и неукротимый дух. Волконский в восприятии молодой женщины-поэта и в ее художественном мире был не просто интересным собеседником, педагогом, он стал Наставником, «учителем жизни», «восхитительным учителем» — так назовет его Цветаева в статье «Кедр», посвященной книге С. М. Волконского «Родина». Себя же Цветаева позиционировала как Ученика у ног мудрого Наставника. С кедром, «древом из высоких высоким, из прямых прямым», Цветаева сравнила князя, передав его сущность, ибо «человечность не только глубь,— и высь» («Кедр») [2, 246]. Замысел отразить в своем творчестве систему отношений «учитель — ученик» со смысловыми позициями «учителя-наставника», «вечного ученичества», «духовной высоты» и «духовного единения» воплотился в стихотворном цикле «Ученик» (1921).

В поэтическом образе «ученика» получила свое художественное воплощение потребность лирической героини в преклонении и духовном единении. Впервые образ преклоняющегося человека в раннем творчестве Цветаевой возникает в связи со встречей с поэтом Вячеславом Ивановым. Этому знакомству посвящены строки, в которых выражена глубинная потребность в родственной душе человека-творца, эквивалентного образу наставника-защитника:

Если я к руке опущенной
Ртом прильну — не вздумай хмуриться!
Любованье — хлеб насущный мой:
Я молитву говорю… (Вячеславу Иванову, 1920)

«Прильнуть ртом к руке опущенной», стать «любимицей» — что это, если не образ преклоняющегося ученика? Марине Цветаевой, как натуре непредсказуемой и многогранной, страстной и увлекающейся, ранимой, уязвимой перед несовершенством бытия, как воздух был необходим объект почитания и обожания. Без существования рядом духовно близкого, «высокого» человека поэт теряет вдохновение, творчество угасает, перестает выдавать стихи «как брызги из фонтана, как искры из ракет» (См.: «Моим стихам, написанным так рано…», 1913), да и сам поэт утрачивает вдохновение и творческие силы создавать что-то новое. Общение с В. Ивановым было весьма недолгим. По словам самой Цветаевой, «им удалось основательно побеседовать всего лишь один раз» [4, 252].

Встречи же с Сергеем Михайловичем Волконским были довольно частыми, а беседы — интересными, плодотворными, долгими — порой он уходил из квартиры Цветаевой глубоко за полночь. Они могли разговаривать часами и на любые темы. Весь «багаж» эмоций, что Цветаева получила от своего друга и учителя жизни, вылился в стихотворный поток,

[2] Отказ от «эго» — исключительно в отношениях с учителем, но не в поэзии.

состоящий из семи стихотворений цикла, предваренных эпиграфом:

Сказать — задумалась о чем?
В дождь — под одним плащом,
В ночь — под одним плащом, потом
В гроб — под одним плащом.

Слово-образ «плащ», наполненный в мифопоэтике сложной символикой, в стихотворении — свидетельство духовного единения ученика и учителя, друга, наставника.

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
— О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Р. И. Монзина весьма убедительно представила разные функции и роли символа «плащ» в структуре стихотворений цикла, отметив: «Весь цикл «Ученик» пронизан любовью к Учителю, верой в идеал, готовностью ученика следовать за Учителем, «идти» за мечтой «через все века». <…> «Плащ» воспринимается лирической героиней и как символ вечности, и как символ защиты («от всех обид»), и как щит, и как символ единства, родства душ, «покров» для равных, и как мечта. Из романтического и маскарадно-шаловливого образа плащ превращается в символ равенства, «покров» для равных» [5, 155]. А мы дополним: в символ духовного равенства, прежде всего.

Характеризуя свое отношение к учителю и другу, Поэт ассоциирует себя с Учеником Иисуса Христа:

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ — а щит!

Ассоциативная параллель между Волконским и Христом-Богочеловеком укрепляет значение фигуры Учителя, друга, отца в жизни Цветаевой, подтекстово указывает на духовную вертикаль, совершенство, духовное отечество. Архетип Учителя и архетип Духа олицетворены в образах Иисуса Христа и Волконского.

Чернью поэт именует «серую толпу», подверженную «ветру перемен» и общественному мнению, людей, утративших «духовные глаза», с помощью которых возможно узреть истинный смысл за оболочкой. В данном стихотворении ученик как бы приносит «обет верности» своему Учителю и клянется защищать Его от всех невзгод. Ученик дает обещание Наставнику, что будет делить с ним все беды и печали. Никогда не пройдет мимо в трудную для него минуту и не откажется от их дружбы. Учитель для лирического героя — святыня, почитаемая им. Отношения «ученик и учитель» свидетельствуют о единении и цельности, независимо от того, какова будет цена ученичества. Герой готов принять и пройти этот путь до конца.

Благодаря знакомству Цветаевой с князем Волконским, ее творчество получило новый старт, «второе дыхание», в нем открылись новые поэтические «горизонты». Хронологически рядом оказались произведения, художественно разнонаправленные — маршеподобный «Красный конь», фольклорная поэма «Егорушка» и стихотворный цикл «Ученик». Цикл «Ученик» обозначил собой новую веху, перелом в творчестве М. Цветаевой.

Чуть ранее по времени, еще одним воплощением духовного отцовства и духовной любви стал для Цветаевой поэт и живописец М. А. Волошин. Встреча поэтов состоялась в декабре 1910 г., Волошину было тогда тридцать три, Цветаевой — восемнадцать. Их общение длилось почти семь лет с перерывами на месяцы и даже годы (пребывания Волошина в Европе). Личное знакомство было прервано октябрем 1917 г., но помощь друг другу и переписка еще продолжались: последнее письмо Цветаевой к Волошину из Чехии датировано десятым мая 1923 г. Цветаева через несколько месяцев после их знакомства в письме в своем обращении назовет Волошина духовным отцом (*Monsieur mon pere spiritu<e>* [6, 48]).

Как отмечает С. Н. Лютова, «Поэты, как известно, были дружны, и Волошин оказал значительное влияние на становление личности юной Марины Цветаевой» [7, 3]. И двадцать с лишним лет спустя в эссе-воспоминании «Живое о живом» Цветаева подтвердит важность его «наставничества»: «Все, чему меня Макс учил, я запомнила навсегда» [8, 206]. А научил Волошин Цветаеву многому: доверию (через рукопожатие), мифотворчеству («извлечению из человека основы и выведению ее на свет» [8, 205]), миротворчеству, «дружить с человеком и его врагом», «сводить, а не разводить» [8, 190], «видеть только сверху, никогда сбоку, никогда из гущи» [8, 189].

Поэты испытывали благоговение по отношению друг к другу, принимали друг в друге духовные и поэтические взаимоотражения, ощущали «равенство притяжения и отдаления». Учитель и ученик совместно двигались вверх. В эссе «Живое о живом» М. Цветаева подчеркнет удивительные свойства Волошина — «полная отдача другому, вникание, проникновение, глаз не сводя с лица и души другого» [8, 162] и сосуществование его души («Это был прежде всего человек со-бытийный. Как вся его душа — прежде всего — сосуществование… <…> Сосуществование поэта с поэтом — равенство известного с безвестным. Я сама тому живой пример, ибо никто и никогда с такой благоговейной бережностью не относился к моим так называемым зрелым стихам, как тридцатишестилетний М. В. к моим шестнадцатилетним <…>. Ничего от мэтра… все от спутника» [8, 173, 175–176].

Максимилиан Волошин, единственный во всю жизнь, смог понять и принять Цветаеву. В письме к матери он охарактеризует самую суть ее личности: «<… в Марине> есть действительно много к себе не подпускающего, замкнутого. Но я это объясняю большой полнотой ее натуры и инстинктивной самостоятельностью ума. Она <…> защищает свою са-

мостоятельную жизнь с эгоизмом молодого существа, жившего гораздо больше сердцем в мечте, чем сердцем в действительности» [9].

С. Н. Лютова общение Цветаевой и Волошина совершенно справедливо обозначит как «глубинный диалог», в который «вступает личность, доверчиво обнажая основы собственного осмысления действительности. Душа предчувствует в этом диалоге импульс к внутренним превращениям, необходимость которых назрела» [7, 4]. Духовная взаимная любовь, по сути, и есть встреча душ, глубинный диалог, родство человеческое и поэтическое. Духовная любовь учителя и ученика — со-бытийность и сосуществование в общем движении вверх.

Особенное понимание мира и человека, назначения и положения поэта в обществе, положение уникального «я» поэта — над миром (вне нации, «над нацией»),— позволяют демонстрировать каждому из них поэтическую индивидуальность и единство мировосприятия.

Поэт для М. Цветаевой — тот, кто знает многое из «того, что не знают они», тот, кто противопоставлен толпе, всему земному, как вечное, в противовес бытовому и сиюминутному. Принимая внутреннее состояние *над*-мирности, устремляясь ввысь, к небу, вслед за своими духовными учителями, М. Цветаева в поэзии идентифицирует себя с птицей[3].

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
— Ты не женщина, а птица.
Посему — летай и пой (1918).

А гора, упирающаяся в небо, в цикле *Ici-haut*, посвященном М. Волошину и написанном после его смерти, станет олицетворением друга-поэта-учителя.

Похоронили поэта *на*
Самом высоком месте.
<…>
Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта — *под*
Небом и *над* землею.
<…>
Я гору знаю, что в престол
Души преобразилась (1932).

Лейтмотив горы и мифологизированная фигура поэта-учителя выступают в цикле смысло- и структурообразующими началами [10, 168]. Две высоты, две вертикали — полет птицы (ученика) и скала, упирающаяся в небо (учитель) — создают единство образов в общем художественном воплощении *над*-мирности. Назначение учительства подкрепляется в поэтическом мире Цветаевой слово-образом «рука», символизирующим духовную власть и передающим духовную и физическую энергию:

Макс! мне было — так просто
Есть у тебя из рук.
<…>
Макс! мне будет — так мягко!
Спать на твоей скале (1932).

Символами учительства в творчестве М. Цветаевой стали образы, имеющие вертикальную структурную и содержательную (смысловую) направленность,— кедр, гора, олицетворяющие духовную высоту и стойкость. Оба образа, равно как образ птицы, связаны с небом — пространством мифа, встречи и диалога, ибо являют собой разные пути восхождения ввысь.

Так в авторском мире М. И. Цветаевой универсальная семиотическая конструкция «учитель — ученик» (фундаментально-характерологическая) приобретает новый концептуальный характер. С одной стороны, универсалия в ее творчестве восходит к библейской традиции; с другой, система отношений «учитель — ученик» отражает особенности мироощущения, мифотворчества и миро-слушания[4] поэта и представляется в индивидуальном ассоциативном образном ряде: «ученичество» символизирует плащ, «учительство» — образы кедра, горы, руки. Универсалия «небо», с которым сопряжен диалог учителя и ученика, выражает трансцендентное, бесконечное, царство блаженства души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Микешина Л. А. Философия познания / Л. А. Микешина.— М.: Прогресс-Традиция, 2002.
2. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина / М. И. Цветаева.— М.: ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1997.
3. Цветаева М. Из письма В. Н. Буниной. Париж, Ванв, 11 февраля 1935 г. / М. Цветаева // Фокин Павел: Цветаева без глянца (Ознакомительный фрагмент) Аля (дочь Ариадна Сергеевна Эфрон).— Режим доступа: http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/biografiya/fokin-bez-glyanca/alya-doch-ariadna-sergeevna-efron.htm (дата обращения: 03.04.2022).
4. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. А. Саакянц.— М.: Эллис Лак, 1997.
5. Монзина Р. И. «Сказать — задумалась о чем?..» (Цикл «Ученик» в лирике М. И. Цветаевой) / Р. И. Монзина // Педагогическое образование в России.— 2013.— № 6.— С. 149–156.
6. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. Кн. 1: Письма. / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина / М. И. Цветаева.— М.: ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1998.
7. Лютова С. Н. Марина Цветаева и Максимилиан Волошин: эстетика смыслообразования: Монография / С. Н. Лютова.— М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004.
8. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. Кн. 1: Воспоминания о современниках / Сост., подгот. текста

[3] А в одном из лучших своих стихотворений сравнивает себя — Поэта — с горой.

[4] О миро-слушании см. подробно [11].

и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина / М. И. Цветаева.— М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997.

9. Волошин М. Письмо к Е. О. Кириенко-Волошиной от 25.11.11. / М. Волошин // Новый мир.— 1977.— № 2.

10. Пасько Ю. В. Поэт «под небом и над землей»: небо как пространство мифа в поэзии Марины Цветаевой / Ю. В. Пасько // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin).— 2017.— № 11 (188).— С. 161–169.

11. Акбашева А. С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой / А. С. Акбашева, Э. А. Радь.— Стерлитамак, 2017.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Вольготова М. П., аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: volgotova@mail.ru

Bashkir State University (Sterlitamak Branch)

Rad E. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: elza_rad@mail.ru

Volgotova M. P., Postgraduate Student of the Russian Language and Literature Department

E-mail: volgotova@mail.ru

УДК 82.091

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ: ПОЭТИКА «ЧУЖОГО ТЕКСТА» (НА МАТЕРИАЛЕ «СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ ПОВЕСТЕЙ» МИХАИЛА ЗОЩЕНКО)

Бао Тинтин

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 19 апреля 2022 г.

Аннотация: *в настоящей статье рассмотрена связь между диалогизмом М. М. Бахтина и интертекстуальностью Ю. Кристевой, сформулирована собственная теория интертекстуальности, предложена классификация интертекстов на примере прозы М. М. Зощенко.*
Ключевые слова: *интертекстуальность, диалогизм, типология интертекстов, Ю. Кристева, М. М. Бахтин, М. М. Зощенко.*

Abstract*: this article considers the connection between M. Bakhtin's dialogism and J. Kristeva's intertextuality, formulates own theory of intertextuality and proposes a classification of intertexts on the example of M. M. Zoshchenko's prose.*
Keywords*: intertextuality, dialogism, typology of intertexts, J. Kristeva, M. Bakhtin, M. Zoshchenko.*

Концепция интертекстуальности была выдвинута семиотиком Ю. Кристевой в 1967 г. В ее статье «Бахтин, слово, диалог и роман» дано следующее определение: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [1, 428–429]. Понятно, что интертекстуальность обозначает *цитацию, циркуляцию* знаков между разными текстами.

Соотношение между интертекстуальностью Ю. Кристевой и диалогизмом М. М. Бахтина заметно, но интертекстуальность не механическое повторение диалогизма, а его творческое переосмысление и транспозиция в рамках постструктуралистской концепции.

М. М. Бахтин учитывал «интертекстуальность» при исследовании проблемы текста. Ученый выдвигает два типа межтекстовых отношений, «диалогический» и «диалектический» [2, 299–300]. Первый тип неотделим от субъективности автора, а последний тип ближе к концепции интертекстуальности Ю. Кристевой, согласно мнениям исследовательницы, субъективность текста отодвигается на задний план.

Ю. Кристева утверждает: «Всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [1, 429]. Поле слова и текста размыто, иными словами, слово и текст могут быть взаимозаменяемыми. Именно здесь в тонком чередовании «слова» и «текста» отражается новизна интертекстуальности. Ю. Кристева продолжает: «Литературное слово не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма — самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [1, 428]. Носитель слова — автор, читатель, персонаж выступают как обезличенный «вид письма», а слово — как безголосое присутствие, участвующее в производстве текста.

Вышеприведенная позиция Ю. Кристевой близка к теории текста Р. Барта, который отметил, что в тексте «говорит не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность…» [3, 385]. Письмо начинается там, где для автора наступает смерть [3, 384]. Говорящий автор заменен пишущим/скриптором. Концепции текста Ю. Кристевой и Р. Барта оказываются на службе постструктуралистской интертекстуальности, ее цель состоит в ослаблении субъективности, освобождении текста от авторитета последнего. В отличие от этого, у М. М. Бахтина в основе *слова* и *текста* лежат субъект и личность автора. Его понятие «слова» есть высказывание субъекта, диалог — речевое общение между субъектами: «Всякий текст имеет субъекта, автора (говорящего, пишущего). Возможные виды, разновидности и формы авторства» [2, 298]. Различие концепции Ю. Кристевой и М. М. Бахтина есть различие *интертекстуальности* и *интерсубъективности*.

Таким образом, как нам представляется, *было бы неуместно характеризовать суть интертекстуальности как диалогичность между текстами*.

Чтобы понятие интертекстуальности смогло остаться действенным аналитическим инструментом,

© Бао Тинтин, 2022

считаем актуальным определить границы и формы интертекстов. При этом попытаемся сформулировать собственное переосмысление интертекстуальности на основе теории М. М. Бахтина и концепции текста постструктуралистов.

Диалогизм М. М. Бахтина в категории «слова» выражает размышление над отношениями между «своим» и «чужим». По поводу «чужого слова» ученый пишет: «Все слова (высказывания, речевые и литературные произведения), кроме моих собственных слов, являются чужим словом. Я живу в мире чужих слов» [2, 367–368]. То же самое относится и к интертексту. Итак, в настоящей статье под интертекстуальностью мы будем понимать *свойство цитации «чужого» текста в тексте,* интертекст — это *«чужой» текст*.

Ж. Женнет разделял межтекстовые отношения на пять групп, в которых интертекстуальности был задан узкий смысл, обозначающий «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.), пародия сводится к категории гипертекстуальности [См. 4, 339].

Н. Пьеге-Гро расширяет сферу интертекстов по отношениям соприсутствия и деривации:

1) отношение соприсутствия:

——цитата

——референция

——аллюзия

2) отношение деривации:

——пародия

——стилизация [См. 5, 84].

И. Н. Сухих предлагает практический способ анализа интертекстуальности литературного текста. С его точки зрения, интертексты типологизируются по уровням художественного мира [См. 6, 30].

С нашей точки зрения, *признаками интертекста* могут быть:

1. На языковом уровне:

——цитата.

2. На уровне хронотопа.

3. На уровне субъекта:

——персональная аллюзия на художников, писателей, персонажей, перенесенных из «чужого» текста.

——реминисценция на сверхтип, вечный образ, архетип.

——реминисценция на биографию, событие из жизни других авторов.

4. На уровне действия:

——заимствованная фабула и сюжетная реминисценция.

——аллюзия на общеизвестное историческое, литературное, мифологическое событие.

5. На уровне жанра:

——пародия и стилизация.

Теперь подробно остановимся на типологии на примере «Сентиментальных повестей» М. М. Зощенко.

1. Цитата.

Понятие цитаты может пониматься как в узком смысле, в отличие от аллюзии и реминисценции («точное воспроизведение какого-нибудь фрагмента “чужого” текста» [7, 94]), так и в широком, когда она обозначает «любой элемент чужого текста, включенный в авторский («свой») текст» [7, 95]). Под цитатой мы будем понимать *точное либо переводное воспроизведение «чужого» текста*.

В повести «Сирень цветет» М. М. Зощенко есть цитата из стихотворения А. С. Пушкина: «Птичка прыгает на ветке» [8, 196]. Эта неверная, ироническая цитата, с одной стороны, носит стилистическую нагрузку: «…форма литературно-художественного “искажения” литературно-языковых соотношений культурного быта» [9, 82] — один из излюбленных приемов М. М. Зощенко. С другой стороны, цитата становится дополнением к характеристике персонажа (рассказчика либо героя), обнаруживая его неграмотность. Цитата связана «с самой бессмысленной, самой “пустяковой” строкой частушки» [10, 120].

2. Аллюзия.

Под аллюзией обычно понимается «намек на историческое событие, бытовой и литературный факт, предположительно известный читателю» [11, 20–21]. Например, в «Аполлоне и Тамаре» М. М. Зощенко архетипом Аполлона Перепенчука является Бог света Аполлон. *Именная аллюзия* на мифологию не случайна. Герой был наделен греческой красотой и искусственной верой: «Был при этом Аполлон Семенович Перепенчук в достаточной мере красив и даже изыскан. От лица его веяло вдохновением и необыкновенным благородством. И всегда гордо закушенная нижняя губа и надменный профиль артиста — делали фигуру его похожей на изваяние. <…> Искусство — это выше всего» [8, 16–18]. Но мы хотим подчеркнуть дополнительную семантику, привнесенную аллюзией.

Аполлон в древнегреческой мифологии представляет собой Бога «музыки, танца и вообще искусства» [12, 346–347]. Он обладает и другим метафорическим значением — иллюзией: «Божество света, царит и над иллюзорным блеском красоты во внутреннем мире фантазии» [13, 60].

При такой скрытой мифологической линии трагедия Аполлона Перепенчука представляется более глубокой. Одна из причин обусловлена погруженностью героя в мир грез. Имя Бога света Аполлона тонко намекает на трагизм иллюзорной личности героя, это образ сентиментального мечтателя. Другими причинами трагичности является потеря героем веры в искусство и ощущение небытия. Изменение послереволюционной жизни и исчезновение таперов прерывают восхищение искусством Аполлона, а также мечты о прекрасной жизни. Непосредственным проявлением является то, что облик героя, утратившего искусство как точку опоры своего существова-

ния, резко изменился — он становится человеком «с морщинами на лбу, с удлиненным носом, с побелевшими глазами и низко опущенной головой» [8, 26]. Красота Божества Аполлона исчезает. Переплетение светлой линии — аллюзии на мифообраз Аполлона, и темной линии — разрушение искусственного начала в Аполлоне углубляет трагедию героя.

3. Реминисценция.

Реминисценция в широком смысле подразумевает «воспоминание о художественном образе, произведении или заимствование автором (чаще бессознательное) художественного образа или каких-либо элементов «чужого» произведения» [14, 46]. Реминисценцию также можно понимать в узком смысле, как отсылку «к событию из жизни другого автора, которое безусловно узнаваемо» [15, 133]. Например, в повести «Мишель Синягин» М. М. Зощенко биография Мишеля отсылает к реальным событиям, связанным с печальной судьбой поэта А. И. Тинякова. Мишель, потеряв надежду на жизнь, попросил милостыню на улице, так же вел себя и А. И. Тиняков.

4. Стилизация и пародия.

Стилизация близка к пародии, их различие состоит в том, что в пародии «невязка» пародирующих и пародируемых планов, а «при стилизации этой невязки нет» [16, 201]. Но «стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, становится пародией» [16, 201]. Их различие можно определить и с точки зрения интертекстуальности. В основе стилизации лежит «имитация стиля» «чужих» текстов, а в основе пародии — «трансформация» [5, 40] «чужих» текстов. Пародирующий язык направлен на борьбу с пародируемым.

В повести «Сирень цветет» М. М. Зощенко есть пример пародии на формальном уровне: «Море булькотело. <…> Девушка шамливо и раскосо капоркнула, крюкая сирень. Кругом опять чего-то художественно заколюжило, затыркало, закурчавилось» [8, 194]. В этой пародии мы можем увидеть комическую интонацию повествователя, намеренное создание автором непонятных слов и явный диссонанс между авторскими языковыми системами и пародируемыми языковыми системами. Обычно автор дает подсказку, что он использует пародию. В статье «Литература должна быть народной» М. М. Зощенко критически характеризовал прием формализма как «пристрастие к внешней форме», «такое пристрастие затемняет смысл произведения и делает его трудным, непонятным и манерным, что не к лицу нашему времени. <…> Получалось крайне туманно и непонятно, что к чему. “Море булькотело…” “Где-то что-то жмыхнуло, жахнуло, заколюжило…”» [17, 67–68].

В повести «Сирень цветет» заметна и пародия на карамзинский стиль языка и сентиментальную тему. В сентиментальной литературе фоном встречи влюбленных обычно является «“священный”, овеянный воспоминаниями» пейзаж [18, 219]. Однако зощенковское рандеву пародийно, любовная ситуация изображается в патетическом тоне с пародийным оттенком, в описании используются трафаретные предложения о необыкновенной любви из традиции сентиментальных литератур: «Они уходили по вечерам на озеро и там, на высоком берегу, на скамейке, а то и просто на траве под сиренью сидели, нежно обнявшись, переживая каждую секунду свое счастье» [8, 192]. Кроме того, в «Мишеле Синягине» М. М. Зощенко герой погиб, он «был похоронен на б. монастырском кладбище. Могила его и посейчас убирается живыми цветами» [8, 326]. Здесь ирония и одновременно использование сентиментальных клише.

В заключение отметим, что интертекстуальный анализ предлагает новые методологические перспективы: сравнение социально-исторического контекста и обнаружение не только своеобразия текста в данную эпоху, но и диахронической эволюции того или иного сюжета, лейтмотива, литературного типа и др. В «Сентиментальных повестях» М. М. Зощенко интертексты в виде цитаты, реминисценции, аллюзии, пародии нарушают линейный характер чтения, осуществляют диалог повестей с предшествующей литературой, в частности мифологией, поэтикой формализма и сентиментализма, и приносят образу персонажей, сюжету дополнительную культурную семантику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика структурализма к поструктурализму, М.: ИГ Прогресс, 2000.— С. 427–457.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин.— М.: Искусство, 1986.— 445 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт.—М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. / Ж. Женетт.—М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998.— 472 с.
5. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро.— М.: Изд-во ЛКИ, 2008.— 240 с.
6. Сухих И. Н. О границах интертекстуальности: чеховский текст и «интертекст» (несколько положений) / И. Н. Сухих // Интертекстуальный анализ: принципы и границы.— Изд-во СПбГУ, 2018.— С. 26–35.
7. Фоменко И. В. Введение в практическую поэтику / И. В. Фоменко.— Тверь: Твер.гос.ун-т, 2003.— 151 с.
8. Зощенко Мих. Сентиментальные повести / Мих. Зощенко // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3.— М.: Время, 2008.— 640 с.
9. Виноградов В. В. Язык Зощенки / В. В. Виноградов // Михаил Зощенко: статьи и материалы. Л.: Academia, 1928.— С. 51–92.
10. Сарнов Б. М. Случай Зощенко. Пришествие капитана Лебядкина / Б. М. Сарнов.— С. 120.
11. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский.— М.: 1966.— 376 с.
12. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян / А. Ф. Лосев.— М.: Мысль, 1996.— 975 с.

13. Ницше Ф. В. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.— С. 57–157.

14. Золотухина Е. Н. Интертекстуальность в современном русском языке / Е. Н. Золотухина // Русский язык в школе. 2008. № 5.— С. 44–48.

15. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности. Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева.— М.: Агар, 2000.— 280 с.

16. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов.— М.: 1977.— 574 с.

17. Зощенко Мих. Литература должна быть народной // Мих. Зощенко: Pro et contra, антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 67–74.

18. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова.— СПб.: Наука, 1994.

Санкт-Петербургский государственный университет
Бао Тинтин, аспирант
E-mail: btt4896@gmail.com

Saint-Petersburg State University
Bao Tingting, Postgraduate Student
E-mail: btt4896@gmail.com

УДК 81'276:629.33(470+571)(510)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОМОБИЛИСТА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В. В. Барбун

Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо

Е. В. Победаш

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 19 апреля 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена контрастивному описанию языковой личности автомобилиста в русской и китайской лингвокультурах. На основе косвенных номинаций с элементами характеризации выявляются культурные сходства и различия. Сопоставительный анализ портретных зарисовок русской и китайской языковой личности автомобилиста, опирающийся на теорию и методологию лингвокультурологии, позволяет раскрыть познавательно-когнитивный, аксиогенный и поведенческий планы данного языкового феномена.*
Ключевые слова: *языковая личность, автомобилист, лингвокультура.*

Abstract: *this article is dedicated to the contrasting description of the language identity of the driver in Russian and Chinese. Based on the implicit denomination, the study defines coincidences and discrepancies. Comparative analysis of portraits of Russian and Chinese driver, relied on the theory and methodology of linguo-culture approach, reveals cognitive, axiogenic and behavioural aspects of this linguistic phenomenon.*
Keywords: *language identity, driver, linguocultural.*

Современный этап лингвистики обнаруживает парадигму знаний, в которой язык выступает своеобразной системой культурно-маркированных форм отражения действительности. В русле идей лингвокультурологии носителем ценностей, ключевых смыслов, культурных представлений и идей является языковая личность.

Из всего разнообразия определений, связывающих языковую личность с культурой, примем в качестве базисной дефиницию, предложенную В. И. Карасиком, согласно которой языковой личностью является «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [1, 19].

С точки зрения структуры, понятие «языковая личность» трехчастно. Оно включает познавательно-когнитивный, аксиогенный и поведенческий планы. В таком фокусе мы предлагаем проанализировать языковую личность автомобилиста в русской и китайской лингвокультурах.

В настоящее время активно развивается словарь автомобилиста, в котором находит отражение и национальное мироощущение: это и номинации непосредственно автомобилей, и участников дорожного движения, водителей и пешеходов. Однако изучение автомобильной коммуникации специалистами в области лингвистики началось сравнительно недавно. Впервые вопросы кодификации автомобильной лексики были подняты В. Г. Костомаровым в 1975 году, когда была составлена картотека более чем двух тысяч «автослов» и значений, не зафиксированных в словарях, но широко употребительных в речи и публицистике [2, 733]. Далее исследованием лексической номинации занимались Е. И. Голанова [3], И. Э. Коротаева [4]. Т. Н. Некрасовой и А. В. Оляничем была написана монография, посвященная лингвосемиотическому исследованию автомобильного путешествия [5]. Последние работы посвящены изучению понятия «автомобильный дискурс» [Ревина, 2011; Рогалева, 2011; Вепрева, 2012; Некрасова, 2013; Олянич, 2015; Дмитриева, 2016, Барбун, 2021]. Из сопоставительных работ русской и китайской лингвокультур можно отметить исследование Вань Нин, в котором произведен анализ слоганов русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте (на фоне китайской рекламы) [6]. В настоящее время отсутствуют работы, связанные с сопоставлением языковой личности автомобилиста в русской и китайской культурах, поэтому данное рассмотрение представляется актуальным. Ведущим методом является сопоставительный.

Номинации участников дорожного движения отражают нормы, правила общения и поведение говорящих в целом. Способы обозначения человека в автодорожной коммуникации позволяют определить черты,

© Барбун В. В., Победаш Е. В., 2022

которые закрепляются за лицом носителями языка. Так, наибольшей рекуррентностью отличаются номинации с элементами характеризации, в которых «уже непосредственно заложена функция качественной характеристики» [7, 419]. Итак, в плане содержания актуальными являются следующие характеристики:

1. Характеризация по специализации: *водитель маршрутного такси, водитель-курьер, автолюбитель, водитель-международник (в значении «дальнобойщик»), бомбила (жарг. водитель частник).* Компонент *авто*-сочетается с отглагольными и отсубстантивными именами с общим значением «опыт»: *автогонщик, автожестянщик, автоинженер, автозаправщик*.

Аналогично в китайском языке большую группу образуют слова с компонентом 汽车(qìchē) — *авто-*, представляющим усеченную основу прилагательного «автомобильный» типа 汽车修理工 (qìchēxiūlǐgōng) — *автомеханик*, 汽车钳工(qìchēqiángōng) — *автослесарь*.

2. Характеризация по марки/типу транспортного средства: *камазовец (разг.), хозяин Лексуса, джипер (жарг. водитель джипа), экомобильщик (разг. водитель экологичного авто), китаец (место производства машины).* Для таких номинаций характерно использование агентивного суффикса *-ист*. Под действием закона экономии средств языковых усилий аналитические формы заменяются синтетическими: водитель автомобиля марки «Фольксваген Гольф» — гольфист, водитель камаза — камазист, водитель джипа — джиперист, водитель газели — газелист.

Продуктивной деривационной моделью автосленга можно также считать номинации со вторым компонентом *-вод*: *вазовод, маздовод, фуровод, омегавод, приоровод, смартовод.* Например: «У разбитого корыта: найдут ли *маздовода*, сбежавшего с места ДТП» [8].

Китайские номинации языковой личности автомобилиста по марке / типу транспортного средства могут: 1) коррелировать с названием места комплектации машины — «Shanghai Englon» 上海 (shànghǎi) — шанхаец; 2) совпадать с наименованием культурного наследия — «Great Wall» 长城 (chángchéng) — Великая стена; 3) соответствовать марочному названию — «Dongfeng» 东风 (dōngfēng) — восточный ветер или «Chery» 奇瑞 (qíruì) — благословенный, счастливый.

3. Характеризация по опыту вождения: *водитель-новичок, водитель со стажем, авточайник (разг.), начинающий водитель, «У»шка (вербализация иконического знака «У», т.е. ученик), шалюб (жарг. сокращ. от «шофер-любитель»).* Интересным является пример следующей окказиональной номинации: «Рассмотрим сегодня, как водителю с безаварийным стажем 5 лет и более, предпочитающему агрессивный стиль, почувствовать себя *первокатом»* — противопоставлен лексеме «авточайник» по нейтральной оценке и по стилистическому качеству, т.к. не относится к автосленгу [9].

Показательно метафорическое переосмысление слова «подснежник» (жарг.), которое закрепилось в автодорожной русской коммуникации со значением водитель, выезжающий преимущественно в теплое время года: «По сути, *«подснежник»* — это крайне неопытный драйвер, хотя формальный водительский стаж у него может насчитывать несколько десятилетий» [10].

Если для русской лингвокультуры показателем опыта вождения является водительский стаж, то для китайской лингвокультуры таким маркером выступает скорость движения автомобиля. Такая лингвокультурная асимметрия языковой личности автомобилиста вызвана спецификой развития автопрома. Массовое производство автомобилей в Китае началось в 1922 году. Машины продавали всем желающим, однако из-за высокой стоимости личный автотранспорт приобретали немногие. Основная масса населения продолжала передвигаться на двухколесном транспорте. Стиль вождения велосипедиста: никого не пропускать, часто сигналить, успевать тормозить и быть первым,— был усвоен задолго до того, как гужевые порядки сменились автомобильными.

Для обозначения лиц, любящих быструю езду, в китайском языке используют следующие иероглифы: 老司机 (lǎosījī) — опытный водитель, 快车司机 (kuàichēsījī) — буквально: водитель скорого поезда, экспресс-водитель, 飙车族 (biāochēzú) — стритрейсеры, любители быстрой езды, уличные гонщики. Кроме того, любителей быстрой езды называют зайцами –兔子(tùzi). Номинация сформировалась благодаря широко известной в Китае басне Эзопа 龟兔赛跑 (guītùsàipǎo) «Гонка черепахи и зайца», или «Заяц и черепаха». Соответственно, любителей быстрой езды в Китае стали называть зайцами, а нерасторопных водителей — черепахами 乌龟 (wūguī). Отсюда возникают производные выражения, такие как черепашья скорость 龟速 (guīsù) и принадлежность к ездокам с черепашьей скоростью — 龟速党 (guīsùdǎng).党 (dǎng) переводится как партия, сообщество, люди одного рода, единомышленники. Аналогично образована и номинация 慢车党 (mànchēdǎng) — водитель медленного поезда. Помимо метафорической номинации «черепаха», в китайском языке существует и другая зооморфная метафора для обозначения водителя, который водит машину медленно — 蜗牛 (wōniú) улитка.

Другое наименование медленного автомобилиста в китайском языке –新司机(xīnsījī), т.е. новый (неопытный) водитель или 菜鸟 (càiniǎo) — новичок, «чайник». Сходным значением обладает иероглиф 生手 (shēngshǒu) — буквально переводится как «неопытная рука».

Сюда же можно отнести фразеологическую пару: 没有选配刹车的人 (méiyǒuxuǎnpèishāchēderén) — люди без тормозов (о любителях быстрой езды) и 没有选配油门的人 (méiyǒuxuǎnpèiyóuménderén) — люди без дросселя/педали газа (о тех, кто ездит мед-

ленно). Отметим, что в контексте русской лингвокультуры такие экспрессивные номинации выходят за пределы автодорожной коммуникации и характеризуют не столько автомобилиста, сколько человека в целом, его характер и поведение: *позднее зажигание, полный привод, полный газ, педаль в пол, 30 лошадей под капотом, форсированный (в значении вспыльчивый), заводится с полуоборота (глагольного типа).* Так, две крайности человеческого поведения — инертность и гиперактивность — получают следующие характеристики: «человек-тормоз» и «человек без тормозов». Первый тип оценивается с долей иронии: «Человек-тормоз делает все очень медленно, т.е. он не отвлекается, он старается, он дымится просто от напряжения, но получается все в разы медленнее, чем у нормального человека» [11].

Второй тип имеет амбивалентную оценку. С одной стороны, «человек без тормозов» неадекватен, опасен, агрессивен, несдержан, пренебрегает окружающими: «*Человек без тормозов* не охранник у возов. Дверь выносит из пазов» — ключевая сема потеря самообладания [12]. С другой стороны, бесстрашный и прямолинейный человек, который не ограничивает себя в определенном действии, оценивается положительно: «*Человек без тормозов* не раздумывает долго. У него на то искра негасимая в моторе. Никаких мементо мори у походного костра» [12].

В китайском языке существует идиома относительно опытных водителей: 秋名山老司机 (qiūmíngshānlǎosījī) — *старый водитель горы Миншань*. Речь идет об автомобилистах с многолетним опытом вождения и безаварийным стажем. Гора Миншань — китайский топоним, район провинции Сычуань, в котором проходят известные гонки в Китае.

Возможно употребление имен знаменитостей для обозначения водителя с определенными качествами (быстрое вождение). Опытного и ловкого водителя называют 韩寒 (Hánhán) по имени выдающегося китайского гонщика Хань Хань. В русской лингвокультуре можно найти подобные параллели, например прецедентное имя *Шумахер* стало нарицательным для обозначения водителя, превышающего скоростной режим.

Близкой по семантике является номинация *гонщик Формулы-1* — в обиходной речи так называют лихачей, любителей быстрой езды. В отличие от китайской номинации, русский эквивалент наделяется пейоративной коннотацией, поскольку часто употребляется в контексте описания аварий и является символом потенциальной угрозы. Близкие по смыслу номинации типа «стритрейсер», «*сити дрифтер*» имеют отрицательное значение, поскольку городские улицы не предназначены для автомобильных гонок.

4. Характеризация по гендерной принадлежности: *блондинка за рулем, автоледи, «туфелька», девушка-водитель, водитель-женщина, водитель-мужчина, водятел/водятельница (прост.).* Данные номинации стилистически маркированы и включают пейоративную, ироническую оценку: «Новороссийская *автоледи* элегантно уложила авто вверх колесами» — ирония в адрес женщины [13].

В результате вербализации иконического знака возникает гендерно маркированный омоним — «туфелька» со значением «непредсказуемый водитель-женщина». Наклейка с изображением дамской туфли на автомобиле (туфелька в красном квадрате) является предупреждающим знаком, который информирует водителей о том, что за рулем женщина. См.: «Самые забавные аварии случаются как раз с такими милыми *туфельками за рулем*» [14].

В стремлении провести дифференциацию по гендерному признаку аналитические номинации женского рода преобразуются в однословные: водительница, автобусница, автоледи, пешеходка. См.: «Торопливая *пешеходка* едва не удостоилась чести быть сбитой президентским кортежем» [15].

Как и в русской культуре, в Китае существует гендерная сегментация языковой личности автомобилиста. Для обозначения женщины-водителя используется иероглиф 女司机 (nǚsījī), аккумулирующий такие семы, как неопытный, невнимательный, медленный водитель.

Русскому стереотипу *блондинка за рулем* соответствует китайский образ 公主在开车 (gōngzhǔzàikāichē) — принцесса за рулем, которая не отличается светлым цветом волос. В основе стереотипа вычленяются такие семы, как красота, инфантильность, эгоизм, невнимание к остальным участникам дорожного движения.

5. Характеризация по манере вождения: *автохам, автоэкстремал, агрессивник, аварийщик* (водитель, часто создающий аварийные ситуации), *прижимщик, обочечник, гонщик* (в значении водитель-лихач), *встречник, прокладка между рулем и сиденьем* (о нерадивом, нерасторопном водителе), *шашечник* (автомобилист, который часто перестраивается, нарушая ПДД).

На дорогах Китая также встречаются нарушители правил дорожного движения. Их называют 违章司机 (wéizhāngsījī «нарушать правила + водитель») — автонарушители, 公路害虫(gōnglùhàichóng «государственная дорога + насекомые-вредители») — нарушители, дорожные паразиты; 马路杀手 (mǎlùshāshǒu «дорога+убийца, киллер») — дорожный убийца, лихач, водитель, постоянно нарушающий правила; 肇事司机 (zhàoshìsījī «вызывать происшествие + водитель») — водитель, спровоцировавший аварии. В китайском языке существует также шуточное выражение для нарушителей и любителей быстрой езды: 赶着去投胎 (gǎnzheqùtóutāi) — «спеша перевоплотиться». Люди, которые нарушают правила дорожного движения, спешат перевоплотиться, сходно с русскими фразеологизмами *спешить на тот свет, торопиться на кладбище.*

В китайском языке, более того, существует название психологического состояния, когда люди агрессивны за рулем, нарушают правила и вступают в конфликт с другими участниками дорожного движения: 路怒症(lùnùzhèng — «дорожный гнев + болезнь»).路怒 от англ. «roadrage» — дорожная ярость, агрессивное поведение на дороге.

6. Характеризация по отношению к другим участникам дорожного движения: *пешеходец (разг.), пешеброд/пешебродец, кегля/пешекегля (жарг.), двуногий, безлошадный, хрустик (жарг. мотоциклист), дпсовец (разг.), ГИБДДун (прост.), гиббон (жарг. сотрудник ГИБДД), гаер (жарг. сотрудник ГАИ), дирижер дороги, хранитель свистка и жезла, властелин обочин, жезлоносец (разг.), синие маяки (жарг. красно-синий проблесковый маячок принадлежит машинам ГИБДД),* включая «народные» дешифрации аббревиатур дорожного надзора типа «ДПС — Деньги Приносите Сюда», «ГИБДД — Гони Инспектору Бабки Двигайся Дальше».

Обращают на себя внимание также элементы языковой игры, образные переосмысления. Например, в слове «пешка» и его производных «пешик» (жарг.) обыгрываются компоненты «пешка» и «пешеход», что свидетельствует о сниженности употребляемой по отношению к пешеходу оценки, поскольку пешка является самой слабой шахматной фигурой. См., например: «*Пешки!* Ну, сколько можно переходить на красный! Соблюдайте ПДД, вспоминайте школьную программу» [16].

Примером метафорического переосмысления слова «пешеход» может служить номинация «кегля»: «Расскажу вам о своей жизни, и о том, что толкает нас — *«кегли»* выскакивать на дорогу перед вашей машиной» — человек на проезжей части отождествляется с элементом спортивной игры в боулинг, который необходимо сбить [17].

Оценке также подвергаются другие участники дорожного движения. Для наименования сотрудников ДПС, отличающихся коррупцией, появилось сложное наименование — лексикализованное высказывание «дид ю пэй» и его варианты «дид ю пэйтор», «дид ю пэйщик», что в переводе с английского языка означает «вы заплатили?». См., например: *Меня также остановил один* ***дид ю пэй*** *и говорит: «Выходи»! Я ехала спокойно, никого не сбила, ничего не поцарапала! Просто не заметила, как на дороге, этот самый, жезлом мне махнул* [18].

Можно заметить, что в русской лингвокультуре значительное число пейоративно-оценочных слов составляют наименования, характеризующие пешеходов и представителей дорожно-патрульной службы. Это обусловлено особенностями русской автодорожной коммуникации. В сценарии речевого взаимодействия, роли участников дорожного движения, как правило, парные и оппозитивные, например «гибэдэдэшник — водитель», «пешеход — водитель», «пассажиры — водитель городского транспорта», «автоледи — водитель-мужчина», «таксист — бомбила» (водитель-частник), «мотоциклист — автомобилист», «дальнобойщик — подснежник», «сторонники экомобилей — сторонники двигателей внутреннего сгорания».

Коммуникация сотрудников ДПС и автомобилистов носит субординативный, дистантный характер. Первые наделены полномочиями и властью — остановка и осмотр транспортного средства, применение санкций по отношению к водителям нарушителям, задержание подозрительных участников дорожного движения. Вторые не всегда соблюдают правила дорожного движения и пытаются избежать наказания — выписки штрафа.

Преобладание экспрессивов с пейоративной коннотацией в русской лингвокультуре обусловлено повышением эмоциональной активности и снижением адекватности, контроля в условиях напряженной автодорожной ситуации.

Дорожная коммуникация Китая, напротив, отличается паритетными отношениями. Должность дорожного полицейского 交通警察 (jiāotōngjǐngchá), сокращенно — 交警 (jiāojǐng) или 交通警 (jiāotōngjǐng), очень уважаема, т.к. работа связана с усердным трудом и невысокой заработной платой.

В китайском языке, в отличие от русского, нет метафорических образов для обозначения пешеходов. Здесь используются иероглифы 行人 (xíngrén, ходить+человек) — пешеход, 路人 (lùrén, дорога+человек), 步行者(bùxíngzhě, пеший+ходить+человек) — пешеход, человек, который ходит пешком.

7. Характеризация по отношению к автомобилю: *ласточка, копеечка, единичка, уазик, тазик, пазик, газик, жигуленок, москвичонок, малышка, «Ладушка»* — диминутивы, которые выполняют исключительно эмоционально-экспрессивную функцию, поскольку не могут обозначать уменьшение габаритов реального автомобиля. Русский человек эмоционально привязан к машине, поскольку долгий период времени в России автомобиль был дорогим и относительно недоступным: «Копили на машину семьями, копили десятилетиями, откладывая. В стройотряды ездили, на двух работах горбатились, вагоны по вечерам и в выходные на овощных базах разгружали. …Отношение к автомобилю всегда было особенное: как к члену семьи, как к живому существу» [19].

В китайской же лингвокультуре для номинации частного автомобиля используют иероглифы 座驾 (zuòjià) — разг. «тачка», «экипаж», 私家车(sījiāchē) — личный автомобиль, 轿车(jiàochē) — легковой автомобиль. Китайцы ласково называют свой автомобиль 爱车(àichē) — любимый автомобиль, 好车 (hǎochē) — хорошая машина. Автомобиль воспринимается в качестве члена семьи, поэтому появляются

такие номинации, как 老婆(lǎopo, lǎopó) — разг. жена. Реже автомобили называют сыновьями (儿子érzi), так как на техническое обслуживание автомобиля уходят практически такие же суммы, как и на содержание детей.

Китайцы часто дают прозвища своим автомобилям по цвету и размеру, к примеру, маленькая белая машина (小白xiǎobái), маленькая черная (小黑xiǎohēi), большая черная (大黑 dàhēi). Также существует номинация по форме автомобиля. К примеру, 面包车 (miànbāochē) — буквально переводится как «хлебная машина», аналог — русская «буханка». Так называют небольшие квадратные микроавтобусы.

Рассмотренные языковые единицы с элементами характеризации сочетают в себе номинативную и экспрессивную функции, тем самым усиливая изобразительность и выразительность языковой личности автомобилиста, которая характеризуется различными свойствами и качествами: специализация, тип / марка автомобиля, опыт вождения, половая принадлежность, стиль вождения, наличие/отсутствие автомобиля, взаимодействие с другими участниками дорожного движения, отношение к личному транспорту. Проведенный анализ позволяет заметить, что в русской и китайской культурах номинации, связанные с автомобильной сферой, имеют как сходства, так и различия. Стоит отметить существование в русском автомобильном лексиконе слов с отрицательной оценочной коннотацией, что проявляется в наименованиях пешеходов, водителей, нарушающих правила и скоростной режим, и представителей ДПС. В китайском же словаре отрицательную оценочную коннотацию имеют наименования водителей, представляющих серьезную угрозу для жизни других граждан. Остальные единицы автомобильного лексикона либо нейтральны, либо обладают эмоциональными или положительными оценочными коннотациями.

Широкий диапазон номинативных единиц дает следующие портретные зарисовки русской и китайской языковой личности автомобилиста: водитель-профессионал, водитель-новичок, опытный водитель, автолюбитель, нерадивый водитель, непредсказуемая автоледи, плохо водящая женщина, блондинка за рулем/принцесса за рулем, водитель-нарушитель, нерасторопный пешеход, коррумпированный сотрудник ГИБДД/уважаемый дорожный полицейский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик.— Волгоград: Перемена, 2002.— 447 с.
2. Костомаров В. Г. Статьи старых лет / В. Г. Костомаров; под редакцией Ю. В. Прохорова.— М.: ИКАР, 2010.— 832 с.
3. Голанова Е. И. Номинация в сфере автолексики / Е. И. Голанова // Способы номинации в современном русском языке.— М., 1982.— С. 159–228.
4. Коротаева И. Э. Лексико-семантическое поле «Транспорт» в американском варианте английского языка: Лингвокультурологический и переводоведческий аспекты: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / И. Э. Коротаева.— М., 2004.— 231 с.
5. Некрасова Т. Н. Лингвосемиотика автомобильного путешествия: монография. / Т. Н. Некрасова, А. В. Олянич.— Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013.— 160 с.
6. Вань Нин. Слоган русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте (на фоне китайской рекламы): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Вань Нин.— Пермь, 2015.— 230 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов.— М.: Высш. школа, 1972.— 614 с.
8. Краснов А. У разбитого корыта / А. Краснов // «Об автомобилях и не только»: информационный портал.— Режим доступа: http://krasnov74.ru/2019/02/08/runaway-mazda/ Дата публикации: 08.02.2019 (дата обращения: 06.12.2021).
9. Как хорошему водителю почувствовать себя новичком // «DRIVE2.RU»: автопортал.— Режим доступа: https://www.drive2.ru/l/313254/ (дата обращения: 06.12.2021).
10. Строкер М. Чем особенно опасны современные «подснежники» на дороге? / «Автовзгляд»: информационный портал.— М. Строкер.— Режим доступа: https://www.avtovzglyad.ru/sovety/vozhdenie/2018–04–06-chem-osobenno-opasny-sovremennye-podsnezhniki-/ (дата обращения: 06.12.2021).
11. Человек-тормоз. Что делать? // «LiveJournal»: электронный журнал.— Режим доступа: https://shubin.livejournal.com/24794.html. Дата публикации: 25.12.2008 (дата обращения: 06.12.2021).
12. Парамонов И. Человек без тормозов / «Стихи.ру»: Литературный портал.— Режим доступа: https://stihi.ru/2021/05/27/4099 (дата обращения: 06.12.2021).
13. Новороссийская автоледи элегантно уложила авто вверх колесами // «Блокнот»: информационный портал.— Режим доступа: http://bloknot-novorossiysk.ru/news/novorossiyskaya-avtoledi-elegantno-ulozhila-avto-v-959856 Дата публикации: 11.04.2018 (дата обращения: 06.12.2021).
14. Опознавательные знаки для супруги // «DRIVE2.RU»: автопортал.— Режим доступа: https://www.drive2.ru/l/9019976/ (дата обращения: 06.12.2021).
15. Пешеходка // «Русские дороги»: автопортал.— Режим доступа: http://rusdtp.ru/21133-peshehodka.html (дата обращения: 06.12.2021).
16. Истории на дорогах. Пешехода сбили на переходе, а он скрылся! // «DRIVE2.RU»: автопортал.— Режим доступа: https://www.drive2.ru/c/728174/ (дата обращения: 06.12.2021).
17. Откровения «кегли», или почему я нарушаю ПДД // «LiveJournal»: электронный журнал.— Режим доступа: https://mymaster.livejournal.com/344609.html (дата обращения: 06.12.2021).

18. Погоня за пьяным водителем в Чите // «AutoMPV»: автопортал.— — Режим доступа: https://autompv.ru/forum/topic/41-video-pogonya-za-pyanym-voditelem-v-chite/?tab=comments#comment-2887 (дата обращения: 06.12.2021).

19. Гейко Ю. М. Об автоменталитете россиян — «Монологи на дороге» / Ю. М. Гейко // «Автоликбез.ру»: автопортал.— Режим доступа: http://www.avtolikbez.ru/?an=aradiopage&uid=504 (дата обращения: 06.12.2021).

Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо

Барбун В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славистики

E-mail: victoria.barbun@usarb.md

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Победаш Е. В., кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков

E-mail: elka_evgeniya@mail.ru

Alecu Russo Balti State University

Barbun V. V, Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Slavic Studies

E-mail: victoria.barbun@usarb.md

Lomonosov Moscow State University

Pobedash E. V., Candidate of Pedagogy, Lecturer of the Department of Comparative Studies of Languages

E-mail: elka_evgeniya@mail.ru

УДК 811.161.1

СТИЛИСТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СВАДЕБНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПИНЕЖЬЯ

Ван Лолань

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются стилистические характеристики и прагматические функции терминов родства в свадебном фольклоре Пинежья. Свадебный фольклор подобен клишированным формулам социальной коммуникации, он выступает в функции символического регулятора социальных связей и соответствующих поведенческих тактик участников свадьбы. В данном исследовании использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, дедуктивный и индуктивный методы. В свадебном фольклоре термины родства не только выполняют собственные функции лексических единиц, но и способствуют перестройке социальных отношений участников свадьбы, являясь вербальным подтверждением смены социального статуса.*
Ключевык слова*: свадебный фольклор Пинежья, термины родства, праматические функции лексики, смена социального статуса.*

Abstract: ***t****he article deals with the stylistic characteristics and pragmatic functions of kinship terms in the wedding folklore of Pinezhye. Wedding folklore is like cliched formulas of social communication; it acts as a symbolic regulator of social ties and the corresponding behavioral tactics of wedding participants. This study uses descriptive, comparative, deductive and inductive methods. In wedding folklore, kinship terms not only perform their own functions of lexical units, but also contribute to the restructuring of social relations of wedding participants, being a verbal confirmation of a change in social status.*
Keywords*: wedding folklore of Pinezhye, terms of kinship, pramatic functions of vocabulary, change of social status.*

ВВЕДЕНИЕ

Термины родства являются неотъемлемой частью любой языковой системы, с их помощью обозначаются и воспроизводятся существующие в обществе родственные отношения. Эти термины вызывают устойчивый интерес в различных отраслях социально-гуманитарных наук. Начиная со второй половины XX века в научных кругах возник всплеск обсуждения проблематик терминов родства, охватывающих большое количество исследований. В том числе лингвистические (об инвентаре, этимологии и словообразовании терминов родства и т.д.), междисциплинарные (о связи терминов родства с социальным институтом и национальной культурой). Также большой популярностью пользуются исследования с позиции компаративистики (сопоставительный анализ терминов родства в различных лингвокультурах). Однако термины родства и их стилистико-прагматический потенциал в контексте свадебного фольклора недостаточно изучены.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СВАДЕБНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПИНЕЖЬЯ

Свадебный фольклор был неотъемлемой частью традиционного свадебного обряда. Свадебные обряды главным образом ориентированы на включение молодой жены в чужое для нее новое сообщество (семью мужа), а также на соединение новобрачных и их семей и родов в отношения свойства. Создание новой семьи, установление новых семейных отношений находят свое отражение в ритуальной свадебной речи, особенно ярко этот процесс проявляется в употреблении терминов родства.

Наше исследование основано на издании «Обрядовая поэзия Пинежья» [1], основанном на полевых записях, сделанных фольклористами МГУ в Пинежском районе Архангельской области в начале 1970-х годов. В раздел «Свадебный обряд и поэзия» включено 70 причитаний, 51 свадебная песня и два речитатива (приговоры).

Термины родства, использованные в свадебном фольклоре Пинежья, можно разделить на три группы: термины кровного родства, термины свойства и термины духовного родства.

В свадебном фольклоре Пинежья преобладают термины кровного родства, которые, как правило, называют близких родственников невесты. Наиболее многообразные формы и наибольшее количество терминов родства в свадебном фольклоре Пинежья относится к семье невесты, прежде всего к ее родным родителям, затем родным братьям и сестрам.

По сравнению с терминами кровного родства термины свойства в количественном отношении используются относительно реже. К свойственникам

© Ван Лолань, 2022

относится родня с обеих сторон (тесть, теща, шурин, свояченица, свекор, свекровь, деверь и золовка). При номинации свойственников предпочтение отдается стороне невесты. Родителей будущей жены часто называют терминами с постоянным эпитетом (ласковый тесть, приветливая / ласковая теща). Родителей жениха называют либо терминами родства (свекор, свекровка) в обособленном виде, либо сложными наименованиями (свекор-батюшка, свекровушка-матушка).

Чтобы обосновать употребление сложного наименования, как свекор-батюшка, свекровушка-матушка, в свадебном фольклоре, необходимо обратиться к референции лексики. По словам В. В. Морковкина, «называя какой-либо факт действительности, лексическая единица одновременно его и классифицирует, т.е. включает в определенный класс» [2, 45]. При изучении имени собственного Т. А. Буркова также указывает, что назывная функция реализуется в двух аспектах — «дистинктивном (выделяющем индивида из коллектива) и интеграционном (объединяющем носителей имени собственного в общий класс) <…> дифференциация апеллятивных и ономастических номинаций наблюдается внутри номинативной функции, где в первом случае речь идет о введении предмета в класс подобных (номинативно-классифицирующая функция), а во втором — о различении предмета среди подобных (номинативно-дифференцирующая функция)» [3, 760].

Таким образом, использование терминов родства типа свекор-батюшка различает родителей жениха с родными родителями невесты и одновременно включает родителей жениха в группу близких родственников невесты. В современном обществе регулярно используются термины кровного родства для обозначения свойственников. И. Б. Качинская отмечает, что «в обращении к свекру и свекрови, тестю и теще, как правило, используется термины кровного родства. Они также фиксируются и в номинации», и при этом «разница в номинации (и обращении) между матерью и свекровью, когда используется один корень, прототипически привязанный к термину кровного родства, но различаются аффиксы, характерна для многих языков и является языковой универсалией» [4, 224–225]. Сложные наименования в свадебном фольклоре, в сущности, приближаются к языковым феноменам обозначения свойственников терминами кровного родства с одинаковыми корнями и разными аффиксами: «Выходила замуж, так свекровка не давала называть матерью, а матушкой: я тебя не рожала, зови матушкой. Матушка — мужа мать, а своя — мама, мамушка» [4, 224]. Это, с одной стороны, отражает различные основы их родственных отношений (по кровному родству или по браку), с другой, приравнивают свойственников к родственникам. Такой языковой феномен намекает на то, что новобрачные должны взять на себя ответственность по отношению к семье супруга, и каждый из них должен относиться к родителям другого как к своим родным родителям. В свою очередь, родители по свойству должны относиться к зятю / молодке тоже как к своим родным детям.

Таким образом, сложные наименования (свекор-батюшка, свекровушка-матушка, деверьица-братьица, золовушки-сестрицы) можно считать как вербальное отражение невидимого объединения двух семьей.

Говоря о специфике терминов родства в свадебном фольклоре Пинежья, необходимо отметить следующие особенности:

Во-первых, доминируют одноосновные термины по отношению к свойственникам (свекор, тесть, шурин, деверь, золовка, свояченица и т.д.), редко встречаются описательные словосочетания, аналитические формы, исключение составляют только два примера, когда речь идет о невесте («доци у Василья Михайловица…» [1, 45]; «дочь у Анны Федоровны…» [1, 69]).

Во-вторых, термины родства в свадебном фольклоре Пинежья отражают фонетические, морфологические и лексические особенности пинежского говора, например цоканье, архаические формы склонения и диалектизмы.

В-третьих, термины родства, использованные в свадебном фольклоре, являются устаревшими для речевого сообщества пинежских деревень XX века, что, с одной стороны, свидетельствует о древнейшем происхождении свадебного фольклора. С другой стороны, устаревшие термины функционируют как художественный прием «остранения», имеющий целью вывести реципиента из автоматизма восприятия, и тем самым способствуют созданию сакрального мира, отличного от обыденной жизни.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СВАДЕБНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПИНЕЖЬЯ

С. Б. Адоньева отмечает, что «ритуальные тексты с точки зрения предлагаемого подхода служат операторами внутренней жизненной интриги. В этом смысле переходный обряд представляет собой особую социально-психологическую процедуру, пациентом которой, вне зависимости от своей воли, оказывается посвящаемый. Задача этой ритуальной процедуры состоит в разрушении того прежнего я, с которым идентифицировал себя человек, и созидании нового я. Посредством ритуала, таким образом, происходит переход от одного набора поведенческих сценариев, что, собственно, и составляет социально детерминированное я индивида, к другому» [5, 248–249]. При этом нельзя не упомянуть о прагматической функции терминов родства в отношении активации «внутренней жизненной интриги», «разрушении прежнего я» и «созидании нового я».

В терминах родства закрепляется традиционное представление народа о семейных ролях и обязанностях. Согласно результатам исследования В. Вана и Н. А. Гогулиной, для русских респондентов частотными ассоциациями на стимул «мать/мама» являются

любовь, забота и тепло, а самые частотные на стимул «отец/папа» — сила, надежность, работа, строгость, защита, любовь [6, 291–292]. Однако в контексте свадебного фольклора термины кровного родства (отец, мать, родители) приобретают противоположное коннотативное значение, например равнодушие, беспощадность, недоверительность и т.д.

«…Уж и на своих-то да на родителей
Вы нисколько да не надейтесь.
Уж и я ходила да все надеялась,
Я ходила да всё надеялась.
Уж они меня на льду да как подломили,
Уж они меня на цвету да как подсушили,
Уж я травиночка да недорослая,
Уж я цветочек да непроцвёлый» [1, 39]

Это непосредственно связано со сменой социального статуса невесты и трансформацией ее социальных отношений в период свадебных обрядов. Таким образом, акцентируется беспомощность невесты и трагичность ее судьбы и усиливается драматичность свадебных обрядов.

Персонажи в ритуальных свадебных песнях находят своих референтов в обрядовой обстановке, т.е. персонажи в песенном мире непосредственно связаны с реальными участниками свадьбы, такое совпадение обеспечивает эффект воздействия свадебного фольклора на действительность. Как утверждает С. Б. Адоньева, прагматическая функция «в значительной степени определена характером соответствия между фактическими участниками коммуникативной ситуации (адресатом и адресантом) и грамматическими, т.е. тем, каким образом коммуниканты предъявлены в фольклорном высказывании» [5, 242]. В связи с этим термины родства, которые нередко употребляются в сопровождении с именем личным, в свадебном фольклоре выполняют функцию самоидентификации и отождествляют участников свадебного обряда с персонажами ритуальной песни:

«Уж ты родимый мой брателко,
Уж ты Петро-то да Иванович,
Уж возьми в руки остренькой да топорик,
Уж сходи в зелёненькой да лесочек,
Уж сходи в тёмненькой ты да борочек…» [1, 38]

Эмотивная функция лексических единиц реализуется в конкретном высказывании. Термины родства и их различные словоформы отражают не только статусное соотношение между коммуникантами, но и подчеркивают отношение говорящего к собеседнику и к лицу. Эмоционально-оценочная окраска терминов родства главным образом воплощена в диминутивах, постоянных эпитетах и приложениях, которые придают лексемам большой эмоциональный заряд.

В свадебном фольклоре термины родства выполняют еще текстообразующую и фатическую функции. Нетрудно заметить, что в свадебных причитаниях термины родства в качестве обращения часто разделяют целое высказывание (причитание) на несколько речевых актов:

«…Ах, родима ты моя маменька,
И хоть плачу да не судачу,
Ах, родима ты моя маменька,
Хоть причитаю да не пеняю.
А не сама пошла взамуж вздумала,
Да и не ты мне да повелела,
А судьба божья да предсказала» [1, 119–120].

ВЫВОДЫ

Подведем итоги. Как следует из вышеизложенного, в контексте свадебного фольклора термины родства не только выполняют собственные функции лексических единиц (номинативную, классифицирующую, дейктическую, эмотивную и знаковую), но и конструктивную функцию, и функцию фатическую. Более того, термины родства в составе высказывания помогают ритуальным текстам и обрядам в выполнении их социальных функций, помогают новобрачным и заинтересованным участникам свадьбы идентифицироваться в новых социальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / под ред. Савушкиной Н. И.— М.: Изд-во МГУ, 1980.— С. 28–127.
2. Морковкин В. В. Основные функции лексических единиц / В. В. Морковкин // Вестник РУДН, Серия: Вопросы образования: языки и специальность.— 2007.— № 1.— С. 43–50.
3. Буркова Т. А. Функциональный потенциал имен собственных / Т. А. Буркова // Филология и искусствоведение. Том 21.— 2016.— № 3.— С. 760–763.
4. Качинская И. Б. Свекровь и теща: термины свойства в Архангельских говорах / И. Б. Качинская // Севернорусские говоры.— 2015.— Вып.14.— С. 218–233.
5. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева — СПб.: Изд-во СПбГУ; ЗАО ТИД «Амфора», 2004.— 312 с.
6. Ван В. Лингвокультурологическая интерпретация терминов родства по данным речи / В. Ван, Н. А. Гогулина // Физика. Технологии. Инновации: Сборник научных трудов / под ред. В. Н. Рычкова. Екатеринбург: ГУП СО «Режевская типография», 2015.— Вып. 1.— С. 289–296.

Санкт-Петербургский государственный университет
Ван Лолань, аспирант кафедры истории русской литературы
E-mail: wluolan@qq.com

Saint Petersburg State University
Wang Luolan, Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature
E-mail: wluolan@qq.com

УДК 811.161.1'282.2 (470.324)

ИСТОЧНИКИ СИНОНИМИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Д. Н. Гальцова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются синонимические соответствия в современных воронежских говорах в аспектах лексикологической мотивированности и словообразования. На примере трех тематических групп диалектной лексики анализируются принципы номинации, приводятся мотивировочные признаки, отмечается связь синонимии с многозначностью. В ходе исследования описываются словообразовательные процессы, выявленные в рамках синхронного среза, проводится анализ словообразовательных типов. В заключение делается вывод о двух основных источниках разнодиалектной синонимии, указываются частотные принципы номинации в каждой тематической группе, а также рассматриваются особенности функционирования выявленных лексем в воронежских говорах.*
Ключевые слова: *синонимические соответствия, принципы номинации, лексика, словообразование, синхронный срез, воронежские говоры.*

Abstract: *the article discusses synonymous correspondences in modern Voronezh dialects in aspects of lexicological motivation and word formation. On the example of three thematic groups of dialect vocabulary, the principles of nomination are analyzed, motivational indications are given, the connection of synonymy with ambiguity is noted. In the course of the study, the word-formation processes in synchronic cross-section are described, the analysis of word-formation types is carried out. The conclusion is made about the two main sources of dialect synonymy, the frequency principles of nomination in each thematic group are indicated and the features of the functioning of the identified lexemes in Voronezh dialects are considered.*
Keywords: *synonymic correspondences, nomination principles, vocabulary, word formation, synchronous section, Voronezh dialects.*

Диалектный язык является сложной макросистемой частных диалектных систем, характеризуемой общими и варьируемыми признаками. Полное представление о лексической системе диалекта можно получить лишь при его целостном изучении, рассматривая не только взаимодействие языковых единиц внутри каждой частной диалектной системы, но и отношения данных единиц на уровне макросистемы. В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью изучения синонимических отношений на уровне макросистемы для установления лингвистических взаимосвязей, прогнозирования динамики развития говоров и национального языка в целом.

В научной литературе оговаривается, что диалектными синонимами являются только те слова, которые употребляются в отдельном говоре, так как они соответствуют одному из основных признаков синонимии — взаимозаменяемости. Например, Л. И. Баранникова считает, что «о дублетных и синонимических отношениях между словами возможно говорить лишь тогда, когда они входят в одну лексическую систему, не осознаются как слова чужого говора, являются равноправными или, точнее, почти равноправными членами лексической системы говора» [1, 392]. Сходную точку зрения имеет Л. К. Лыжова, которая отмечает, что «синонимия — это явление внутрисистемное и синхроническое, поэтому её изучение целесообразно начинать с исследования говора одного села» [2, 3].

Другой вид синонимических отношений в говорах — это наименования одних и тех же реалий, явлений, признаков, процессов, принадлежащих разным говорам одной макросистемы. Такие наименования не называют синонимами, так как они не могут быть взаимозаменяемыми в речи диалектоносителей, но в то же время нельзя сказать, что указанные слова вообще не имеют синонимических связей.

Долгое время среди диалектологов велась дискуссия о том, можно ли отношения между наименованиями одних и тех же реалий в разных говорах считать синонимическими. Некоторые исследователи не относили данные наименования к подлинным синонимам по причине неимения ими функционального тождества. Например, Ф. П. Филин различает синонимию и лексический параллелизм [3]. Т. С. Коготкова также отрицает существование междиалектной синонимии и противопоставляет синонимы лексиче-

© Гальцова Д. Н., 2022

ским параллелям [4, 99–100]. В таком случае, по замечанию Г. П. Клепиковой, исследователи «признают системный статус лишь единичного говора и литературного языка» и отрицают системность фрагментов диалектного языка [5, 81].

Многие учёные придерживаются противоположной точки зрения и признают отношения данных наименований синонимичными. Исследователи определяют такие наименования как *синонимические соответствия* (О. И. Блинова), *междиалектные синонимы* (И. А. Оссовецкий, Е. А. Нефедова), *разнодиалектные синонимы* (Г. А. Раков), *междиалектные соответствия* (О. Н. Мораховская), *межсистемные соответствия* (О. В. Загоровская). В нашей работе мы будем использовать термин *синонимические соответствия*, так как он одновременно подчеркивает синонимическую природу выявленных лексических единиц и отмечает отсутствие их речевой актуализации.

Синонимические соответствия изучаются не так активно и продуктивно, как синонимы в частной диалектной микросистеме. Это объясняется, во-первых, отрицанием существования синонимических отношений у данной группы слов на протяжении нескольких десятилетий XX в., во-вторых, большим объемом материала, который часто не удается охватить полностью. Однако можно отметить обширные научные труды, посвященные этой теме:

1) диссертационные исследования, полностью построенные на анализе синонимии в макросистеме: Л. И. Омельченко (Иркутск, 1971) рассматривает лексические синонимы в ангаро-ленских говорах Иркутской области; С. Р. Качинская (Москва, 1972) анализирует лексическую синонимию в южных говорах Горьковской области;

2) диссертационные исследования, имеющие одним из аспектов синонимию в макросистеме: Е. А. Нефедова (Москва, 2008) рассматривает синонимию как составляющую лексико-семантического варьирования в пространстве диалекта, дает синонимические ряды, относящиеся к группам микологической и энтомологической лексики архангельских говоров; О. Г. Борисова (Краснодар, 2018) моделирует макросистему кубанских говоров, анализирует синонимию как часть парадигматических отношений этой макросистемы.

Необходимо также отметить составление Институтом лингвистических исследований Российской академии наук Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), который основан на сборе, систематизации и картографировании синонимических соответствий не отдельной макросистемы, а диалектного языка Европейской части России в целом (И. А. Попов, Ю. С. Азарх, О. Н. Мораховская, З. М. Петрова, А. С. Герд, Т. И. Вендина, С. А. Мызников и др.).

На материале воронежских говоров указанный вид синонимии упоминается в работах, посвященных определенным тематическим группам воронежской лексики: географическая лексика (В. И. Дьякова), названия одежды (М. В. Панова), названия пищи (Т. В. Карасева), ихтиологическая лексика (Е. П. Куйдина), названия человека (Т. А. Литвинова), свадебная лексика (Е. А. Богданова). Однако исследование, полностью посвященное наименованиям одних и тех же реалий, принадлежащих разным говорам, их происхождению и функционированию, на данный момент не было проведено.

С учетом сказанного представляется важным изучение синонимических соответствий в составе воронежских говоров, рассматриваемых в качестве макросистемы низкой степени абстрактности.

Источниками материала выступили:

1) картотека «Словаря воронежских говоров», содержащая материалы диалектологических экспедиций 1947–2019 гг.;

2) «Словарь воронежских говоров», вып. 1–3 (А-З), 2004, 2007, 2019 гг.;

3) «Словарь географической лексики Воронежского края» В. И. Дьяковой, В. И. Хитровой, 2009 г.;

4) картотека «Словаря воронежской деловой письменности XVII–XVIII веков» В. И. Хитровой;

5) персональная картотека автора (2015–2021 гг.).

В итоге было выявлено и проанализировано 739 лексических единиц.

Методы исследования: 1) метод сплошной выборки; 2) полевой метод, предполагающий непосредственное общение с диалектоносителями; 3) метод моделирования фрагментов макросистемы; 4) описательный метод; 5) метод компонентного анализа.

В данной статье будут рассмотрены синонимические соответствия в аспектах лексикологической мотивированности и словообразования.

В нашем исследовании мы рассматриваем возникновение синонимических соответствий на примере трех тематических групп: «Названия пищи», «Географическая лексика», «Метеорологическая лексика». Выбор данных групп лексики обусловлен двумя причинами:

1. Стремление отразить различные аспекты диалектной картины мира носителей воронежских говоров.

Выбранные тематические группы представляют разные сферы мировоззрения диалектоносителей: названия пищи отражают процесс питания как важнейшее действие для жизни человека; географическая лексика дает сведения о восприятии людьми местности, которая их окружает; метеорологическая лексика показывает осмысление человеком погодных условий. Эти обширные фрагменты действительности, зафиксированные в говорах, являются одними из основных фрагментов диалектной картины мира, представляют собой базу для исследования ментальности воронежских диалектоносителей.

2. Необходимость рассмотреть принципы номинации синонимических соответствий на разном материале для точности выводов.

Выбирая столь различные по наполнению тематические группы, мы преследовали цель подтвердить или опровергнуть предположение о том, что при одинаковых источниках синонимии лексическая и словообразовательная мотивации лексем разных тематических групп будут существенно отличаться.

Лексикологическая мотивированность

Приведем примеры принципов номинации в *ТГ «Названия пищи»*:

крошёнка — мурцо'вка — сыта' — тю'рька — тю'ря ‘куски хлеба, размоченные в воде или квасе’

Номинация по способу приготовления: *крошёнка*. Во время приготовления блюда хлеб *крошили*.

По способу употребления: *мурцо'вка*. Образовано от глагола *мурцова'ть* в значении ‘есть’ (Смол.) [6, 18; 360]. В русских говорах слово *мурцо'вка* ‘тюря’ общерусского распространения [6, 18; 359–360]. Возможно, родственно также лексеме *мура'* ‘тюря, тюрка, крошеный хлеб в квасу’ (твер., влад., тамб.) [7, 2; 359].

Лексема *сыта* не имеет однозначной мотивировки. Кушанье может быть номинировано:

а) по своему свойству от слова *сытный* в значении ‘питательный, хорошо насыщающий’;

б) по способу приготовления от глагола *сыти'ть* ‘послащать воду мёдом; разводить подслащённою или просто тёплою водою’ [7, 4; 377].

Кроме того, неоднозначно самое распространенное в воронежских говорах наименование данного кушанья — *тюря*, а также его словообразовательный вариант *тюрька*. Есть две версии происхождения данных лексем:

а) по способу приготовления, так как связано с глаголом *тереть* ‘мельчить что-либо, крошить’ или с глаголом *тю'ри'ть* ‘крошить’ (Орл., Брян.) [6, 46; 34];

б) по консистенции, так как, по версии О. Н. Трубачёва, заимствовано из литовского языка, родственно литовскому *tỹrė* в значении ‘каша’ [8, 28].

антио'сы — барде'шники — валто'ники — валто'ны — вараку'шки — дра'нки — дра'нчики — дро'ньки — дрочёнки — дрочёны — кавард у'шки (кавырду'шки) — чере'пчики ‘картофельные оладьи’

Номинации по способу приготовления:

— с мотивирующей основой дра-: *дра'нки, дра'нчики***.** Происхождение связано с глаголом *драть* в значении ‘измельчать, дробить’ (Смол.), ‘тереть на тёрке (картофель)’ (Смол.) [6, 8; 175].

— с мотивирующей основой дроч-: *дрочёнки, дрочёны, дро'ньки.* Происхождение этих лексем связано с глаголом *дро'чи'тъ* ‘вздымать, взбивать, взрыхлять, вздувать’ (Твер., Урал.) [6, 8; 204].

— с мотивирующей основой кавард-(кавырд-): *кавард у'шки (кавырду'шки).* В процессе жарки оладьи переворачивают на сковороде, *кавардают, перекавырдывают* (в воронежских говорах *кавардать, кавырдать* — переворачивать).

Лексема *варакушки* предположительно образована от *варакать* ‘делать что-либо наспех, неумело, кое-как’ (Тамб., Пенз., Нижегор., Иван., Влад.), ‘небрежно, плохо стряпать’ (Влад., Нижегор., Казан.) [6, 4; 42].

Лексема *бардешники* связывается с тем, что «картофельные оладьи считались блюдом «второго сорта» и готовились преимущественно во время голода, неурожая, войны», поэтому этимологию данной номинации можно связать с *барда, бурда*, имеющими сему негативной оценки [9, 77].

Лексема *черепчики* образована от *черепу'шка* в значении ‘глиняная стопка’ [7, 4; 593], в которой могли выпекаться такие оладьи.

ланды'рики — обмо'чки — ска'канцы ‘блины’

Номинация по способу употребления: *обмо'чки*. Образовано от диалектного глагола *обмоча'ть* ‘макать во что-либо’ (ворон., юж.-рус.) [6, 22; 136]. Связано с тем, что блины при употреблении часто *макают* во что-либо (в варенье, сметану, масло).

Номинация по свойству блюда при приготовлении: *ска'канцы*. Происхождение этого слова связано с глаголом *скака'ть*, так как хорошие блины отстают, *отскакивают* от сковороды.

Немотивированное слово: *ланды'рики.* В СРНГ отмечается слово с данным корнем, также обозначающее мучное изделие: *ландо'рик* ‘пирожок с овощной начинкой’ (Бурят. АССР, Иркут.) [6, 16; 254].

Приведем примеры принципов номинации в *ТГ «Географическая лексика»*:

верх — взво'лок (узво'лок) — взго'рок — взло'бок — вышо'к — горб — горби'на — горбу'шка — го'рушка — майда'н — макло'к — наго'рок — па'горок — пове'рш — приго'р — пупо'к ‘небольшая возвышенность, холм’

Номинация по признаку высоты, линия *верх — низ*:

— с корнем -верх- (–верш-): *верх*, *пове'рш*;

— с корнем -выш-: *вышок;*

— с корнем гор-: *взго'рок, горушка, наго'рок, па'горок*, *приго'р*.

Номинация по ассоциативному сходству с частью тела человека: *взло'бок*. Слово *лоб* в воронежских говорах имеет значение ‘возвышенность’, ‘холм, лишённый растительности’. В СРНГ также присутствуют значения слова *лоб,* связанные с возвышением: ‘верхушка, верх стога’ (Иркут.), ‘мыс, крутой берег’ (Сиб.) [6, 17; 93].

Отметим, что аффиксы данных лексем свидетельствуют о небольшой высоте объекта: суффиксы -ок- (выш*ок*, взгор*ок*, нагор*ок*, взлоб*ок*, пагор*ок*) и -ушк- (гор*ушк*а) имеют значение уменьшительности, приставка па- (*па*горок) — значение неполноты, несовершенства (ср. *па*сынок, *па*водок; пословица «Беды учат, *па*бедки мучат» [7, 1; 153–154]).

Номинация по форме объекта:

— по сходству *с горбом*: *горб, горбина, горбушка;*

— по сходству *с маклоком* ‘часть коленного сустава крупного рогатого скота’: *макло'к;*

— по сходству с пупком: *пупо'к.*

Лексема *майдан* тюркского происхождения: татарское, туркменское *maidan* ‘ровное, свободное место’; турецкое, крымско-татарское *mäidan* [10, 2; 559]. М. П. Рожкова отмечает, что, «попадая на русскую почву, тюркские слова зачастую получали дополнительные оттенки значения <…> Например, тюркское слово *майдан* (открытое поле, площадь), проникшее на Дон через украинскую речь, в романовских говорах закрепилось в значении места для собирания сходов» [11, 122]. На воронежской территории слово *майдан* в XVII в. употреблялось в значении ‘базарная площадь’ [12, 95]. Вероятно, развитие лексемы *майдан* в воронежских говорах происходило следующим образом: ‘открытое поле’ — ‘площадь’ — ‘свободное место’ — ‘свободное место в лесу’ — ‘свободное место в лесу, пригодное для курения смолы’ (в воронежских говорах второе значение слова *майдан* — ‘яма, где раньше курили смолу’) — ‘обширная *яма* в виде воронки, выкапываемой в лесу *на возвышенном месте*’. Из последнего значения выделились два значения, противоположных по линии *верх — низ*: ‘небольшая возвышенность, холм’ и ‘яма, где раньше курили смолу’.

бродо'к — бузи'нчик — бура'вчик — бура'вь — буру'н — бурча'к — бурча'л — водото'к — грему'к — гремя'ч — гудо'к — озго'лсок — пони'к — протёк — юро'к ‘ручей’

Номинация по издаваемому звуку:

— с мотивирующей основой буз-: *бузи'нчик*. Ср. диалектное *бузистый* ‘любящий скандалить, шуметь, бузить’ (Ленингр.) [6, 3; 256], *бузить* ‘буянить, хулиганить, шуметь’. М. Фасмер отмечает связь глагола *бузить* с *буза* ‘заваруха, свалка, склока’ ← ‘напиток’ [10, 1; 233]. Отметим, что *буза* ‘сусло, молодое пиво или брага’ [7, 1; 139], ‘слабоалкогольный или безалкогольный напиток из ячменя, пшена или гречихи; род пива’ (Дон., Терск., Ворон.), ‘алкогольный напиток из мёда’ (Челяб.) [6, 3; 253]. Из приведённых значений развивается переносное, указанное М. Фасмером, ‘заваруха, свалка, склока’, вероятно, по связи с поведением людей, употребивших бузу. Далее образовался глагол *бузить*, связанный с издаванием звука, производством шума. Именно издавание звука стало мотивировочным признаком для наименования *бузинчик* в значении ‘ручей’;

— с мотивирующей основой бурч-: *бурча'к, бурча'л;*

— с мотивирующей основой грем-: *грему'к, гремя'ч;*

— с мотивирующей основой гуд-: *гудо'к;*

— с мотивирующей основой голос-: *озго'лсок.*

Номинация по способу образования географического объекта: *бура'вчик, буравь, буру'н.* При течении ручья вода *пробуравливает* поверхность.

Признаком номинации для лексем *водото'к, протёк* является признак течения воды.

Лексема *бродо'к* восходит к глаголу *бродить*, так как ручей можно перейти *вброд*.

Слово *пони'к* восходит к глаголу *поникать* в значении ‘пропадать’. В СРНГ данный глагол присутствует с пометой курск. ‘пропадать, исчезать, иссякать’ [6, 29; 260]. В. И. Даль также фиксирует значение ‘пропадать, гибнуть, увядать, исчезать’, приводит примеры, связанные с водными объектами: «вода поникает», «ключи, колодези поникли» [7, 3; 295]. Ср.: *пониковец* ‘ручей, местами теряющий течение и переходящий в заболоченный участок или трясину’ (Смол.) [13, 180].

Наименование *юро'к* является фонетическим вариантом слова *ерик* ‘усынок, проток’.

ела'нка — ела'нь — кули'га — мести'на — опля'шина — плеши'на — полечо'к — просве'тлина ‘поляна’

Лексема *елань* является заимствованием из тюркских языков: «ср. башк., тат. *jalan*, алт., тел., кюэр., леб. *jalaŋ* ‘поле, долина, равнина’, бараб., тел., уйгур. *jalaŋ* ‘нагой, голый’, шорск. *čalaŋ* ‘равнина’ [10, 2; 13]. В СРНГ зафиксирована лексема *елань* в значении ‘поляна в лесу’ с пометами, отражающими общерусское распространение данного слова [6, 8; 337].

Лексемы *опля'шина, плеши'на* связаны со словом *плешь* ‘голь, голезина, голое место, прогалина в лесу’ [7, 3; 132]. Поляна в лесу предстает «голым» местом по сравнению с остальной площадью, поросшей деревьями и кустарниками.

Слово *просве'тлина* употребляется на изучаемой территории в значении ‘поляна’, что зафиксировано в СРНГ: *просветлина* ‘поляна, прогалина в густом лесу’ (Ворон.) [6, 32; 224]. Кроме того, в СРНГ отмечается другое значение: ‘просвет в тучах’ (Свердл., Тюмен., Ср. Урал). У В. И. Даля находим следующие значения: ‘появление света во тьме’, ‘внезапный доступ света, простор или отверстие для света во тьме’ [7, 3; 508]. Номинация поляны словом *просветлина* основана на развитии указанных выше значений, так как лесная поляна — это открытый участок в лесу, следовательно, наполненный *светом*.

Слово *кулига* не имеет ясной этимологии. J. Kalima считает, что заимствовано из финского *kylä* ‘деревня’, однако М. Фасмер отмечает, что такая трактовка не объясняет всех значений данного слова в русском языке [10, 2; 410].

Приведем примеры принципов номинации в *ТГ «Метеорологическая лексика»*:

дряблая погода — гусиная погода ‘ненастная, дождливая погода, мокрая погода’

Двусоставное наименование *гусиная погода* связано с повадками домашних птиц, *гусей*, которые любят открытые пространства с многочисленными лужами. Лужи возникают во время и после дождя, ненастья, что и обусловливает номинацию.

Лексема *дряблый* в наименовании *дряблая погода* связана с литовским *drimbù, drìbti* ‘сочиться, капать густыми каплями’, *drabnùs* ‘тучный’, возможно, родственно греческому θρόμβος ‘сгусток’ [10, 1; 545]. В современном русском литературном языке сохранилось лишь значение ‘лишенный упругости, крепости, вялый’, однако в говорах бытуют значения, связанные с влажностью и топкостью.

воню'чий ветер — е'дкий ветер — северя'к — юр ‘холодный, резкий, сильный ветер’

Двусоставные наименования *вонючий ветер* и *едкий ветер* являются эмоционально-экспрессивными. Слова *едкий* ‘вызывающий сильное физическое раздражение’ и *вонючий* ‘плохо пахнущий’ стали эмоциональным определением для холодного, резкого, неприятного ветра.

Наименование *северяк* отражает номинацию по направлению и температуре ветра.

В результате исследования лексикологической мотивированности в синонимических соответствиях можно прийти к следующим выводам:

I. Распространённость тех или иных принципов номинации зависит от тематических групп. В соответствии с проанализированными группами выявлены следующие частотные принципы номинации:

1. Тематическая группа «Названия пищи». В данной группе собрано и проанализировано 14 пар и 34 ряда синонимических соответствий, включающих 211 лексем.

Приведем примеры выявленных номинаций:

1) номинация по способу приготовления: *варену'ха — зава'р — звар — зваро'к — изва'р — изва'рчик — узва'р* ‘компот’; *верту'шки — завёртки* ‘блинчики’; *завари'ха — за'тирка — изва'ра* ‘жидкая каша из заваренной муки’; *дра'нки — дра'нчики — дро'ньки — дрочёнки — дрочёны — кавару'шки* ‘картофельные оладьи’; *дроча' — дрочёна — дрочёнка* ‘кушанье из запеченной каши, молока и яиц, иногда с добавлением картофеля’; *варе'ни — варе'шки — чинёнки* ‘вареники’;

2) номинация по основному продукту: *квас бура'чный — квас свеко'льный — свеко'льник* ‘квас из свёклы’; *костри'чник (костры'чник) — крапи'вник — суп с жи'гой* ‘суп из крапивы’; *лу'кник — лу'ко'вник — лу'шни'к — подлушник* ‘пирог с луком’; *моло'шник — молошня'к* ‘молочный суп’; *ты'квенник — тыкве'шник — тыквя'нка* ‘тыквенная каша’; *я'блочник (я'блошник) — я'блошня* ‘яблочный пирог’; *квас* ‘окрошка’;

3) номинация по форме блюда. Большая часть выявленных слов отмечается в ЛСГ «Хлебобулочные изделия», так как именно для выпечки форма играет большую роль, например: *колобы'шки — шары'* ‘пышки’; *кола'бух — кола'бушек — ко'лоб — кругля'к* ‘оладьи’;

4) номинация по вкусу: *го'рькая* ‘водка’; *кисли'ца — кислу'шка* ‘щи с кислой капустой’; *солоди'ха — солодо'к — солоду'ха — слади'ха* ‘блюдо из заваренной муки с добавлением свекольного сока’;

5) номинация по консистенции: *гу'ща — крутя'к* ‘густая часть супа’; *бухо'ня* ‘картофельное пюре’; *те'сто* ‘кисель’;

6) номинация по температуре: *борщ холо'дный* ‘окрошка’; *прохла'дец — сту'день — стю'день — холоде'й — холо'дное* ‘холодец’;

7) номинация по способу употребления: *мурцо'вка* ‘куски хлеба, размоченные в воде или квасе’; *обмо'чки* ‘блины’;

8) номинация по свойству продукта: *то'ники — тоньцы'* ‘блинцы’; *вино горячее — чи'стая* ‘водка’;

9) номинация по свойству блюда при приготовлении: *ска'канцы* ‘блины’; *пыхнуша* ‘гороховое пюре’;

10) номинация по способу получения продукта: *сыма'чка — сы'мки* ‘сливки’.

Таким образом, самыми частотными принципами номинации в тематической группе «Названия пищи» являются номинации по способу приготовления блюда; по основному продукту; по форме блюда; по консистенции; по вкусу.

2. Тематическая группа «Географическая лексика». В данной группе собрано и проанализировано 28 пар и 69 рядов синонимических соответствий, включающих 386 лексем.

Выявлены следующие номинации:

1) номинация по признаку формы географического объекта: *ги'рло — го'рло — горлови'на* ‘узкое место в реке’; *коврe'жка — ко'лоб — кругля'к* ‘холм округлой формы’; *разви'лок — рогови'лки* ‘расхождение оврагов’; *ендова' — ендови'на — ендови'нка* ‘поляна в низине’; *коси'к — косы'нка* ‘участок леса треугольной формы’; *горб — горбина — горбушка — макло'к — пупо'к* ‘небольшая возвышенность, холм’;

2) номинация по способу образования географического объекта: *буравля'нка — водомо'ина — промы'в — промы'вина* ‘овраг, промытый водой’; *копанец — копанка — копань — копанюшка — копна — копь* ‘яма, выкапываемая на огороде для собирания дождевых или грунтовых вод с целью полива’; *га'рево — горе'лка — горе'льник — пожа'рное ме'сто* ‘выгоревшее место в лесу’;

3) номинация по названию растительности, произрастающей на географическом объекте: *прутня'к — тальни'к — талы'* ‘низина у реки, заросшая ивой’; *мохови'к — мохови'на — мохови'ще — мша'рник — мши'на — омша'нник* ‘болото, поросшее мхом’;

4) номинация по особенностям протекания гидрографического объекта: *бура'вчик — буравь — буру'н* ‘ручей’; *буру'н — быстря'к — быстрячо'к — гонча'к* ‘быстрое течение’; *буру'н — верту'шка — вертушо'к — воро'нка — заворо'т — крути'ло* ‘водоворот’.

5) номинация по издаваемому звуку: *бузи'нчик — бурча'к — бурча'л — грему'к — гремя'ч — гудо'к — озго'лсок* ‘ручей’.

6) номинация по функции географического объекта: *бели'нище — белище — холсто'вница* ‘луг, на котором отбеливали холсты у реки’; *по'жня — сеножа'ть — сеноуго'дье* ‘сенокосный луг’;

7) номинация по признаку высоты, по линии *верх — низ*: *взго'рок — вышок — горушка — наго'рок — па'горок — пове'рш — приго'р* ‘небольшая возвышенность, холм’; *высотка* ‘отдельно стоящий холм’;

8) номинация по признаку отсутствия растительности: *голик — лы'сень — плеши'на* ‘холм, лишенный растительности’; *голе'зина — голизм — голы'зина — голя'к — голя'ч — лы'синка* ‘поляна без растительности’;

9) номинация по признаку глубины: *бе'здна — про'пасть* ‘глубокий овраг’.

10) номинация по признаку цвета: *зелено'к* ‘холм, покрытый растительностью’*; бе'лка — белу'га* ‘белая глина’*; красноле'сье.*

Таким образом, самыми частотными принципами номинации в тематической группе «Географическая лексика» являются номинации по форме объекта; по способу образования объекта; по названию растительности, произрастающей на географическом объекте; по особенностям протекания гидрографического объекта; по признаку высоты (линия *верх — низ*).

3. Тематическая группа «Метеорологическая лексика». В данной группе собрано и проанализировано 11 пар и 28 рядов синонимических соответствий, включающих 142 лексемы.

Выявлены следующие номинации:

1. Номинация по воздействию погодных условий:

1) результат воздействия солнечного света, тепла: *ве'дренье — ве'дрие — ведри'ца* ‘ясная, солнечная, сухая погода’*; оттепёлки — тепель* ‘оттепель’;

2) результат воздействия влаги, осадков: *дряблая погода* ‘ненастная, дождливая погода, мокрая погода’;

3) результат воздействия холода: *морозильник — морозище — морозобой* ‘мороз’*; голелёдка — обморозь* ‘мелкий снег с дождём; обледеневший снег’*; ильди'на — ледене'ц — ле'день — леди'на — леду'шка — ледяни'ка — ледя'нка — ле'дя* ‘льдина’.

2. Номинация по способу возникновения: *заметь — занос — сумёт — перевал* ‘сугроб’; *передув — передул — передут — перенос* ‘сугроб на открытом пространстве, который переносится ветром’.

3. Номинация по свойству номинируемого явления: *лепня' — лепы'ш* ‘мокрый снег’; *ле'пень — мокре'нь*‘ветер с мокрым снегом’.

4. Номинация по месту образования и функционирования: *позёмка* ‘метель с позёмкой’; *верховая* ‘метель’.

5.Номинация по консистенции: *каша — крошево — крошка — крупка* ‘мелкий рыхлый лёд на реке’.

6.Номинация по направлению и температуре ветра: *сиверка* ‘ветер с дождём (иногда снегом)’; *северя'к* ‘холодный, резкий, сильный ветер’; *летник — талый ветер* ‘южный летний ветер’.

7. Номинация по времени года или месяцу времени года: *зазимок — зазимье* ‘первые осенние морозы’*; апрелья* ‘метель в апреле’.

8. Образные и эмоционально-экспрессивные номинации: *плакун* ‘мелкий моросящий дождь’; *вонючий ветер — едкий ветер* ‘холодный, резкий, сильный ветер’; *шальница* ‘метель в апреле’.

Таким образом, самыми частотными принципами номинации в тематической группе «Метеорологическая лексика» являются номинации по воздействию погодных условий; по способу возникновения; по свойству; по месту образования; по направлению и температуре ветра.

II. Опосредованный способ номинации распространен в географической лексике, так как эта группа более других семантически связана с другими тематическими группами (названия частей тела человека и животного; названия посуды; названия пищи; название частей одежды и обуви), как правило, по принципу формы. Это объясняется антропоцентризмом, то есть желанием человека называть объекты окружающего мира по сходству с собственным телом или с вещами, принадлежащими ему. Безусловно, географическая терминология отражает объекты внешнего мира, однако Н. И. Толстой отмечает, что «ее зависимость от внешнего мира не оказывается прямой — непосредственной и механической. Различна степень детализации экстралингвистических факторов и даже принципы их отбора системой знаков-терминов» [14, 18]. В связи с этим определенный интерес представляют семантические изменения. В воронежских говорах в группе географической лексики можно отметить перенос на основе внешнего сходства из следующих тематических групп:

1. Названия частей тела человека и животного (‘небольшая возвышенность, холм’ — *горб, горбина, горбушка, маклок, пупок*; ‘холм, лишённый растительности’ — *лоб*; ‘конец оврага’ — *головка, хвост*; ‘начало оврага’ — *голова, головка*; ‘изгиб реки’ — *пле'чико*; ‘узкое место в реке’ — *ги'рло, го'рло, горлови'на*).

2. Названия посуды (‘степная низина; низменность’ — *ендова*; ‘общее название оврага’ — *ендова', котёл, маки'тра*; ‘поляна в низине’ — *ендова'*; ‘выпасной луг; пастбище’ — *ендова'*);

3. Названия пищи (‘холм округлой формы’ — *коврежка, колоб*).

4. Названия частей одежды и обуви (‘проток, отделившийся от реки’ — *рукав*; ‘ровное место около горы’ — *подошва*).

III. Принципы номинации определяются неравномерно в каждой тематической группе. Среди принципов номинации в группах не выявлены универсальные принципы. В тематической группе «Названия пищи» принципы номинации выделяются наиболее четко, количество немотивированных лексем невелико. В географической лексике многие принципы

номинации размыты, у некоторых лексем затруднительно определить мотивировочный признак, так как в данной тематической группе действуют регулярные семантические переходы, значения слов постоянно расширяются. Кроме того, географическая лексика богата тюркизмами, что также затрудняет определение принципа номинации. В метеорологической лексике часто определить принцип номинации не представляется возможным вследствие древности корней (*ведренье* 'хорошая сухая погода', *икра* 'льдина', *сипуга* и *завируха* 'метель'). Внутренняя форма слова не осознается диалектоносителями, поэтому в данной тематической группе большое распространение получила народная этимология.

IV. Отмечается связь синонимии с многозначностью, что представляет собой практически непрерывное семантическое варьирование во всех трех тематических группах. Однако в каждой тематической группе это может быть обусловлено разными причинами:

1.В тематической группе «Названия пищи» связь синонимии с многозначностью обусловливается:

а) сходством основного продукта: *обарка* 'гороховый суп' и 'гороховое пюре'; *ушное* 'гречневый суп' и 'гречневая каша'; *солоду'ха* 'свекольный суп' и 'блюдо из заваренной муки с добавлением свекольного сока';

б) сходством способа приготовления: *крошёнка* 'салат' и 'куски хлеба, размоченные в воде или квасе';

б) сходством формы номинируемого блюда: *колобышки* 'пышки' и 'оладьи';

в) сходством вкуса номинируемого кушанья: *кислица* 'каша из заваренной муки с добавлением различных ягод и фруктов' и 'щи с кислой капустой';

г) широким и размытым значением корня, который может отражать свойства различных блюд: *дутики* 'картофельное пюре', 'кушанье из запечённой каши, молока и яиц, иногда с добавлением картофеля', 'пышки'.

2. В тематической группе «Географическая лексика» отмечается связь синонимических соответствий с многозначными словами по следующим принципам:

1) поляризация значений по линиям «верх — низ», «начало — конец»: *головка* 'начало оврага' и 'конец оврага'; *верх* 'возвышенность, холм' и 'овраг';

2) признак формы: *ендова* 'поляна в низине' и 'овраг';

3) семантические переходы, свойственные народной географической терминологии: «выбоина — лужа»: *колдобина*; «глубокое место в реке — водоворот»: *бук, буча, бучило, котловина*; «лес — болото»: *бор*; «лес — возвышенность»: *липяг*; «низина — луг — лес»: *займище, левада*; «овраг — возвышенность»: *балка*.

3. В тематической группе «Метеорологическая лексика» связь синонимии с многозначностью обусловливается сходством времени года, в которое происходит определенное явление, а также метонимическими переносами (*бурун* 'буря, метель ураган' → *бурун* 'сугроб', т.е. то, что было нанесено бурей).

Словообразовательные процессы

Отдельно следует отметить словообразовательные синонимические соответствия, характеризующиеся общностью лексического значения и корневой морфемы, но различающиеся морфемным составом. Некоторые исследователи трактуют данные лексемы как словообразовательные варианты [15], однако против такого понимания вариативности возражают дериватологи, указывая на несоответствие понятия *словообразовательный вариант* самой сути процесса словообразования [16].

В данной работе мы берем за основу позицию Н. С. Валгиной, которая выделяет в качестве ключевого признака морфологическое тождество слова и призывает с опорой на принципы современной лексикографии квалифицировать лексемы с различными аффиксами как самостоятельные единицы [17, 29–31].

В результате исследования словообразовательных процессов в синонимических соответствиях мы пришли к следующим выводам:

I. Большинство выявленных корней являются общеславянскими, они системны для диалектного языка. Количество заимствованных корней и корней неясного происхождения невелико во всех трех группах лексики, практически все они полностью освоены лексической системой воронежских говоров.

II. Выявлены различные способы образования синонимических соответствий.

В тематической группе «Названия пищи»: суффиксальный (*варенуха, зварок, изварчик, вертушка, глазёнка, глазунка, глазуха, гречишка, дрочёнка, кислушка, лушник, тыквенник, колабушек, крошёнка, молошник и др.);* нулевая суффиксация (*завар, извар*); приставочно-суффиксальный (*подлушник).*

В тематической группе «Географическая лексика»: суффиксальный (*бучево, вертушка, гнилец, головашка, горушка, горбина, копанюшка, крутик, лядина, моховище, трясучка, болотинка, байрачок, ендовка, ерчик, яружка);* нулевая суффиксация (*копь*); приставочно-суффиксальный (*взгорок, нагорок, пагорок, подлесник, охвостье);* сложение основ с суффиксацией *(краснолесье, водомоина).*

В тематической группе «Метеорологическая лексика» выявлены следующие способы образования: суффиксальный (*ведри'ца, моро'зи'ще, ливу'н, сле'пень, лепня', лепы'ш, зи'мник, икре'ниц, ледене'ц, буряк, гробничка, вихрун и др.);* нулевая суффиксация (*бурь*); приставочно-суффиксальный (*зази'мок, зази'мье, окра'йки);* приставочный *(наблинец);* сложение основ *(пустолёд);* сложение основ с суффиксацией *(пустоле'дье).*

Таким образом, самым распространенным способом образования синонимических соответствий

в трех рассмотренных тематических группах является суффиксация. В тематической группе «Названия пищи» можно отметить следующие распространенные суффиксы: -ник- (*калинник, кулешник*), -к- (*дрочёнка, затирка*), -ух- (*варенуха, затируха, солодуха*), -их- (*завариха, солодиха*), -ок- (*зварок, кулешок, солодок*). В географической лексике выделяются суффиксы -ин- (*горбина, лядина, гатина, бучина, местина, байбачина*), -ник- (*тванник, гладышник, оглобельник, тынник*), -ушк-(–'ушк-) (*вертушка, горушка, горбушка, копанюшка*), -ец- (*гнилец, крутец, студенец, ржавец*), -ищ- (*головище, моховище, белище*). В метеорологической лексике отметим суффиксы -ен'- (*ледень, слепень*), -ун- (*ливун, вихрун*). Кроме того, в метеорологической лексике зафиксированы словообразовательные типы, например: з*авируха — заметуха*. Данные слова образованы от одной и той же части речи (от глаголов *заметать, завирать*) с помощью одного и того же словообразовательного форманта (суффикс *-ух-*) и характеризуются общностью словообразовательного значения.

III. Выявлены три основные причины возникновения словообразовательных синонимических соответствий в воронежских говорах:

1. Наличие тождественных по значению словообразовательных аффиксов (*молошн**ик** — молошн**'ак***; *грем**ук** — грем**'ач***; *крут**'эц** — крут**ик***) и словообразовательных типов (*завируха — заметуха* и *завирюга — заметюга*) в сфере диалектного словообразования.

2. Десемантизация суффиксов, как правило, уменьшительно-ласкательных и увеличительных. В таком случае слова с уменьшительными или увеличительными суффиксами перестают передавать свойственные им эмоционально-экспрессивные значения, становятся нейтральными образованиями в системе говоров (*байрак — байрач**ок**; быстряк — быстряч**ок**; гора — гор**ушк**а; котлина — котлин**к**а; мороз — мороз**ищ**е*).

3. Тенденция к более развёрнутой морфемной структуре слова (*ендова — ендов**ин**а; гать — гат**ин**а; щерба — щерб**иц**а*).

В заключение отметим, что итогом нашей работы стало следующее:

1. Собранный и систематизированный языковой материал в количестве 739 лексем.

2.Сконструированные методом моделирования фрагментов макросистемы 53 пары и 131 ряд синонимических соответствий.

3. Развернутая характеристика происхождения выявленных синонимических соответствий в аспектах мотивированности и словообразования.

4. Словарь синонимических соответствий воронежских говоров.

Таким образом, разнодиалектная синонимия восходит к двум основным источникам: различная лексикологическая мотивированность и словообразовательные процессы. Синонимические соответствия чаще возникают в результате различных принципов номинации, которые обусловливаются неодинаковым восприятием мира коллективом диалектоносителей. Распространение разномотивированных номинативных единиц в большинстве случаев не зависит от определенной территории, какие-либо лексические и словообразовательные ареалы не зафиксированы. Выявленный и проанализированный нами материал свидетельствует о том, что говоры Воронежской области активно функционируют, сохраняют старые номинации и образуют новые, развиваются по своим внутренним законам и взаимодействуют между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова Л. И. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах / Л. И. Баранникова // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена.— Л.: Ленинградский государственный педагогический институт, 1963.— Т. 248.— С. 391–397.
2. Лыжова Л. К. Лексическая синонимия в диалекте (на материале говора села Хренового Новоусманского района Воронежской области): автореферат дис. …канд. филол.наук / Л. К. Лыжова.— Воронеж, 1973.— 21 с.
3. Филин Ф. П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов / Ф. П. Филин // Вопросы славянского языкознания.— Львов, 1948.— Кн. 1.— С. 221–225.
4. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (Состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова.— М.: Наука, 1979.— 335 с.
5. Клепикова Г. П. Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем / Г. П. Клепикова // Сов. славяноведение.— М.: Наука, 1980.— № 2.— С. 73–83.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова.— М.-Л.: Наука, 1965–2016.— Вып. 1–49.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль.— М.: Русский язык, 1935.
8. Трубачёв О. Н. Из истории названия каш в славянских языках / О. Н. Трубачёв // Slavia. Praha.— 1960.— Ročnik XXIX.— Sešit l.— C1–30.
9. Карасёва Т. В. Названия пищи в воронежских говорах (этнолингвистический аспект): дис. …канд. филол. наук / Т. В. Карасёва.— Воронеж, 2004.— 242 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т / М. Фасмер.— М.: Прогресс, 1964–1973.
11. Рожкова М. П. Лексика донских говоров (на материале говоров Романовского района Ростовской области) / М. П. Рожкова // Ученые записки Шахтинского государственного педагогического института.— Шахты: ШГПИ, 1958.— С. 110–135.
12. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области: В 2 т.: дис. … канд. филол. наук / В. И. Дьякова.— Воронеж, 1973.
13. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев.— М.: Мысль, 1984.— 653 с.

14. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология / Н. И. Толстой.— М.: Наука, 1969.— 262 с.

15. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова.— М.: Учпедгиз, 1957.— 296 с.

16. Николаев Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа / Г. А. Николаев // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: монография; под ред. Е. Н. Шабровой.— СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007.— С. 7–29.

17. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н. С. Валгина.— М.: Логос, 2003.— 304 с.

Воронежский государственный университет

Гальцова Д. Н., аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета

E-mail: Darij98@yandex.ru

Voronezh State University

Galtsova D. N., Postgraduate Student of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology

E-mail: Darij98@yandex.ru

УДК 821.161.1

ИВАН БУНИН И ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ЖАНРЕ ПАРОДИИ

Т. А. Дьякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье речь идёт о последнем сборнике рассказов И. А. Бунина «Петлистые уши» (1954), который писатель лично составлял и редактировал. Издание было задумано Иваном Алексеевичем в контексте поиска путей продолжения классических традиций русской прозы XIX века в веке XX. Важными маяками этого литературного движения для себя он считал наследие Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского. Творчество последнего Бунин воспринимал полемически. Отдельные черты писательского стиля Достоевского обнаруживают себя в поэтике Бунина в форме пародии.*
Ключевые слова: *русская классика, хронотоп, пародия, литературная традиция, полемика.*

Abstract: *the article is about the last collection of short stories by I. A. Bunin "Loopy Ears" (1954), which the writer personally compiled and edited. The publication was conceived by Ivan Alekseevich in the context of finding ways to continue the classical traditions of Russian prose of the XIX century in the XX century. He considered the legacy of L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, and F. M. Dostoevsky to be important beacons of this literary movement for himself. Bunin perceived the work of the latter polemically. Certain features of Dostoevsky's writing style are revealed in Bunin's poetics in the form of parody.*
Keywords: *Russian classics, chronotope, parody, literary tradition, polemic.*

Среди редких изданий И. А. Бунина сборник «Петлистые уши и другие рассказы», вышедший уже после смерти писателя в 1954 г. в Нью-Йорке, занимает особое место. Он знаменателен тем, что является последней книгой, которую автор задумал, сам вел с редактором предпечатную подготовку текста, но не успел её завершить. Заканчивала переговоры с издателями уже Вера Николаевна Бунина.

Рассказы, написанные автором за сорок лет творчества, начиная с 1900 г., были собраны таким образом, чтобы органично вплести в сборник эссе об А. П. Чехове. Бунин планировал тематически разделить книгу на три части: первая, открывающаяся рассказом «Петлистые уши», должна была нести трагическое настроение; вторая, начинающаяся с рассказа «Аглая», вызывать светлые и благостные чувства; а третья посвящалась А. П. Чехову. Работа над эссе, к сожалению, не была завершена, а потому сборник окончился рассказом «Сны», публикацию которого в свое время тепло приветствовал Антон Павлович. Последний рассказ сборника имеет постскриптум, в котором Бунин указывает, что устранил многие недостатки, допущенные из-за спешной первой публикации рассказа «Сны» в сборнике товарищества «Знание» в конце 1903 г.

По воспоминаниям вдовы писателя, очерк о Чехове создавался параллельно с редактурой всего сборника, что отнимало у Бунина и силы, и время. В 1955 г. в Нью-Йорке вышла книга «Бунин И. А. О Чехове. Незаконченная рукопись», где во вступлении к изданию В. Н. Бунина подчёркивала: «В бессонные ночи Иван Алексеевич,— в последний год жизни он почти лишился сна,— делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках,— вспоминал беседы с Чеховым» [1, 29].

Данное издание как нельзя лучше иллюстрирует спектр интереса Бунина к русской литературе. Хорошо известно, что Иван Алексеевич стремился в своем творчестве не выходить за границы русской классической традиции XIX века, проявляя особенный интерес к прозе А. П. Чехова и Л. Н. Толстого, демонстрируя эстетическое притяжение к тематике, языку, стилю и идейной направленности наследия этих авторов. Значительно более сложными, во многом неоднозначными, были отношения Бунина к прозе еще одного признанного мастера русской литературы XIX в.— Ф. М. Достоевского.

Вся подборка текстов сборника 1954 г. открывается с рассказа «Петлистые уши». Он отличается от многих других произведений этого издания и тематикой, и своей стилистикой, и очевидными реминисценциями по отношению к текстам Фёдора Михайловича Достоевского.

Рассказ, впервые опубликованный в 1916 г., всегда вызывал активный интерес у читателей и порождал живую реакцию у критиков. Многие из них отмеча-

© Дьякова Т. А., 2022

ли, что Бунин заострил в этом произведении идею культурного вырождения человека в духе теорий итальянского психиатра и криминалиста Ч. Ломброзо. Бунинский же образ Петербурга и его обитателей уже при первой публикации произведения воспринимался литературными критиками в контексте творчества Достоевского.

Предреволюционный год — особенный в художественной эволюции Бунина. В его текстах к началу 1916 г. всё чаще и чаще звучат ноты тревоги. Писатель предчувствует, что мир находится на грани катастрофы. За несколько месяцев до «Петлистых ушей» Иван Алексеевич написал рассказ «Господин из Сан-Франциско», чтобы заострить внимание публики на необратимости крушения всех прежних устоев мира.

Критик Е. А. Колтоновская в своём письме от 27 января 1917 г. сообщала И. А. Бунину о том, насколько глубоко ее взволновала тревожная атмосфера «Петлистых ушей» и прямое соответствие художественной идеи произведения социальной реальности: «Сейчас все очевидцы мировых событий уже пришли к одной точке — к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут Ваш страшный рассказ… Вы зачерпнули от самой гущи переживаемых теперь ужасов и это придало его непреходящему содержанию особенную остроту» [2, 745.]. Сам И. А. Бунин в письме к своему другу, художнику П. А. Нилусу от 27 мая 1917 г. подчёркивал, что для него в этом «страшном рассказе» особенно важны «адский фон и на нём здоровенная и ужасная фигура» [2, 389].

В центре повествования — жестокое убийство, которое совершает матрос Адам Соколович. Страшное, звериное начало, которое, по мнению И. А. Бунина, берет верх над гуманистическим, проступает в человеке с особой силой в периоды исторических потрясений и в местах концентрации зла.

Хронотоп бунинского рассказа связан с Петербургом 1910-х гг. Этот город, развивающийся вне религиозных и нравственных ограничений, идеально соответствует герою-выродку, его мировоззрению, его преступным наклонностям и безнравственной сущности. Пренебрежение такими чувствами, как раскаяние или искупление, надежда или святость, притягивает в такое место выродков, гениев, бродяг и убийц.

Уродливость пространства соответствует такой аномалии ее обитателей, как петлистые уши. С петлей ассоциирует автор и гнетущую атмосферу Петербурга — места нескончаемых преступлений.

Одним из первых на полемичность бунинского текста по отношению к тексту Достоевского указал критик Ю. И. Айхенвальд. Он упрекал Ивана Бунина в том, что тот не показал, подобно Ф. М. Достоевскому, раскаявшегося героя, что решил пойти вне традиций русской литературы XIX в., где герои, совершив преступление, несли наказание в виде собственных теорий и нравственных терзаний.

Адам Соколович лишь отдалённо напоминает Федора Раскольникова. Он представитель другой эпохи. И деградация личности, которая обнаруживает себя в бунинском герое, соответствует времени глобальных катастроф. Теперь преступник не испытывает мук совести. Соколович убеждённо говорит о преступлении, как о привычном деле: «…убивают, ничуть не горячась, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение… И вообще пора бросить эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих убийц» [3, 224].

По мнению Бунина, такая чудовищная метаморфоза произошла с человеком потому, что изменилось само время, когда убийство целых народов становится нормой: «турки зарезали сто тысяч армян, немцы отравляют колодцы чумными бациллами, окопы завалены гниющими трупами, военные авиаторы сбрасывают бомбы в Назарет» [3, 225].

При этом все эти злодеяния совершают люди, которые не считают себя преступниками, не считают преступниками их и окружающие. Адам Соколович цинично спрашивает своих собеседников: «Мучается какой-нибудь Париж или Лондон, построенный на человеческих костях и процветающий на самой свирепой и самой обыденной жестокости к так называемому ближнему?» [3, 225]. Масштабы преступлений огромны, а число убийц автор исчисляет целыми государствами. Массовые злодеяния остаются безнаказанными.

Не настигает возмездие и Адама Соколовича. Для него убийство было и остается делом обычным, совершаемым в череде прочих житейских дел без волнений и угрызений совести.

Поэтика этого рассказа продумана Буниным до мелочей. С одной стороны, она порождает прямые ассоциации с «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского, с другой — вызывает ощущение полемичности автора «Петлистых ушей» по отношению к его литературному предшественнику. Известно, что Иван Алексеевич часто относился к художественному стилю Достоевского критически. Он укорял автора «великого пятикнижия» за однообразие композиционных приемов и прямо говорил: «Достоевский плохой писатель» [4, 51], у которого все литературные ресурсы сосредоточены на анализе душевного переживания героя, а не на раскрытии подлинной картины жизни.

Однако психологизм и философский ракурс прозы Ф. М. Достоевского становятся интересны и важны для И. А. Бунина, когда он обращается к публицистике, в частности, к циклу «Окаянные дни». На страницах этого произведения Иван Алексеевич цитирует роман «Бесы» и «Дневник писателя». Рассуждая об истоках русской революции, он постоянно опирается на идеи Достоевского.

По мнению Ю. М. Лотмана, Бунин хотел «переписать» классическую традицию заново, и Достоевский для него «был постоянным и мучительным собеседником» [5, 184]. Это объясняет, почему в бунинских текстах так много аллюзий, сюжетных перекличек, по-своему адаптированных образов и мотивов Достоевского. Бунину были близки темы, которые составляют суть содержательной стороны прозы Федора Михайловича Достоевского, связанные с противоречиями поступков под влиянием страстей. Но Бунин отрицал форму выражения этих тем — «достоевщину», то есть слезливую мелодраму. Лотман выразил такую ситуацию художественно-эстетического противостояния метафорой «чужой дом на своей земле» [5, 172].

Рассказ «Петлистые уши» можно рассматривать как пародию в тыняновском понимании на роман «Преступление и наказание», т.е. как процесс отталкивания от исходного текста и введение его в новый литературно-художественный контекст. Точку зрения, что бунинский рассказ об Адаме Соколовиче является исключительно пародией на «достоевщину» развивает Р. Боуи. Но следует обратить внимание, что литературовед воспринимает пародию как жанровую форму, а не как бунинскую установку на трансформацию устаревшей литературной традиции. Боуи пишет: «Попытка Бунина написать пародию и использовать острую иронию срабатывает не очень удачно. Он не может достаточно искусно справиться с такими вещами. Отсутствие у Бунина высокой оценки иронии и пародии, а также недостаточность юмора в его произведениях являются теми характерными чертами, которые прочно связывают его с традициями русской литературы XIX в. Но, несмотря на старомодную сентиментальность, в его прозе есть такие особенности, которые делают его в значительной степени писателем XX века. Это — примесь романтизма, мрачный юмор, а также ирония в духе Достоевского» [6, 704].

Роберт Боуи считает, что линия художественной полемики Бунина с автором «Бесов» начинается в 1910 г. с рассказа «Деревня», затем обретает ещё более очевидный полемический характер в 1913 г. в бунинском рассказе «Я всё молчу», когда автор начинает сосредотачиваться на жестокости человеческой натуры. В позднем творчестве Ивана Алексеевича сохраняется перекличка с прозой Достоевского: и в «Деле корнета Елагина» (1925), и в «Благосклонном участии» (1929), и в ряде других произведений.

Рассказ «Петлистые уши» интересен попыткой переосмысления И. А. Буниным «петербургского текста» Достоевского. Уместно вспомнить, что В. Н. Топоров видел особенности этого текста в следующем: «Петербург — центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург — бездна,— иное царство, смерть» [7, 8]. В рассказе Бунина обнаруживается большое количество деталей, символизирующих мертвенность существования, также как и у Достоевского.

В бунинском тексте Петербург предстает адским пространством, местом хаоса и разрушения постольку, поскольку оказался под действием той разрушительной энергии, которая накрыла весь мир и нависла петлей над ним. Эта энергия уничтожает всё живое и приводит человека к мысли о допустимости убийства в условиях глобальных потрясений. «Напряжение между полюсами проходит в мире Бунина не по вертикали: у него нет „верха“ и „низа“, неба и земли, праведности и греха, духа и плоти. Ось противоречий иная: жизнь — смерть, наслаждение и мука, восторг и ужас» [8, 60]. Если у Достоевского разрушение обусловлено личным выбором человека, его нравственной траекторией между богом и дьяволом, то Бунин определённо говорит о том, что деградация и нравственное падение человека обусловлены социальными и историческими катаклизмами, приводящими общество к новой норме жизни: массовым убийствам, геноциду, разрушению национальных устоев государства.

Не менее важна и вторая составляющая хронотопа — время. Между героями Достоевского и Бунина — более полувека, сложного и драматичного по накалу политических страстей: 1860-е гг. и начало начала XX в. Террор, революции, а главное — мировая война превратили человеческую смерть в дело обычное, когда исчисление потерь начинают связывать не с одной жизнью, а с тысячью.

Следы текста Достоевского в рассказе «Петлистые уши» очевидны. Но они свидетельствуют не о желании Бунина показать архаичность текстов Достоевского для русской литературы XX в., а скорее подчеркнуть, как изменились задачи самой литературы. Теперь, когда в мире нарастает хаос, писатель должен искать причины тех глобальных изменений, которые разрушают человека. Бунин «отталкивается» от произведения своего предшественника и показывает идеи и образы Достоевского в новых исторических условиях. «Исходя из собственного мироощущения связи „всего со всем“, Бунин отчетливо чувствует приближение катастрофы и передает в рассказе, чем грозит явление, описанное Достоевским, в современную ему эпоху и последующие десятилетия. И спустя всего лишь два года Бунин приступит к написанию дневниковых записей, легших в основу „Окаянных дней“, где преступники без наказания будут свободно ходить по улицам российских городов и вершить свои зверские преступления под эгидой революции» [9, 279].

Завершая разговор, вернемся к структуре сборника. Если «Петлистые уши» должны были, по авторскому замыслу, стать стержнем первой части, то камертоном второй части сборника Ивана Алексеевича Бунина являлся рассказ «Аглая», читая кото-

рый, по справедливому замечанию Р. Боуи, «мы легко обретаем дыхание его лиризма и забываем о его жизненной борьбе с достоевщиной» [6, 714]. Такой порядок частей свидетельствует о желании сделать посмертный сборник своего рода посвящением русской классической литературе. Здесь мы не только ощущаем «присутствие» Достоевского, Чехова и Толстого в текстах Бунина, но и своего рода обретение автором собственного голоса через диалог с русскими классиками — предшественниками и классиками-современниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. О Чехове. Незаконченная рукопись / И. А. Бунин.— Нью-Йорк, 1955.
2. Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / И. А. Бунин; подготовка текстов писем и комментариев С. Н. Морозова и др.; под общей ред. О. Н. Михайлова; Рос. Акад. наук, Институт мировой литературы им. Горького и др.— М., 2003.
3. Бунин И. А. Легкое дыхание / Сост. и автор вступ. ст. Т. А. Никонова.— Воронеж, 2020.
4. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник / Г. Н. Кузнецова.— М., 2016.
5. Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: К проблеме «Бунин и Достоевский» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3.— Таллин, 1993.
6. Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина / Р. Боуи // Иван Бунин: Pro et contra.— СПб., 2001.— С 700–713.
7. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров.— СПб., 2003.
8. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004.
9. Качков И. А. «Переписанный» Достоевский: о хронотопе и цветовой символике рассказа И. А. Бунина «Петлистые уши» / И. А. Качков, Ю. С. Ползунова, Н. Д. Черноскутова // Трижды юбилейный…: Сборник статей молодых учёных, посвященный 150-летию И. А. Бунина, 80-летию филологического факультета, 5-летию Бунинского общества УрФУ.— Екатеринбург, 2020.— С. 274–279.

Воронежский государственный университет
Дьякова Т. А., доктор культурологии, профессор кафедры истории философии и культуры

Voronezh State University
Dyakova T. A., Doctor of Cultural Sciences, Professor, Department of History of Philosophy and Culture

УДК: 821.161.1

НЕЗНАНИЕ ПРАВДЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТИНЫ. «СКУЧНЫЕ ИСТОРИИ» А. П. ЧЕХОВА

Е. А. Евдокимова

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Поступила в редакцию 13 апреля 2022 г.

Аннотация*: статья посвящена семантической многослойности темы поиска правды в творчестве Чехова на рубеже 80–90-х годов. Мысль Чехова стремится примирить «истину настоящего Бога» и научное знание, в то же время Бог кажется слишком далекой и недостоверной реальностью, материя — грубой и ограниченной, что чревато мотивом тоски и одиночества.*
Ключевые слова*: незнание, «настоящая правда», другой, ничтожество, катастрофа, нравственность, Бог.*

Abstract*: the article is devoted to the semantic multi-layered theme of the search for truth in the work of Chekhov at the turn of the 80–90s. Chekhov's thought seeks to reconcile the "truth of the real God" and scientific knowledge, at the same time, God seems too distant and unreliable reality, matter is coarse and limited, which is fraught with the motive of longing and loneliness. Longing, however, does not carry a fatal doom.*
Keywords*: ignorance, "the real truth", the other, insignificance, catastrophe, morality, God.*

Тема поиска правды — сквозная в творчестве Чехова. Характер ее звучания вызывает споры. Самым радикальным до сих пор остается выступление Л. Шестова со статьей «Творчество из ничего», где философ заявил о безнадежности чеховского мира и культивируемом автором нигилизме [1]. Другой крайностью представляется стремление найти богатые перспективы обретения чеховским правдолюбцем веры и смысла через «претворение своего ощущения опасности и бессмысленности бытия в экзистенциальную цельность и наполненность своей жизни» [2]. Чехов не только «боялся идеологий», как справедливо замечает В. К. Кантор [3, 18], но избегал всякого намека на тенденциозность и окончательность суждений. Потому любые однозначные формулировки относительно героев Чехова представляются спрямлением, тем более утверждение об обретении цельности и наполненности жизни. Вероятно, в том и состоит своеобразие и сложность мира Чехова, что ни одно высказывание нельзя с уверенностью счесть прямым, дающим твердое направление в движении к правде, истине и вере.

Чеховские правдолюбцы почти всегда неудачники, всегда нелепы, тусклы, вызывают жалость. Исключением можно было бы счесть фон Корена («Дуэль», 1891), выражающегося определенно и броско, твердо стоящего на ногах. Однако Чехов не доверяет его правде, как Печорин — храбрости Грушницкого (замечание Печорина «это что-то не русская храбрость» разумеет, что это не храбрость вообще). На «не русскую» праведность зоолога указывает не только иностранная фамилия, но ложащиеся в строку с ней дарвинизм и ницшеанство. Л. Шестов называет фон Корена потомком гончаровского Штольца [1], видя в нем те же здоровье и крепость. Но как раз штольцевского здоровья, его жизнерадостности и терпимости в фон Корене и не хватает. В. Я. Линков и вслед за ним Л. Звонникова справедливо опровергли расхожую в советское время тенденцию восхвалять фон Корена и обличать Лаевского, указав на подлинную причину дуэли, кроющуюся «не в различии их ориентации, а в близости их «заблуждений» [4, 163],— или «одних и тех же человеческих недостатков» [5, 40]. Одним из главных «заблуждений» Звонникова считает разъединенность героев.

Представляется, что в жестокости фон Корена — тот же надлом, что в беспутности его оппонента Лаевского. Орднунг зоолога лишен внутреннего обоснования, не прорастает «почвой и судьбой». Жесткая приверженность теории естественного отбора, истребления слабого, дисциплина и форма как нечто довлеющее себе и ни к чему не отнесенное — антонимичны безволию и беспутству Лаевского, но созвучны ему внутренней пустотой, потому ни то, ни другое не причастно истине, или, по Чехову, «настоящей правде». Конфликт героев «Дуэли» (не укладывающийся в схему протагонист-антагонист) — некая контраверза Чехова, бесконечный спор с самим собой, тезис — антитезис — и вопрос о синтезе. В. Б. Катаев предлагает прочитать «Дуэль» как диалог-спор с опорой на Евангелие, с одной стороны, и «Происхождение видов» Дарвина — с другой [6]. В таком случае, возможно, в катастрофе Лаевского Чехов изживает безделье, как ложно понятое блаженство, в том числе и в самом себе. Колебания воли между обличени-

© Евдокимова Е. А., 2022

ем лени и восхвалением праздности как «условия счастья» дают о себе знать в противоречивых признаниях А. В. Суворину: «Мой идеал счастья, как Вам известно, праздность»,— уверяет Чехов А. В. Суворина — в письме от 15 августа 1894 года [7, XII, 52]. Однако тому же адресату пишет, что «страшится своего ничегонеделания» — письмо А. В. Суворину от 26 октября 1895 года [XII, 89], а позже продолжает нюансировать, разграничивая лень и пребывание в праздности: «говорил я Вам не о лени, а о праздности, говорил притом, что праздность есть не идеал, а лишь одно из необходимых условий личного счастья»,— письмо А. В. Суворину от 7 апреля 1897 года [XII, 142]. С другой стороны, в безжалостной добродетельности фон Корена Чехов отталкивается от узости материализма, отвергающего высшие цели и сверхзадачи. Колебания чеховского маятника выражают такого рода нерешительность, которую точнее будет счесть не слабостью, а позицией, избегающей «ложной поляризации в вопросе о существовании Бога», характерной именно для России, «где нерефлектированная, непросвещенная религиозность противостоит догматическому атеизму, в столь же малой степени рефлектированному и просвещенному», по меткому замечанию Л. Мюллера [8, 361]. Кроме того, маятник тезис — антитезис колеблется не совсем вхолостую.

Некий синтез героями Чехова действительно обретается: «никто не знает настоящей правды» [VI, 485],— грустно заключает фон Корен, а Лаевский повторяет его слова как высшую мудрость. Найденную точку согласия противников как будто подтверждают и закрепляют слова дьякона: «не видать и не слыхать»,— указывающие на бесспорность незнания, однако с ободрением: «Счастливой дороги!» [VI, 488]. Ритуальное благопожелание идущим в неизвестность (и это последняя реплика и почти последние слова в повести) — и ирония, и отчаянная надежда. Ясно, где можно искать авторский голос — в настроении, единящем всех, задушевности и мягкой расположенности друг к другу. Потому трудно согласиться с теми, кто называл развязку шаблонной, полностью удовлетворяющей «нормальных» людей и чудесным образом развязавшей все узлы, сделавшей из грешника праведника, как Шестов [1], или даже фальшивой, как А. Скабический [9]. Она как раз, в классически чеховском духе, ничего не развязывает: во внешнем смысле благополучие Лаевского висит на тонкой ниточке, во внутреннем — ответы на вопросы не обретаются. Потому утверждать неубедительность метаморфозы Лаевского или, напротив, указывать на возможность чуда, перелома в человеческой душе, покаяния (как делает ряд авторов, готовых назвать Чехова религиозным писателем) — значит игнорировать «жалкое» положение героя. Между тем тенденция толковать моменты подобных состояний в религиозном ключе встречается нередко. Так, А. Я. Чадаева посвятила православию Чехова отдельный труд [10]. О. И. Родионова, сопрягая различные цитаты из произведений и писем, порой произвольно акцентируя и опуская те или иные выражения, стремится доказать высокий градус религиозности Чехова [11]. Впрочем, импульс христианизации Чехова был задан еще на рубеже XIX–XX вв. В таком духе склонны были толковать его творчество С. Н. Булгаков [12], И. А. Бунин [13], Б. Зайцев [14].

Перелом в душе Лаевского обусловлен сломом, крушением, а не откровением блага (как в случае метанойи — перемены ума, покаяния). Он сполна познал себя как ничтожество (спасибо фон Корену), и осознание бездн собственной низости не сменяется душевным подъемом и открывающимися перспективами. Обретенное Лаевским «искусство быть смирным» фон Корен справедливо называет «жалким», затрудняясь истолковать точнее сложное впечатление от образумившегося противника. Между тем причина в том, что смирность Лаевского, в отличие от смирения, которое порой усматривается в его новом положении, не несет в себе подлинного мира с собой и сущим. Смирение как высшая ступень святости достигается через осознание ничтожества наличной данности в неразрывном единстве со знанием царственного призвания человека, дихотомия «я царь — я раб — я червь — я Бог» дает силы действовать и созидать. Признание себя червем и рабом само по себе, вне царственности и божественности, мучительно неполнотой знания о человеке. Тоска Лаевского некий плод все-таки приносит, сохраняя в нем живую душу, уже в силу своей живости имеющую созидательную активность. Но фон Корен, примирившийся с беспутным Лаевским, тоже переломлен в своей неколебимой правоте. Он, как и «жалкие», выходит к незнанию как отказу от *своей* правды — во имя *настоящей*, но *неведомой* правды.

Аналогично решается коллизия перелома и следующей за ним развязки в рассказе «Жена», написанном годом позже «Дуэли» (1892). Павел Андреевич сломлен, ему открылась бездна собственного ничтожества («Вы камер-юнкер? <…> Очень приятно. Но все-таки вы гадина» [VII, 30],— говорит ему внутренний голос). Он одинок, поскольку тяжел, неприятен и не нужен миру, а не потому, что возвышается над другими нравственно и интеллектуально, как полагал. Осознание детской беспомощности, безнадежности положения открывает выход — стать приживалом в собственном доме, отказавшись от претензий, а вместе с тем и своего состояния в пользу «благотворительной оргии» жены: «мы будем бедны, но это не волнует меня, и я весело улыбаюсь ей». Улыбка, покой («Я покоен, Natalie, я доволен…» [VII, 50]) обеспечиваются отказом от «своих обычных мерок» [VII, 43], дающим, как и в «Дуэли», спасительное, все примиряющее незнание: «Что будет дальше, не знаю» [VII, 50].

Неясность перспектив, подавленность героев Чехова подталкивает договорить за автора, переведя его тихий голос в более сильный регистр, вывести четкую формулу ситуации (безнадежность — Шестова, христианское смирение — его оппонентов). Следуя за художественной аскезой Чехова, избегающей пафоса, надо признать, что смирность героев далеко отстоит от смирения в его исходном понимании, но в то же время не отделена от него непроходимой чертой, тем более не нигилистична. В словах Лаевского прежде постылой любовнице: «У меня нет никого, кроме тебя»,— задействуется тема единственности, подразумевавшая в мире классического романа «торжествующую любовь». У Чехова прежние мотивы изломаны, и единственность утверждается по принципу не избранничества, а остаточности. Единственная — потому что больше никого нет, дорога-любима-близка — не в возвышающем восторге, а в совместном позоре, в котором в одиночку не выжить. При всем том сближение ничтожествующих героев — своего рода утверждение древнего библейского «не хорошо быть человеку одному» (Быт. 2: 18), но, конечно, в его крайнем оскудении. Человек и «помощник, соответственный ему», изничтожены не до конца. Остаток жизни сберегается признанием своего ничтожества, отталкиванием от него по принципу декартовского «мыслю, следовательно, существую»: все в герое сомнительно, неверно, он, подобно древним, ощущает себя брошенным «голым на голую землю» [15, 211], но сомнительность промыслена его мыслью и волей. Мысль, принадлежа ничтожествующему, в то же время причастна бытию на самом деле, поскольку точно постигает положение дел. Таким образом, осознание ничтожества удерживает и актуализирует бытие, неся потенциал приращения жизни. Герой сломлен безысходностью положения, но сломлена и его ороговевшая оболочка, глухая замкнутость на себя, а с ней тотальность одиночества. Появляется даже нечто вроде диалога (у Лаевского — с Надеждой Федоровной, у Павла Андреевича — с женой). Перспектива выйти к жизни более радостной и сильной крайне сомнительна или, по крайней мере, бесконечно далека. Но Чехов оставляет Лаевского не в безнадежности, а в вопрошании: «В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. <…> И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды…» [VI, 488]. Герои единятся в честном незнании как единственно возможном смысловом начале, и «никто не знает настоящей правды» становится чем-то вроде апофатического символа веры Чехова — альтернативой неясным догматам и чересчур ясному материализму.

Вероятно, к уверенному исповеданию незнания правды Чехов приходит постепенно: в более ранней повести «Скучная история» (1889) незнание еще не ведет к покою, тем более к веселой улыбке, не намечает пути. Смертельно больной профессор Николай Степанович потерял веру в «то, что товарищи-философы называют общей идеей» [VI, 332], а его подопечная Катя лишена ее исходно. Ни «шаги вперед», ни надежда «доплыть до настоящей правды» не актуальны для них, однако есть некая точка стояния, а значит, утверждение бытия — в живой совести умирающего профессора, отказывающегося от соблазна учить, тем самым иметь авторитет, власть над душой дорогой ему Кати. На ее отчаянный вопрос «что делать?» профессор отвечает: «по совести, Катя: не знаю…» [VI, 332]. Не указывая пути, автор, однако, не ставит и печать под профессорским приговором. А Кате ведь не миновать того слома, от которого сейчас она далека и который переживут спустя два-три года герои «Дуэли» и «Жены». Катя переживает бессмыслицу существования более бурно, чем Лаевский и Павел Андреевич. В перспективе развития художественной мысли Чехова можно заключить: именно потому, что она пока не прошла сквозь настоящие позор и унижение — она всего лишь не имеет таланта актрисы, всего лишь скучает в обществе Михаила Ивановича, беззаветно в нее влюбленного, и не ценит глубокую любовь опекуна. Катя еще не отказалась от амбиций, а потому не стала смирной в незнании «общей идеи» и принятии своей малой значимости. Вопрос, обозначающий в рассказах конца 80-х некий тупик, уже в начале 90-х перестает быть совсем безответным. Катастрофа помогает обрести не только покой, но и перспективу, в отсутствии которой упрекал Чехова Шестов.

Надо подчеркнуть, катастрофизм чеховских героев совершенно иной, чем то было в русской литературе прежде. Плен Безухова, каторга Раскольникова и Мити Карамазова, измена Наташи Ростовой и пр. рушат их жизнь во внешнем смысле, но ядро личности не разрушено, любовь близких и друзей не утрачена. Чеховские герои переживают полную катастрофу, и только она пробуждает честную рефлексию. Можно ли, в таком случае, говорить о преодолении ничто, в которое катастрофа вроде бы и ввергает? По Чехову, стало быть, можно. Герои обретают причастность миру деятельности, покой и побеждают тотальное одиночество. Опыт старого профессора из «Скучной истории», казалось бы, опровергает сказанное, поскольку Николай Степанович вызывает однозначную симпатию, а между тем не опозорен и не унижен, не обрел перспективы «настоящей правды» (напротив, на шаг от смерти), абсолютно отчужден от своих домашних и, отказавшись ответить на Катины вопросы, больше никогда ее не увидит. Между тем в его дряхлой и беспомощной фигуре есть тихий, но несомненный пафос, который дает повод говорить о героическом пессимизме, сближая Чехова с Ницше. Так, А. В. Кубасов указывает на сходство первого и второго «в их отношении к пессимизму как установившейся доминанте социального поведения» [16, 164], разница же, по мнению А. В. Кубасова, только в том, что чеховские

ницшеанцы «разбавленные водой» и живут «не думая и не подозревая о своей философской генеалогии» [16, 170]. Действительно, честное принятие незнания профессором без надежды на обретение замены прежних идей обаятельно именно самообладанием того, кому не на что и не на кого опереться. Однако герой Чехова помимо ницшевского amor fati знает и любовь к человеку, в чем безоговорочно самобытен и далек от Ницше. Николай Степанович, отказываясь облегчить Катино страдание по «общей идее», мучается ее отчаянием больше, чем предстоящей смертью: «душа этой бедняжки не знала и не будет знать приюта всю жизнь, всю жизнь» [VI, 332]. И умирая, не перестает любить «свое сокровище» Катю, сквозь ее неприкаянность, капризный нигилизм и незрелость. «Сокровище» — последнее слово «Скучной истории», и оно — не скучно. Любовь к Кате требует такого же самообладания, как героическое стояние в пустоте, однако в ней есть нечто и от оптимизма, утверждающего бытие, а не пустоту последней реальностью.

В «скучных историях» разочарование или даже катастрофа уничтожают героя почти до конца, но «почти» становится решающим, делая катастрофу преимуществом, помогающим противостать пустоте. Опорой противостояния являются моменты, не отделимые друг от друга: осознание своего ничтожества и преодоление его в обращенности к другому. Чехов ставит акцент на «настоящей правде», а не на любви к человеку, но и движение к развязке, и лирическая составляющая, и намечающийся выход связаны всякий раз с возможностью увидеть другого человека — основой любви. Любовь героев кажется бледной тенью, она мала и слаба, но не иллюзорна. Перспективы же более основательной «настоящей правды» Чехов герою и читателю не предлагает. Он, выражая дух времени, в то же время остается в традиции русской литературы, полагающей любовь основой бытия, традиции, однако, крайне оскудевшей. Потому бытие и любовь еле заметно тлеют в герое, но никогда не уходят окончательно.

Неизменно ироничный взгляд Чехова на излияния героев о наступлении прекрасной жизни означает отстранение и недоверие автора. Однако не только к ним, но и к самому себе, поскольку звучащие наивно, а порой нелепо мысли Вершинина, Тузенбаха, Астрова и подобных им ораторов автор высказывает в письмах, с интонацией совсем не мечтательной, более определенно и даже радикально, чуть ли не деловито. Сошлюсь только на один фрагмент (письма к Дягилеву), касающийся заявленной здесь темы и выговаривающий кредо с максимальной ясностью: «Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога, т.е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре»,— письмо С. Дягилеву от 20 декабря 1902 года [XII, 463]. Мотивы, не раз озвученные героями: «счастья нет и не должно быть», «делайте добро», «надо работать», даже «настанет Царство Божие на земле» (обещание Саши из «Невесты»), «очень нескоро», «дело не в сроках»,— в письме формулируются программно: ясная цель, средство ее достижения и твердая уверенность. Причем Чехов, вопреки обыкновению, не снижает иронией пафос сильных слов: «познание», «Бог», «истина». Дело, вероятно, в том, что здесь он выводит формулу самой надежной правды, в которой уверен безоговорочно. Она — в точке схождения веры и объективной действительности, «истины настоящего Бога» и математической формулы. «Настоящий Бог» «силой нудится» и в Евангелии, и у Чехова. Но в Евангелии человеческое усилие не достигнет Бога, не выйдя за свои пределы сверхусилием преображения. Чехов дышит духом своего времени, не доверяющего понятиям (в частности, благодати), не поддающимся закону и вычислению. В таком случае, сверхусилием, по Чехову, оказывается упорный труд без награды и даже результата, нравственное совершенствование со сроками в тысячи и миллионы лет и научный поиск, ввиду чего уравниваются в качестве нравственного ориентира Христос и Пржевальский. В заметке на смерть ученого (журнал «Новое время» 1888) Чехов называет его «подвижником, олицетворяющим высшую нравственную силу», и восхваляет за «фанатичную веру в христианскую цивилизацию и в науку» [X, 409]. Сравним высказывание о Христе в письме к Н. Л. Леонтьеву-Щеглову от 22 марта 1890: «нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа» [XI, 406]. И здесь дает о себе знать стремление соединить веру в прогресс, эволюцию и истинного Бога соответственно духу времени (Д. Штраус «Жизнь Иисуса», Э. Ренан «Жизнь Христа», Толстой «Евангелие для детей»): Христос в таком контексте не божественный источник жизни и нравственности человечества, а высоконравственный индивидуум, доказательство бытия Нравственности, воодушевляющий в движении «вперед и вперед» к «настоящей правде», когда арифметическая ясность истины победит бесконечно длящееся сомнение и будет обеспечена усилиями культуры, существующей в русле естественно-научного знания. Чехов утверждает Бога математического, доказательного, в противовес Богу сверхразумному, в духе просвещенцев не различая сверхразумное и недостоверное, делая ставку на эволюцию, труд, прогресс, нравственное совершенствование. Так, он негодует на финал романа «Воскресение» Л. Н. Толстого: «Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия,— это уж очень по-богословски. <…> Надо сначала заставить уверовать в Евангелие, в то, что именно оно истина…» [XII,

361]. Чехов не против Евангелия и его истинности, но хочет сделать его научно безусловным.

Знаменательно, что в чеховской формуле веры выстреливает реплика мольеровского богохульника, с веселым цинизмом заявляющего: «Я верю, Сганарель, что дважды два четыре, а дважды четыре — восемь» [17, 203]. Дон Жуановское «дважды два» призвано отвергнуть Бога, чеховское — утвердить. Однако ставку оба делают на математику. Позитивистская змея укусила свой хвост: отрицание метафизики истощило силы и в поиске новых возможностей поедает себя в лице своих приверженцев. Чехов не готов записаться в позитивисты, но и не видит возможности абсолютизации чего-либо, принадлежащего сфере духа. Его тоска величественна постольку, поскольку в ней сказалась мировая скорбь всех зашедших в тупик теорий и движений, начиная от гуманизма. В Чехове живут просвещенец, романтик, позитивист, даже декадент — но в хроническом недоверии самим себе.

На фоне недоверия концепциям прошлого остаются нерушимыми не формулируемые и потому не уловимые реалии: правда, красота, нравственность. Но ввиду такой позиции нерешенность вопросов и ситуаций слабого человечества обостряется и переходит в хроническую форму, поскольку нравственность ничуть не надежнее веры в том, что касается математической доказательности, и не подлежит изучению естественно-научным знанием. Мольеровский Дон Жуан не верит ни в Бога, ни в нравственность — и проваливается в небытие. Чеховский герой верит в истинность нравственности и готов счесть ее божественной — и обретает «искусство быть смирным» и жизнь в тоске и надежде.

Если Бог представляется Чехову слишком далеким, не дающимся ему в объективном опыте, то материя — слишком грубой и ограниченной, не вмещающей в себя те «ласку» и «нежность», которые видятся в мире будущего Чехову.

Признать свое незнание и упорно двигаться к знанию истины далекого будущего — таково кредо Чехова. Оно неотделимо от тоски, но спасает от ограниченного самодовольства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестов Л. Творчество из ничего// А. П. Чехов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002.— 1027 — С. 566–598.

2. Шишпаренок Е. В. Экзистенциальная проблема поиска человеком собственной веры в творчестве А. П. Чехова 1880–1890-х годов // Сибирский филологический журнал.— Иркутск, 2009. № 3.— С. 46–50.

3. Кантор В. К. Метафизическая дуэль. К пониманию Чехова / В. К. Кантор // Вопросы литературы. М., 2020 / № 4.— С. 13–32.

4. Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова / В. Я. Линков.— М, 1982.— 126 с.

5. Звонникова Л. Скверная болезнь (К нравственно-философской проблематике «Дуэли») / Л. Звонникова // Вопросы литературы.— М., 1985/ № 3.— С. 160–180.

6. Катаев В. Б. Христос и Дарвин в художественном мире Чехова [тезисы доклада] / В. Б. Катаев // Anton P. Cechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Le-ben und im Werk. Zweites Internationales Symposium. Zusammenfassungen und Tesen der Referate. Badenweiler, 1994.— S. 26.

7. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т. / А. П. Чехов.— М.: Художественная литература, 1963.

8. Мюллер Л. Вера у Чехова — чеховская вера / Л. Мюллер // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования / Пер. с нем.— М.: Прогресс-Традиция, 2000.— 432 — С. 354–365.

9. Скабичевский А. М. Литературная хроника. Антон Чехов — «Дуэль»,

10. повесть <…> / А. М. Скабичевский // Новости и Биржевая газета. 1892.— 13 февраля.

11. Чадаева А. Я. Православный Чехов / А. Я. Чадаева.— Москва, 2009.— 279 с.

12. Родионова О. И. А. П. Чехов. Мысли о религии и некоторых других предметах / О. И. Родионова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии.— СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. Том 14. Выпуск 4.— С. 283–291.

13. Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель: Публичная лекция / С. Н. Булгаков // А. П. Чехов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002.— 1027 — С. 537–565.

14. Бунин И. А. О Чехове: Незаконченная рукопись / И. А. Бунин.— Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.— 412 с.

15. Зайцев Б. К. Чехов / Б. К. Зайцев // Зайцев Б. К. Далекое…— М.: Вече, 2019.— 511 с.

16. Плиний Старший. Естественная история. Кн. VII / Пер. и коммент. А. А. Павлова // Адам и Ева: Альманах гендер. истории / Под ред. Л. П. фйРепиной.— М.: ИВИ РАН, 2009.— № 17.— С. 211–242.

17. Кубасов А. В. Фридрих Ницше в русской прозе конца XIX века: ироники и адепты (А. П. Чехов и П. Д. Боборыкин) / А. В. Кубасов // Уральский филологический вестник.— Екатеринбург: УрГПУ, 2015.— № 3.— С. 158–174.

18. Мольер Ж.-Б. Дон Жуан, или Каменный пир / Ж.-Б. Мольер // Мольер Ж.-Б. Комедии. Пер. с франц. / Вступ. статья и примеч. Г. Бояджиева.— М.: Художественная литература, 1972.— 664 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 44).

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Евдокимова Елена Александровна, кандидат философских наук, доцент

E-mail: evdoki-elena2006@yandex.ru

St. Petersburg State Institute of Cinema and Television

Evdokimova E. A., Doctor of Cultural Sciences, Docent

E-mail: evdoki-elena2006@yandex.ru

УДК 821.161.1
DOI

ДВА МОЛЧАНИЯ: «SILENTIUM!» ТЮТЧЕВА И «SILENTIUM» МАНДЕЛЬШТАМА

Е. И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет

Московский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию 16 августа 2021 г.

Аннотация: *автор статьи сопоставляет одноименные, а на самом деле разноименные стихотворения Тютчева и Мандельштама — «Silentium!» (1830) и «Silentium» (1910). Мандельштам сознательно наследует не только стиховые и поэтические особенности тютчевского «Silentium!», но и сдвиги в орфоэпии, создавая категорию «первоначальной немОты». Принципиальное — тематическое — отличие стихотворений пронизывает все слои произведения, становясь парадигмальным. Тютчев показывает древо темы молчания, раскладывая ее, как спектр, на различные оппозиции и категории (солярная схема). У Мандельштама магистральная тема — творчество, и это создает принципиально иную, спиралевидную, схему с учетом дословесного-словесного-послесловесного. Новаторство Мандельштама растет из лиминальных зон наследования Тютчеву, позволяющих ему в XX веке продолжить услышанную поэтом XIX века музыку Silentium.*
Ключевые слова: *Тютчев, «Silentium!», Мандельштам, «Silentium», металирика, сопоставительный анализ.*

Abstract: *the author of the article compares the poems of the same name, but in fact opposite (in Tyutchev's name there is an exclamation mark) poems by Tyutchev and Mandelstam — «Silentium!» (1830) and Silentium (1910). Mandelstam deliberately inherits not only the verse and poetic features of Tyutchev's «Silentium!», but also shifts in orthoepy, creating the category of «initial mute». The fundamental — thematic — difference of the poems permeates all layers of the work, becoming paradigmatiTyutchev shows the tree of the theme of silence, decomposing it as a spectrum into various oppositions and categories (solar scheme). For Mandelstam, the main theme is creativity, and it creates a fundamentally different, spiral, scheme, taking into account the literal-verbal-afterword. Mandelstam's innovation grows from the liminal zones of Tyutchev's inheritance, allowing him in the 20th century to continue the Silentium music heard by the 19th century poet.*
Keywords: *Tyutchev, «Silentium!», Mandelstam, «Silentium», metalerics, comparative analysis.*

Одноименные, а на самом деле разноименные (в тютчевском названии восклицательный знак) стихотворения Тютчева и Мандельштама — «Silentium!» (1830) и «Silentium» (1910) — не могут не вызывать к себе компаративистского интереса. (Стихотворения с названием «Silentium» есть и у других поэтов, например у В. Шаламова.) Д. Черашняя, цитируя записанный ею доклад Н. Котрелева, замечает, что если в ранних мнениях о мандельштамовском стихотворении еще не отмечена его связь с тютчевским, то впоследствии это стало «стандартным комментарием» [1, 5]. Изученные и по отдельности, и сопряженные, эти стихотворения наиболее продуктивно работают в тандеме. Мандельштам намеренно делает свое стихотворение узнаваемым, наследуя Тютчеву, и неповторимым. Тютчев влияет на Мандельштама, создающего свое стихотворение-отклик «Silentium», но и Мандельштам влияет на рецепцию тютчевского шедевра.

© Зейферт Е. И., 2022

«Silentium!» Тютчева и «Silentium» Мандельштама, между созданием которых 80 лет, сближаются и благодаря тому, что тютчевское произведение — «зрелое преждевременное», при своем возникновении в 1830 году оно удивляло ультрановизной (о стихотворении Ф. Тютчева как о «зрелом преждевременном», то есть «эстетически целостном произведении, опередившем время, активно влияющем на последующие литературные произведения и закрывающем развитие потенциальных литературных форм, раньше которых оно возникло», см. мои размышления [2, 197–215]).

И тютчевскому, и мандельштамовскому стихотворениям по отдельности литературоведами уделялось вполне достойное внимание [3, 4, 5, 6]. Конечно, эти явно похожие тексты изучались и в сопряжении [7]. Монографическое сопоставительное исследование мандельштамовского «Silentium» в контексте тютчевского «Silentium!» предпринято Д. И. Черашней в первом разделе ее книги «Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения» — «Silentium:

возврат или становление?» [1]. Исследователь приводит ряд авторов, говоривших о «Silentium» Мандельштама — уже при жизни поэта (среди них Н. Гумилев, М. Волошин, А. Дейч, Н. Лернер, В. Ходасевич и др.) и после его ухода (внимание к стихотворению, как отмечает Черашняя, усиливается, начиная с 1960-х, ученый упоминает в связи с этим стихотворением имена А. Лурье, С. Аверинцева, М. Гаспарова, С. Ошерова, Б. Каца, Е Гольдиной, Н. Харджиева, В. Гофмана, А. Белецкого и др.), приводит историю публикации и рецепции произведения, размышляет о названиях двух стихотворений [1]. Важнейший тезис Д. Черашней: «по существу в двух стихотворениях с почти одинаковым названием говорится о разных предметах» [1, 8]. Ученый говорит о стадиях рождения поэзии, запечатленных в стихотворении автора XX века: тишина, молчание в названии — зарождение внутреннего звучащего образа — зрелое, тождественное внутреннему слепку слово (Мандельштам поднимает проблему стыда поэта за незрелые произведения). Д. Черашняя обращает внимание на различную природу обращений в обоих текстах: если «у Тютчева это обращенность к себе, диалог исключительно внутренний — между имплицитным Я и автокоммуникативным (субъектным) Ты», то у Мандельштама «несколько адресатов обращения, и появляются они только в строфах, организованных грамматически проявленным авторским Я, в его ипостаси Я-поэта» [1, 8]. Мандельштамовед правомерно уделяет больше внимания мандельштамовскому, чем тютчевскому стихотворению.

(Стихотворение Мандельштама «Silentium» появилось в 1910 г. в журнале «Аполлон» (пока еще без названия) в составе пяти произведений неизвестного автора. Допущу ремарку. Это вообще интересный феномен: рецепция текста без автора, не влекущего за собой в этом случае давления на читателя (не имею в виду 19-летнего и еще не обретшего весомое имя Мандельштама). Авторам порой полезно издавать свои вещи анонимно или за неузнаваемым никнеймом, для того чтобы увидеть истинную реакцию читателя. Когда сначала узнают и начинают ценить не автора, а произведение, а потом спрашивают: «А кто автор этой великолепной вещи?» — это истинная рецептивная логика. При живом и активном авторе не всегда понятна подлинная ценность произведения.)

Интересно, что ученые отмечают способность тютчевского стихотворения «Silentium!» встраиваться, вживляться в исследовательские циклы, обогащать своими обертонами другие произведения и подпитывать собственную рецепцию: так, И. Едошина анализирует стихотворения Тютчева «Silentium!» и «Цицерон» «как условный единый поэтический текст» [4, 13], Л. Калашникова «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней» как единый «душевный микрокосм» [3, 163].

Мандельштамовское стихотворение «Silentium» и похоже, и непохоже на тютчевское «Silentium!». Отсутствие восклицательного знака в названии вносит разноименность. Поэт XX века выбирает тот же стихотворный размер, что и поэт XIX столетия, словно действительно мелодически продолжая Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи…», «Она еще не родилась…». Мандельштам создает строфическое стихотворение, но строфы у него иные, чем у Тютчева: вместо шестистиший — катрены, вместо сплошных мужских клаузул — чередование мужских и женских.

В чем принципиальное отличие стихотворений? Как ни странно, оно кроется в, казалось бы, поверхностном уровне произведения — тематическом, но данное отличие пронизывает все слои произведения, в первую очередь уровень лирического сюжета и композиции, становясь парадигмальным. Это и требует пристального анализа.

Тютчев показывает древо темы молчания, раскладывая ее как спектр на различные оппозиции и категории, составляющие эту тему. Мандельштам, как отметила Д. Черашняя, демонстрирует стадии создания лирического произведения, совпадающие с этапами рождения лирики вообще. Мандельштам никогда не стал бы повторять чужое произведение, ставить чужое/свое название, если бы не нащупал золотую жилу обновления. Разберем это подробно.

В тютчевском «Silentium!» явственна солярная схема: центр — лучи, ствол — ветви. Тема «молчания» (диапазон ее от доминирующего философского до житейского положительных значений «молчание — золото») расходится здесь на подтемы:

— внутреннего ландшафта («есть целый мир в душе твоей»); внутри человека — целая вселенная со светилом, звездным небом и ключами;

— романтического культа природы, сопряженного с внутренним созерцанием («встают и заходят оне / Безмолвно, как звезды в ночи,— / Любуйся ими — и молчи»);

— осознания центра, вселенной, Бога, вдохнувшего в человека «дыхание жизни», внутри себя;

— романтического двоемирия (внешнее/внутреннее, ночь/день): «наружный шум»/«в душевной глубине», «безмолвно, как звезды в ночи»/«дневные разгонят лучи»;

— одиночества как романтического уединения («лишь жить в себе самом умей»):

— возможности/невозможности выражения «невыразимого»: «мысль изреченная есть ложь»;

— диалога своего с другим: «Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь?».

Солярная схема, струение лучей, пронизывающих все произведение, позволяют Тютчеву удерживать в читательском восприятии эти подтемы молчания одновременно.

Обнаруживается ли в стихотворении Тютчева тема творчества? «Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум…» — эта фраза лишь косвенно говорит о творчестве, а на самом деле может иметь отношение к внутреннему миру любого человека с его воспоминаниями-мечтаниями-сновидениями. У Мандельштама же магистральная тема — творчество, и в крупном фокусе — одна из точек диалектического процесса рождения высокохудожественного произведения. Это создает принципиально иную, не солярную, а спиралевидную схему с учетом дословесного-словесного-послесловесного.

Процесс создания художественного произведения неизменно переживает три стадии: молчание (дословесная фаза) — говорение (словесная фаза) — молчание (послесловесная фаза). На первой стадии молчит, настаивается «дословесное», на второй — словами вычерпывается рожденное на дословесной фазе произведение, на третьей — красноречиво молчит «послесловесное», не сказанное автором и воображаемое читателем. Третья стадия, как и обе другие, принадлежит не только читателю, но и автору, ибо не сказанные слова не менее важны, чем проговоренные. Все, что не сказал автор, принадлежит, подарено читателю. Послесловесное со знаком «плюс» — только читательское, говорящий в послесловесном автор «не слышит» стихотворение. Этапы «молчание — говорение — молчание» линейны в первой паре (дословесное молчание — говорение), а во второй связке (говорение — послесловесное молчание) то линейны, то параллельны. Вся триада одновременно спиралевидна, движется по диалектическому закону отрицания отрицания: тезис — дословесное молчание; антитезис — говорение; синтез — послесловесное молчание.

Для ясности дальнейшего изложения важно дать авторские определения категорий «дословесное» и «послесловесное». Дословесное — категория мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств элементов литературного произведения, относящихся к стадии его создания до словесного воплощения (дословесной стадии) и возможному естественному или искусственному сохранению части из них в тексте. Послесловесное — категория мышления и интуитивного прозрения, используемая для характеристики свойств возможных элементов, возникающих в сознании автора и рецепции читателя на стадии создания произведения после его словесного воплощения (послесловесной стадии). Эти категории являются когнитивными единицами, предназначенными для переноса знаний [8, 7–18].

В мандельштамовском стихотворении после упоминания в названии дословесной стадии фокус наводится автором на этап между первой и второй стадиями, на котором одаренному поэту стоило бы задержаться для создания зрелого, совершенного произведения. Это важная точка между тезисом и антитезисом в диалектике создания стихотворения. Мандельштам одновременно пишет о рождении лирического стихотворения и лирики вообще, создавая свое произведение как сферу в сфере, показывая одну историю рождения, совпадающую с другой. Словесный род «лирика», названный по музыкальному инструменту «лира», первоначально назывался «мелика» и был тесно связан с музыкой как с одним из своих истоков. Д. Черашняя ставит одну из дискутируемых в связи с «Silentium» Мандельштама проблем, определяющуюся именем Верлена, важного для русского поэта, с его отношением к музыке как первооснове искусства вообще [1, 6].

Процесс начала рождения («она еще не родилась») Мандельштам маркирует свойственными ему телесными образами («моря груди»), что создает душевную/телесную многозначность, в том числе слова «уста» не только как (метафорического) органа поэтического говорения, но и чувственного участника процесса зачатия. Дионисийский характер рождения («но, как безумный, светел день») подчеркнут усиливающими по мере развития мотивов императивами (унаследованными от Тютчева) и восклицаниями. Мотивы стыда, возможного (особенно на послесловесной стадии) при восприятии произведения с низкой эстетической ценностью, создают здесь встречу поэта и читателя (сердце спешащего создать «шедевр» поэта должно устыдиться сердца читателя) и одновременно встречу финала (Афродита, лирика, лирическое стихотворение) и начала («кристаллическая нота», «первооснова жизни», морская пена) описываемого в «Silentium» произведения, которое может стать совершенным только при условии медленного своего рождения в сознании и бессознательном одаренного человека. Мотивы стыда сопровождают и ненамеренное лицезрение пространственно-временного соития («Спокойно дышат моря груди, / Но, как безумный, светел день…»), в процессе которого рождается Афродита, равная в стихотворении Мандельштама совершенному лирическому произведению и высокохудожественной лирике в целом. Эротика, телесность, контакт пассивного моря и безумного дня здесь настолько же явственны, как и высочайшая синхронная им духовность:

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазоревом сосуде.

Тютчев виртуозно сдвигает орфоэпические нормы, создавая высокие квазиустаревшие слова: «заходЯт», «разгонЯт», «звездЫ» (их неслучайность очевидна, ведь орфоэпия восстанавливается даже при экспериментальной перестановке лексем, например: «заходят и встают оне»). Мандельштам сознательно наследует не только стиховые и поэтические осо-

бенности тютчевского «Silentium!» (это метр и размер, чеканность литого силлабо-тонического стиха, строфичность, интонационная завершенность строф, концептуальность клаузул, точные и богатые рифмы, императивы, перформатив, синтаксис, нагнетающийся к финалу произведения благодаря экспрессивной пунктуации, мотивы дня/ночи, воды, внутреннего безумства, взрыва, ландшафта вселенной внутри человека), но и эти сдвиги в орфоэпии, создавая категорию «первоначальной немОты» (принципиально отличающейся от просто немоты), равной дословесному. Обратим внимание, что слово «немОта» у Мандельштама занимает в строке сильную концевую позицию (в строке), как и у Тютчева слово «молчи» — начальную и концевую (в произведении). Музыка стоит у истоков лирики, и только возвращение к «кристаллической ноте, что от рождения чиста», позволяет поэту достичь высоты, создать произведение, настоянное на дословесной стадии и выращенное как совершенное. Миф об Афродите, по кольцевой природе мифа рождающейся вновь и вновь, позволяет Мандельштаму соединить начало и финал в круге и беспрестанно возвращать произведение к его началу, пока оно не станет совершенным/завершенным. Рождающейся Афродите важно побыть как можно дольше морской пеной, чтобы родиться богиней. Интермедиальное слияние музыки и литературы обретает энергию на дословесной фазе.

(Как литературовед заявляю, что интермедиальность в литературе — категория дословесная. По мнению О. Ханзен-Леве, интермедиальность (Intermedialität) — это «перевод (с одного языка искусства на другой) в рамках одной культуры, либо объединение между различными элементами искусства в мономедийном (литература, живопись и др.) или мультимедийном (театр, кино и др.) тексте; такие модели, как правило, имеют мультимедийные презентации в системе какой-либо художественной формы, равно как и мономедийные модели, в которых установлены лимиты интеграции в виду особых условий синтеза в рамках медиазон, где существуют гетерогенные медиумы, как пространственные, так и временные» [9, 360]. Иначе говоря: различные медиа (в данном случае виды искусства), позволяющие определенному виду искусства говорить на их языке (например, в литературном произведении языком живописи или музыки), создают цельный художественный образ. Мои наблюдения над дословесным и интермедиальностью демонстрируют бессознательную, дословесную природу литературного интермедиального образа: сцепка, диффузия медиа, расщепление рефлексов, идущих от разных медиа, происходят у автора интуитивно, с опорой на бессознательное и озарение, что и создает художественную силу синтетического образа, отсутствующую при механическом соединении языков различных видов искусства.)

В тютчевском «Silentium!» — 18 строк (три шестистишия), в мандельштамовском «Silentium» — 16 (4 катрена). Объем стихотворений — выверенный временем, литой, близкий к идеальному сонетному (14 строк) — релевантен для создания емкого читательского послесловесного. Мандельштам «сокращает» тютчевскую величину на 2 строки, чтобы оставить еще больше поля для читательского сотворчества. Замкнутость его стихотворения в мифологическое кольцо парадоксальным образом работает на послесловесное: читатель перечитывает стихотворение заново и, очевидно, осознает, что и сам Мандельшам создает высокохудожественное стихотворение, о методике рождения которого здесь пишет. Очевидная металиричность, право стихотворения описывать само себя позволяют поэту проявить императивность только в зоне наследования Тютчеву, отдавая дань его категоричной императивности («Да обретут…», «Останься…», «вернись», «устыдись»). У Тютчева повеление наличествует уже в названии (призыв к тишине), в его первой строфе — уже 7 императивов (всего на 18 строк их 12), первая строка начинается, а последняя завершается словом «молчи». Металирично ли стихотворение Тютчева? Несомненно. Прямо не касаясь темы творчества, поэт приводит читателя к зоне тишины — единственно возможным корням творчества.

На мотивном поле в стихотворениях Тютчева и Мандельштама совпадают лексемы молчания, дня, музыки (пения), воды, сердца и др. Но их хронотопическая функциональность различна. Тютчев создает внутренний хронотоп (вселенная в душе человека — ночная, спокойная), противопоставляя его внешнему, дневному миру (яркому, шумному, беспокойному). Здесь извечная игра мужской и женской энергий: материнская энергия ночи рождает динамичный, светлый день, день в свою очередь рождает ночные покой и тьму. Обычно именно с ночью связано усиление страхов, тревожных состояний: у Тютчева наблюдаем обратное — это ночь в ее молчании, умиротворении, целебном контакте с человеком. У Мандельштама как раз день позитивен, светел, это рождающая лирику сила. Тютчев создает подобие вселенной в душе человека, внутреннее здесь становится подобно внешнему, внутри человека небо, звезды, родники. Мандельштам, напротив, придает внешнему силу внутреннего, приглашая элементы окружающего мира (море, день, морскую пену) в ткань стихотворения и затем, в послесловесном, возвращая их обновленными в мир. Поэтому различны и лирические герои: последовательный повелевающий (в том числе себе) субъект Тютчева (я – тебе/себе) претерпевает в процессе наследования его Мандельштамом расщепление — сначала это безличный наблюдатель рождения, затем перформативный повелевающий (себе, слову, поэту, читателю) субъект (я – себе, я — тебе). Мандельшта-

мовский наблюдатель внешнего не становится «я», рождающим поэтом до того, пока ему не удается придать внешнему приметы внутреннего мира, вобрать окружающий мир в свое вдохновение.

Новаторство Мандельштама растет из лиминальных зон наследования Тютчеву, позволяющих ему в XX веке продолжить услышанную поэтом XIX века музыку Silentium и (вос)создать на подхваченном орфоэпическом сдвиге категорию «первоначальной немОты». Однако иной диалектический подход к выращиванию темы молчания дарит Мандельштаму право рождения принципиально отличающегося от тютчевского произведения и выход за пределы поэтического наследования, стартовый статус которого, очевидно, был преодолен уже на уровне замысла стихотворения. Это дополнительная причина подробного металирического описания Мандельштамом точки перехода от дословесного этапа к словесному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черашняя Д. И. Silentium: возврат или становление? Д. И. Черашняя // Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения.— Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011.— С. 5.

2. Зейферт Е. И. «Зрелое преждевременное произведение» Аркадия Драгомощенко / Е. И. Зейферт // Новое литературное обозрение.— 2021.— № 4 (170).— С. 197–215.

3. Калашникова Л. А. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф. И. Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, элизиум теней…» / Л. А. Калашникова // Вестник КемГУ.— 2012.— № 1 (49).— С. 163–167.

4. Едошина И. А. Культурфилософия поэтического текста (на примере двух стихотворений Ф. И. Тютчева) / И. А. Едошина // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 12. С. 13–18.

5. Аксенова А. А. Образ осознанного молчания в произведениях Мандельштама / А. А. Аксенова // Современное педагогическое образование.— 2020.— № 12.— С. 204–207.

6. Ужаревич Й. «Останься пеной, Афродита…» (Лирическая «Она» в стихотворении Мандельштама «Silentium» / Й. Ужаревич // Проблемы исторической поэтики.— 2020.— Т. 18.— № 3.— С. 190–204.

7. Коррадо-Казанская Ф. Вариации на тему Тютчева в поэтических дебатах Серебряного века / Ф. Коррадо-Казанская // Соловьевские исследования. 2013.— Вып. 4 (40).— С. 165–172.

8. Зейферт Е. И. Объемность (многомерность) произведения. Есть ли у произведения начало и финал? / Е. И. Зейферт // Вестник РГГУ.— 2017.— № 2.— С. 7–18.

9. Hansen-Löve A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort– und Bildkunst — Am Beispiel der russischen Moderne / A. Hansen-Löve // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / Hrsg. von Schmid W., Stempel W.-D. Wien, 1983.— S. 291–360.

Российский государственный гуманитарный университет

Московский государственный лингвистический университет

Зейферт Е. И., доктор филологических наук, профессор

E-mail: elena_seifert@list.ru

Russian State University for the Humanities

Moscow State Linguistic University

Seifert E. I., Doctor of Philology, Professor

E-mail: elena_seifert@list.ru

УДК 821.161.1

А. П. ПЛАТОНОВ И СОВЕТСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1930-Х ГГ.: О НЕКОТОРЫХ ТЕМАХ ЭПОХИ

А. О. Костылев

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

Поступила в редакцию 24 февраля 2022 г.

Аннотация: *Платонов и детская литература — одна из интересных тем для исследования. Статья рассматривает путь художника к детскому читателю в 1920–1930-е гг. Появление Платонова на страницах детской периодики было обусловлено многими факторами. Среди них стоит назвать необходимость развивать детскую литературу в стране, политика в области чтения для младшего поколения, творчество самого писателя и обстоятельства его жизни. В статье рассмотрено, как состоялись публикации рассказов «Бессмертие» (1936), «Среди животных и растений» (1936) и «Июльская гроза» (1938) на страницах журнала «Колхозные ребята» («Дружные ребята») в тесной связи с историко-литературным контекстом 1930-х гг. Рассмотрено, как раскрываемые в этих произведениях темы старого и нового мира, тема профессии соответствовали интересам детской литературы.*

Ключевые слова: *А. П. Платонов, советская детская литература, периодика, педагогика, круг детского чтения, мир детства, соцреализм, литература 1930-х гг., тема профессии, старый мир, новый мир, социалистический реализм*

Abstract: *Platonov and children's literature is one of the interesting topics for research. The article examines the path of the artist to the children's reader in the 1920s-1930s. The appearance of Platonov on the pages of children's periodicals was due to many factors. Among them, it is worth mentioning the need to develop children's literature in the country, the policy in the field of reading for the younger generation, the work of the writer himself and the circumstances of his life. The article considers how the stories "Immortality" (1936), "Among animals and plants" (1936) and "The July Thunderstorm" (1938) were published on the pages of the magazine "Kolkhoznye rebyata" ("Druzhnye rebyata") in the historical and literary context 1930s. It is considered how the themes of the old and new worlds revealed in these works, the theme of the profession corresponded to the interests of children's literature.*

Keywords: *A. P. Platonov, Soviet children's literature, periodicals, pedagogy, adaptations, circle of children's reading, the world of childhood, socialist realism, literature of the 1930s, the theme of the profession, the old world, the new world, socialist realism*

О круге общения Андрея Платонова с писателями, которые сочиняли для детей, в 1920-е гг. известно не много. Ф. Каманин вспоминал, что он познакомился с Платоновым в доме А. В. Кожевникова [1, 106–107]. Каманин и Кожевников писали для младшего поколения, а в 1927 г. начали сотрудничать с детским журналом «Дружные ребята». Незавершенное стихотворение Платонова «Про электричество» (усл. дат. 1926–1927 гг.) тематикой и стилистикой перекликается со стихотворением «Вчера и сегодня» одного из авторов «Дружных ребят» С. Маршака. Стихотворение Маршака построено как диалог керосиновой лампы с электрической. Керосиновая лампа говорит: «Вы, гражданка,— / Самозванка, / Вы — не лампочка, а склянка!» [2, 12] На что получает ответ: «Фитилек у вас горит / Чрезвычайно слабо. / Между тем как от меня / Льется свет чудесный, / Потому что я родня / Молнии небесной!» [2, 13]. В стихотворении Платонова словно завершается диалог керосиновой лампы и электрической из стихотворения Маршака: «Электрический огонь / Светит над кроваткой, / <…> Не шумит и не коптит, / А молчит и светит…» [3, 430]. Керосиновая лампа и лампочка Ильича превратились в литературе 1920-х гг. в устойчивые символы старого и нового мира, представляющие масштаб плана ГОЭЛРО. Для Платонова, автора книги «Электрификация» (1921), это была одна из сокровенных тем. Образы керосиновой лампы и электрической лампочки часто возникают в его рассказах, повестях, романах.

В 1922 г. у художника родился сын Платон. Воспитание ребенка позволяло знакомиться с детской литературой. В письмах к жене Платонов часто обращался к сыну. В письме от 11 декабря 1926 г. он нарисовал машину для него [4, 180], а в письме от 8 декабря 1926 г. просит купить Платону сказку [4, 174]. В письме от 15 января 1935 г. [4, 337] он отсылает ему шуточный рассказ о пассажире, съевшем синий

© Костылев А. О., 2022

билет. В 1940-х гг. Платонов многие письма адресует дочке Маше, просит жену купить ей книги Детгиза. В общении со своими детьми он раскрывается заботливым отцом, писателем, педагогом.

Тридцатые годы отмечены огромным количеством литературных совещаний, постановлений, дискуссий о развитии детской литературы. В частности, на Первом всесоюзном съезде советских писателей (август 1934 г.) содоклад о детской литературе (с ним выступил С. Маршак) открывал второй день этого мероприятия. Маршак начал выступление с того, что новой детской литературы в СССР мало, необходимо приняться за работу по ее созданию [5, 20]. В докладе он критиковал избитость содержания, приемов дореволюционной детской литературы. Он отметил, что революция научила говорить с детьми без ложной сентиментальности о жизни «суровой и радостной» [5, 30]. Советская детская литература была призвана отражать процессы строительства нового мира и воспитания нового человека, раскрывать подвиг героев революции, гражданской войны.

Вопросы детской литературы оставались в актуальной повестке второй половины 1930-х гг. Обсуждались политика детских журналов, планы Детгиза (Детиздата), работа Секции детской литературы, главные темы детской литературы, письма детей, кадры. На заседании Секции детской литературы 20 мая 1936 г. детский писатель И. А. Рахтанов характеризовал состояние журнала «Пионер» и формулировал вопрос о кадрах, отмечая, что очень мало детских писателей и детской литературы, почему и задавался вопросом, что печатать по разделу беллетристики [6, 99]. Привлечение «взрослых» писателей в детскую литературу осознавалось живой необходимостью.

Остро ставились вопросы критики. На совещании Секции детской литературы ССП 1 сентября 1937 г. было сказано: «…критика детской литературы поставлена плохо…» [7, 43–44]. С конца 1936 г. Платонов становится одним из заметных литературных критиков и в том числе посвящает статьи произведениям для детей и юношества. Его мнение о детской литературе перекликается с точкой зрения Маршака, который определял ее как «большую литературу для маленьких». В статьях «Два рассказа» (1939), «Рассказы А. С. Грина» (1938), «Рассказы Паустовского» (1940), «Детские годы Багрова-внука» (1941) Платонов обращал внимание на важность поэтического воодушевления [8, 356], освещение тем труда, любви к семье и народу, свободы, критиковал выдумку, уход в фиктивный мир.

Интересный материал к нашей теме представляют планы Государственного издательства детской литературы (Детгиз). Они связаны с тем, как на Первом съезде ССП обсуждалась проблема развития новой литературы для ребят. Осенью 1934 г. состоялось обсуждение плана на 1935 г., проходившее на Секции детской литературы ССП [9, 1].

План на 1935 г. представлял разделы с произведениями о детской жизни: они посвящались новому быту, школе, пионерским лагерям. Литература для детей должна была учить новой морали, патриотизму, воспитывать в социалистическом духе, способствовать поиску профессии. В план включались произведения по истории революционного движения, о создании нового мира. Стихи, рассказы и повести А. Л. Барто, С. Я. Маршака, Л. Пантелеева, А. Гайдара, Е. И. Чарушина, А. И. Введенского, Д. Хармса, О. В. Перовской, М. М. Пришвина, В. В. Бианки в плане на 1935 г. были ярким явлением литературы нового времени.

Тема нового мира была одной из важнейших в детской литературе 1930-х гг. Она могла раскрываться через разные сюжеты, в частности о колхозном строительстве. В план на 1935 г. внесена повесть «Синие звезды» Гайдара, повесть «Зеленый колхоз» И. В. Шорина. В архиве Секции детской литературы сохранилось письмо Р. Акульшина от 22 августа 1938 г. с ответом на вопросы анкеты о текущей работе, творчестве последних лет. Он сообщал, что трудится над повестью о колхозной деревне, выражал желание уехать в колхоз [10, 25]. В резерв раздела «Деревня — национальные республики» в плане на 1935 г. был включен роман Шолохова «Поднятая целина» с пометой «Авторская переработка для детей» [11, 11]. Книга была издана Детгизом в 1934 г. в «Школьной серии современных писателей».

К детской литературе была адаптирована среднеазиатская тема, раскрывавшая построение нового мира. В 1936 г. П. Н. Барто уехал в Таджикистан и Туркменистан, чтобы собрать материал для книги «Пески пробуждаются» [12, 4]. В Ташкент отправился Г. Е. Замчалов для работы с детскими писателями Узбекистана. Интерес к Средней Азии характеризуется романтизмом места, что искони имело большой спрос у детей: достаточно вспомнить мечты об Америке из рассказа «Мальчики» Чехова.

Остановимся на контексте двух тем, важных для Платонова, нашедших отражение в большой и детской литературе 1930-х гг.: это старый и новый мир и тема профессии. Проследим, как в платоновских рассказах из «Колхозных ребят» (с 1938 г.— вновь «Дружные ребята») раскрывались эти темы эпохи.

В. Боков вспоминал, как в 1936 г., еще студентом Литинститута, он пришел в дом Платонова, предложив напечататься в журнале «Колхозные ребята». Платонов ответил, что не пишет для детей [13, 79]. Несмотря на это, рассказ «Бессмертие» (1936) для сборника о героях-железнодорожниках, высоко оцененный в марте 1936 г. на дискуссии о формализме в СП, был напечатан в этом детском издании под названием «Красный Лиман». С его публикации начинается работа Платонова в детской литературе. В этом же журнале были напечатаны два адаптированных рассказа «Среди животных и растений» (1936) и «Июльская гроза» (1938).

Н. В. Корниенко пишет, что вхождение Платонова в детскую литературу определялось происходящим в литературе идеологическим поворотом конца 1935 — начала 1936 года: взгляд на русскую историю с точки зрения целей мировой революции и диктатуры пролетариата признавался вульгарно социологическим. В проекте новой конституции возникало новое понятие — советский народ [14, 377].

В рассказе «Бессмертие», опубликованном в № 4 «Колхозных ребят», тема нового мира и тема профессии находятся в тесной связи. В докладе Маршака 1934 г. вопрос произведений о профессиях рассматривался на примере работы железнодорожника. Отмечая достоинства рассказа «Полтора разговора. Рассказ диспетчера» Н. Григорьева, Маршак ставил задачи детской литературы на этом направлении. Он сетовал, что в книжках о железнодорожниках не было железной дороги и транспорта, а сюжетом было бедствие или спасение. Маршак отмечал, что рассказы для детей о профессиях только начинают появляться [5, 32].

В «Бессмертии» тема профессии решена через сюжет о жизни Эммануила Левина и его работе в качестве начальника железнодорожной станции. Он герой нового мира и верен построению социализма. Через цепь сюжетных событий Платонов раскрывает образ Левина как ударника — от экспозиции до развязки. Автор так определяет характер главного героя: «Он мог уснуть за беседой об истине жизни и мгновенно проснуться от тревожного гудка паровоза» [15, 8]. Такой образ был нужен для детей. На заседании Секции детской литературы 20 мая 1936 г. о «Пионере» один из участников обсуждения Т. И. Наумова (скорее всего, библиотекарь) формулировала основные направления в изображении новых людей: «Ребенок часто спрашивает себя — мать его ударница или нет? И все это переносит на себя. И стахановское движение, и показ новых людей нашей родины — этот пункт очень слаб» [6, 100 об.]. В сюжете о Красном Лимане решение производственных и человеческих проблем составляет суть работы Эммануила Левина для того, чтобы изменить мир, который «еще плох» [15, 9]. В финале рассказа высшей точкой в раскрытии образа персонажа становится образ «бессмертного человека» [15, 11] — именно так называет Левина его помощник Едвак. Его самоотдача, большой труд позволяли донести до детей мысль, что профессия подразумевает не только определенные знания, но и возможность помогать сделать мир лучше. Стоит отметить, что в «Бессмертии» железная дорога, об отсутствии которой в детской прозе говорил Маршак, дана подробно: дети могли познакомиться с работой железнодорожников, узнать ключевые места на станции, более того, в журнале были даны сноски с пояснениями, что такое ФД, тендер, клапан баланса и др.

Рассказ «Бессмертие» подходил тем, что в нем был дан образ вождя. Вожди были едва ли самыми главными героями эпохи. В специальной серии «Биография вождей» в плане Детгиза на 1936 г. были включены рассказы о Ленине, Сталине, Молотове, в том числе и Л. Кагановиче [16, 24] — его образ появляется в рассказе, так как он был народным комиссаром путей сообщения. Образы вождей были необходимы: они направляли народ в построении нового мира.

Рассказ «Среди животных и растений» о герое-железнодорожнике был опубликован в № 12 «Колхозных ребят» за 1936 г. под названием «Стрелочник». До публикации в нем произведение находилось в редакциях «Октября» и «Нового мира», где от Платонова потребовали его переработать, а кроме того, состоялось его обсуждение (в июле) в СП [17, 329].

Платонов, отдавая рассказ в «Колхозные ребята», рассчитывал, что он не вызовет особых возражений. Однако он подвергся большой правке, в том числе имя главного героя. Текст «Стрелочника» возмутил Платонова. Об этом он высказался в письме в редакцию, декабрь 1936 г. [4, 421].

Рассказ «Стрелочник» раскрывал тему профессии и тему нового мира через сюжет о жизни главного героя — Петра Алексеевича Попова — такое имя было ему дано после редактуры. Он находит родство с классическим для русской литературы маленьким человеком. Его скромная жизнь среди животных и растений, в скромной должности расстраивает близких и любящих его людей. В рассказе жена спрашивает Петра Алексеевича: «А ты можешь стать знатным человеком всего транспорта?» [18, 8], имея в виду должностной статус. Однако настоящее величие заключается не в высоком положении, как показывает Платонов, а возможности совершить подвиг, пожертвовать собой ради других.

Попова влечет большая и великая жизнь, и художник показывает динамику развития образа главного героя через его профессию. В сюжете рассказа герой проходит путь от стрелочника до сцепщика, и ответственность его работы постоянно возрастает. Высшей точкой в его профессиональном пути становится подвиг, который он совершает, предотвращая аварию на железной дороге, в кульминации. Платонов показал настоящий рост человека, и осуществляется он через его работу. Такие качества, как храбрость, забота о ближнем, нужно было воспитывать в подрастающем поколении и раскрывать, как человек может совершенствоваться — в частности, через профессию. Труд во имя других людей помогает строить новый мир.

Выбор профессии будет раскрыт в «Великом человеке». В записной книжке за 1939 г. Платонов написал: «Выбор профессии; все хотели быть летчиками, музыкантами… а один мальчуган гончаром,— гений!» [19, 212] Произведение было опубликовано в № 4 юношеского журнала «Смена» за 1941 г. Григорий

Хромов выбирает простую профессию. Он благоустраивает жизнь в колхозе: чинит колодец, строит школу. Конюх Василий Ефремович спрашивает: «Сколько наших ребят вон уехали… они будут… на великом деле… кто летчик, кто артист… А ты кто будешь?» [14, 57] Григорий исходит из любви к ближнему, тогда как мир «артистов» выражает любовь к дальнему — зачарованному миру. Забота о ближнем помогает строительству нового мира. Е. А. Роженцева отмечает, что польза, понимаемая массой как материальная, но общая, побеждена пользой высокой и реальной [20, 763].

Б. Ивантер на заседании Секции детской литературы 17 января 1937 г. прокомментировал публикации взрослых произведений в «Пионере» и положение детской литературы в 1936 г.: «В своем отчете т. Ивантер отметил, что в истекшем году интересные произведения для ребят дали писатели, не принадлежащие к детской секции…» [12, 6] В № 6 «Детской литературы» за 1937 г. С. Злобин сделал обзор литературы в «Колхозных ребятах» и упомянул рассказы Платонова, хотя не в числе лучших, так как они представляли адаптированные взрослые произведения [21, 33]. Упоминание о них показательно: они подходили для подрастающего поколения освещением темы нового мира и профессии, советского человека.

Сотрудничество с детскими журналами стало новой вехой в творческой биографии писателя. В письме в редакцию «Колхозных ребят» Платонов говорит о новом рассказе для замены «Стрелочника» [4, 421]: Платонов начинает обращать внимание на детскую литературу.

Третья публикация в детском журнале состоялась в 1939 г. Ей стала «Июльская гроза», сокращенная до «Грозы»; помимо этого, сокращены были многие абзацы исходного текста, отчего в редакции «Дружных ребят» рассказ превращается в несколько упрощенную историю о колхозных детях и новой деревне. Кожевников, который, вероятно, выступил редактором, сохранил важную фразу в эпизоде, когда Ульяна Петровна слышит стук в окно, думая, что это побирушка. Она готова дать блин человеку, так как «урожаи большие пошли» [22, 6]. Эта деталь подчеркивала важную тему подъема колхозной деревни и ликвидацию одной из примет старой — побирушничество, описанное в «Чевенгуре».

Помимо положительного образа нового мира, рассказ «Гроза» соответствовал интересам детской литературы тем, что Платонов показал основы воспитания нового поколения детей. По сюжету произведения Наташа и Антошка впервые сталкиваются с большим миром: не случайно художник начинает с мотива о том, что «велик мир в детстве».

Ключевым событием рассказа становится июльская гроза. Она предстает в произведении экстремальной ситуацией для детей. С помощью этого кульминационного момента Платонов раскрывает их характеры. Дети, оказавшись в беде, проявляют заботу друг о друге, особенно Наташа. Л. Ю. Суровова отмечает, что в детской литературе не хватало произведений о героических поступках детей [21, 33]. В этом заключался героический образ ребенка по Платонову — взять на себя роль взрослого, как и мальчик из рассказа «Семен». Показательно, как она готова наброситься на незнакомого старика, когда тот берет брата. Первое название рассказа, сохраненное в рукописи, было «Спасение брата» [14, 390].

В журнальной публикации «Июльской грозы» подчеркивалось, какие азы жизни приобретают дети в новой, строящейся стране на примере их встречи с большим миром. Эти азы, как показано в рассказе, они получили в родном доме: им в произведении становится колхоз «Общая жизнь», о котором неоднократно думают дети на протяжении всего повествования.

Несмотря на это, дети остаются детьми и о них надо заботиться, почему Платонов вводит незнакомого старика в сюжет произведения. Дети далеко не всегда способны ответить окружающей их жизни, почему и правильное воспитание детей, и забота о них в большом мире необходимы в детстве.

Исследование вопроса о творчестве Платонова в детской советской литературе 1930-х гг. позволяет говорить, что художник занял в ней достойное место. Его путь к детскому читателю берет начало с 1920-х гг. В детскую литературу Платонов вступил в 30-е гг. уже зрелым писателем. Его произведения этого десятилетия отвечали интересам большой и детской литературы — темами старого и нового мира, профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каманин Ф. Литературные встречи / Ф. Каманин // Новый мир.— 1981.— № 6.— С. 106–109.
2. Маршак С. Я. Самозванка / С. Я. Маршак // Дружные ребята.— 1927.— № 23.— С. 12–13.
3. Платонов А. П. Про электричество // А. П. Платонов. Собрание сочинений / А. П. Платонов; отв. ред. Н. В. Корниенко.— М.: ИМЛИ РАН, 2004.— Т. I-1.— С. 430.
4. Платонов А. П. «…я прожил жизнь». Письма 1920–1950-х гг. / А. Платонов; под общ. ред. Н. В. Корниенко и Е. Д. Шубиной.— М.: Редакция Елены Шубиной, 2019.— 718 с.
5. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет.— М.: Художественная литература, 1934.— С. 20–38.
6. РГАЛИ.— Ф. 631.— Оп. 8.— Ед. хр. 8 (2).— Л. 99.
7. РГАЛИ.— Ф. 631.— Оп. 8.— Ед. хр. 13.— Л. 43–44.
8. Платонов А. П. Два рассказа // А. П. Платонов. Собрание. Фабрика литературы.— М.: Время, 2011.— 420 с.
9. Стенограмма заседания Детской секции ССП с представителями Детгиза по обработке плана (с приложением выводов) от 13 ноября 1934 г. // РГАЛИ.— Ф.

631.— Оп. 8.— Ед. хр. 21.— Л. 1.

10. РГАЛИ.— Ф. 631.— Оп. 8.— Ед. хр. 17.— Л. 25 — Л. 26.

11. Тематический план Детгиза на 1935 г. // РГАЛИ.— Ф. 631.— Оп. 8.— Ед. хр. 2.— Л. 11.

12. РГАЛИ.— Ф. 631.— Оп. 8.— Ед. хр. 12.— Л. 4.

13. Боков В. Высокое слово / В. Боков // Андрей Платонов. Воспоминания. Материалы к биографии / Сост., под. текстов и прим. Н. В. Корниенко и Е. Д. Шубиной.— М.: Современный писатель, 1994.— С. 79–86.

14. Платонов А. П. Сухой хлеб. Собрание / Сост., под. текста и ком. Н. В. Корниенко.— М.: Время, 2011.— 416 с.

15. Платонов А. П. Красный Лиман / А. П. Платонов // Колхозные ребята.— 1936.— № 4.— С. 8.

16. Тематический план Детгиза на 1936 г. // ГА РФ.— Ф. А2306.— Оп. 70.— Д. 2248.— Л. 24.

17. Совещание в Союзе писателей. Чтение и обсуждение рассказа А. Платонова «Среди животных и растений» для журнала «Люди железнодорожной державы» <1936> [Вступительная статья и примечания Н. В. Корниенко] // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии / Сост., под. текстов и прим. Н. В. Корниенко и Е. Д. Шубиной.— М.: Советский писатель, 1994.— С. 327–347.

18. Платонов А. П. Стрелочник / А. П. Платонов // Колхозные ребята.— 1939.— № 12.— С. 8.

19. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / А. П. Платонов; ответ. Ред. Н. В. Корниенко.— М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.— 424 с.

20. Роженцева Е. А. Рассказ Платонова «Великий человек» / Е. А. Роженцева // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам пятой международной научной конференции, посвященной 50-летию со дня кончины А. П. Платонова / Ред.-сост. Н. В. Корниенко. Вып. 5.— М.: ИМЛИ РАН, 2003.— С. 758–764.

21. Суровова Л. Ю. Дети в рассказах Андрея Платонова. Платонов и детская литература / Л. Ю. Суровова // Русская словесность.— 2016.— № 3.— С. 33.

22. Платонов А. Гроза / А. Платонов // Дружные ребята.— 1939.— № . 1.— С. 6.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

Костылев А. О., аспирант Института мировой литературы имени А. М. Горького

E-mail: alekseykostylevv@mail.ru

Gorky Institute of World Literature

Kostylev A. O., Postgraduate Student of the A. M. Gorky Institute of World Literature

E-mail: alekseykostylevv@mail.ru

УДК 821.161.1

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦЕНКАХ ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ США

Н. Е. Купцова

Московский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию академической рецепции исследователями из США жанрово-стилевых особенностей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Автор статьи анализирует стилевые и жанровые особенности на основе наиболее авторитетных публикаций, сделанных в США по этой теме в период с 1916 года по настоящее время. Проведенный анализ наглядно иллюстрирует особенности восприятия жанрово-стилевых особенностей романа в США.*
Ключевые слова*: жанр, стилевое направление, Лермонтов, Герой нашего времени, романтизм, постромантизм, реализм.*

Abstract: *the article is devoted to the reception by researchers from the USA of genre and stylistic features of M. Yu. Lermontov's novel "A Hero of Our Time". The author of the article analyzes the style and genre features based on the most authoritative publications made in the United States on this topic from 1916 to the present time. The analysis clearly illustrates the peculiarities of the perception of the genre and stylistic features of the novel in the USA.*
Keywords*: genre, stylistic feature, Lermontov, Hero of our time, romanticism, post-romanticism, realism.*

Исследователи из США видят в романе «Герой нашего времени» черты разных литературных направлений: сентиментализма, романтизма, постромантизма, реализма. Прослеживая влияние западноевропейской литературы, они тем не менее подчеркивают, что Россия формировала свою собственную литературную традицию [2, 3].

В ранних работах, изданных в США, в Печорине видят прежде всего байронического героя. Тему байронизма мы находим в предисловии к первому переводу романа на английский язык, вышедшему в США в 1916 году, где отмечено, что роман «Герой нашего времени» будет особенно интересен студентам, изучающим английскую литературу, так как он написан под сильным влиянием Байрона и сам по себе представляет собой изучение байронического характера [3, 2].

Однако эта тема продолжает интересовать исследователей из США и позднее. В 1978 году Хайди Фалетти, преподаватель Баффало Колледжа Нью Йорка, анализирует демонические мотивы персонажа Печорина. Она утверждает, что Печорин является идеальным воплощением сатанинско-байронического типа, который отличается своим стремлением к власти и чувством эмоциональной изоляции от других и от самого себя [4, 367].

Романтическое мировоззрение Печорина, по мнению Левиса Бэгби, профессора Университета Вайоминг выражено также и голосом, который доминирует в его сознании. Печорин уходит от ответственности за плохое обращение с другими персонажами романа (герой винит в этом судьбу и определяет свою роль по отношению к другим как роль «палача») [5, 282].

Владимир Голштейн, доцент Университета Браун, напротив, считает Печорина героическим в романтических терминах, потому что он отказывается играть в лицемерное позирование, которого требует его общество от своих членов, и вместо этого мужественно выстраивает свой собственный «кодекс чести и рыцарства» [6, 121–122].

Интересные грани добавляет Дэвид Пауэлсток, профессор Брондейского университета, рассматривающий жизнь и творчество Лермонтова в рамках романтического мировоззрения в целом и романтического индивидуализма в частности. Он считает саморепрезентацию Печорина вдвойне романтичной и поистине возвышенной [7, 330].

Несмотря на то, что влияние Байрона было отмечено многими исследователями из США, уже в 80-х годах появляются работы, в которых отмечается тот факт, что Лермонтов постепенно от этого влияния отходит. Так, Джон Гаррард, профессор Университета Аризоны, проследил влияние Байрона через все творчество Лермонтова и считает, что байронический герой стал позой, которая наконец стала автору неудобной и от которой он совершенно избавился в «Герое нашего времени» [8, 51].

Такой же точки зрения придерживается Присцилла Мейерс, профессор Уэслианский Веслейнского университета, считая, что Лермонтов в своем романе уходит от «опасных романтических стереотипов», называя его подход поздним романтизмом [9, 72].

© Купцова Н. Е., 2022

И, наконец, впервые в американском лермонтоведении, Уильям Миллс Тода III, профессор Гарвардского университета, высказал уверенную точку зрения, что именно Лермонтов своим романом «Герой нашего времени» помог решительно покончить с романтизмом в русской прозе, назвав его прозаиком-новатором. Он также первым отверг традиционный романтический взгляд на Печорина [10, 161–163].

Рассмотрев работы исследователей, относящих роман «Герой нашего времени» к направлению романтизма или реализма, нельзя не сказать и о третьем подходе, который во многом опирается на работы Виссариона Белинского, который видит в романе сочетание романтического и реалистического жанров. Джон Мерсеро, автор первой монографии, посвященной М. Ю. Лермонтову в США, разделяет эту точку зрения. Он считает, что в своем романе Лермонтов применил особую комбинацию романтизма и реализма и смог успешно использовать достоинства обоих жанров. По его мнению, это еще не реализм как таковой, но лирический реализм, вовлекающий эмоции и атмосферу романтизма, но в то же время очень жизненно достоверный [11, 157–158].

Позднее этот подход был поддержан Гербертом Иглом, написавшим статью, в которой он анализирует структуру романа, основываясь на расщепленной личности Печорина, чтобы разделить романтические и новаторские реалистические элементы и показывает, как Лермонтов трансформирует традиционный байронический тип в «квазиреалистичного» героя [12, 311]. В повести «Бэла» Герберт Игл видит и отзвуки сентиментализма. Херберт Игл также считает, что использование путевых заметок является типичной чертой сентиментализма и романтизма [12, 303].

В 2007 году Элизабет Череш Аллен, профессор Стенфордского Университета, издает книгу «Кумир поверженный все Бог», полностью посвященную творчеству М. Ю. Лермонтова и высказывает точку зрения о принадлежности романа к постромантизму, переходному этапу от романтизму к реализму. Она считает, что Лермонтову пришлось создавать свои произведения в такое время, когда романтизм уже был в упадке, а реализм еще не сформировался [1, 136–148].

Значительно раньше такую позицию высказал Уотер Рид из университета Эмори, только его трактовка постромантизма несколько другая. Он строит модель постромантического героя на теоретических определениях героических качеств, предложенных Кьеркегором и Морисом Бланшо, которая на его взгляд идеально подходит для Печорина [13, 125].

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Херберг Игл заметил, что каждая глава романа основана на одном или нескольких романтических жанрах малых форм, но ожидания от жанра часто не оправдываются из-за использования дополнительных элементов. Эти дополнительные элементы заставляют восприимчивого читателя усомниться в иллюзии реальности, созданной стереотипными ситуациями, стандартными персонажами и словесными клише жанра [13, 300].

Бэла

Эта повесть вызывает меньше всего жанровых дискуссий. Здесь часть исследователей сходится на жанре экзотической восточной сказки / повести [14, 92–93]. Другие исследователи видят приключенческую повесть с путевыми заметками [10, 142], [12, 300].

Очень интересные выводы приводит в своей опубликованной диссертации Кристин Роуз. По ее мнению, Лермонтов берет жанры романтики и готики из их западной цитадели и использует их национальные традиции повествования и психологические особенности для преодоления разрыва между Востоком и Западом [2, 14].

Максим Максимыч

Романтический жанр, положенный в основу главы «Максим Максимыч»,— психологический очерк. На него повлияли псевдонаучные представления той эпохи, которые утверждали, что обязательно существует связь между внешним видом человека и его характером. Манера описания Печорина в «Максим Максимыче» типична для жанра: начиная с внешнего вида и заканчивая психологическим портретом через взаимосвязь психических и ментальных черт [13, 305].

Тамань

Жанровый анализ этой повести многообразен и интересен. Исследователи неоднократно подчеркивают сверхъестественные элементы, оставшиеся почти незамеченными в российском лермонтоведении.

Жанр «Тамани» — это напряженный рассказ, основанный на необычных явлениях, граничащих со сверхъестественным. Это подчеркивается с самого первого абзаца, как заметил Джон Мерсеро: «Приключение в Тамани основывается на ситуационном клише, столь любимом романтиками, чей сюжет связан с сатаной. В первой сцене Печорин все больше злится на бесплодные поиски квартиры и наконец требует: «Отвезите меня куда-нибудь!» Затем, как ни странно, ему сообщают, что есть свободная хижина, но это нечисто, термин, который означает не только «грязный», но и имеет значение "одержимый дьяволом"» [13, 305].

Джейн Костлоу утверждает, что героиня «Тамани» выходит прямо из готики, обсуждает готическую природу «Тамани», а также страх и суеверия, лежащие в основе жанра [14, 92–93].

Тема сверхъестественного в Тамани звучит и у Херберга Игла, по мнению которого Печорин Лермонтова становится жертвой метафизического видения в «Тамани». Его увлечение контрабандистами превращает безымянную молодую девушку

в смертоносную «русалку», приписывает слепому мальчику магическую способность видеть и служит источником всевозможных религиозных метафор, которые создают зловещую атмосферу надвигающейся катастрофы, заставляющей некоторых критиков идентифицировать жанр этой главы как «очень типичный для повести (новеллы) о сверхъестественном» [14, 308].

Княжна Мери

«Княжна Мери» — это смешение двух жанров: дневниковой исповеди и светской истории [14,310]. На протяжении большей части этой главы Печорин действует как объективный рассказчик от первого лица, рассматривая других персонажей (а также себя) со стороны.

Очень характерно для жанра светской истории использование французского языка в диалогах, преобладание остроумных разговоров и обмена уколами. Действия персонажей, по крайней мере, изначально, соответствуют жанровым нормам; особенно это касается первых заигрываний Грушницкого с княжной Мери, а также сюжетных элементов (флирт, ревность, использование одного любовного романа для отвлечения внимания общества от другого, прелюбодеяние, публичные оскорбления, финал — дуэль) являются типичными для романтической светской истории [14, 310].

К теме жанра комедии в «Княжне Мери» обращается Гэри Кокс в своем исследовании дневника Печорина. Анализируя язык Печорина, он выявляет жанровые различия следующим образом: по его мнению, драматический рисунок «Княжны Мери» вращается вокруг противоположных жанров мелодрамы и комедии. Большинство персонажей смотрят на события с преувеличенными страстями, характерными для мелодрамы, в то время как Печорин, стоящий в центре мелодрамы, рассматривает ее как комическую пьесу и описывает окружающих его персонажей как актеров [15,163–164].

Фаталист

Глава «Фаталист» оказалась самой интересной и влиятельной среди американских исследователей. В то время как предыдущие главы в первую очередь касаются раскрытия жизни и личности [героя], эта глава пытается ответить на вопрос, почему он поступил именно так.

Герберг Игл относит «Фаталиста» к жанру остросюжетного рассказа, основанного на сверхъестественных или необычайных событиях [13, 300]. «Фаталист», по его мнению, переключает внимание на вопрос о судьбе, свободе воли и моральной ответственности. Это также дает Печорину последнюю возможность как рассказчику и персонажу поразмышлять над очевидными противоречиями между его крайним «байроническим» поведением и его способностью к холодному, рациональному анализу этого поведения [13, 310].

«Фаталист» призван еще раз подчеркнуть сложность личности Печорина: его способность действовать в соответствии с романтическими мифами о себе, в то же время рационально анализируя эти мифы и рассматривая их с большим скептицизмом [13, 313].

Владимир Голштейн развивает эту мысль глубже, утверждая, что «Фаталист» исследует психологически деструктивный эффект слепой опоры на метафизические сущности и осуждает иллюзии и ложные устремления, преследующие его поколение [6, 131].

Суммируя мнения исследователей из США, Лермонтов создал «шаблон» героя, оказавший огромное влияние на литературный ландшафт России XIX века. Через Печорина Лермонтов дает читателям девятнадцатого века другого героя, пытающегося написать жизнь столь же увлекательную, как его любимые романтические романы, и на собственном горьком опыте понимающего, что жизнь — это не вымысел, но именно вымысел может наполнить жизнь [2, 88].

ЛИТЕРАТУРА

1. Allen E. A Fallen Idol is Still a God. Lermontov and the quandaries of Cultural Transition / Allen E.— Stanford University Press, 2007.— 304 p.
2. Rose K. Locating the Russian Hero: Genre, Gender, and National Identity in Mikhail Lermontov's A Hero of Our Time. Thesis / Rose K.— Vanderbilt University, 2015.— Режим доступа: https://ir.vanderbilt.edu/handle/1803/7259 (accessed on November 8, 2021).
3. A Hero of our time. Tr. from the Russian of M. Y. Lermontov, by J. H. Wisdom & Marr Murray.— New York: A. A. Knopf, 1916.
4. Faletti H. E. The Elements of the Demonic in the character of Pechorin in Lermontov's Hero of Our Time / H. E. Faletti // Forum for Modern Language Studies.— 1978.— vol. 14, pp. 365–377. DOI: 10.1093/fmls/XIV.4.365
5. Bagby L. Narrative double voicing in Lermontov's A Hero of Our time / L. Bagby // The Slavic and East European Journal.— 1978.— vol. 22, no 3, pp. 265–286.
6. Golshtein V. Lermontov's Narrative of Heroism / V. Golshtein // Evanston.— Illinois: Northwestern University Press, 1998.— 244 p. DOI: 10.2307/j.ctv47wcbs
7. Powelstock D. Becoming Mikhail Lermontov. The ironies of Romantic Individualism in Nicholas I's Russia / D. Powelstock.— Northwestern University Press, 2005.
8. Gerrard J. The old wine in the new bottles: the Legacy of Lermontov / J. Gerrard // In J. D. Clayton & G. Schaarschmidt (Ed.), Poetica Slavica.— University of Ottawa Press, 1981.— 266 p.
9. Meyer P. Lermontov's Reading of Pushkin: The Tales of Belkin and A Hero of Our Time / P. Meyer // In D. Offord (Ed.), The Golden Age of Russian Literature and Thought.— New York: St. Martin's Press, 1992.— pp. 58–75.
10. Todd W. M. Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative / W. Todd.— Harvard University Press, 1986.

11. Mersereau J. Mikhail Lermontov / J. Mersereau.— Southern Illinois University Press, 1962.

12. Eagle H. Lermontov's 'Play' with Romantic Genre Expectations in A Hero of Our Russian Literature Triauarterlv. 10 (1974), Russian literature. 10, 1974. Time / H. Eagle // Russian Literature Triquarterly.— 1974.— 10 // pp. 299–315.

13. Reed W. Meditations on the Hero. A Study of the Romantic Hero in Nineteenth-Centurv Fiction / W. Reed.— New Haven and London: Yale University Press, 1974.

14. Costlow J. Compassion and the Hero: Women in A Hero of Our Time / J. Costlow // Lermontov's A Hero of Our Time: A Critical Companion. Lewis Bagby. Evanston: Northwestern UP, 2002.— pp. 85–100.

15. Cox G. D. Dramatic Genre as a Tool of Characterization in Lermontov's Hero of our Time // G. D. Cox // Russian Literature, 1982, vol. 11, no. 2, pp. 163–172.

Московский государственный университет

Купцова Н. Е., соискатель кафедры истории русской литературы, доцент кафедры управления проектами Московской высшей школы социальных и экономических наук

E-mail: natalia.kuptsova@gmail.com

Moscow State University

Kuptsova N. E., Candidate of the History of Russian Literature Department, Associate Professor of the Project Management Department of the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences

E-mail: natalia.kuptsova@gmail.com

УДК 82.09

ОНЕЙРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ПОВЕСТИ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «ВОЗВРАЩЕНИЕ МЮНХГАУЗЕНА»

М. А. Липина

Иркутский государственный университет

Поступила в редакцию 13 апреля 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию онейрического текста в повести С. Д. Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена». Рассматриваются особенности фантастического экфрасиса в рамках онейротопа повести (переплетение скульптурного и архитектурного кодов, динамика), структуры представленного сновидного пространства, способов имитации в тексте особенностей нелитературного сновидения (пробуждение через страх, внезапная обездвиженность героя и т.д.).*
Ключевые слова: *онейротоп, онейрический текст, литературное сновидение, экфрасис.*

Abstract: *the article presents the analysis of the dream narrative of S. Krzhizhanovsky's novel "The return of Munchausen". The author considers the features of the fantastic ecphrasis within the frame of the oneirotope of the novel (the interweaving of sculptural and architectural codes, dynamics), the structure of the presented dream space, the ways of imitating the features of non-literary dreams in the text (waking up by fear, sudden immobility of the hero, etc.).*
Keywords: *oneirotop, dream narrative, literary dream, ecphrasis.*

Современное литературоведение всё чаще обращается к исследованию различных аспектов творчества так называемых возвращенных авторов, к которым справедливо относят и С. Д. Кржижановского. Творческое наследие этого выдающего писателя, литературоведа и переводчика на протяжении многих лет было знакомо лишь узкому кругу специалистов. У истоков изучения произведений Кржижановского стоит В. Г. Перельмутер, выступивший редактором-составителем первых опубликованных сборников новелл писателя, а также автором посвящённых его творчеству литературоведческих статей («Когда не хватает воздуха» [1], «Прозёванный гений» [2],«Трактат о том, как невыгодно быть талантливым» [3] и др.). Изучив основные литературоведческие работы, посвященные произведениям С. Д. Кржижановского, можно выделить несколько аспектов творчества писателя, к которым наиболее часто обращаются исследователи: экзистенциальная проблематика [4]; жанровое своеобразие творчества Кржижановского [5]; особенности пространственно-временной организации текста писателя [6]; специфика т.н. минус-пространства в художественной системе автора [7]; интертекстуальная составляющая поэтики его «музыкальных новелл» [8]; типы и функции лингвистических новообразований в произведениях Кржижановского [9]; специфика игрового начала [10]; философско-эстетические искания в прозе писателя [11] и др.

Особенно интересными в свете темы нашего исследования представляются работы Р. М. Ханиновой [12, 13, 14], посвящённые рассмотрению произведений писателя, в том числе представленного в них онейрического текста, с точки зрения антропологической поэтики. Две главы монографии Р. М. Ханиновой «Антропологическая поэтика русской повести и рассказа 1900–1930-х гг.» [14] посвящены исследованию литературных сновидений в художественном пространстве Кржижановского («Философема сна в прозе Сигизмунда Кржижановского», «Экфрасис и сон-экфраза в малой прозе Сигизмунда Кржижановского»). Стоит отметить, что Р. М. Ханинова не обращается к рассмотрению специфики онейрического текста в повести С. Д. Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена», концентрируясь на онейропоэтике других произведений писателя.

Прежде чем обратиться к рассмотрению текста С. Д. Кржижановского, представляется целесообразным уточнить значение основных используемых в работе литературоведческих терминов. Прежде всего следует уделить внимание инструментарию онейрологических исследований художественного текста. В современном литературоведении изучением особенностей литературного сновидения занимается онейропоэтика (oneiros — «сновидение»), онейрология, или художественная гипнология. В рамках данной статьи мы, опираясь на работы В. Савельевой, определяем онейропоэтику как «область поэтики, которая сосредоточена на филологическом анализе сновидения как вербального художественного текста» [15, 23]. Пространство литературного сна исследователи онейрологии обозначают различными терминами («онейрический текст», «сновидное пространство»), наиболее лаконичным и устоявшим-

© Липина М. А., 2022

ся из которых является «онейротоп» (Т. Ф. Теперик, В. Савельева, Н. А. Нагорная и. др.). При использовании данной категории стоит учитывать, что «онейротоп включает в себя описание сновидения, но ему не равен. В него входит весь комплекс художественных средств, связанный с изображением сновидения, это ближайший композиционно-смысловой контекст, связанный с его изображением» [16, 9]. Таким образом, онейротоп включает в себя описание сновидения, его интерпретации, а также ситуации засыпания-пробуждения.

В творчестве С. Д. Кржижановского причудливо переплетающиеся реальность и грезы порой становятся неразличимыми, превращаются в единое целое. Произведения писателя напоминают мрачноватые сказки или притчи, в которых действуют фантастические персонажи, зачастую находящиеся в пограничных состояниях: между жизнью и смертью («Автобиография трупа», «Швы», «Чудак»), сном и явью («Мост через Стикс», «Фантом», «Рисунок пером», «Боковая ветка»). При этом в большинстве случаев реальность «фантазма», сна является доминирующей, «говорящей», максимально эстетически и идеологически наполненной. Для Кржижановского именно «фантазм» является истинной реальностью, скрытым миром, который поражает безупречной логической обоснованностью даже самых парадоксальных образов. Данное представление сближает творческий метод автора с поэтикой сюрреализма, в рамках которой источником вдохновения художника является истинная «сверхреальность», пространство подсознания и сна.

Художественную систему С. Д. Кржижановского можно охарактеризовать как онейрически наполненную. Неслучайно сон является одним из «сквозных» образов творчества писателя [14, 64]. Онейротоп представлен в нескольких произведениях автора, таких как «Боковая ветка», «Мост через Стикс», «Фантом», «Рисунок пером», «Поэтому», «Красный снег» и др. Однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживают примеры экфрастических описаний в рамках онейрического текста Кржижановского, характеризующиеся как воплощением интермедиальной инкорпорации (включением образов произведений различных искусств в литературное произведение), так и реализацией авторских приемов имитации онейрическим текстом нелитературного сновидения. В рамках данной статьи мы остановимся на исследовании онейротопа повести Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена», так как сон-экфрасис («сон-экфраза» [14]) представлен в указанном произведении наиболее полно.

«Сон-экфраза», как указывает Р. М. Ханинова, представляет собой литературное сновидение, содержащее описание артефактов (картина, статуя и т.п.) в статике или динамике [14, 88]. В рамках данной статьи мы будем также использовать термины «онейрический экфрасис» и «сновидный экфрасис», значение которых синонимично предложенному Р. М. Ханиновой. Стоит отметить, что наряду с живописным, архитектурным, скульптурным, а также комбинированным, то есть включающим в себя элементы кодов различных искусств, вероятно, можно выделить также музыкальный онейрический экфрасис. При этом, разумеется, сновидный экфрасис, как и любой другой, может быть религиозным, светским, реалистическим, фантастическим и т.д.

Хронологически первый онейрический текст повести «Возвращение Мюнхгаузена» представляет собой пророческий сон барона о соборе святого Павла. Онейротоп начинается с описания ситуации засыпания героя, плавно переходящего в текст фантастического религиозного экфрасиса. Перед читателем возникает образ ожившего собора святого Павла, который пытается заговорить с бароном и преследует его по улицам Лондона. В данном случае Кржижановский демонстрирует трансформацию дневных впечатлений Мюнхгаузена (ежедневное путешествие к собору св. Павла («к самому несуществующему»), рассматривание аллегорических изображений Истины и Лжи; возвращение через нищие кварталы Ист-Энда; выдуманный бароном рассказ о чёрте на дрожках), имитируя таким образом особенности нелитературных сновидений. Существенно, что Мюнхгаузен в пространстве повести Кржижановского предстает как вышедший из книги литературный персонаж, для которого мир созданных им фантастических историй неоспоримо важнее обыденной действительности. Возможно, именно поэтому сон Мюнхгаузена — это не только отражение его дневных впечатлений, но и трансформация образов собственных рассказов, которые для него реальнее самой реальности.

Экфрастическое описание ожившего собора св. Павла в тексте повести — это «фантазм о фантазме», онейрическая трансформация выдуманного Мюнхгаузеном персонажа (чёрта на дрожках), переплетение его черт с образом лондонского храма. Религиозный экфрасис в данном случае инверсируется, религиозное переживание, которое традиционно сопровождает этот тип экфрастического описания, трансформируется в страх, восхищение творением архитектурного искусства — в отвращение. Храм называется чудовищем, чудищем, его внешний облик сближается с образом гигантского насекомого, рептилии (*шевелит двенадцатью языками, перебирает двенадцатью колончатыми лапами, волочит длинное каменное тулово, бодает головой воздух* и т.д.). В данном случае перед читателем предстаёт динамический экфрасис, который можно также охарактеризовать как фантастический, религиозный и комбинированный (скульптурно-архитектурный). Глагольность текста ослаблена, что характерно для экфрастического описания как такового [17, 9]: пре-

обладают имперфектные глаголы (*везет, останавливает, приходит, наклоняется, кричит*), причастия (*смеженные, снящийся*), деепричастия (*нажав, шевеля, сворачивая, шагая, волоча, бодая)*, отглагольные существительные (*видения, шуршание, движение, поворот, грохот*): «*А под смеженными веками череда видений: снящийся автомобиль везет Мюнхгаузена по снящимся улицам; они странно безлюдны и немы, и, ни разу не нажав сигнального рожка, Джонни останавливает шуршание шин у колоннады Св. Павла. Мюнхгаузен уже опустил ногу к ступеньке, как вдруг собор приходит в движение, голова его, под гигантско-круглой шапкой, наклоняется, бодая крестом воздух, двускатная спина выгнулась и чудовище, шевеля всеми своими колокольными языками, кричит: «Сэр, как пройти в Савлы, прямо и не сворачивая?» Расторопный Джонни включил мотор и крутым поворотом руля — назад; но чудовище, шагая двенадцатью гигантскими колоннами и с грохотом волоча свое длинное каменное тулово,— вслед*» [18, 121]. Наблюдается переплетение архитектурного и скульптурного кодов: оживший собор превращается в гигантскую чудовищную статую, описание которой можно назвать не только экспрессивным, гротескным, но и ироничным. Гигантское чудовище всеми своими двенадцатью языками громогласно всего-навсего спрашивает у Мюнхгаузен дорогу к московскому храму. Впрочем, в фантастической лекции барона о жизни в СССР этот же вопрос задавал чёрт, призрак, воплощение инфернальной силы, так что это совпадение может рассматриваться как подтверждение демонической природы ожившего собора-чудовища. Храм становится статуей, ожившим каменным изображением, которое преследует испуганного героя по улицам города. Повесть Кржижановского в данном случае оказывается интертекстуально связана с целым рядом произведений, отражающих миф о разрушительной статуе («Каменный гость», «Медный Всадник», «Сказка о Золотом петушке» А. Пушкина, «Статуя», «Петр», «Шаги командора» А. Блока и др.).

М. Рубинс, рассуждая об указанном мифе, поясняет: «Статуи становятся разрушительными, когда они оживают, *покидают свой условный хронотоп* и начинают участвовать в событиях наряду с остальными героями. При этом литературное повествование перестает быть миметичным, более не стремится к правдивой транспонировке пластического объекта, пытаясь вместо этого создать новую, альтернативную реальность» [19, 158–159]. Ожившая статуя, покинувшая свое место, маркирует момент трансформации реальности (фантастические события, сумасшествие героя и т.д.), в тексте Кржижановского оживший собор-чудовище является органичной частью сновидного пространства, для которого нет ничего невозможного. Стоит отметить, что во многих текстах, транслирующих миф о разрушительной статуе, преследованию героя зачастую предшествует некий вызов, который он бросает изваянию, это может быть, например, угроза или насмешка. В «Возвращении Мюнхгаузена» вызов (насмешка) также присутствует, но в сглаженном виде. Так, Мюнхгаузен, каждый раз отправляясь к собору, говорит Джонни: «К самому несуществующему». Возможно, речь идёт о Боге или правде в ее абсолютном воплощении, а может быть, о разнице между истиной и ложью. Выходя из собора, герой неизменно произносит: «Как ни придешь к Богу, его никогда нет дома». Снова указание на отсутствие Бога? В самом соборе Мюнхгаузен играет со служкой в одну и ту же игру: просит указать на барельефе, которое из аллегорических изображений обозначает Истину. Служка выполняет просьбу, а барон, усмехаясь, говорит о том, что в прошлый раз он указывал на противоположное. Вызов, насмешка над нерушимостью, единственностью истины, безусловно, присутствуют.

Ещё одной примечательной особенностью сна Мюнхгаузена является то, что барон оказывается способен управлять онейрической реальностью: он приказывает домам Ист-Энда сдвинуться, защитив его от погони, и они выполняют приказ, стоивший жизни шоферу барона и чуть не убивший его самого. Джонни раздавлен сдвигающимися домами. Сам Мюнхгаузен успевает запрыгнуть в открытое окно одного из домов, затем в следующее окно и т.д. Пока он не устает и не сравнивает коробки домов с шахматницей. Это сравнение запускает следующий этап сна (*тотчас*): *«Проклятая шахматница»,— шепчет испуганный Мюнхгаузен и тотчас же видит: посреди квадрата — на огромной круглой ноге, вздыбив черную лакированную гриву, шахматный конь. Ни мига не медля, Мюнхгаузен впрыгивает коню на его крутую шею; конь прянул деревянными ушами, и, ловя коленями скользкий лак, Мюнхгаузен чувствует: шахматная одноножка, пригнувшись, прыгает — вперед, еще вперед и вбок, опять вперед, вперед и вбок; земля то проваливается вниз, то, размахнувшись шпилями и кровлями, ударяет о круглую пятку коня; но пятка — Мюнхгаузен это хорошо помнит — подклеена мягким сукном — бешеная скачка продолжается...»* [18, 122]. Описание ожившего гигантского шахматного коня, который приносит барона в заснеженное поле — на границу с СССР, также можно рассматривать как пример фантастического скульптурного экфрасиса, соединяющего повествовательные и описательные элементы текста, смысловую динамику как воплощение движения оживающего изображения и общее ослабление глагольности: преобладание имперфектных глаголов (*шепчет, видит, впрыгивает, чувствует, прыгает, проваливается, ударяет, помнит, продолжается*), причастий (*испуганный, лакированный*), деепричастий (*вздыбив, медля, ловя, пригнувшись, размахнувшись*).

В момент окончания путешествия Мюнхгаузена верхом на шахматном коне в онейрическом тексте

повести появляется ещё один характерный для художественного пространства Кржижановского образ, воплощающий ожившее графическое изображение, букву, слово и т.д. В данном случае речь идет об имени барона, оно отделяется от него и бежит в сторону границы СССР, становится похожим на насекомое (*многоножка*), рептилию, змею (*полз*) (как «поэтому» в одноименной новелле писателя): «*И вдруг он видит: там, впереди, скользя легкой тенью, какая-то длинная, из острых готических букв — колючая и верткая многоножка. Мюнхгаузен ловит глазами черную вереницу букв и прочитывает их: это его имя. Изумление обездвижило Мюнхгаузена. Тем временем осьмнадцатибуквое БАРОН фон МЮНХГАУЗЕН не теряет времени: выгибая слоги, оно скользким ползом внезапно к выставившемуся из земли пограничному столбу: на столбе доска, на доске знаки. Мюнхгаузен, с трудом отрывая примерзающие подошвы, вслед улепетывающему имени. Но имя уже доползло до столба и шлагбаума, занесшего красные и белые полосы над белой равниной, и оборачивается, чтобы взглянуть на преследователя — далеко ль?*» [18, 122]. Замешкавшись на границе, имя получает увечье, его рана сочится чернилами, «Мюнхгаузен» проходит на территорию СССР, «Фон барон» остаётся за границей. Примечательно, что аббревиатура «СССР» во сне внушает барону ужас и он бежит от неё, бросая раненое имя: *«Глаза Мюнхгаузена от букв на снегу к знакам пограничного столба: СССР. С минуту он стоит, раскрыв рот, потом мысль: бросить имя и бежать. Но подошвы башмаков успели вмерзнуть в снег. Он тянет было правую ногу, потом дергает левую — вдруг пограничное четырехбуквие шевельнулось — в ужасе Мюнхгаузен выпрыгнул из своих башмаков и в одних носках по ледяному насту; холод хватает за пятки, в отчаянии он мечется из стороны в сторону и… просыпается»* [18, 122]. Сон Мюнхгаузена является пророческим. Именно после того, как созданный им «фантазм» о стране советов признается правдой, и выясняется, что, сам того не желая, барон впервые сказал правду, начинается его болезнь, которая в итоге приводит к исчезновению Мюнхгаузена из некнижного мира. Ещё одной значительной особенностью данного онейрического текста является использование автором приемов имитации специфики нелитературного сновидения в рамках онейротопа. К таким приемам, в частности, относится изображение ситуации так называемого сонного паралича [20], то есть ощущения героем невозможности пошевелиться или закричать во сне, а также воплощение выхода из сна через чувство страха и/или падение. Мимолетное движение аббревиатуры СССР приводит Мюнхгаузена в необъяснимый ужас, его башмаки вмерзают в снег, сковывая движения барона, он мечется в предчувствии неминуемой катастрофы и просыпается через чувство непреодолимого страха. К. Г. Юнг, рассуждая о примерах пробуждения пациента через чувство страха (в частности, от падения с высоты), связывал данный сновидный мотив со страхом неудачи или смерти, который подавляется сознанием спящего [21, 289]. Разумеется, особенности психоанализа неприменимы к исследованию сновидения литературного персонажа, которое является фикциональным текстом, порождением авторской воли писателя. В данном случае важно отметить, что использование подобных приемов имитации нелитературного сновидения в онейрическом тексте делает сон персонажа более достоверным для читателя, отсылает его к собственному сновидному опыту, побуждает к сопереживанию герою.

Еще одним примером онейротопа, представленного в повести, является сон поэта Ундинга, друга и собеседника Мюнхгаузена. Данный текст, имитируя нелитературное сновидение, воплощает трансформацию дневных впечатлений сновидца, «вырастает» из последней беседы поэта с обессиленным бароном: *«Вы не находите, милый Ундинг, что омега своим начертанием до странности напоминает пузырь, ставший на утиные лапки. Вот, вглядитесь,— придвинул он квадрат к гостю,— а между тем, как ни печально, это единственное, что осталось мне от всего алфавита. Я оскорбил буквы, и они ушли, как уходят мыши из обезлюдевшего дома. Да-да. Любой школьник, складывая эти вот значки, может учиться сочетать с мирами миры. Но для меня знаки лишились значимости. Надо стиснуть зубы и ждать, когда вот этот осклизлый пузырь на утиных лапах, неслышно ступая, подкрадется из-за спины и…»* [18, 215]. Сон Ундинга содержит уже упоминаемый нами мотив невозможности героя пошевелиться. Но особенно примечательным в данном случае является образ ожившей буквы омеги, сновидное воплощение кошмарных фантазий Мюнхгаузена: *«…Но в сон пришло сновидение: низкий потолок, подпертый кипами книг; позади тихий птичий шаг; Ундинг оборачивается — по поверхности письменного стола, осторожно подбирая пятки, крадется пузырь на утиных лапах; Ундинг хочет бежать, но ноги у него из дерева и ввинчены в пол; надо не позволить омеге зайти со спины — это-то он твердо помнит,— но ведь и сзади спина, и спереди спина — отовсюду; и пузырь, растягивая одетые в бег бликов вспучины, раздувается — еще и еще,— уже стол, а там и книги, потолок, вся комната и он, Ундинг, в пузыре, утончающиеся вспучины растягиваются, еще сейчас… разрыв — и в смерть: Ундинг сжимает веки и видит себя… с раскрытыми глазами на постели. Сквозь переплет окна — рассвет»* [18, 216]. Страх Мюнхгаузена становится ночным кошмаром Ундинга. Буква, грозящая гибелью литературному персонажу, трансформируется в зооморфное существо, убивающее поэта. Пробуждение сновидца происходит через страх быть уничтоженным омегой, страх смерти.

Таким образом, для литературных сновидений, представленных в повести, характерно: указание

на неосознанное засыпание героя, описание ожившего графического изображения (имя, буква), наличие динамического фантастического экфрасиса (собор, шахматный конь); имитация пробуждения сновидца через чувство страха, а также временной обездвиженности героя (сонного паралича). Кроме того, онейрический текст Кржижановского наполнен сюрреалистической образностью и характеризуется трансформацией пространственных объектов (сдвигающиеся дома), резкой сменой локаций (тотчас) и переплетением кодов различных искусств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перельмутер В. Когда не хватает воздуха / В. Перельмутер // Кржижановский С. Д. Возвращение Мюнхгаузена: повести; новеллы; воспоминания о Кржижановском / С. Д. Кржижановский.— Л., 1990. С. 3–18.

2. Перельмутер В. «Прозёванный гений» / В. Перельмутер.— Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М., 1991. С. 3–26.

3. Перельмутер В. «Трактат о том, как невыгодно быть талантливым» // Кржижановский С. Д. Воспоминания о будущем: Избранное из неизвестного / В. Перельмутер.— М., 1989.— С. 3–30.

4. Горошников В. В. Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: дис. … канд. филол. наук / В. В. Горошников.— Ярославль, 2005.— 178 с.

5. Воробьева Е. И. Жанровое своеобразие творчества С. Д. Кржижановского: дис. … канд. филол. наук / Е. И. Воробьева.— М., 2002.— 211 с.

6. Подина Л. В. Пространство и время в художественном мире Сигизмунда Кржижановского: дис. … канд. филол. наук / Л. В. Подина.— Самара, 2002.— 210 с.

7. Топоров В. «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского / В. Топоров // Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического.— М., 1995.— С. 476–575.

8. Мансков А. А. Поэтика музыкальных новелл С. Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. А. Мансков.— Барнаул, 2007.— 18 с.

9. Бышук О. П. Типы и функции новообразований в творчестве С. Д. Кржижановского: дис. … канд. филол. наук.— Ярославль, 2008.— 210 с.

10. Клёцкина О. М. Игра в малой прозе С. Д. Кржижановского: философия, эстетика, поэтика: дис. … канд. филол. наук / О. М. Клёцкина.— Иркутск, 2007.— 216 с.

11. Ливская Е. В. Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В. Ливская.— Москва, 2009.— 22 с.

12. Ханинова Р. М. Сновидение как «черная закладка сна» в новеллах С. Кржижановского / Р. М. Ханинова // Русская литература XX–XXI вв: проблемы теории и методологии изучения / под ред. С. И. Кормилова.— М.: Макс-Пресс, 2008.— С. 195–198.

13. Ханинова Р. М. Мотив сновидения в новеллистике С. Д. Кржижановского / Р. М. Ханинова // Русское литературоведение на современном этапе.— М., 2009.— С. 394–397.

14. Ханинова Р. М. Антропологическая поэтика русской повести и рассказа 1900–1930-х гг. / Р. М. Ханинова.— Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013.— 210 с.

15. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейротопика русских писателей: монография / В. В. Савельева.— Алматы: Жазуши, 2013.— 520 с.

16. Теперик Т. Ф. Поэтики сновидений в античном эпосе (на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана): автореф. дис. … д. филол. наук / Т. Ф. Теперик.— Москва, 2008.— 45 с.

17. Криворучко А. Ю. Функции экфрасиса в русской прозе 1920-х годов: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Ю. Криворучко.— Тверь, 2009.— 19 с.

18. Кржижановский С. Д. Тринадцатая категория рассудка / С. Д. Кржижановский.— М.: Эксмо, 2006.— 640 с.

19. Рубинс М. Пластическая радость красоты: экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс.— СПб., 2003.— 354 с.

20. Левин Я. И. Парасомнии: современное состояние проблемы / Я. И. Левин // Эпилепсия и пароксизмальные состояния.— 2010.— Т. 2.— № 2.— С. 10–16.

21. Юнг К. Г. Алхимия снов. Четыре архетипа / К. Г. Юнг / Пер. С. И. Пантелеева; ред. Е. В. Осипова.— М.: Медков С. Б., 2014.— 312 с.

Иркутский государственный университет

Липина М. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента

E-mail: mar-lipina@mail.ru

Irkutsk State University

Lipina M. A., Candidate of Philology, Lecturer at Journalism and Media Management Department

E-mail: mar-lipina@mail.ru

УДК 811.111

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЯ ЛЕКСЕМЫ «VILLAGE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Л. А. Литвинова

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

Поступила в редакцию 13 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются современные общепринятые лингвистические исследования с позиции противопоставления диахронии и синхронии. Новый подход к диахроническим исследованиям в лингвистике, а также ряд доводов в пользу такого подхода подтверждаются примером исследования семантики лексических единиц в разных синхронных срезах. Описание семантики лексических единиц в синхронных срезах по векам исторического развития предполагает методику обобщенного лексикографического описания исследуемой лексемы по словарям XVIII, XIX, XX веков как этап 1; методику семантической интерпретации как этап 2. Полученные результаты позволяют сделать выводы по семантике исследуемых лексических единиц и динамике ее изменений. Часть семантических признаков в семантике слова «village» в английском языке XVIII–XX веков демонстрирует неизменность и постоянно фиксируется в словарях всех исторических периодов; часть семантических признаков видоизменяется; есть исчезнувшие или появившиеся позже семантические признаки.*

Ключевые слова: *диахрония, синхрония, методика обобщенного лексикографического описания, методика семной интерпретации, семантическая динамика от одного временного периода до другого, отражение исторических, социальных и культурных процессов.*

Abstract: *the paper informs us about the general information on linguistic researches today on the basis to oppose diachrony and synchrony. A different way in linguistic researches as well as the number of examples are given to prove the advantages of semantic researches of a lexeme comparing different synchronic periods. The semantic description of the English lexeme «village» in its historic dynamics needs the methodology of generalized lexicographic description basing upon the dictionary information of XVIII–XX centuries. This is Part 1 of the research. The description information is processed with the help of seme interpretation methodology. This is Part 2 of the research. Part 3 of the research helps to compare the results of semantic dynamics from century to century. Some semantic features of the English lexeme «village» are permanent and do not change in the historic, social and cultural dynamics; some semantic features are not permanent to be more detailed; there are the disappeared and appeared semantic features. The approach can help to explain the semantic processes and shifts as the reflection of historical and cultural processes.*

Keywords: *diachrony, synchrony, the methodology of generalized lexicographic description, seme interpretation methodology, semantic dynamics from century to century, the reflection of historical, social and cultural processes.*

В процессе исторического развития любой естественный язык претерпевает самые разные качественные и количественные изменения. Отмечено, что особенно подвержена изменениям семантика лексики, поскольку лексический слой языка весьма динамичен и подобен живой материи. В данной статье мы приведем пример исследования семантики английской лексики при помощи современных методик.

Диахрония в языке в самом общем понимании — это историческое развитие языковой системы, изменения языка во времени. Данный термин ввел швейцарский лингвист Ф. Де Соссюр как противоположность синхронии. Этот лингвист предложил рассматривать синхронию в качестве статического аспекта языка, исключающего всякое вмешательство времени, а диахронию как собственно эволюцию языка во времени. Идея синхронии и диахронии базируется на тезисе, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого». [1]

В современных лингвистических исследованиях подход к диахроническим исследованиям не распространен. В настоящее время некоторые лингвисты полагают, что диахрония/синхрония противоположны друг другу в своем отношении к фактору времени. Сфера применения понятий диахронии и синхронии

© Литвинова Л. А., 2022

заметно расширялась по мере развития структурализма и распространением его методов на другие области гуманитарного и естественнонаучного знания. М. А. Казазаева отмечала: «При этом некоторые представители структурализма часто неправомерно резко противопоставляли диахронию и синхронию, считая, что только синхрония может изучаться объективными научными методами», и признает, что «однако нельзя сказать, что в данном вопросе не осталось противоречий и его можно признать полностью решенным. Некоторые лингвисты еще продолжают считать, что указанные системы измерений радикально отличны друг от друга в своем отношении к фактору времени». [2]

Лингвистическое сообщество в большинстве своем принимало само противопоставление синхронии и диахронии, но отрицало его абсолютность (А. Сеше, Э. Бейсенс; Э. Косериу). Другие ученые, в число которых вошли Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон и др., вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ считали, что диахроническое изучение не исключает понятие системы, а синхроническое описание не может целиком исключить понятие эволюции. Ряд известных лингвистов (Г. Спенсер, Г. Шухардт, И. А. Бодуэн де Куртэнэ) справедливо полагали, что язык, структурно представляя систему в настоящем, таковым был в прошлые периоды своего развития и будет развиваться в будущем на наследии прошедшего. Совершенно очевидно, что подавляющее большинство исследований в лингвистике проводилось и проводится в синхронном аспекте. Иными словами, существует сильный «пеекос» в область синхронного изучения языка

Несомненно, не стоит не замечать недостатки и говорить лишь о преимуществах лингвистических исследований в диахронии. В данном вопросе, как всегда, ценно взвешенное понимание проблемы, чтобы в итоге была достигнута научная истина.

На преимущества диахронических исследований указывает ряд лингвистов. А. А. Зализняк отмечает, что «постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [3]. Тем не менее количество работ, выполненных в диахроническом аспекте, сравнительно невелико или же эта тема не является популярной среди исследователей. Можно констатировать, что в настоящее время, несмотря на поворот лингвистической мысли в сторону диахронии, откровенно мало лингвистических исследований в диахроническом аспекте.

«Однако до сих пор,— как справедливо отмечает Е. В. Бондаренко,—вопросы общих диахронических тенденций саморазвития языка, равно как и возможности типологического прогнозирования языкового развития на основе экстраполяции процессов одного языка на другой, «остаются только на уровне постановки проблем» [4].

Так, Г. Спенсер, английский философ и социолог, родоначальник теории эволюционизма, опирался на выработанное им общее понимание хода эволюции: «Возрастание общества как в отношении его численности, так и прочности, сопровождается возрастанием разнородности его политической и экономический организации. То же самое относится ко всем надорганическим продуктам — языку, науке, искусству и литературе» [5].

Кроме того, существует мнение, что язык изменяется дискретно. Некоторая величина накопившихся изменений становится критической, реализуя таким образом закон перехода количества в качество. Отметим, что, количество изменений неизменно переходят в качество, т.е. исследователь фиксирует нечто новое, так или иначе отличное от предыдущего, так как по мнению В. В. Виноградова «Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка — всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох». [6]

Диахронический аспект лингвистических исследований позволяет объяснить семантические изменения лексических единиц, появившиеся или исчезнувшие под влиянием ряда экстралингвистических факторов.

Этап 1. Методика обобщенного лексикографического описания.

Для описания семантики лексических единиц в синхронических срезах по векам исторического развития была применена комплексная методика исследования, включающая методику обобщенного лексикографического описания лексических единиц, примененную к словарным дефинициям с учетом энциклопедического, исторического материала разных веков, методику семного описания лексикографических значений, а также методику сопоставления значений лексических единиц по синхроническим срезам. Применение методики обобщенного лексикографического описания лексических единиц (И. А. Стернин, М. С. Саломатина) позволяет получить максимально полное описание значения исследуемого слова в системе языка на базе совокупности имеющихся толковых и энциклопедических словарей. Данный метод основан на *принципе дополнительности словарных дефиниций* разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга [7].

Итак, на начальном этапе исследования была проведена выборка всей доступной информации из лексикографических источников XVIII, XIX, XX веков и научно-историческим источникам с целью описания лексемы «village» по методике обобщенного лексикографического описания.

В работе использовались следующие словарные

издания XVIII века: Universal Etymological Dictionary 1721, автор Натаниэль Бэйли; A Dictionary of the English Language 1755, автор Сэмюэль Джонсон; A New English Dictionary 1735, автор Бенджамин Нортон Дефо; Dictionarium Anglo-Britannicum: or a General English Dictionary 1708, автор Джон Керси; Sheridan's General Dictionary of the English Language 1780, автор Томас Шеридан Додсли; A New English Dictionary 1702, автор Джон Керси младший. Обобщенное лексикографическое значение слова «village» в XVIII веке выглядит следующим образом:

1. A number of country houses or cottages or their small collection without any wall or enclosure in the country less than a town. Settlements had a fundamental relationship with the field systems around them. Villages predominate in the arable regions of the country because "life in villages had an agricultural aspect, so people settled down into the custom of united succession for agrarian units". These agrarian regions had relatively large and compact (or nucleated in geographical terms) villages. Many rural settlements have personal names. 2. A country town.

Для обобщенного лексикографического описания слова «village» в английском языке XIX века были проанализированы следующие лексикографические источники: A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions 1871, автор Соул Ричард; A new english dictionary on historical principles 1808, Уильям Крэйджи; The English dialect dictionary 1855, автор Джозеф Райт; An etymological dictionary of the English language by Skeat 1835, автор Уолтер Уильям Скит; Etymological and pronouncing dictionary of the English language 1824, автор Джеймс Стормонс. Обобщенное лексикографическое значение слова «VILLAGE» в диахроническом срезе XIX века:

1. An inhabited rural place of residence and habitation as an assemblage or collection of dwelling houses and other buildings with a church but without a market larger than a hamlet but smaller than a town with the simpler organization and administration than the town and inhabited chiefly by farmers and other laboring people and strictly without a market in England.

2. Applied jocularly to a large town or a city, especially London; can be disreputable (Cambridge term).

3. (US) a minor municipality with limited corporate power, having a simpler organization and administration than a town.

4. The inhabitants or residents (peasants, boors, farmers and other laboring people) of a village, they are conservative and traditional..

5. A small group or cluster of burrows of prairie-dogs. *Home, native place, place of residence. It can be a native place, the birth place.*

Для обобщенного лексикографического значения слова «village» в диахроническом срезе XX века мы использовали следующие лексикографические источники на сайте www: dic.academic.ru: the Cambridge English–Russian Dictionary, Английский толковый словарь, Etymology dictionary, The online English dictionary from Macmillan Education, Oxford Learner's Dictionaries, Longman Dictionary of Contemporary English, COBUILD Advanced English Dictionary, Oxford Advanced Learner's English Dictionary, Collins English Dictionary, Webster's New World College Dictionary, 4th Edition, English World dictionary, Webster's New International English Dictionary, Random House Webster's Unabridged English dictionary, Concise Oxford English dictionary, Merriam-Webster's Collegiate English vocabulary, Slang English vocab.

1. *A rural habitation, an inhabited place of size between a hamlet (larger than hamlet) and a town (smaller than town as as a group and assemblage of houses and associated buildings such as shops and a school; has a church but has no market.*

2. *The people collectively and inhabitants or residents who live in a village as a (small) community.*

3. *The qualified voters of a village*.

4. *The govering officials of a village acting on behalf of a village as a corporation or the whole body of inhabitants*.

5. *(US) An incorporated, small and minor municipality with definite boundaries and limited corporate powers by law; smaller than a town in various parts of the US and Canada.*

6. *(US) such a community in corporate as a municipality smaller than a town in various parts of the US and Canada.*

7. *(Brit, New Zealand.) a self-contained district or self-contained area within a town or city having its own shops, regarded as having features characteristic of village life.*

8. *(Brit.) Community within a town or city, regarded as having features characteristic of village life.*

9. *A particular community or the type of people with common interests. MAINLY JOURNALISM.*

10. *An incredibly stupid person. The village idiot. Example: I hate it when Byron drinks, he acts like such a village.*

11. *A group or cluster of the habitation of certain animals or birds, their aggregation of burrows or nests resembling and suggesting a village.*

Этап 2. Методика семной интерпретации.

К полученным в результате лексикографического обобщения значения лексемы «village» была применена методика семной интерпретации по аспектам значения. Методика семной интерпретации предполагает описание значения слова в виде определенного набора сем при помощи метаязыка, поскольку «он является наиболее удобным в практике семантических исследований» и понятным исследователям, равно как и обычному пользователю [7].

Подчеркнем, что метаязык описания имеет ряд неотъемлемых характеристик, а именно: системность как единое концептуальное целое; универсальность и достаточность в рамках применяемого направления; обязательное фиксирование графиче-

скими средствами — в научно-теоретических работах, во-первых, и в лексикографических источниках, во-вторых; единообразие при описании лексики; детальное лексикографическое портретирование с последующим конструированием модели семантического описания лексического значения.

VILLAGE *семема*-1 (XVIII век)

Поселение

В сельской местности

Некоторое количество сельских дом(ик)ов, расположенных на некотором расстоянии друг от друга

Меньше поселка town

Без защитных стен или ограждения

Окружено пахотными угодьями

Преобладает в земледельческих районах страны

Жители занимаются сельским хозяйством

Имеет имя собственное

VILLAGE *семема*-1 (XIX век)

Поселение

В сельской местности

Небольшое количество сельских жилых дом(ик)ов и иных зданий, расположенных на некотором расстоянии друг от друга

Есть церковь

Меньше поселка town, но больше деревушки hamlet

С упрощенной организацией и управлением в сравнении с поселком town

Проживают в основном фермеры и прочие работники физического труда

Никогда не имеет рынка в Англии

VILLAGE *семема*-1 (XX век)

Поселение

В сельской местности

Некоторое количество сельских жилых дом(ик)ов, хозяйственных и подсобных построек, расположенных на некотором расстоянии друг от друга

Меньше поселка town, но больше деревушки hamlet

Есть церковь, школа, магазин(ы)

Рынок отсутствует

Этап 3. Выводы.

Сопоставление полученных семных описаний слова «village» позволяет отметить прежде всего возрастание количества его значений, а именно: XVIII век — 2 значения; XIX век — 7 значений; XX век — 11 значений. Ряд экстралингвистических причин (совершенствование формы управления территорий и населенных пунктов, изменений социальных условий проживания и пр.) объясняет численное увеличение значений исследуемого слова. Это свидетельствует в пользу того факта, что лексическая единица «village» на протяжении всего этого времени динамично развивается в семантическом отношении и подтверждает отношение данной лексической единицы к частотной и общеупотребительной лексике в английском языке.

1. Семантическое ядро — неизменные признаки. Кроме того, в синхронических срезах XVIII, XIX, XX веков констатируем наличие ряда семантических признаков в семной структуре семемы — *статус,— месторасположение,— структура населенных пунктов*. Полагаем, можно рассматривать эти семантические признаки в качестве ее семантического ядра.

2. Видоизмененные семантические признаки. Следует также отметить конкретизацию семантического признака *размер* с течением времени, что, вероятно, связано с четкой иерархией населенных пунктов на британских островах: XVIII век — smaller than a town — меньше поселка town; XIX век — larger than a hamlet and smaller than a town — больше деревушки hamlet, но меньше поселка town; XX век — larger than a hamlet and smaller than a town — больше деревушки hamlet, но меньше поселка town. Слова «hamlet», «town» использовались и в XVIII веке, но детализацию размера мы наблюдаем позже. Иерархия негородских населенных пунктов по размеру выглядит следующим образом: hamlet (деревушка) — village (деревня) — town (поселок).

3. Исчезнувшие/устаревшие семантические признаки. Исчезновение такого семантического признака как *наличие оборонительного укрепления –without any wall or enclosure* уже в XIX веке, а также и в XX веке свидетельствует о его деактуализации для носителей языка, поскольку защита деревни village как населенного пункта от неприятеля становится неактуальной в XIX веке и тем более в XX веке вследствие изменения исторической и социальной ситуации. Семантический признак *окружен земельными угодьями* не фиксируется в приведенных выше семных описаниях XIX и XX веков. Это говорит о снижении значимости данного фактора для жителей такого рода поселений XIX–XX веков.

Семантический признак *профессиональная принадлежность жителей* (*chiefly farmers and other laboring people — преимущественно фермеры и иные занятые физическим трудом люди/agrarian units — сельскохозяйственные общины, коллективы*), выражавший преимущественно аграрную занятость и деятельность жителей деревни в XIX и XVIII веках, становится все менее значимым для современной деревни village. Полагаем, это связано с изменением состава населения негородских поселений в современной Великобритании, где деревенские жители по большей части не занимаются сельским хозяйством, поскольку сельское хозяйство — это профессиональное занятие и работа немногочисленных фермеров.

4. Появившиеся/новые семантические признаки. Также можно констатировать ряд семантических признаков, появившихся уже в описании XIX века

и отмеченных нами в материалах исследования, относящихся к XX веку: *наличие религиозного культового здания; рынка нет*; *степень и тип самоуправления*; *наличие объектов инфраструктуры (with buildings such as school/has a church/with buildings such as shops*), которые свидетельствуют о развитии инфраструктуры и уровня жизни в современном негородском населенном пункте Великобритании.

Таким образом, применение комплексной методики к исследованию языкового материала в разных диахронических срезах значительно расширяет наши познания о динамике развития семантики слов, относящихся к современному лексикону языка, и позволяет доказательно и объективно зафиксировать взаимосвязь и взаимовлияние языковой картины мира носителей языка и сопутствующих ее развитию экстралингвистических факторов. Полагаем, что обращение к диахронии позволит получить объективные результаты для анализа упомянутых лексических изменений и описать их динамику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. А. М. Сухотина.— М.: Гос. соц.— эконом. изд-во, 1933.— 432 с.
2. Казазаева М. А. Проблема соотношения синхронного и диахронического подходов в языкознании / М. А. Казазаева // Вестник ИГЛУ.— 2014.— С. 198–204.
3. Зализняк А. А. «Семантическая деривация в синхронии и диахронии: «Проект каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания.— № 2.— 2001.— С. 13–25.
4. Бондаренко Е. В. Эволюция языковой системы в диахронии: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Бондаренко.— Воронеж: ВГУ, 2007.— 39 с.
5. Спенсер Герберт / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.).— СПб., 1890–1907.
6. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания.— 1995.— № 1.— С. 5–34.
7. Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина.— Воронеж: Истоки, 2011.— 150 с.
8. Маклакова Е. А. Семное моделирование семем в сопоставительных исследованиях: монография / Е. А. Маклакова.— Воронеж, 2018.— 483 с.

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова

Литвинова Л. А., преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета

E-mail: milalitvinova@rambler.ru

Voronezh State Forestry University after G. F. Morozov

Litvinova Liudmila Alexeevna, a university teacher of Foreign Languages Subdepartment of the Economics Department

E-mail: milalitvinova@rambler.ru

УДК 821.161.1

ПИСЬМО Р.-М. РИЛЬКЕ ПО ПОВОДУ «МИТИНОЙ ЛЮБВИ» И. А. БУНИНА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра первого

Поступила в редакцию 5 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье приводится отрывок письма Р.-М. Рильке неизвестному адресату по поводу произведения И. А. Бунина «Митина любовь». Адресат, вероятно, отмечал сходство между восьмой Дуинской элегией Рильке и повестью Бунина «Митина любовь». Письмо было опубликовано в 1927 году в журнале «Русская мысль», который на сегодняшний день представляет собой библиографическую редкость. Р.-М. Рильке дает подробный разбор бунинской повести, своеобразно переосмыслив образ Мити и его переживания. Именно в это время (как видно из письма) состоялась личная встреча Р.-М. Рильке с Буниным, писатели проявляли взаимный интерес к творчеству друг друга.*
Ключевые слова: *художественный метод, типологическое сходство, экзистенциальная проблематика, «всюду присутствующее» пространство.*

Abstract: *the article contains an excerpt from a letter from R.-M. Rilke to an unknown addressee regarding the work of I. A. Bunin's "Mitya's Love" The latter probably noted the similarity between Rilke's eighth Duino elegy and Bunin's story "Mitya's Love". The letter was published in the Russian Thought journal in 1927, which today is a bibliographic rarity. R.-M. Rilke gives a detailed analysis of Bunin's story, rethinking the image of Mitya and his experiences in a peculiar way. It was at this time (as can be seen from the letter) that a personal meeting between R.-M. Rilke and Bunin took place, the writers showed mutual interest in each other's work.*
Keywords*: artistic method, typological similarity, existential problems, "everywhere present" space.*

Есть ли параллели между художественным творчеством Бунина 1920-х гг. и поэтическим творчеством его современника Р.-М. Рильке? Думается, что параллели эти есть, и они весьма многочисленные и заметные. Трудно себе представить, что, уже живя во Франции, Бунин не был знаком с творчеством известного австрийского поэта Р.-М. Рильке. В дневниковых записях «Устами Бунина» от 8 и 12 марта 1931 года находим следующее:

8 марта.

[…] Ян за обедом говорил о Рильке, о том, что тот не боялся подражать, хотел найти Учителя. Потом, вечером, он читал из его переписки с Родэном о том, что главное счастье — работа, терпение и концентрация, а главное, чего нужно беречься,— спешка. Какая во всем тонкость! Замечательное явление этот Рильке [1, 193].

12 марта.

Вчера мы были приглашены к Фондаминским. […] Степун занимал всех. Он много говорил о Рильке, которого очень ценит, как поэта и философа [1, 194].

В данной статье речь пойдет о программной концепции любви в поэзии Р.-М. Рильке и в повести И. Бунина «Митина любовь». Важно отметить, что творчество обоих писателей отмечено чередой вечных тем: любовь, одиночество, творчество, смерть, природа, культура, история — человеческая и Священная, людское и Божественное в неоднозначности их связей и отношений. Истинные поэты всегда оставались пророками всемирного восстановления жизни и красоты посредством любви.

Опыт анализа поэтического творчества И. А. Бунина и Р.-М. Рильке уже встречается в бунинoведении, например в работе Т. М. Двинятиной, которая проводит сопоставительный анализ стихотворений Р.-М. Рильке «Der Panther» (1902) и И. А. Бунина «Пантера» (1922). Сходство художественного метода, проявившееся и в целом ряде других текстов, по мнению исследователя, позволяет говорить о типологической близости двух поэтов. Двинятина полагает, что стихотворение Бунина, долгое время считавшееся оригинальным, рассматривается как вольный перевод из Рильке, и это вносит новые штрихи в представление о практике поэтического перевода Бунина и о его связях с западноевропейской поэзией [2].

Н. В. Пращерук в статье ««Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина» (2011) выстраивает анализ «жизненного мира» «Жизни Арсеньева», также находя аналогию с поэтическим мироощущением Р.-М. Рильке. »Опыт жизни Арсеньева, рассматриваемый «как переживание им «единого» и «всюду присутствующего» пространства («Нет никакой отдельной от нас природы… каждое… движение воздуха есть движение нашей собственной жизни»),

© Скрипникова Т. И., 2022

можно сопоставить с поэтическим мироощущением Р.-М. Рильке, одного из самых адекватных эпохе «выразителей» ее «экзистенциального» состояния: «Единое и — внутримировое / пространство все связует. И во мне / летают птицы. К дальней вышине / хочу подняться,— и шумлю листвою». Следует подчеркнуть и то, что перед нами не просто герой, проживающий в воспоминаниях свою жизнь, а художник, занятый собственным жизнеописанием. Экзистенциальная проблематика, следовательно, непосредственно выходит в сферу эстетического» [3, 158].

Необходимо подчеркнуть, что жизнь и творчество Рильке были очень тесно связаны с Россией и русской литературой. В 1899 г. Рильке совершает свое путешествие — в Россию, пребывание в России он сам считал одним из решающих событий своей жизни. Важно отметить факт того, как он воспринял Россию,— свою «духовную родину», в первый раз увидев ее, по прибытии: ему, как и Бунину, впервые увиденное становится хорошо знакомым и узнаваемым. На своем поэтическом языке Рильке называл это «узнаванием», «возвращением на родину»: «Когда я впервые приехал в Москву, все мне показалось знакомым и хорошо известным. Была Пасха. Я был взволнован, как будто это была моя Пасха, моя весна, мои колокола, это был город моих самых старинных и глубоких воспоминаний, это было вечное свидание и узнавание: эта была родина… Россия стала для меня реальностью и в то же время глубоким и повседневным сознанием, что реальность есть нечто сначала удаленное и приближающееся с бесконечной медленностью лишь к тем, кто имеет терпение» [4]. Патриархальная Россия воспринималась им как полная противоположность западной цивилизации, погрязшей в рационализме и «безбожии» и клонящейся к своему упадку. Россия же, с этой точки зрения, казалась «юной» страной, которой предстоит еще небывалый духовный расцвет.

Прежде чем перейти к теме нашего исследования — поиску экзистенциальных параллелей в творчестве М. Рильке и И. Бунина, необходимо кратко обозначить общие для писателей контрапункты. Исходной точкой пространственного развертывания в мифологическом пространстве поэтического текста писателей, неким центром, осью, которым принадлежит максимум сакральности, становятся темы любви и смерти, «метафизика любви» (Ф. Степун) — ключевые темы в творчестве М Рильке и И. Бунина. «Как художник Бунин не только бытописатель-социолог, но и поэт-метафизик. Подобно высокому небу над землей возвышается в его произведениях над темой России тема любви и смерти. Восторг любви и смертная печаль светятся во всех его стихах, озаряют его прозу. Наиболее глубоко проблема любви была поставлена Буниным в «Митиной любви»» [5, 170]. Исследователи 2010-х годов рассматривают концепцию любви в прозе Бунина многоаспектно: К. В. Анисимов (2015) интересно исследует концептуальный рассказ И. А. Бунина «Грамматика любви» в единстве его смысловых, контекстуальных, интертекстуальных и жанровых особенностей. Е. В. Капинос (2014) вписывает произведения И. А. Бунина о любви и страсти в контекст мировой литературы, к примеру, находит в целом ряде произведений писателя интересные параллели с романом Мопассана «Милый друг». Н. В. Пращерук раскрывает оригинальную концепцию любви («Солнечный удар», «Митина любовь», «Темные аллеи» и др.) (2016) в творчестве И. А. Бунина, (когда женщина главенствует, а герой-мужчина изображается беспомощным перед лицом любовной страсти), восходящую к Ф. М. Достоевскому [6].

Тема любви и смерти, как двух взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга понятий, одна из центральных и в творчестве Р.-М. Рильке. Любовь для Рильке — это обретение и преодоление себя любящим, дающим возможность обретать и преодолевать себя любимому. Два мира, две вселенные сходятся в точке, в мгновении встречи, не поглощая друг друга. В этой точке в это мгновение они обретают небывалую полноту бытия и — оставляют каждый другому возможность пребывать в своей собственной полноте, дополненной полнотой другого, но собственной. И значит, встреча, прорыв друг к другу, единение — даны на мгновенье. Длится, пребывает иное — полнота суверенного бытия. В творчестве Рильке лишь смерть может соперничать с любовью как центром единения, слияния всех противоположностей в нераздельном. Смерть, дающая подлинное и окончательное одиночество, смерть, превышающая существование каждого, вбирающая в себя всю полноту бытия.

Эта мысль движет Рильке и в предлагаемом нами для ознакомления отрывке письма, написанном им незадолго до смерти, в 1926 году. В 1927 году оно было опубликовано в журнале «Русская мысль», который с 1880 по 1918 год издавался в России, а с 1921 года, став уже органом эмиграции,— в Софии, затем в Праге — до начала 1924 года, когда фактически и прекратил свое существование. Попытка возобновить издание, предпринятая небезызвестным П. Б. Струве в 1927 году в Париже, успеха не имела из-за отсутствия средств, постоянного круга читателей и к тому же из-за конкуренции со стороны другого эмигрантского органа — «Современные записки». Журнал этот в настоящее время стал библиографической редкостью.

Между тем письмо Рильке, затерявшееся в единственном номере 1927 года, представляет для нас большой интерес. В предисловии к нему Г. Струве писал: «Письмо это сообщено нам русским читателем и почитателем Рильке, заинтересовавшимся близостью некоторых мыслей в одной из «Дуинских элегий» Рильке по мотивами бунинского романа.

Рильке очень охотно откликнулся на запрос своего русского читателя. Письмо Рильке написано 25 февраля 1926 из того самого санатория Валь-Монт, где 10 месяцев спустя он так неожиданно скончался» [4, 54]. Мы приводим отрывок письма Рильке, непосредственно относящийся к теме нашей работы — схожести экзистенциальных мироощущений в феномене «метафизики любви» Рильке и Бунина.

«… Милый, <…> участь того, кто в с е — ж е остается жить, конечно, лучше Митиной. Я вот уже несколько месяцев как знаком с обоими, и с Катей и с Митей, по хорошему французскому переводу « Le Sacremen t d e l'Amour», прочесть который меня тем более влекло, что в прошлом году в Париже я имел возможность самым приятным образом встретиться с Иваном Буниным… «Случай» Мити это один из тех многочисленных случаев нетерпения (и притом один из самых чистых и трогательных), когда молодой человек теряет любопытство и способность ожидать течение событий и выхода из невыносимого положения и перестает верить в то, что за этими страданиями, в которые вступил и вовлечен был весь мир, должно последовать что-то иное, может быть, поначалу и не более легкое, но, во всяком случае *и н о е*, которое уже в силу своей инакости, должно было бы представляться более выносимым и переносимыми. Сначала судьба Мити показалась мне не имеющей ничего общего с теми душевными состояниями, о которых говорит мое стихотворение. Но нег, вы правы, как о «любящем», о нем, конечно, говорится в этом стихотворении, хотя он и совершает ошибку, смешивая в одно два резко различных состояния, которые противополагаются в «Восьмой элегии». Любимая, Катя, эта нежная, впечатлительная Катя, впервые дает ему тот взгляд на простор, который (быть может) приближается к великому безсознательно-знающему взгляду животного; но едва только он покидает любимую девушку, как от тоски и покинутости, он заполняет эту открывшуюся ему беспредметную даль, это блаженство, которое есть не что иное, как пространство,— тоже любимым, близким ему миром, который он затем, с утратой Кати, по необходимости вместе с нею утрачивает, так что ему не остается ничего, кроме небытия, кроме «néant» (небытие, ничто фр.), в котором он храбро и последовательно гибнет. Малейшая доля любопытства (я намеренно применяю эту саму по себе ничтожную мерку) к тому состоянию, которое должно было последовать за этим отчаянием, могла бы еще спасти его, хотя он действительно погрузил весь мир, который он знал и видел, на маленький, устремляющийся от него прочь кораблик «Катя»… на этом — кораблике ушел от него мир. «Le Sacremen t d e l'Amour» (Таинство любви) — передает лучше то, что здесь происходит, чем заглавие «Митина любовь». Митина любовь была бы скорее неутраченная Катя, счастье, борьба, судьба рядом с ней, и все же, в конце концов, утрата друг друга, которая была бы с Катей, какова она есть, неизбежна… В этом смысле маленький роман Бунина почти старомодная книга: нас гораздо больше интересует то, что происходить в тех и между теми, кто не теряют себя на такой лад и все-таки должны как-то по-иному, в жизни, потерять себя, ибо не научились любить» [4, 55].

Таким образом, по мысли Рильке, влюбленный в Катю герой Бунина Митя теряет себя ради любимого человека, и теряет и эту любовь, и всё то, что ему еще предстоит. Любящий Митя, который не может провести границу между собой и Катей и сказать, где же его личное, у которого нет уже ничего своего,— может ли он найти действительно личный выход, утратив навсегда свое одиночество? По мысли Рильке — нет, если не уберечь от этого себя и другого, не уберечь и любви и, в конечном итоге, своей драгоценной жизни. «Бунинский герой, по Рильке, слишком нетерпелив, он еще не стал в полном смысле «любящим», еще не научился любить, Митя весь сосредоточен на своих переживаниях, не в силах выйти за грань своих ощущений и страданий» [7], однако, по мысли Рильке, такое эгоистическое самопогружение неприемлемо. Для него любовь и творчество тесно взаимосвязаны, любовь возвышает душу и способствует творческой активности.

Эта идея наиболее ярко выражена в «Дуинских элегиях», с которыми неизвестный адресат сравнивает повесть Бунина «Митина любовь». В «Дуинских элегиях» показана, собственно говоря, высшая форма одухотворенной любви — как начало творческого пути, поиск духовного совершенствования. Рильке, как и в прежних своих поэтических опытах, высказывает мысль о ценности любви только в соединении со свободой. Поэт утверждает особую этику любви, воспевает чувство любящих, не устремленное к обладанию друг другом.

Нет, мы должны, наконец, плодоносить заставить
эту древнейшую боль. Разве нынче не время
нам, полюбив, от любимого освободиться,
чувство свое превозмочь, как стрела тетиву,
чтобы подобно стреле в мускулистом полете
себя превзойти? Ведь покоя нигде не отыщешь [8].

Не любимые, а любящие, по мысли поэта, достойны восхваления, потому что, удовлетворив любовную страсть, первые становятся утоленными, тогда как вторые должны быть готовы отказаться от обладания ради свободы другого без перспективы быть услышанными ими. Истинного воплощения стремлений — покоя — не найти в сердце любимого. Представление о муках, которые принесут любимым прекрасные плоды, восходит к жертвенной смерти Христа [9].

Поэтому современному человеку, такому, как Митя в повести Бунина, считает Рильке, не дано насладиться красотой и силой своего чувства, так как он слишком эгоистичен и себялюбив, и в этом его

трагедия. Современный человек страдает от неполноты любви, от недостижимости счастья, не понимая того, что причина кроется в нем самом, в его духовной ущербности. По мнению поэта, в окружающей нас современной жизни любовь вместо гармонического соединения каждый раз становится формой захвата и агрессии, в то время как истинная любовь — это постоянный труд, внутренняя работа души. Между любовью современного человека с ее пожирающими друг друга страстями, с ее непомерным эгоизмом, ограниченностью, душевной ленью и истинной любовью лежит бездна.

В «Дуинских элегиях» Рильке утверждает, что высшее назначение и одновременно спасение человека — быть любящим. Подлинная любовь заключена в самом человеке. Такая любовь не ограничивает бытия любимого. Для поэта любящий — высшее проявление человеческого духа. Ему ничего не нужно, ведь он сам носитель любви, а любовь — ощущение всеполноты бытия. В то же время, любовь утоленная, по Рильке, является символом совершенства — полноты, чистой длительности, вечности. Таким образом, Рильке в письме к неизвестному адресату подтверждает сходство основной идеи элегий с программным тезисом повести Бунина, согласно которому космически природная сущность «любящего для себя» Мити, эгоистически устремленная лишь к обладанию возлюбленной Катей, превратилась в трагедию человеческого духа и привела героя к греху и смерти.

Любовь в творчестве Бунина всегда трагична. «Полюбив, мы умираем…» Эти строчки Гейне: как нельзя лучше раскрывают отношение И. Бунина к любви, определяют его концепцию единства любви и смерти. Влюбленный герой Митя проходит путь от простого влечения к высшему чувству, что называется любовь. Он живет своей экстатической любовью, которая от разлуки становится все более напряженной и постепенно приобретает характер положительной одержимости, пока в конце не стала уже для Мити истинным наваждением. Причем в это состояние одержимости и наваждения вовлечен окружающий мир Мити, природа.

Что же оказывается самым страшным для влюбленного человека? Почувствовать Богооставленность и остаться один на один со своими чувствами, воспоминаниями, переживаниями, сомнениями, которые становятся для него мукой. Именно в этом — в Богооставленности, в одиночестве, в безблагодатной любви, лишенной присутствия Бога, и заключается трагедия героя, убивая последние силы к духовному возрождению. Митя утрачивает самое главное — чувство укорененности собственной души в вечном и абсолютном, утрачивает внутреннюю подпитку божественными силами, теряет неразрывную связь своего «я» с Богом, что в свою очередь становится препятствием к раскрытию его религиозного сознания, мистического состояния духа, в которых дарует ся божественное откровение, и которые спасли бы героя от самоубийства. Трагедия Мити в том, что он не смог «преодолеть» в себе эсхатологическое чувство богооставленности, не смог пережить катастрофу любви и найти в себе силы для того, чтобы восстановить связность бытия. Чуда обретения гармонии на краю бездны, перед лицом хаоса и трагизма не произошло, вместо него — «обреченность страшной безблагодатной любви» [10, 668].

По мнению Е. Капинос, начальной вехой становления, своеобразной точкой отсчета эмигрантского творчества И. Бунина является повесть «Митина любовь», которая дала повод критикам — таким, как П. Бицилли, Г. Брандес, Ф. Степун, надеяться, что с отъездом из России творческая биография Бунина не закончилась, а стиль писателя приобрел новые качества [11]. Р.-М. Рильке рассматривал «Дуинские элегии» как свое главное произведение, сборник «Дуинские элегии» («Duineser Elegien»), выдержанный в традиции гениального предромантика Фридриха Гельдерлина, был признан ведущими критиками вершиной поэтического творчества поэта. Произведения И. А. Бунина и Р.-М. Рильке о любви — это ответ на вызов времени, который необходимо истолковывать в духовном ключе. Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося центр жизни за пределы своей эмпирической самости, человек тем самым проявляет и осуществляет свою Божественную истину, свое безусловное Божественное предназначение, которое и состоит в способности «преодолевать» границы своего фактического бытия ради другого, в способности жить не только в себе, но и в другом и для другого. Преодоление — через стяжание сути, одоление катастрофизма путем постижения (или сотворения) его осмысленности, наделение его этой осмысленностью, обретаемой через духовное усилие, созидаемой усилиями воли, чувства, мысли. Таким может и должен быть, по мнению писателей, модус творческого существования человека. Чуткость творческой личности к катастрофичности существования, глубина её переживания более всего и дает о себе знать в этом духовном «усилии одоления». Не достижение, не результат, не обретенная призрачная гармония любви, но именно преодолевающее усилие человека — главное в модусе экзистенции «метафизики любви» в творчестве Р.-М. Рильке и И. А. Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна. Устами Буниных. Дневники / Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна. В 2 т.—Т. 2.— М.: Посев, 2005.— 432 с.

2. Двинятина Т. М. «Der Panther» Р. -М. Рильке и «Пантера» И. А. Бунина: типология и преемственность / Т. М. Двинятина // Вестник Омского университета. 2014.— № 3.— С. 161–165.

3. Пращерук Н. В. «Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина / Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева / редкол.: О. В. Зырянов, Н. В. Пращерук, Е. К. Созина.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.

4. Степун Ф. Райнер Мария Рильке / Ф. Степун // Русская мысль».— 1927.— Январь.— С. 47–54.

5. Степун Ф И. А. Бунин и русская литература / Ф. Степун // Возрождение.— 1951.— № 13.— С. 168–175.

6. Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл: монография / К. В. Анисимов.— Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 148 с.; Капинос Е. В. Поэзия приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов / Е. В. Капинос.— М.: Языки славянской культуры, 2014.— 248 с.; Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой: монография / Н. В. Пращерук.— 2-е изд., доп.— Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2016.

7. Пахомова И. В. Творчество Р.-М. Рильке в аспекте связей с русской литературой «Серебряного века»: концепция любви.: автореф. дис. канд. филол. наук 10.01.01 / И. В. Пахомова.— Москва, 2007.— 23 с.

8. Райнер Мариа Рильке Дуинские элегии 1912 — 1922.— Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/rilke_duineser_elegien.pdf

9. Вольфганг Леппман О Дуинских элегиях (Из книги «Рильке. Жизнь и творчество»).— Режим доступа: https://proza.ru/2017/04/10/1518

10. Литературное наследство. Бунин И. А. (Сборник материалов) В 2 кн.— М.: Наука, 1973.— Т. 1.— 696 с.

11. Капинос Е. В. Формы и функции лиризма в прозе И. А. Бунина 1920-х годов: автореф. дис. … докт. филол. наук / Е. В. Капинос.— Новосибирск, 2014.— 45 с.— Режим доступа: https://new-disser.ru/avtoreferats/01007533067.pdf

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра первого

Скрипникова Т.И, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранного языков

E-mail skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail skripnikova77@rambler.ru

УДК 82–1

ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭМЕ А. К. ТОЛСТОГО «ИОАНН ДАМАСКИН»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 11 января 2022 г.

Аннотация: *в статье выявляются типы звуковых образов в поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» и исследуется их семантика. В тексте, с одной стороны, присутствуют шумы, свойственные материальному, земному миру, и, с другой стороны, представлен «созвучий мерный строй», сопряженный с духовной сферой бытия и воплощающийся героем в создании молитвенных песнопений. Творчеству главного героя способствует удаление от суетного мира и шумов, его наполняющих. Поэзия рождается в тишине, которая в тексте семантически связана с образом Христа. С творчеством сопряжены в поэме метафоры света и льющейся воды, восходящие к образности Евангелия. Молчание здесь, в отличие от тишины,— отказ от творчества, наделенный семантикой несвободы, оков, преграды. Возвращение персонажа к творчеству — реализация пасхальной темы, смысла единения земного и небесного. Песнопения Иоанна сопряжены с семантикой жизни, утешения, исцеления, а в последней части текста — еще и торжества православия, хвалы Творцу, гармонирующей с природой, в которой каждое творение постоянно «хвалит в своем глаголе» Бога.*
Ключевые слова*: А. К. Толстой, поэма «Иоанн Дамаскин», звуковые образы, тишина, молчание, семантика, творчество.*

Abstract: *the article outlines types of aural images in the poem "John of Damascus" by A. K. Tolstoy and investigates their semantics. The text contains noises pertinent to the material, earthly world as opposed to the rhythmic order of chords associated with the spiritual aspect of life and implemented by the main character in the creation of prayer chants. Creativity of the main character is facilitated by his withdrawal from the vane world and its noises. Poetry originates in quietness that is semantically associated in the text with the image of Christ. Creativity is expressed in the poem by such metaphors as light and pouring water ascending to the Evangelical imagery. Contrary to quietness, silence here means the denial of creative work semantically carrying the sense of unfreedom, chains, barriers. The main character's return to creative work is a realization of the paschal theme of unity between the heavenly and the earthy. The John's chants are carrying the semantics of life, consolation, healing and, in the final part, triumph of Orthodoxy and praise to the Creator being in harmony with the nature in which each creature is permanently glorifying God in their words.*
Keywords: *A. K. Tolstoy, the poem "John of Damascus", sound images, quiet, silence, semantics, creativity.*

Поэма А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» не единожды становилась предметом размышления и исследования для критиков и литературоведов. Обращалось внимание на такие аспекты текста, как автор и герой (Л. Бельский [1], О. Миллер [2], В. Новиков [3], Т. В. Федосеева [4]), сюжет и композиция (Н. М. Соколов [5], Н. М. Копытцева [6]), мотивы и идейное содержание произведения (О. Миллер [2], А. Соловьев [7], А. В. Федоров [8]), соотношение жития преп. Иоанна Дамаскина и текста поэмы А. К. Толстого (В. Захарова [9], В. Кошелев [10], Т. В. Федосеева [4]). Однако звуковые образы данного текста еще не становились отдельным объектом изучения, хотя они присутствуют в каждой главе поэмы. В лирике А. К. Толстого такого рода образы были рассмотрены в работе Н. В. Атамановой [11], входящей в состав сборника «Лексико-семантические особенности поэтического идиостиля А. К. Толстого». Исследователь проанализировала семантику колокольного звона и птичьих голосов, тишины и молчания. Н. В. Атаманова делает такой вывод по результатам своей работы: «Для А. К. Толстого все то, что звучит, поет, значит, живет, развивается» [11, 29]. В семантическом сюжете поэмы «Иоанн Дамаскин» этот смысл тоже присутствует.

В первой главе поэмы противопоставляются шум, гнетущий Иоанна во дворцах, и его мечты о тишине уединения, причем тишина эта, с одной стороны, внешняя, царящая в природном мире («тишь лесная», «глухая степь» [12, 223]), с другой же, тишина — это ограждение и удаление от суетного мира: свою душу герой желает наполнить молитвой и песнопеньем.

Непрекращающийся шум «студеных фонтанов» в банях при дворцах, а также шум пиров — знаки, указывающие исключительно на горизонтальную (земную) семантическую плоскость. Эти звуки — спутники роскоши, с одной стороны, а с другой — они представляют только бытовую сферу, скорее отвлекающую от духовной жизни, чем приводящую к ней.

© Сузрюкова Е. Л., 2022

Здесь же упоминается неоднократно раздававшийся «красноречивый глас» Иоанна против ереси иконоборчества, сравниваемой в тексте поэмы с «грозой неистовой и шумной» [12, 223]. Этой стихии, тоже наделенной семантикой шума, как и звуки во дворцах «дамасского владыки», но многократно превышающей их по силе и громкости, победно противостоит голос Иоанна, выполняющий защитительную функцию по отношению к церковному искусству.

Таким образом, диапазон звуков, заданный в начале текста, широк: от тихого шума до звука сильной грозы, разбушевавшейся стихии. Первый из них связан со спокойной жизнью во дворцах под властью калифа, но для Иоанна он в тягость. Второй, несмотря на семантику силы и опасности, слабее Иоаннова «гласа». Поскольку Иоанн в схватке с этой грозой оказался победителем, его мечты об уединении оправданны. Главный герой поэмы стремится не столько утвердить свой «глас» во внешней борьбе с иконоборцами (победа уже достигнута), сколько обратиться к молитве и гимнографии, т.е. облечь слышимые лишь им звуки в приличествующую им внешнюю форму, посвятить жизнь прославлению Бога в словах и песнопениях. Эти звуки, которые открываются лишь Иоанну, до поры скрыты от всех других. Итак, тишина — предел мечтаний персонажа — условие, позволяющее творить, давать поэтическую форму звукам, наполняющим душу героя. Парадоксальным образом тишина насыщена звуками, открывающими персонажу связь с духовным миром, и в то же время, рожденными благодаря устремленности героя к духовной сфере (семантика вертикали, противопоставленная жизни только в пределах земного горизонтального мира).

Сам персонаж говорит об этом так:

<…> Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки;
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле —
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле! [12, 224]

Уже в первой главе поэмы творчество противопоставляется суетной жизни в миру. С уходом Иоанна шумы, тревожившие его прежде, замолкают, а дворцы наполняются звуками природы:

<…> И мхом фонтаны заросли;
<…> И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых [12, 226].

Мечты героя близки к осуществлению, и вторую главу открывает восторженная песня-благословение окружающему миру, раздающаяся из уст персонажа. В этой песне Иоанн размышляет о том, кому посвятит свой дар. Здесь вновь появляется противопоставление мирского шума («звенящей колесницы» победителя) и тишины духовного мира, олицетворяемой Христом («Он тихо, мирною стезею / Идет меж зреющих хлебов» [12, 228]), которой герой и отдает свое предпочтение:

Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово! [12, 229]

Заметим, что слово Иоанна здесь, как и в первой главе поэмы, звучит со всей силой. Метафора гремящего слова как наивысшей хвалы Богу отсылает и к семантике грома как гласа Божия[1], т.е. Иоанн, реализуя свой поэтический талант, говорит по вдохновению свыше, в его устах звучит божественный «глас».

Во второй же главе появляется метафора льющейся воды. Этот тихий звук характеризует слова Христа и наделяется семантикой жизни. Христос исцеляет души. Шум же фонтанов в прежнем жилище Иоанна соотносился лишь с телесным началом (фонтаны помещались в банях), исключительно материальной сферой бытия. Слова же Христа ведут к источнику «воды живой»[2]:

Благих речей Своих отраду
В сердца простые Он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет [12, 228].

В данном фрагменте используется аллюзия на слова Христа во время нагорной проповеди («Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5,6). Интересно, что автор выбрал слово «алчущее», а не «жаждущее», хотя последнее связано именно с водой. В тексте поэмы «духовная жажда», таким образом, прямо не названа, но легко смысл ее восстанавливается из контекста. А слово «алчущее» яснее отсылает к евангельской цитате. В первоисточнике же (Мф. 5, 6) оба понятия объединены: по словам митр. Илариона (Алфеева), «алчущие и жаждущие правды» — это те, кто горячо стремится исполнять заповеди Божии. Можно также сказать, что алчущие и жаждущие правды — это те, кто всем сердцем ищет Бога, потому что Бог — источник всякой правды» [15, 403].

Обратим также внимание на аллитерацию в рассматриваемом нами фрагменте: повторение согласных «т» и «х», благодаря которым усиливается семантика тишины:

---

[1] Ср. толкование символики грома в энциклопедии Г. Бидерманна: «Небесные раскаты грома понимаются как проявление силы свыше, примерно как голос Бога в Библии (Иов 37: 2–4): «Слушайте, слушайте голос Его и гром, исходящий из уст Его. Под всем небом раскат его, и блистание его — до краев земли <…>» [13, 63].

[2] Упоминание в связи с этим источника в тексте поэмы — аллюзия на беседу Христа с самарянкой у колодца, где «Спаситель говорит, что принес истинную воду и Сам является источником воды, текущей для вечной жизни <…>. <…> пить воду жизни — значит верить (Ин. 7. 38) <…>» [14, 136].

<…> С **т**олпою бедны**х** рыбаков;
Он **т**и**х**о, мирною стезею,
Иде**т** меж зреющи**х** **х**лебов;
Благи**х** речей своих о**т**раду <…> [12, 228]

В третьей главе изображается «царство тишины», что, в частности, подчеркивается образом безводного Кедронского потока. Иоанн приблизился к обители преп. Саввы Освященного.

Четвертая глава, в которой назначается испытание для Иоанна, наполнена различными звуковыми образами. Это шепот среди монахов, созванных игуменом; это сравнение голоса Иоанна против ереси иконобрчества со звуком колокола; это определения, данные Иоанном своим словам (ропот, шепот); это антитеза «в груди взлелеянных звуков» [12, 233] и молчания, предложенного герою в качестве первоначального испытания. Вновь звучит здесь тема силы голоса Иоанна, а сравнение его с колоколом («Чье слово нам как колокол звучало <…>» [12, 231]) сопрягает семантику призыва на церковную службу, верность христианской вере с творчеством певца[3]. Прот. Серафим Слободской пишет о том, что колокольный звон — индикатор состояния души человека: «<…> Чувство беспокойства, душевного томления вызывается колокольным звоном в душе постоянно грешной. Между тем как в душе верующей, ищущей мира с Господом Богом, церковный колокольный звон возбуждает светлое, радостное и мирное настроение» [16, 795]. Такой же эффект чувствовали монахи обители от ранее звучавшего защитительного голоса Иоанна. Игумен называет его «певцом», но оценки именно гимнографических текстов в этом эпизоде от монахов в их ответном слове игумену нет. Для «черноризца <…> на вид сурового» [12, 231] творчество —

Ненужных дум бесплодное броженье;
Дух праздности и прелесть песнопенья <…> [12, 232],

«мечты житейские», а не «мир звуков», как для певца. Поэтому его условие — умолкнуть и не творить более — звучит «как гром» [12, 232] для всех остальных, поражен им сильнее прочих Иоанн. Мотив молчания, заданный в речи сурового отшельника, далее развивается в тексте: «Замолк монах» [12, 232], долгое время безмолвен певец, затем повторяется метафора из речи черноризца уже в устах Иоанна («молчания печать»), молчание уравновешивается новоначальным монахом с «му́кой» («Настаньте ж, дни молчания и муки!» <…>). В тексте появляется метафора тьмы и ночи, обозначающая молчание:

Спустися, ночь, на горестного брата
И тьмой его от солнца отлучи!
Померкните, затмитесь без возврата,
Моих псалмов звенящие лучи! [12, 233]

В этом фрагменте наблюдается синестезия визуального и аудиального каналов восприятия: отказ от «мира звуков» на смысловом уровне — уход от дневного света, погружение во тьму, которое в конце главки оказывается еще и нисхождением в «мир безмолвный» [12, 234]. Тут присутствует семантика вертикали, но певец движется по ней вниз, а не вверх, к Богу, куда он изначально стремился.

Таким образом, тишина и молчание не синонимы в тексте поэмы. Тишина не мешает, но, напротив, способствует творчеству, это характеристика внешней обстановки, а молчание идет изнутри, оно означает отказ от воплощения дара Творца[4].

Пятая глава описывает внешнее проявление жизни в обители, где чередуются безмолвие и «обрядное пенье» во время богослужения. Дан здесь также пейзаж, обрамляющий монастырь, который подчеркивает медленное и однообразное течение времени:

И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершает над нею полет [12, 234].

В пустыне царит тишина, позволяющая услышать малейшие звуки: «отдаленное <…> рычанье / Голодного льва» [12, 234], шум сухой травы, треск крыльев саранчи. Но вместо хвалы Богу, о которой мечтал Иоанн, покидая суетный мир, на фоне тишины звучит «дикий клик» и проклятье одинокого всадника.

Жизнь Иоанна в обители изображается далее, в шестой главе. «Мир звуков» по-прежнему звучит в душе героя:

<…> И в тишине, над чутким ухом
Дрожит созвучий мерный строй <…> [12, 236].

Тишина, к которой стремился персонаж, действительно способствует творчеству, но Иоанн следует уставу своего старца, и его псалмы остаются «непетыми» [12, 236]. Свободно рождающиеся в душе героя звуки противопоставлены здесь «уставным словам и заучённым молитвам» [12, 236].

Несмотря на то, что прошли годы, «внутренние звуки» не оставляют Иоанна (об этом говорится в седьмой главе). Пожалев скорбящего монаха, Иоанн дает волю этим звукам, и они

Стали надгробно мерно гласить над усопшим рыданье.
Слушал певец, наклонивши главу, то незримое пенье,
Долго слушал, и встал, и, с молитвой вошедши в пещеру,

[3] Ср. в лирике А. К. Толстого, по словам Н. В. Атамановой, «из всех звуков, возникающих вверху, А. К. Толстой большее предпочтение отдает колокольному звону, созвучному душе: «И сердце радостно Дрожит и тает, Пока звон благостный Не замирает». Аналогичное значение имеют для поэта птичьи голоса <…>» [11, 26].

[4] Н. В. Атаманова пишет об «ассоциации феномена молчания с образами сна и смерти» [11, 38] в поэтической системе А. К. Толстого. В. Кошелев тоже отмечает смысловую тождественность понятий «молчание» и «духовная смерть» [10, 382] в тексте поэта.

Там послушной рукой начертал, что ему прозвучало.

Так был нарушен устав, так прервано было молчанье. [12, 238]

В процитированном фрагменте видно, что певец — прежде всего внимательный слушатель. Он не произвольно вызывает и выстраивает звуки в своем сочинении, но произведение само открывается для него, как дар свыше. Облечению звуков в форму предшествует молитва, т.е. Иоанн не бунтует против Бога, но призывает его благословение на свое творчество. В завершении данного фрагмента вновь появляется антитеза молчания и творчества. Но в продолжении главы звучат слова автора, называющие творчество «живыми звуками» и уподобляющие его гремящим струям потока. Таким образом, в этой части поэмы повторяется на семантическом уровне образ «гремящего» слова, как и в завершении второй главы. Такое слово противопоставляется молчанию, поскольку являет живую связь с Богом. Добавим, что здесь же вновь возникает метафора льющейся воды, но акцент в тексте сделан уже не на слова Богочеловека, как во второй главе, но на свободу стихии, символизирующей свободу творчества.

Основное содержание восьмой главы составляет звучащее в церкви заупокойное песнопение Иоанна, названное в тексте «тропарем», хотя это переложение стихир (самогласнов) святого. Предваряет его «унылый» звон колокола. Имеется в виду, скорее всего, «перебор, иначе похоронный или погребальный звон, выражающий грусть и скорбь об усопшем. Он совершается <…> в обратном порядке, чем перезвон, т.е. медленно ударяют по одному разу в каждый колокол с самого малого и до самого большого, а после этого ударяют одновременно во все колокола. Этот скорбный похоронный перебор обязательно заканчивается кратким трезвоном, выражающим радостную христианскую веру в воскресение усопшего» [16, 802]. Такой переход скорби в радость, выраженный в погребальном звоне, на семантическом уровне и составляет сюжет поэмы А. К. Толстого.

Сам «тропарь» звучит сначала от имени умершего («Из гроба к вам взываю я» [12, 240]), затем и от имени молящихся о почившем («К Тебе о брате, здесь лежащем, / К Тебе, святая, вопием!» [12, 241]), потом вновь от имени усопшего. В последней части тропаря одним из признаков наступившей смерти названа потеря слуха («Не слышу братского рыданья» [12, 242]). Следственно, внимание к звукам, которые в предыдущей главе снабжаются эпитетом «живые» — признак жизни.

В девятой главе звучит «гневная речь» наставника Иоанна, которой противопоставлена покаянная мольба нарушившего устав. «Немолчный глас» в душе героя, по его собственным словам, поборол молчание.

В десятой главе творчество именуется «даром священным». Но реализация творческого дара в случае, если его обладатель использует свой дар в корыстных целях, имеет серьезные последствия:

Презренье, други, на певца,
Что дар священный унижает,
Что пред кумирами склоняет
Красу лаврового венца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгод предпочел,
Что угождению и лести
Бесстыдно продал свой глагол!
Из века в век звучать готово,
Ему на казнь и на позор,
Его бессовестное слово,
Как всенародный приговор [12, 244].

Протяженное во времени звучание слова, обличающего автора,— наказание для поправшего «дар священный». Соответственно, не прельстившийся выгодами мира сего, каким показан в тексте Иоанн, прославляя истину, и сам не остается без прославления.

Одиннадцатая глава открывается картиной тишины в пустыне, погруженной во мрак ночи. Этому мраку вторит шепот «мрачных слов» [12, 246] сурового черноризца — наставника Иоанна. Монах молит о смерти и наконец замирает, будучи «безгласен». Такая градация — от шепота к молчанию — делает явной семантику смерти, сопряженную с мотивом молчания.

В видении, посетившем старца, творчество — «молитвенные звуки», которые вносил в мир Иоанн, напротив, связаны с семантикой жизни. Вновь появляется здесь метафора льющейся воды (образы источника, реки, дождя):

<…> Его молитвенные звуки,
Как голос неба на земли,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.
Почто ж ты, старец, заградил
Нещадно тот источник сильный,

Который мир бы напоил
Водой целебной и обильной?
<…> Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!
Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину;
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!» [12, 247]

Завершается глава снятием запрета на песнопение:

<…> Отныне петь ты можешь снова!
Отверзи вещие уста,
Твои окончены гоненья!
Во имя Господа Христа,

Певец, святые вдохновенья
Из сердца звучного излей,
Меня ж, молю, прости, о чадо,
Что слову вольному преградой
Я был по грубости моей!» [12, 248]

В этом фрагменте проступает аллюзия на пушкинского пророка (Ср.: «Отверзлись вещие зеницы…» [17, 30] и «Отверзи вещие уста…»). Но если в стихотворении А. С. Пушкина повествование ведется от первого лица, то в поэме А. К. Толстого эти слова произносит наставник Иоанна, следуя словам Пресвятой Богородицы, велению свыше. В пушкинском тексте в завершающих строках присутствует семантика огня («глаголом жги сердца людей» [17, 31]), в толстовской же поэме, как мы убедились ранее, песни Иоанна уподобляются животворной льющейся воде («Его молитвенные звуки, / Как голос неба на земли, / В сердца послушные текли, / Врачуя горести и муки» [12, 247]). Образ сердца, изменяющего свое состояние благодаря действию слов Божьего человека, есть в обоих текстах. Сравнивая сходные между собой цитаты, мы видим, что в стихотворении «Пророк» актуализируется визуальный ряд (зеницы — зрачки), а в поэме А. К. Толстого — звуковой, аудиальный (поэту разрешается творить, наполнять мир «небесными» звуками).

Кроме того, в процитированных фрагментах текста присутствует семантика избавления от преграды, прекращения гонений, разрешения от уз, сковывающих свободу творчества поэта.

Двенадцатая глава, как и вторая, содержит восторженную песнь Иоанна, что противопоставлено мотиву молчания в главах, связанных с испытанием певца (с четвертой по одиннадцатую). Свою песнь персонаж называет «воскресной», радостной. На смысловом уровне снятие запрета на творчество, переход от молчания к «слову вольному» — переход от смерти к жизни, пасхальный сюжет, столь важный для русской литературы[5]. В. Кошелев считает пасхальный мотив ведущим в поэме «Иоанн Дамаскин»: «Не возрождение, не возвращение к прежней жизни, а именно преображение духовное провозглашает поэт: торжество победы света над мраком и Бога над смертью» [10, 384]. В поэме со светом соотнесен голос Иоанна:

Раздайся ж, воскресная песня моя!
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждено тьмою![6] [12, 248–249]

Возвращение к певческому дару — это новые победы над врагами Христа:

<…> То Иоанна льется речь,
И, сил исполненная новых,
Она громит, как Божий меч,
Во прах противников Христовых [12, 249].

Здесь хвала Иоанна звучит вместе с прославляющей Творца песнью всех Его созданий. Звуки воды появляются под воздействием сочинений Иоанна в среде верующих:

То слышен всюду плеск народный,
То ликованье христиан,
То славит речию свободной
И хвалит в песнях Иоанн <…> [12, 249].

Это «отголосок» песней гимнографа. «Плеск» — слабый звук, на фоне которого звучнее раздается Иоанново «гремящее слово».

Завершающие текст строки поэмы задают смысловую вертикаль — стремление к небу (от образа былинки до образа звезды):

<…> Кого хвалить в своем глаголе
Не перестанут никогда
Ни каждая былинка в поле,
Ни в небе каждая звезда [12, 250].

Вместе с тем все мироздание пронизано хвалой Создателю, Ему возносится и никогда не умолкает хвалебная песнь от каждого творения. Голос Иоанна вписывается в это вечное прославление Творца, гармонирует с природным миром[7]. Олицетворения усиливают здесь семантику жизни, со-бытия с Источником всего существующего. По сути своей, это реализация императивов, присутствующих в 148-м псалме («Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света» (Пс. 148,3).

Таким образом, сюжет поэмы прочитывается и на уровне организации звуковых образов в тексте произведения. Важнейшими в этом отношении являются мотивы молчания и песнопения. Молчание не тождественно тишине. Первое есть волевое усилие человека, наделенное, однако, в тексте поэмы семантикой несвободы, отказом от творческого дара, а вторая свойственна природному миру, это одно из условий, благоприятствующих творчеству. Иоанн не погрузился в молчание всецело, поступив в монастырь: «созвучий мерный строй» по-прежнему звучит в его душе, несмотря на внешнее непроявление открытого герою «мира звуков», согласно уставу старца-наставника. Возвращение Иоанна к творчеству происходит сначала из сострадания к скорбящему по смерти ближнего бра-

[5] Подр. см. книгу И. А. Есаулова «Пасхальность русской словесности». М.: Кругъ, 2004 [18].

[6] Образность данной строфы напоминает пятую и шестую строфы «Утреннего размышления о Божием величестве» М. В. Ломоносова (победа света над тьмою, мотив солнечного восхода, глагольные формы «лия» и «лиется» [19, 363–364]). Последние же строфы двух текстов перекликаются друг с другом благодаря мотиву хвалы Творцу.

[7] Ср. слова Л. Бельского об Иоанне — персонаже поэмы А. К. Толстого: это «<…> свободный служитель искусств, проникнутый полным чувством природы и всеобъемлющей любовью» [1, 1].

ту, затем — по велению свыше, прямому указанию Пресвятой Богородицы. Песнопения Иоанна наделяются при этом семантикой жизни, утешения, исцеления, а в последней части текста — еще и торжества православия, хвалы Творцу, гармонирующей с природой, в которой каждое творение постоянно «хвалит в своем глаголе» Бога. С песнопением сопряжены в поэме метафоры света и льющейся воды, восходящие к образности Евангелия. Кроме того, слово Иоанна именуется в тексте «гремящим», т.е. обладающим силой, способным победить «противников Христовых» (от еретиков, упоминаемых в начале поэмы, до печали — мрачного состояния души, уклонения от Бога-Света). Возвращение персонажа к творчеству также наделено пасхальной семантикой (воскресения после смерти), особенно явственно обозаченной в последней части поэмы. Другого рода звуки (шумы во дворцах калифа — характеристики суетной жизни,— или звуки, наполняющие пустыню (в 5-й главе) позволяют обрисовать внешнюю обстановку, в которой развивается действие поэмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельский Л. Основные мотивы поэзии гр. Толстого / Л. Бельский // Критическая литература о произведениях гр. А. К. Толстого с портретом и биографическим очерком. Сост. Н. Денисюк. Вып.2. М.: Издание А. С. Панафидиной, 1907.— С. 1–15.

2. Миллер О. Иоанн Дамаскин / Алексей Константинович Толстой. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей / О. Миллер. / Сост. В. Покровский.— М.: Склад в книжном магазине В. Спиридонова и А. Михайлова, 1908.— С. 102–108.

3. Новиков В. Алексей Константинович Толстой (Жизнь замечательных людей: Серия биографий) / В. Новиков.— М.: Молодая гвардия, 2011.— 286 с.

4. Федосеева Т. В. Автор и герой в поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» / Т. В. Федосеева // Проблемы исторической поэтики.— Петрозаводск, 2018.— Т. 16.— № 1.— С. 119–137.

5. Соколов Н. М. «Иоанн Дамаскин», поэма А. Толстого / Н. М. Соколов // Критическая литература о произведениях гр. А. К. Толстого с портретом и биографическим очерком. Сост. Н. Денисюк. Вып.1. М.: Издание А. С. Панафидиной, 1907.— С. 108–116.

6. Копытцева Н. М. «Воскресная песня моя…». Жизнь и поэзия Алексея Константиновича Толстого: Учебное пособие // Н. М. Копытцева.— Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003.— 192 с.

7. Соловьев А. А. К. Толстой. Биография и подробный разбор важнейших произведений для учащихся / А. Соловьев.— СПб.: Типография Р. Каневский и В. Вацлавович, 1911.— 132 с.

8. Федоров А. В. А. К. Толстой в жизни и в творчестве. Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей / А. В. Федоров.— М.: Русское слово, 2017.— 144 с.

9. Захарова В. Алексей Константинович Толстой. Летопись жизни и творчества / В. Захарова.— Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2013.— 165 с.

10. Кошелев В. «Оперный костюм»: творческий портрет А. К. Толстого (к 200-летию со дня рождения): монография / В. Кошелев.— М.: Издательство «Дмитрий Сенчин», 2017.— 400 с.

11. Лексико-семантические особенности поэтического идиостиля А. К. Толстого / Н. В. Атаманова [и др.] — Брянск: Новый проект» 2017.— 200 с.

12. Толстой А. К. Из поэтического наследия / А. К. Толстой.— СПб.: Наука, 2006.— 506 с.

13. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн.— М.: Республика», 1996.— 335 с.

14. Неклюдов К. В. Вода / К. В. Неклюдов, А. В. Пономарев, А. А. Ткаченко // Православная энциклопедия. Т. IX: Владимирская икона Божией Матери — Второе пришествие / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005.— С. 133–139.

15. Иларион митр. Волоколамский Четвероевангелие (Т. 1): учебник бакалавра теологии. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017.— 632 с.

16. Серафим Слободской, прот. Закон Божий / Слободской Серафим.— Самара: Родное пепелище, 2009.— 816 с.

17. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. / А. С. Пушкин.— Т. 3.— Кн.1.— М.: Воскресенье, 1995.— 635 с.

18. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов.— М.: Кругъ, 2004.— 559 с.

19. Ломоносов М. В. Полн. собр.соч.: В 10 т. / М. В. Ломоносов.— Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1738–1764.— М.; СПб.: Наука, 2011.— 1133 с.

Новосибирская православная духовная семинария

Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: sellns@mail.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor of the Humanitarian Disciplines Department

E-mail: sellns@mail.ru

УДК 81'42

ПУШКИНСКИЕ КОННЕКТЕМЫ В ПОЭЗИИ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. В. КОЛЬЦОВА

С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена описанию интертекстовых заимствований (коннектем) из поэтических произведений А. С. Пушкина в стихотворениях и письмах А. В. Кольцова. Проведенное исследование показало, что пушкинские коннектемы обнаруживаются в семи стихотворениях А. В. Кольцова («Ночлег чумаков», «Соловей», «Молодой чете», «Веселый час», «Прекрасной поселянке», «Лес», «Последняя борьба») и двух письмах поэта. Эти интертекстовые заимствования связывают кольцовские тексты с восемью произведениями А. С. Пушкина: стихотворениями «Соловей и роза», «Буря», «Заздравный кубок», «Предчувствие», «Поэту», «Я вас любил…», поэмами «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан».*

Ключевые слова*: А. В. Кольцов, А. С. Пушкин, интертекстовые связи, цитаты, коннектемы.*

Abstract: *the article is devoted to the description of intertext borrowings (connectemes) from the poetic works of A. S. Pushkin in the poems and letters of A. V. Koltsov. The conducted research showed that Pushkin's connectemes are found in seven poems by A. V. Koltsov ("The overnight stay of the Chumaks", "The Nightingale", "The Young Couple", "The Merry Hour", "The Beautiful Village Woman", "The Forest", "The Last Struggle") and two letters of the poet. These connectemes connect the Koltsov texts with eight works by A. S. Pushkin: poems "The Nightingale and the Rose", "The Storm", "The Cup of Health", "Premonition", "To the Poet", "I Loved You …", narrative poems "Gypsies" and "The Fountain of Bakhchisaray".*

Keywords: *A. V. Koltsov, A. S. Pushkin, intertext links, quotations, connectemes.*

Влияние пушкинской поэзии на творчество А. В. Кольцова и наличие отдельных интертекстовых заимствований из произведений А. С. Пушкина в кольцовских стихотворениях общеизвестно и признавалось самим воронежским поэтом (см. об этом ниже). Целый ряд важных наблюдений и замечаний по этому поводу содержится в трудах известных отечественных литературоведов — В. А. Тонкова [1, 35–40; 65–66], Н. Н. Скатова [2, 165], Б. Т. Удодова [3, 292], Б. А. Трубецкого [4, 38–40], а также в комментариях к изданиям сочинений воронежского поэта (см. [5], [6], [7] и др.). Однако степень такого влияния и круг интертекстовых заимствований из стихотворений А. С. Пушкина в кольцовских текстах до сих пор остаются предметом научной дискуссии.

Как известно, дискуссионным остается и вопрос о сущности **интертекстовой связи** (см., например, [8] и др.). Поэтому прежде чем продолжить разговор о межтекстовых связях произведений А. С. Пушкина и А. В. Кольцова, необходимо сделать небольшое теоретическое отступление. В отношении определения объема понятия «интертекстовая связь» существуют узкий и широкий подходы. Если сторонники первого подхода считают, что единицами интертекста являются только собственно языковые элементы, то сторонники широкой трактовки данного понятия относят к интертекстовым единицам образы, мотивы, сюжеты и другие «сверхъязыковые» феномены. Мы придерживаемся широкого подхода и определяем интертекстовые единицы как **любые элементы текста или множества текстов А, которые были в том или ином виде заимствованы в текст или множество текстов Б**. Ранее, в работе [10, 8] мы предложили свой термин для наименования так понимаемых интертекстовых единиц — **коннектема** (от англ. connect — соединять(ся), связывать(ся), ассоциироваться). Данный термин в своей внутренней форме несет идею **связи** и создан по продуктивной для лингвистической терминологии модели (ср. морфема, лексема и т.д.). Так же, как морфема реализуется в конкретных словах в виде одного из своих вариантов — морфов, так и **коннектемы** представлены в конкретных текстах в виде одного из своих вариантов, которые мы предлагаем называть **коннектами**. Например, коннектема **«на заре туманной юности»**, восходящая к стихотворению А. В. Кольцова «Разлука», функционирует в различных принимающих текстах в виде следующих коннектов: *«на заре туманной старости», «на закате туманной юности», «на закате туманной молодости», «на заре туманной…», «заря туманной юности»* и ряде других.

Следует сказать, что в указанной выше статье нами была предпринята попытка построения ис-

© Чуриков С. А., 2022

числяющей классификации интертекстовых единиц, в основу которой была положена следующая триада параметров: 1) **атрибутированность / неатрибутированность**; 2) **маркированность / немаркированность;** 3) **каноничность / трансформированность**. Применение этой классификации показало, что парадигма интертекстовых единиц, составляющих коннектему, представляет собой множество из восьми базовых вариантов, которое образуется в результате применения к основному варианту следующих операций: 1) снятия атрибуции; 2) снятия маркировки; 3) трансформации. Перечислим эти типы:

1) атрибутированный, маркированный, канонический коннект;

2) атрибутированный, маркированный, трансформированный коннект;

3) атрибутированный, немаркированный, канонический коннект;

4) атрибутированный, немаркированный, трансформированный коннект;

5) неатрибутированный, маркированный, канонический коннект;

6) неатрибутированный, маркированный, трансформированный коннект;

7) неатрибутированный, немаркированный, канонический коннект;

8) неатрибутированный, немаркированный, трансформированный коннект (см. [9, 8–9]).

Задачей настоящего исследования является описание корпуса пушкинских коннектем, представленных в стихотворениях и письмах А. В. Кольцова.

Давно замечено, что фамилия *Пушкин* встречается в трех стихотворениях воронежского поэта — «Соловей» (1831), «Прекрасной поселянке» (1828) и «Лес» (посвящено памяти А. С. Пушкина) (1837). Первое из названных произведение имеет подзаголовок «Подражание Пушкину», прямо указывающий на наличие межтекстовой связи. Объектом подражания стало известное пушкинское стихотворение «Соловей и роза» (1827) (см. [5, 360], [6, 328] и др.). Приведем оба интересующих нас произведения, выделив совпадающие элементы:

Соловей (Подражание Пушкину)	Соловей и роза
Пленившись розой, **соловей** И день и **ночь поёт над ней**; Но **роза** молча песням **внемлет**, Невинный *сон* её *объемлет*… На лире **так** певец иной **Поёт для** *девы* молодой; Он страстью пламенной сгорает, А *дева* милая не знает – Кому поёт он? отчего Печальны песни так его?..	В безмолвии садов, весной, во мгле **ночей**, **Поёт над розою** восточный **соловей**. Но **роза** милая не чувствует, **не внемлет**, И под влюблённый гимн колеблется и *дремлет*. Не **так** ли ты **поёшь для** хладной **красоты**? Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты? *Она* не слушает, не чувствует поэта; Глядишь, она цветёт; взываешь — нет ответа.

Как видим, кольцовский текст очень близок к пушкинскому: совпадают сюжет, основные образы, отдельные словосочетания (см. выделенные компоненты), принцип рифмовки (парная). Совпадает и стихотворный размер — ямб, однако если у А. С. Пушкина ямб шестистопный, то у А. В. Кольцова — четырехстопный.

В стихотворении «Прекрасной поселянке» снова появляется фамилия великого русского поэта: *Одна, над бездною морской, // Как дева Пушкина, стояла*. Исследователи давно обратили внимание на эти строки и без труда обнаружили пушкинский текст-источник — стихотворение «Буря» (1825) (см. [5, 350], [6, 320–321] и др.). Сопоставим два интересующих нас произведения:

Прекрасной поселянке	Буря
Ах, чья ты, **дева**-красота? Твои уста, твои ланиты Такою прелестью покрыты! И в ком чудесная мечта Груди б младой не взволновала, Когда б ты **на скале** крутой, Одна, **над бездною морской**, **Как дева Пушкина**, стояла Под **белым флагом покрывала**?.. И вкруг тебя **одеждой снежной** **Зефир** приветливо б играл; По сгибу плеч, по шее нежной Свитые кудри развивал?.. Когда б, качаяся, дремало Перо на шляпке голубой; И грудь лебяжия вздыхала Любовью девственной, святой?..	Ты видел **деву на скале** **В одежде белой над волнами** Когда, бушуя в бурной мгле, Играло море с берегами, Когда луч молний озарял Её всечасно блеском алым И **ветер** бился и летал С её **летучим покрывалом**? Прекрасно море в бурной мгле И небо в блесках без лазури; Но верь мне: дева на скале Прекрасней волн, небес и бури.

Тогда б, в сердечном упоеньи Склонив колена пред тобой, В избытке чувства, в исступленьи, Сгорел бы весь, как огнь степной!..	

Нетрудно заметить, что эти стихотворения также весьма близки: коннектами здесь являются сюжет, образ героини (пушкинская дева становится для воронежского поэта объектом сравнения), ряд деталей (место действия, одежда героини и т.д.). Отметим, что у сопоставляемых текстов совпадает и размер — четырехстопный ямб. При этом А. В. Кольцов в отличие от А. С. Пушкина использует вместо перекрестной рифмовки опоясывающую.

Еще одним произведением А. В. Кольцова, содержащим, с нашей точки зрения, целый ряд пушкинских коннектем, является знаменитый «Лес» (подробнее об интертекстовых связях указанного стихотворения см. [10, 9–12]). Этот кольцовский шедевр посвящен памяти великого поэта и является, по мнению ряда исследователей, одним из двух (наряду со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта») наиболее значимых откликов на гибель А. С. Пушкина. В первоначальной журнальной версии («Сын Отечества», 1838 г., т. 2, с. 17–20) произведению был предпослан эпиграф — первое четверостишие пушкинского «Предчувствия» (1828):

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне…

По неизвестным причинам составитель первого посмертного собрания сочинений воронежского поэта В. Г. Белинский снял данный эпиграф, а последующие издания поэзии А. В. Кольцова следовали этой традиции. Не обсуждая здесь правомерность решения выдающегося критика, отметим следующее. Во-первых, присутствие эпиграфа даже не в черновом, а журнальном варианте стихотворения обязывает нас учесть эту межтекстовую связь, указав на наличие атрибутированного, маркированного, канонического коннекта, отсылающего читателя к стихотворению А. С. Пушкина. Во-вторых, внимательное сравнение пушкинского и кольцовского стихотворений позволяет говорить о том, что связь между этими произведениями не ограничивается «пропавшим» эпиграфом: с нашей точки зрения, образы **бури** и **тучи** в «Лесе» также восходят к соответствующим образам, представленным в «Предчувствии». Ср. приведённое выше начало и следующий фрагмент стихотворения А. С. Пушкина:

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно **бури** жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду…

Важно отметить, что кольцовский «Лес» не единственное зрелое стихотворение А. В. Кольцова, в котором обнаруживаются пушкинские коннектемы. Другим таким произведением является «Последняя борьба». Это признает сам поэт в письме к В. Г. Белинскому (28 сентября 1839 года): «*“Последняя борьба”, может,* ***пахнет Пушкиным****,— не спорю; но в ней своя форма, свои следствия битвы*» [7, 94]. Мы согласны с точкой зрения тех исследователей (см., например, [5, 374], [6, 328] и др.), которые в качестве текста-источника называют уже упомянутое выше стихотворение «Предчувствие». Сопоставим исследуемые нами тексты:

Надо мною буря выла, Гром по небу грохотал, Слабый ум **судьба страшила**, Холод в душу проникал. Но не пал я от страданья, Гордо выдержал удар, Сохранил в душе желанья, В теле — силу, в сердце — жар! Что погибель! что спасенье! Будь что будет — всё равно! На святое Провиденье Положился я давно! В этой вере нет сомненья, Ею жизнь моя полна! Бесконечно в ней стремленье!.. В ней покой и тишина…	Снова тучи **надо мною** Собралися в тишине; **Рок** завистливый **бедою** **Угрожает** снова мне… Сохраню ль к **судьбе** презренье? Понесу ль навстречу ей Непреклонность и терпенье Гордой юности моей? Бурной жизнью утомленный, Равнодушно **бури** жду: Может быть, еще спасенный, Снова пристань я найду… Но, предчувствуя разлуку, Неизбежный, грозный час, Сжать твою, мой ангел, руку Я спешу в последний раз.

Не грози ж ты мне бедою, Не зови, судьба, на бой: Готов биться я с тобою, Но не сладишь ты со мной! У меня в душе есть сила, У меня есть в сердце кровь, Под крестом моя могила; На кресте моя любовь!	Ангел кроткий, безмятежный, Тихо молви мне: прости, Опечалься: взор свой нежный Подыми иль опусти; И твое воспоминанье Заменит душе моей Силу, гордость, упованье И отвагу юных дней.

Если обратить внимание на формальную сторону этих текстов, то легко убедиться в их схожести: оба произведения написаны четырехстопным хореем с перекрестной рифмовкой, совпадает даже количество строк (однако пушкинское стихотворение состоит из трех восьмистиший, а кольцовское — из шести четверостиший).

Сюжеты пушкинского и кольцовского стихотворений также близки: судьба готовится проверить на прочность лирического героя; но если пушкинский герой не уверен в исходе противостояния, то герой Кольцова, вооружившись верой в «святое Провиденье», уверен в своей победе. Таким образом, коннектами в данном случае выступают размер, тип рифмовки, сюжет и образ судьбы (подвергшиеся трансформации).

Следующим произведением А. В. Кольцова, в котором обнаруживаются пушкинские коннекты, является «Ночлег чумаков» (1828). По мнению ряда исследователей (см. [5, 352], [6, 321] и др.), создавая это произведение, А. В. Кольцов явно находился под впечатлением от поэмы «Цыганы» (1824). Сопоставляя начало пушкинской поэмы, где описывается ночлег цыганского табора, с кольцовским стихотворением, изображающим ночлег табора чумаков, нельзя не заметить сюжетное сходство, совпадение отдельных образов и деталей, а также четырехстопного ямбического размера (при том, что А. В. Кольцов использует парную рифмовку, а А. С. Пушкин — (преимущественно) перекрестную. Кроме того, сопоставление стихотворения «Веселый час» (1830) с «Заздравным кубком» (1816) А. С. Пушкина позволяет с высокой долей вероятности утверждать, что мы имеем дело с заимствованием мотивов (наслаждения земными радостями — вином, любовью и т.д.) и размера — двустопного дактиля с перекрестной рифмовкой (см. также [5, 356], [6, 328] и др.).

Наконец, отдельный пушкинский коннект (неатрибутированный, немаркированный, канонический) обнаруживается в стихотворении «Молодой чете» (1830):

Надежды, радости земные,
Мгновенья жизни дорогие
Изменчивы для нас всегда;
Прямая ж дружба — никогда!..

Выделенная строчка заимствована А. В. Кольцовым из знаменитой пушкинской поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823).

Заметим также, что некоторые исследователи пытались усмотреть «пушкинский след» и в других стихотворениях А. В. Кольцова: «Совет старца», «Бегство», «Осень», «Ровеснику», «Сестре». Однако скрупулезный интертекстовый анализ не позволяет в перечисленных случаях надежно (или, по крайней мере, с высокой долей вероятности) установить наличие интертекстовых связей.

Особо следует сказать о пушкинских коннектемах, представленных в эпистолярном наследии А. В. Кольцова. Отметим, что в письмах воронежского поэта в большом количестве употребляются пословицы и поговорки как в своем каноническом, так и преобразованном виде (подробнее см. [11]). Использование же литературных цитат в интересующей нас переписке — явление нечастое. Тем значимее присутствие пушкинских строк в двух письмах поэта к В. Г. Белинскому.

Так, в письме к знаменитому литературному критику от 28 сентября 1839 г. Кольцов приводит неатрибутированную строку «Ты царь, живи один» из пушкинского стихотворения «Поэту» (1830):

*В Петербург вы едете — не только это хорошо; но вам нужно там быть. Пусть он на первый раз вас не очень ласково приметь, пусть многие будут на вас смотреть подозрительно, пусть будут говорить и то и се… Бог с ними! Ничего не сделают <…> Они бы рады сделать и больше, да вы не дадитесь; вы уж знаете, как с ними ладить; опыт вас заранее приготовил к ним. «**Ты царь, живи один**» — святая правда, и ваш девиз она* [7, 91–92].

А в одном из последних писем В. Г. Белинскому (от 1 марта 1841 г.) поэт характеризует с помощью пушкинского выражения «безмолвно, безнадежно» (из ставшего хрестоматийным стихотворения «Я вас любил…») свою любовь к Варваре Лебедевой:

*В Воронеже у меня была одна знакомая женщина, знакомая давно; и я ее любил, но молча, но так, как любим мы душою милые создания. Ухаживал за нею года два «**безмолвно, безнадежно**». Я ей из Москвы и из Питера писал много писем; в ответ ни полстроки. Приезжаю домой, являюсь к ней,— и словом: мы с ней сошлись* [7, 178–179].

Таким образом, пушкинские коннектемы обнаруживаются в семи стихотворениях А. В. Кольцова («Ночлег чумаков», «Соловей», «Молодой чете», «Веселый час», «Прекрасной поселянке», «Лес», «Последняя борьба») и двух письмах поэта. Эти коннектемы связывают кольцовские тексты с восьмью произведениями А. С. Пушкина: стихотворениями «Соловей

и роза», «Буря», «Заздравный кубок», «Предчувствие», «Поэту», «Я вас любил…», поэмами «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан».

Проведенный нами интертекстовый анализ всего корпуса кольцовских текстов (в рамках работы над «Комплексным интертекстовым словарем поэзии А. В. Кольцова» [12]) показал, что именно пушкинские произведения служили для воронежского поэта основным литературным источником межтекстовых заимствований. И хотя, как неоднократно отмечалось кольцововедами (см., например, [4]), влияние А. С. Пушкина на поэзию А. В. Кольцова нельзя свести к списку интертекстовых заимствований, представленные в настоящей статье результаты исследования являются значимым шагом на пути к системному описанию этого влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тонков В. А. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество / В. А. Тонков.— 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж, 1958.— 440 с.
2. Скатов Н. Н. / Н. Н. Скатов // Сочинения в 4 т. Т. 2. Алексей Кольцов.— СПб: Наука, 2001.— 356 с.
3. Удодов Б. Т. Очерки истории русской литературы 1820–1830-х годов: учебное пособие для студентов-филологов / Б. Т. Удодов.— Воронеж: Издат. дом Алейниковых, 2004.— 379 с.
4. Трубецкой Б. А. Кольцов и его литературные предшественники / Б. А. Трубецкой // А. В. Кольцов. Статьи и материалы.— Воронеж, 1960.— С. 36–40.
5. Кольцов А. В. Полное собрание сочинений / А. В. Кольцов; под ред. и с примеч. А. И. Лященка.— 2-е изд. СПб.: Разряд изящной словесности Имп. акад. наук, 1911.— XXXIV.— 471 с.
6. Кольцов А. В. Сочинения. В 2 т. / А. В. Кольцов.— Т. 1: Стихотворения.— М.: Советская Россия, 1961.— 360 с.
7. Кольцов А. В. Сочинения. В 2 т. / А. В. Кольцов.— Т. 2: Письма.— М.: Советская Россия, 1961.— 336 с.
8. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин.— Изд. 3.— М.: изд-во URSS, 2015.— 168 с.
9. Чуриков С. А. Опыт построения исчисляющей классификации интертекстовых единиц / С. А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация.— 2020.— № 4.— С. 6–12. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3073
10. Чуриков С. А. Коннектикон текста / корпуса: определение понятия и методика описания / С. А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация.— 2021.— № 3.— С. 6–14. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3573.
11. Мельниченко О. Г. А. В. Кольцов в своей переписке / Мельниченко О. Г. // А. В. Кольцов. Статьи и материалы.— Воронеж, 1960.— С. 110–120.
12. Чуриков С. А. Концепция комплексного интертекстового словаря (на материале поэзии А. В. Кольцова) / С. А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация.— 2022.— № 1.— С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8991

Воронежский государственный университет
Чуриков С. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
E-mail: churikovsa@yandex.ru

Voronezh State University
Churikov S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department
E-mail: churikovsa@yandex.ru

УДК 82–1+82–3:821.161.1

ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Г. ПРЫГУНОВА: НАРРАТИВНЫЕ И ЖАНРОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Г. А. Шпилевая, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 31 декабря 2021 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются поэтический сборник Л. Г. Прыгунова «Стихи о неизбежном» (2014) и прозаические произведения этого же автора («маленький роман», рассказ, повесть, роман-дневник), опубликованные во второй половине 2010-х гг. Анализ ведется с позиций жанрологии и нарратологии, что позволяет выявить своеобразие поэтики и поддержанную традицию проблематики (в русле «странных повестей» Вен. Ерофеева, В. П. Аксенова, В. С. Высоцкого и др.) в исследуемых текстах.*
Ключевые слова: *проза, поэзия, драматизм, рассказчик, биографический автор.*
Poetics and Problematic Works by of L. G. Prygunov: Narrative and Genre Aspects of Modern Prose and Poetry

Abstract: *the article consider L. G. Prygunov's poetry collection "Poems about the inevitable" (2014) and prose works by the same author ("little novel", short story, story, diary novel) published in the second half of the 2010s. The analysis is carried out from the point of view of genreology and narratology, which allows us to identify the originality of poetics and the supported tradition of problematics (in accordance with the "strange stories" of the V. Yerofeyev, V. P. Aksenov, V. S. Vysotsky, etc.) in the examine texts.*
Keywords*: prose, poetry, drama, narrator, biographical author.*

«И сто лет я писал бы чудесный роман,
Где жестокость, невежество, зло и обман,
Где любовь, благородство и сила…»
Л. Г. Прыгунов

В данной статье речь пойдет в основном о прозе писателя, артиста, художника Л. Г. Прыгунова, однако, как видно из эпиграфа, мы будем обращаться и к стихам поэта Прыгунова, с которыми можно ознакомиться, раскрыв сборник («Стихи о неизбежном», 2014), иллюстрированный картинами и этюдами автора. Существует мнение, что все, созданное творцом, не только стилистически, но и тематически связано (объединено его творческой энергией), соответственно — писатель всю жизнь пишет Одну книгу. Именно поэтому образы и сюжетные линии прозаических произведений Прыгунова будем «подтверждать» его же поэтическими образами — цитатами из стихотворений.

Начнем с «маленького романа» (жанр, признанный литературоведами) «Азиатское детство Ивана Ташкентского» (опубликован в журнале «Звезда» в 2017 г., № 9, с. 9–64), который мог бы называться «Новые приключения российского Жиль Бласа», что поддержало бы древнейшую традицию. «Приключенческий», «плутовской», «авантюрный» сюжет исследователь Л. Е. Пинский назвал «магистральным» [3], так как он является исходным для всех произведений, где автор стремится развлекать, просвещать читателя, а также описывать современные нравы. Не упускали авторы подобных произведений случай порассуждать об искусстве, например о литературе, так, А. Р. Лесаж в своих знаменитых «Похождениях Жиль Бласа из Сантильяны» (1715–1735) не прочь высказаться о «божественном Лопе де Вега» и о «нежнейшем Кальдероне» [2, 586]. Вдохновленные успехом французского писателя, своих «Жиль Бласов» создали и русские беллетристы (Ф. Булгарин, А. Вельтман, В. Нарежный, Н. Некрасов, Г. Симоновский), также заинтересовал герой-плут отечественных классиков: Н. Гоголь изобразил дельца-подлеца Чичикова, а А. Пушкин оставил блестящий набросок *пикарески* «Русский Пелэм» (отталкивающийся от бульвер-литтоновского авантюрного романа «Пелэм, или Приключения джентльмена»).

Повествование в произведениях рассматриваемого типа ведется, как правило, от лица уже зрелого человека, который вспоминает о приключениях времен своей бурной молодости и предостерегает читателя от опасных шагов и рискованных поступ-

© Шпилевая Г. А., Бондаренко В. А., Борисова У. Ю., 2022

ков. Некоторые произведения подобного жанра представляют собой беллетризованную автобиографию.

Авантюрному «маленькому роману» Прыгунова «Азиатское детство Ивана Ташкентского» присущи все черты пикарески: герой-рассказчик ловок (как и положено плуту, борющемуся за свое существование), он «держится поближе к котлу», пишет автобиографию, содержащую описание добрых и злых нравов, неустроенного быта: «Я начинаю свои безалаберные записки только с одной целью — вывернуться наизнанку и оправдаться во всех моих грехах, поскольку многие события моей бурной жизни, несомненно, заставят кое-кого взглянуть на меня с несколько иной стороны…» Далее следует описание приключений, «чаще дурного, нежели благородного свойства» [4, 11], которые, конечно, уравновешиваются такими чертами героя, как веселый характер, добрый нрав и обаяние молодости.

Цепочка новелл, которые, подобно бусинам, нанизаны на нить приключенческого сюжета, представляет историю голодного детства, жестокие нравы (грабежи, убийства), встречи с негодяями-постояльцами (пытавшимися выгнать семью матери-учительницы с двумя маленькими детьми из их собственного дома) и, конечно же, общение с отзывчивыми и милосердными людьми. Много добрых слов сказано об измученной нищетой, всеми силами стремившейся спасти своих детей матери, о чем мы можем прочитать и в указанном сборнике стихотворений: «Зато весной — какая благодать! / Крапива, лебеда, лучок-голубчик… / Колдует ночью у костра с кастрюлькой мать, / слезами заправляя жидкий супчик» («Нищета войны») [6, 14]. Как видно, «плутовские» фрагменты «маленького романа» перемежаются драматическими и даже трагическими, разумеется, без тени иронии.

Повзрослевший Иван, как и положено пикаро (в классической пикареске плут осваивает профессии врача, воина, артиста, учителя и пр.), стал путешествовать по просторам страны (здесь — в качестве ксилофониста); он упоминает о своем пребывании на Ямале, Памире, Камчатке, в Ужгороде, Черновцах и пр. Рассказы о злоключениях Ивана-ксилофониста окрашены иронией (этой, по словам Т. Манна, «интеллектуальной оговоркой»), тонким юмором, а порой и беспощадной сатирой.

Для усиления интриги в романе появляется «гипотетический дед» главного героя-авантюриста, это не менее «жуликоватый», талантливый Его Императорское Высочество Николай Константинович Романов! Данный сюжетный поворот вполне в духе пикарески, персонажи которой часто отмечены «тайной рождения» (пример этому — «Иван Иванович Выжигин» (1829) Ф. Булгарина). Этот широко распространенный мотив позволил ввести в произведение интереснейшие сведения об истории России: революциях, Ходынке, деятельности министров С. Ю. Витте, Д. А. Милютина и пр. Предполагаемый дед, безусловно, был человеком выдающимся, так как проявил себя в Азии в качестве владельца ташкентского театра, успешного мелиоратора, создателя хлопковых фабрик, мыловаренного завода. Но он имел репутацию чудака и плута, так как этот «вороватый дед» в свое время украл бриллианты матери, чтобы преподнести их американской актрисе Фанни Лир. Впрочем, Иван Ташкентский постарался оправдать своего предка, который, по мнению героя маленького романа, выгодно отличался от своего венценосного родственника (Николая II): «Но боже мой! Какой бы могла быть Россия, если бы ее Императором стал в свое время <…> мой гипотетический дедушка…» Переплетая истории из «частной» жизни человека и приметы социума, деяния людей знаменитых и простых смертных, автор сумел за вымыслом, литературной игрой показать настоящую Историю, не искаженную политической правкой.

В 2018 году вышла книга Прыгунова «Сергей Иванович Чудаков и др.», выполненная в форме мемуаров, в XVIII веке этот жанр, как известно, стал отправной точкой для социального и психологического романов, так как воспоминания с их «предельным самораскрытием человека» и «хроникально-политическим фоном» [1, 133] готовили почву для изображения «эпоса частной жизни» (В. Г. Белинский). В рассматриваемых мемуарах представлен широкий пласт времени (1960–1990-е годы), отмеченный творческой активностью таких деятелей отечественной культуры, как И. Бродский, В. Высоцкий, А. Эфрос и многих других. Можно встретить и упоминания о представителях петербургского и московского андеграунда: об А. Хвостенко (в соавторстве с А. Волохонским создавшем блестящее «Прощание со степью», посвященное выдающемуся историку и географу Л. Гумилеву), о «русском Ван Гоге» — замечательном художнике А. Звереве, об авторе искрометных четверостиший О. Григорьеве («На Невском я встретил друга, / Он как бы пахал без плуга»). Большее внимание уделено, конечно, центральному персонажу мемуаров — С. И. Чудакову, личности насколько типичной, настолько и исключительной. Это был энциклопедически образованный человек, талантливый поэт (автор назвал его русским Франсуа Вийоном), авантюрист, киноман, которому И. Бродский посвятил проникновенное стихотворение «На смерть друга» (1973). Кстати, «смерть» также оказалась очередной авантюрой, ибо Сергей Иванович чудесным образом однажды ожил!

Как видно, автор воспоминаний пишет не только о великих и состоявшихся, но и о не менее талантливых, только не преодолевших бытовые невзгоды, противостояние официоза, не реализовавших свой уникальный творческий потенциал.

Мемуары содержат интереснейшие сведения о театральных и кинематографических премьерах, о визитах в нашу страну выдающихся танцовщиков

(Амбруаз и Эдуард Виллелы), знаменитых актрис (М. Влади, Н. Курсель). Однако не менее интересно знакомиться читателю и с деталями быта того времени. Как и многие его современники, автор мемуаров пережил массу невзгод (отсутствие денег, постоянного жилья), о чем сообщается с завидным юмором, свидетельствующим об удивительной жизнестойкости: «И я выходил из этого почти безвыходного положения таким образом: до четырех утра я сидел в кафе гостиницы «Украина», потом шел пешком до Киевского вокзала. Там, где-нибудь прикорнув, спал до шести, потом спускался в метро и, сев в конце вагона, ездил по кольцевой до одиннадцати часов дня — как ни странно, успевая выспаться, а уж потом шел в «Националь», где просиживал весь день, попивая кофе и беседуя с замечательными людьми. Когда наступили морозы <…>, я шел в ближайшую баню, закупал на два-три часа так называемый «номер» — отдельную ванную комнату — пускал теплую воду и спал, пока меня не будили банщики» [5, 8].

Если кратко охарактеризовать пафос исследуемых мемуаров, то это, конечно же, гимн дружбе, которая в 1960-е годы носила еще романтический характер. С чувством глубокого удовлетворения читатель осознает, что бедные, часто безработные и бездомные будущие знаменитые артисты, поэты и художники не были сребролюбивыми, эгоистичными, корыстными и жадными. В то время молодые и жизнелюбивые, они радовались успехам своих приятелей, сострадали их неудачам и печалились по поводу рухнувших надежд.

В мемуарах заметную роль всегда играет образ автора, его отношение к изображаемому, сама нарративная манера, осуществляющая взаимосвязь событий, представляющая определенные время и пространство. Автор-рассказчик, ведущий «я-повествование», создает собственный образ артистической натуры (он актер, художник, прозаик, поэт); это человек независимый, одинаково ценящий своих прославленных друзей (например, И. Бродского) и гораздо менее именитых (С. Чудакова), а также ранимый, по-детски откровенный и непосредственный. Вот как рассказано об одном из частных писем: «А где-то в 1974 году я встретил Женю Рейна, и он сказал мне, что получил письмо от Иосифа Бродского, в котором он пишет, что, узнав, что в Нью-Йорке или Бостоне в каком-то кинотеатре показывают фильм «Туннель», он проехал на машине <…> 200 миль только ради того, чтобы его посмотреть. Позже Женя показал мне это письмо, и там я точно упоминался. Иосиф писал, что у него теперь тоже есть цветной телевизор, «так что пусть Прыгунов не задается» (хотя цветной телевизор в 1968 году купила моя теща и мне его включать не позволяла)» [5, 71]. В данном фрагменте соединились и удовлетворение от того, что Бродский посмотрел фильм «Туннель» (1966) с участием Прыгунова, и обида на жестокосердную тещу.

Что касается стиля мемуаров, то в данном случае это отнюдь не «легкое чтиво», содержащее «актерские анекдоты» и «писательские байки»; на страницах данной книги можно видеть описание личных драм, даже трагедий. В произведении много цитат из стихотворений поэтов-современников и классиков XIX столетия; многочисленные реминисценции отсылают к кровавым страницам истории, которые уравновешиваются *эстетически*: «Стихи сняли у меня всю «тяжесть с плеч», и моя ненависть сменилась горькой жалостью и ко всем жертвам России, и ко всем палачам, вынужденным заниматься своим подлым делом» [5, 158].

Композиция книги воспоминаний свидетельствует о том, что перед нами «проза поэта» («что в памяти моей…»), повествование не подчинено строгой хронологии, а ориентировано на свободные ассоциации автора. Перед нами притягательный, интригующий текст, написанный языком «диким», без «гладкописи», представленный сцеплением ряда эмпирических образов и их эмоциональным переживанием. Прозаический текст содержит поэтические вставки, содержащие неожиданную, часто «колкую», но очень органичную аллитерацию (вспоминается характеристика, данная в свое время К. К. Случевскому — «невоспитанный талант» — что указывает на самодостаточность и «самостоянье» поэта): «На осле я поехал бы в Осло, / Но на Висле нужнее мне вёсла. / И когда я услышу крики, / Поверну свою лодку к Риге…»

Прочитав книгу «Сергей Иванович Чудаков и др.», читатель не только получит исчерпывающую информацию об искусстве (поэзии, живописи, театре) и быте второй половины XX века, но и увидит связь творчества наших современников и художников отдаленных эпох (например, в остроумном сопоставлении поэтов «пушкинской поры» и *наших* «шестидесятников»), что обобщается в одном из стихотворений Прыгунова: «В какой-нибудь значительный момент / ты волен изваять свой монумент / и написать автопортрет в пейзаже, / не опасаясь обвинений в краже / сюжета у Мане или Ватто: / сугроб, ты в валенках, с бутылкой и в пальто…» («Мы все с пеленок взращиваем смерть») [6, 48].

Обращается Прыгунов и к малым эпическим жанрам, так, в 2019 году был опубликован его рассказ «Теща» («Звезда», № 4), где перекликаются сиюминутное, бытовое (сродни анекдотам «про тещу») с вечным — христианским гуманизмом. По законам «центростремительного» жанра рассказа, в его основу закладывается *случай*, «понимаемый как некая часть, по которой восстанавливается целое, делается вывод об этом целом» [7, 49–50]. Что же легло в основу единичной «ситуации» в рассматриваемом рассказе (а начинается он следующим образом: «Мы с ней возненавидели друг друга, с первого взгляда. В первые же секунды нашего знакомства каждый

из нас понял, что принять наименьшую частицу бытия другого значило бы отказаться от всей своей собственной жизни»), которая выделяет частный случай из обыденности и указывает на его исключительность? Итак, главный герой и его теща — враги, непримиримые противники не только в пространстве «тесной кухни», но и в сферах политики, этики и морали. Теща гордилась тем, что «громила» и даже «расстреливала» (!) врагов всех видов («эсеров, троцкистов, правых, левых и остальную «контру»»), а своему зятю нередко посылала следующее приветствие: «Эх, попался бы ты мне в тридцать седьмом!». Но так как «поле боя» отстояло от 1937 года на несколько десятков лет, то Глафира ограничилась доносами в официальные органы на политически «незрелого», непатриотичного зятя, что не мешало ей, орденоносной (!), спекулировать советскими бриллиантами и кубинскими сигарами во время визитов к одной из дочерей в Венгрию.

Однако стремительно приближается *случай*, который перенесет отношения двух персонажей из сфер анекдотических («я поклялся себе, что я ее убью») в высшие. Однажды ненавистная Глафира Григорьевна упала и приготовилась покинуть этот мир, а враждебный зять, вопреки своим планам мести, принялся ее спасать и проникся к ней христианским состраданием. Здесь очень своевременно подоспела и приличествующая случаю деталь: мейсенский подсвечник с ангелом, который улыбался. Но и здесь не обошлось без уравновешивающей иронии: слушая трансляцию «очередного съезда», теща поднялась с больничной кровати и произнесла свои *последние* слова: «Леонид Ильич мне сказал: “Встань и иди!”» (вспоминается аналогичная ситуация в классическом «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева). Парадоксальное «соединение несоединимого» в сферах быта и истории не раз подчеркивается и в поэзии Прыгунова: «Стоит безрукий пионер / напротив безголовой церкви, / как восхитительный пример / всей эпохальной переделки» [6, 37].

В 2020 году была опубликована ранняя повесть (создавалась в 1967 году) Прыгунова «Осипов и фея» («Звезда», № 3) с подзаголовком «Повесть для кино в стиле ретро». В данном случае действительно соединились два жанра. С одной стороны, это повествование о любви, быте, несчастье Художника, и литературные (видовые) законы устремлены к тому, чтобы «вывести всех героев на одну пространственную плоскость», где для всех «время предстало в циклически завершенном виде» [7, 48]. Главный персонаж повести, подобно сказочному, имеет определенное *задание* (встретить свою фею, а затем, может быть, потерять ее), все остальные либо помогают ему, либо мешают (пропповские «вредители»). Родство с волшебной сказкой поддержано не только тем, что Осипов действительно встречает фею, но и тем, что он сам сочиняет сказку. «Вредители» (как и друзья-помощники), разумеется, не дремлют и выполняют свою функцию — актуализируют мотив «нарушения целостности тела»: «Его били остервенело, как классового врага, и после каждого удара в мозгу у Осипова мелькали картинки, вовсе не соответствующие этому моменту: Лена, вторая Лена-Галя, Татьяна, Силин и снова Татьяна, говорящая ему в такт ударам: “Я…тебя…люблю…”».

С другой стороны, *повесть* соединилась с элементами *драмы*, появляются добавившие динамики двойники (Лена — Галя), острая коллизия разворачивается благодаря конфликтным парам (Силин — Наталья, Татьяна — француз Ги). Текст произведения строится как реплики в пьесе, и за порой абсурдными фразами («рыба новая», «обувь мужества», «продовольственный зоопарк») предстает узнаваемая реальность.

Фильм по данному сценарию, на наш взгляд, хорошо бы снимать в Петербурге не только благодаря топонимам (стрелка Васильевского острова, Дворцовая площадь, мост Лейтенанта Шмидта и пр.), но и вследствие ощущаемого петербургского (ленинградского) духа, особого «остранения». «Кинематографическая» природа повести поддержана профессиональными устремлениями автора-киноартиста, которые проявляются и в стихотворении: «Бесстрашный Робин-Гуд / (и он же — Эррол Флинн / у многих нас зажгут / в сердцах неугасим / Луч Благородства! / Как у всех мужчин / «трофейного кино» — / во время самого / свирепого уродства)» [6, 53].

Очевидно, что в повести «Осипов и фея», как в процитированном стихотворении «Апреля дребедень» (2010), соединились Искусство, Любовь и жестокость — «время самого свирепого уродства». Кстати, рядом с текстом стихотворения в сборнике помещен элегантный портрет (работы Прыгунова) знаменитого саксофониста, композитора, актера, писателя Алексея Козлова, ибо «Кто как вино, / глотал кино / сороковых, / тот навсегда был опьянен / звенящим джазом!» [6, 54].

«Роман-дневник» — так определен жанр произведения Прыгунова «Бежать, бежать!», вышедшего в 2021 году (журнал «Звезда», № 11). Эти дневниковые записи интересны по многим причинам, отметим, что ценность состоит и в том, что автор спустя десятилетия не стал их редактировать («причесывать»), поэтому «непричесанные» жизненные впечатления (1970–1990 годов) являются настоящим *документом* эпохи, в котором явственно слышится *пульс человека*. Против того, что это *роман*, также нет возражений, так как показано становление личности в стремительно меняющейся (не застывшей) действительности. О рефлексии, анализе собственной жизни свидетельствует следующий фрагмент, датированный «16 апреля 1975 г.»: «Сегодня 71 год со дня рождения моего отца. 26 лет живу без него. Будь он жив, моя жизнь повернулась бы иначе. Луч-

ше? Хуже? Не знаю. Одно определенно: я был бы более приучен к труду. Невозможный лентяй: быстро устаю, не умею делать черную работу. Хочу научиться живописи — надо работать». Действительность (география, философия, искусство), как и положено в романе, представлена широко и динамично: идет речь о событиях в Коктебеле, Воронеже, Екатеринбурге, автор рассуждает о Шопенгауэре, Кьеркегоре, говорит о творчестве и личных качествах современных поэтов (от И. Бродского до Е. Исаева), фильмах режиссеров — Копполы, Гайдая, Иоселиани, Данелии. Герой дневника много путешествовал, поэтому можно встретить интересные лондонские впечатления («…в первую же неделю я познакомился с чудесным Севой Новгородцевым, который тут же пригласил меня в свой “Севооборот”») или американские: «21.3.89. (Лос-Анджелес). Америка начинает раздражать, особенно здесь, на юге. Жадность, preoccupations одними своими деньгами — и от этого почти полная бессмысленность существования».

Нет ничего удивительного в том, что молодой и талантливый Художник хотел покинуть «социалистический рай» и найти свободную страну, «где так вольно дышит человек». Как известно, одни деятели культуры уехали, другие уехали и вернулись, а многие, побывав в «чудесных странах», столкнулись с такими явлениями, которые невозможно принять. Годы спустя люди осознают, что сталкиваются не только с проблемами внешнего мира, но и с теми, которые «носят в себе», преодолевая, поэтому следующее глубоко личное признание автора дневника отражает мысли, настроение, чувства «не уехавших», оставшихся «дома»: «А вот это я считаю самым главным. Я прожил фантастическую, интереснейшую, безалаберную, но свободную и счастливую жизнь!».

Безусловно, рассматриваемый «роман-дневник» представил вариант вечного конфликта Художника и *власти*, который обусловил многие потери и обиды, но вывод, сделанный зрелым человеком, поражает своей объективностью и глубиной: «И что бы ни случилось в дальнейшем <…> я, на миллион процентов верящий в бесконечные реинкарнации, точно знаю, что моя безумная мечта — сбежать в СВОБОДНУЮ СТРАНУ — осуществится в моей будущей жизни, а именно — в одном из следующих воплощений я вернусь в СВОЮ РОССИЮ…»

Итак, анализ произведений Л. Г. Прыгунова, написанных в разное время и увидевших свет в 2010-х — начале 2020-х, показывает, что автор выступает как активный писатель, его творчество реализуется в различных жанрах. «Концепированный автор» (творец как «точка зрения») предлагает поразмышлять над важнейшими проблемами: взаимоотношения разных поколений, искусство андеграунда и официоза, упомянутая проблема «Художник и власть». Что касается черт автора *биографического*, то это человек широко образованный, свободный, одаренный, и его позиция импонирует читателю уже потому, что его заявление «…безгранично люблю страну Россию» — искреннее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург.— Л.: Художественная литература, 1977.— 448 с.
2. Лесаж А. Р. Похождения Жиль Бласа из Сантильяны / А. Р. Лесаж.— М.: Правда, 1990.— 768 с.
3. Пинский Л. Е. Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Гарсиа, В. Скотт / Л. Е. Пинский.— М.: Советский писатель, 1989.— 416 с.
4. Плутовской роман XVI–XVII веков.— М.: Фирма АРТ, 1992.— 590 с.
5. Прыгунов Л. Г. Сергей Иванович Чудаков и др. / Л. Г. Прыгунов.— М.: ЭКСМО, 2018.— 416 с.
6. Прыгунов Л. Г. Стихи о неизбежном / Л. Г. Прыгунов.— М.: ПРОБЕЛ-2000, 2014.— 136 с.
7. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев.— Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982.— 155 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Борисова У. Ю. кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

Bondarenko V. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature

Borisova U. Y., Candidate of Philology, assistant of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

УДК 070

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО КРИТИКА И БЛОГЕРА ВАЛЕНТИНЫ ЛЬВОВОЙ

Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р. П. Баканов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 22 марта 2022 г.

Аннотация: *авторы статьи изучили 50 медиатекстов Валентины Львовой — одного из блогеров сайта газеты «Комсомольская правда» с 1 января 2020 по 20 марта 2022 гг. Были применены методы содержательного, проблемно-тематического и лексико-стилистического анализа статей.*
Ключевые слова*: публицистический образ, медийный герой, заголовок, блогер, известная личность, телевидение, типизация, «Комсомольская правда», Валентина Львова.*

Abstract: *the authors of this article studied 50 media texts by Valentina Lvova — one of the bloggers on the website of the newspaper Komsomolskaya Pravda from January 1, 2020 to March 20, 2022. The methods of content, problem-thematic and lexical-stylistic analysis of articles were applied.*
Keywords: *journalistic image, media hero, headline, blogger, famous personality, television, typification, "Komsomolskaya Pravda", Valentina Lvova.*

Эмпирической базой нашего исследования стали 50 публикаций колумниста Валентины Львовой в ее персональном блоге на сайте интернет-издания «Комсомольская правда» за период с 1 января 2020 г. по 20 марта 2022 г. [1] Этот автор менее известен, чем знаменитые блогеры, но публикуется в газете более десяти лет, имеет собственный, часто оригинальный взгляд на проблемы современного общества и способен оказать определенное воздействие на аудиторию при формировании у нее публицистического образа конкретных персон или места действия. При выполнении исследования мы использовали методы содержательного, проблемно-тематического и лексико-стилистического анализа публикаций В. Львовой.

Качество формирования и репрезентации медиаобразов героев в современных отечественных и международных массмедиа и роль СМИ в транслировании, а иногда и навязывании общественности с помощью конкретных медийных образов героев определенных установок, моделей поведения и ценностей в последние годы все чаще становятся предметом научных исследований и публикаций. Так, Е. В. Иванова отмечает, что «сегодня именно через каналы СМИ осуществляется трансляция образов, образцов, новых символов, и именно они в эпоху информационного общества являются наиболее действенными» [2, 38]. Этот же автор подчеркивает, что «образ героя СМИ способствует распространению моделей поведения» [2, 39]. Помимо этого, медийный образ героя способствует еще и формированию определенных, как положительных, так и отрицательных чувств и настроений среди аудитории, способствуя укреплению некоторых жизненных установок человека. Особенности трансформации героической парадигмы в современном медийном дискурсе на материале локальных СМИ представили в своей статье А. В. Таскаева и С. А. Питина [3, 2215]. Сделав обзор научных подходов к определению медийного героя, авторы замечают следующее: «Грань между медийной персоной и медийным героем постепенно становится едва уловимой. Это связано с тем, что в условиях развития медиакоммуникационных возможностей именно медийные личности транслируют те или иные ценности, устанавливают образцы поведения посредством своих медийных образов и реального поведения, то есть выполняют функцию героев. Так, медийный герой воспринимается как известная публичная личность, которая использует свою популярность в целях решения не только социально значимых, но и собственных задач, привлекая внимание неожиданными, даже эпатажными поступками, внешним видом, особенностями языковой личности» [3, 2216].

Исследование компонентов, составляющих имидж медийного персонажа в дискурсе светской хроники, представлено в научной статье А. В. Лысевской. «На сегодняшний день не существует конкретных образцов, рамок, которые бы гарантировали человеку известность и популярность у широкой аудитории,— считает автор статьи.— Каждый отдельный имидж — уникальное явление, которое создается в том числе за счет языковых и внеязыковых факторов: от продвигаемой уникальной чер-

© Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Баканов Р. П., 2022

ты через механизм самореализации к выбору роли и маски, в зависимости от требований, предъявляемых нормами социального коммуникативного пространства» [4, 48].

«Современного героя, не носящего “громкого имени”, найти непросто»,— полагает Е. В. Зеленина [5, 35]. В своей обзорной статье она, опираясь на результаты научных изысканий отечественных исследователей, подробно изучила генезис терминов «портрет», «образ», «имидж» героя в медийном пространстве, представила классификацию портретов героев и разобрала основные жанровые формы современной портретной журналистики [5]. Генезис понятия «публицистический образ», перечисление выявленных теоретиками функций публицистического образа, обозначение основных подходов к его классификации, а также наиболее значимые подходы к определению понятия «медиаобраз» содержится в обзорной статье Д. А. Шевцовой. По ее мнению, «в современном научном дискурсе понятие “публицистический образ” постепенно вытесняется более широким понятием “медиаобраз”, однако определение последнего размыто и нуждается в уточнении» [6]. Изучением вопросов и проблематики, связанной с видами и слагаемыми публицистического образа и медиаобраза, его влиянием на аудиторию, в разные годы занимались многие исследователи. В частности, широко известна классификация публицистического образа, предложенная М. И. Стюфляевой: образ-факт, образ-модель и образ-концентрат, каждый из которых также имеет свои подвиды [7].

Таким образом, в настоящее время исследователями, на наш взгляд, на теоретическом уровне достаточно тщательно изучен вопрос формирования публицистического образа медийных героев и его (образа) разновидностей. Но какие из слагаемых формирования медиаобразов героев в настоящее время СМИ используют регулярно, а какие эпизодически? О каких героях чаще или реже рассказывают общественности журналисты и блогеры? Медийные тренды изменяются достаточно быстро, герои вчерашних дней могут уступить дорогу тем, кто, по мнению журналистов или медиаменеджеров, более соответствует нынешним реалиям и ожиданиям аудитории. Потому мы считаем, что необходимо продолжать выявлять и изучать слагаемые и творческие приемы формирования образов современных медиагероев, а также «продвигаемые» ими стереотипы или определенный стиль жизни.

Обратившись к творчеству В. Львовой на сайте «Комсомольской правды», мы установили, что каждая из 50 отобранных для изучения публикаций написана по информационному поводу. Чаще всего ими становились юбилеи, а также кончины писателей и музыкантов, гораздо реже (таких работ всего 17) — проблемные ситуации, связанные с качеством передач некоторых федеральных телекомпаний. Уже при знакомстве с заголовками к ее текстам становится понятно, что данный автор выполняет функцию популяризатора или просветителя, нежели чем телевизионного критика. Исходя из формата издания, в центре внимания колумниста оказались только известные люди, способные привлечь внимание широкой и массовой аудитории. В публикациях, приуроченных к памятным датам, формировался только медийный образ творческой личности, а в редких текстах о ТВ происходило конструирование собирательного публицистического образа современного федерального телевидения.

Формирование медиаобраза героя каждой своей публикации В. Львова начинала уже в заголовке, подчеркивая необычность персоны: «Виктор Гюго — гений с повадками Дон Жуана»; «Мнимый Мольер: его хотели сжечь за “Тартюфа” и запрещали хоронить»; «“То ли ведьма, то ли святая”: кем была Жана Д’Арк»; «Падший ангел по фамилии Делон» и т.д. Взгляд колумниста устремлен чаще в прошлое, чем в настоящее: о современных персоналиях речь шла лишь в 17 из 50 публикациях — наверное, так интереснее самому автору, да и безопаснее с точки зрения драматургии обсуждений. Мы выявили преобладание информационных заголовков (38) над образными (12), но все они при своей простоте изложения содержали интригу, чтобы заставить читателя открыть текст и прочесть его. Ориентирование формата «КП» на массовую аудиторию выражалось в том, что практически в каждом из заголовков имелась интересная подробность о персоне, и она (подробность) задавала тематику повествования. От читателей требовалось только дочитать и запомнить. Однако до скандальных и «желтых» названий медиатекстов за период нашего изучения дело не дошло. Иногда для того, чтобы заголовки сразу «зашли» аудитории, автор обращалась к рифме, а также к иронии (например, «Без вертикального шпагата у Насти не ума палата») или к таким приемам, как трюизмы («Александр Блок умер от смерти», здесь обращение к воспоминаниям В. Ходасевича, который о поэте именно так и сказал, но в заголовке эта фраза не оформлена в качестве цитаты, несмотря на то, что в тексте ссылка на этого литературного деятеля присутствует), двусмысленность («Эмиль Золя действительно угорел») или провокация («Я в заложники пошел, пусть меня захватят», в данном примере также применен прием перифраза известной цитаты «Я б в рабочие пошел, пусть меня научат» стихотворения В. Маяковского «Кем быть»).

Заинтриговав аудиторию, В. Львова не принималась убеждать ее в том, что объект ее внимания — незаурядная, творческая личность (это вряд ли подлежит сомнению), а старалась нестандартно пересказать его биографию. Из всех изученных публикаций в подавляющем большинстве (41) формировался образ личности как творца. Наше исследование по-

казало, что в первую очередь это достигалось за счет публикации малоизвестных широкой аудитории фактов. Так, начиная разговор об А. Блоке, колумнист уже в первом абзаце представила будущего поэта как творческую личность. Когда ему было 13 лет, он выпускал рукописный журнал «Вестник», в котором появлялись переводы, рассказы и рисунки мальчика, а также пародийные рекламы и объявления. Блогер акцентировала внимание читателей на разделе «Обиходная рецептура» со статьей «Как отрезать волку хвост, не причиняя ему ни малейшей боли». Всего юный А. Блок создал 37 номеров журнала, а редактором была его мама. И бабушка помогала иногда. В следующей краткой части мы узнаем о том, почему мальчик носил такую фамилию, и от кого она ему досталась. В трех следующих частях мы не только вкратце знакомимся с биографией А. Блока (где работал, на ком женился, как развивал свой творческий дар), но и чувствуем оценку некоторых его произведений со стороны В. Львовой: «Но, как бы это ни было грустно, сборник “Стихи о России” — это очень чутко и очень честно (и красиво), но блоковские “Прекрасная дама” и “Незнакомка” всегда пользовались большей популярностью» [8]. И снова «деталь»: «“Незнакомка” была настолько известна, что все съемные барышни Невского проспекта могли сказать фразу: “Карандашик, угостите Незнакомочку, я прозябла”. <…> Популярность Блока в те годы сравнима с популярностью нынешних звезд» [Там же]. Во второй половине текста В. Львова упоминает А. Луначарского и М. Горького, которые «пытались отправить Блока за границу, но не успели», тем самым, на наш взгляд, формируя положительные образы каждого из них. Также читатели узнают о графике, иллюстраторе поэмы «Двенадцать», который «сперва был в восторге от стихов, а потом стал не только другом Александра Блока, но и тем человеком, который нарисовал его в гробу». Блогер цитирует его воспоминание: «Я провел наедине с трупом Блока не менее двух часов. Сначала я плакал, потом рисовал его портрет» [Там же]. Мы считаем, что выбранные автором статьи эпизоды направлены на формирование положительного образа этого человека.

Прием упрощенной подачи информации и акцентирование внимания аудитории на некоторых из фактов, которых нет в «Википедии»,— основной в творчестве В. Львовой за период нашего исследования. Любовь, творчество и понимание мира героем публикации — на эти направления она делала акцент. Несколько публикаций (например, о чемпионе мира по шахматам В. В. Смыслове, писателе М. М. Жванецком, киноактерах и режиссерах А. Б. Джигарханяне и М. А. Захарове, телеведущем В. К. Молчанове и др.) основаны на воспоминаниях автора о личных встречах с ними во время проведения интервью или вне рамок профессиональной деятельности. Все они подробно пересказывались, каждого из своих собеседников В. Львова охарактеризовала как обычных, интеллигентных, приятных в общении людей, мастеров своего дела. Блогер говорит о том, что каждый из них для нее — личность, великий человек, которым не чуждо ничто человеческое: «Василий Смыслов в моих воспоминаниях — человек закрытый, который очень хочет петь. И я не знаю как, но в 1996 году Василий Смыслов стал звездой Большого зала Московской консерватории. Он дал сольный концерт, и зрители слушали его так, как когда-то все рассматривали записи его шахматных партий. <…> Что он делал? Как он ЭТО делал? Это такая же непонятная история, как и его книга “Тайны ладейного эндшпиля”. А мне в завершение интервью он сказал следующее — “Извините, я тут не доиграл с одним мальчиком”» [9]. Таким образом, в данных публикациях использовался *прием типизации*: герой как все.

На фоне положительных медийных образов известных личностей В. Львова формировала отрицательные портреты федерального телевидения и всех связанных с ним персон. В основном негативный образ конструируется за счет отношения колумниста к качеству содержания некоторых разножанровых передач: от телеверсии вручения музыкальной премии «Шансон года — 2021» («Очень смеялись, очень. Треш фантастический. <…> Но, может, закрыть уже лавочку? <…> Вслушайтесь, пожалуйста, что именно вы поете!» [10]) и российских сериалов, в которых показывают одних и тех же актеров («Я радуюсь успехам актера, но поймите: так со зрителем нельзя. <…> Нам и так говорят постоянно, что самоизоляция приводит к странным последствиям, так что экстренное поседение человека в течение дня может привести к любым расстройствам психики» [11]), до критики А. Волочковой, которая в «Своей игре» задавала знатокам вопросы исключительно о своей карьере («Я не знаю, с чем это сравнить. Может, с той параллельной реальностью, где Архимед проверяет верность своего закона в джакузи? [12]). Как и в текстах о выдающихся творческих личностях, авторская тональность повествования была сдержанной, использовались публицистический и разговорный стили языка. Основная форма подачи информации — скрытое удивление, то есть блогер, рассказывая конкретную историю своего отношения с ТВ, обращается и к аудитории, и к телевизионным менеджерам со скрытыми вопросами: «Как так можно? Когда это закончится?» При этом в каждом из текстов о качестве телепередач всегда было формирование публицистического образа однотипных героев сериалов, которых в разных проектах зовут оригинально, но роли и поведение у них почти всегда одинаковые, а также собирательного образа федерального телеэфира, где всегда стреляют-убивают, показывают что-то неприличное, навязывают плохие ценности (алчность и т.д.) или поют шансон. Публикаций, содержащих хоть что-нибудь положительное

в практике вещания современного федерального ТВ, за период исследования мы не выявили.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что, во-первых, В. Львова — блогер сдержанный, применяющий в своем творчестве всего два приема формирования публицистического образа героев. За период нашего исследования мы выявили только прием упрощенной подачи информации и акцентирование внимания аудитории на некоторых малоизвестных фактах биографии известных людей, а также прием типизации, с помощью которого колумнист старалась дать понять аудитории, что каждый из героев ее публикаций — личность, которой не чужды человеческие привычки и инстинкты. То же самое относится и к выбору объекта внимания на федеральных телеканалах. Читая тексты данного автора, можно почувствовать себя участником телешоу, в котором обсуждается любовь, отношения, творческие взлеты и неудачи известных людей. Однако выбранная тематика, на наш взгляд, позволяет колумнисту и редакции «Комсомольской правды» рассчитывать на то, что без внимания аудитории эти публикации не останутся.

Во-вторых, малый объем текстов (в среднем около четырех тысяч знаков с пробелами) не позволял В. Львовой в полной мере сформировать портрет личности или определенного явления: аудитория получила лишь штрихи к портрету, небольшие этюды, из которых, впрочем, получала достаточные сведения для того, чтобы составить свое мнение о героях выступлений блогера. Чтобы привлечь больше аудитории, автору необходимо регулярнее, а не один-два раза в месяц и реже, публиковать свои тексты, а также тематически разнообразить свой творческий «репертуар».

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив публикаций В. Львовой / В. Львова // Комсомольская правда.— 2020–2022.— Режим доступа: https://www.msk.kp.ru/daily/author/2980/ (дата обращения: 20.03.2022).

2. Иванова Е. В. Мифологическое смыслообразование: образ культурного героя: автореф. дис. … д-ра филос. наук / Е. В. Иванова.— Екатеринбург: УрГУ, 2005.— 49 с.

3. Таскаева А. В. Трансформация образа героя в медийном дискурсе / А. В. Таскаева, С. А. Питина // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— 2021.— Т. 4.— Вып. 7.— С. 2215–2220.

4. Лысевская А. В. Имидж медийного персонажа / А. В. Лысевская // Magister Dixit.— 2015.— № 3 (19).— С. 45–52.

5. Зеленина Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты / Е. В. Зеленина // Вопросы теории и практики журналистики.— 2014.— № 2.— С. 33–52.

6. Шевцова Д. А. От публицистического образа к медиаобразу: движение научной мысли / Д. А. Шевцова // Современные проблемы науки и образования.— 2015.— Вып. 2.— Ч. 3.— Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=23609 (дата обращения: 20.03.2022).

7. Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева.— М.: Мысль, 1982.— 176 с.

8. Львова В. Александр Блок умер от смерти / В. Львова // Комсомольская правда.— 2020.— 28 нояб.— Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/21712092/4328763/ (дата обращения: 20.03.2022).

9. Львова В. «Извините, я не доиграл»: 100 лет назад родился чемпион мира по шахматам Василий Смыслов / В. Львова // Комсомольская правда.— 2021.— 24 марта.— Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27255/4386362/ (дата обращения: 20.03.2022).

10. Львова В. Письмо из дачного поселка в редакцию / В. Львова // Комсомольская правда.— 2021.— 16 авг.— Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/28317/4460432/ (дата обращения: 20.03.2022).

11. Львова В. Как причудливо тасуется колода: В российских сериалах показывают одних и тех же актеров, которые меняются ролями в одних и тех же интерьерах / В. Львова // Комсомольская правда.— 2021.— 13 авг.— Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/28317.5/4458971/ (дата обращения: 20.03.2022).

12. Львова В. Без вертикального шпагата у Насти не ума палата / В. Львова // Комсомольская правда.— 2021.— 28 июня.— Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/28296/4435976/ (дата обращения: 20.03.2022).

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, аспирант кафедры национальных и глобальных медиа

E-mail: waledd.1994@yahoo.com

Баканов Р. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа

E-mail: rbakanov@yandex.ru

Kazan (Volga Region) Federal University

Al-Baydani Walid Abdulkarim Said, Postgraduate Student of the National and Global Media Department

E-mail: waledd.1994@yahoo.com

Bakanov R. P., Candidate of Philology, Associate Professor of the National and Global Media Department

E-mail: rbakanov@yandex.ru

УДК 070

КУЛЬТУРТРЕГЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КУЛЬТУРА»)

С. А. Базикян

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 11 марта 2022 г.

Аннотация: *в статье на основе обобщения научных исследований в области проблематики культуртрегерства анализируется функция СМИ как популяризатора культуры. Рассматриваются основные пути донесения культурно-просветительского контента до целевой аудитории в газете «Культура». Выявляются наиболее эффективные способы и формы взаимодействия журналистов с читателями и изучается вклад издания в популяризацию отечественных и мировых культурных традиций и новаций.*
Ключевые слова: *культуртрегерство, журналистика, просвещение, проектное мышление.*

Abstract: *the cultural function of the media is analyzed mainly in linguistics and literary criticism, in media theory. These studies prove that the media, aimed at the full realization of the cultural tracker function, are not limited to covering news from the field of culture — their activities are multifaceted: from the initiation and creation of art performances, to the opening of public organizations and scientific and educational courses. The purpose of this article is to identify the cultural potential of the «Kultura» newspaper, one of the oldest periodicals in Russia. Based on the synthesis of scientific research in the field of cultural registration, the function of the media as a popularizer of culture is analyzed here.*
Keywords: *culture, journalism, education, project thinking.*

Если в современной прикладной культурологии и в целом в обществоведческой мысли медиа и культура рассматриваются с точки зрения инструментов воздействия современной медиакультуры на индивида, механизмов порождения техногенной цивилизацией новых мировоззренческих установок, то в данном исследовании сделан акцент на анализе культурной проблематики в медиа, способов донесения этого контента до целевой аудитории, на выявлении приоритетных и «запретных», замалчиваемых тем, на исследовании специфики коммуникации между авторами и адресатами.

Феномен культуртрегерства является предметом изучения культурной антропологии и психологии творчества, где культуртрегер выступает как активная личность, создающая и трансформирующая культурное пространство, подлинный герой культуры. Это писатели, художники, критики, режиссеры, импресарио и т.д. Культуртрегерский потенциал современных СМИ достаточно подробно рассматривается в литературоведении и языкознании. О. Н. Скибинская анализирует культуртрегерскую составляющую в реализации концепции региональных литературных периодических изданий. Она отмечает, что культуртрегеры не должны замыкаться исключительно на трансляции культурных произведений (это явление автор называет пагинацией), а должны инициировать организацию резонансных арт-событий, открытие культурно-просветительских центров. Но, как справедливо пишет исследователь, в большинстве региональных культурных изданий пагинация является «не просто основной, но остается первой и последней» функцией [1, 356].

Обобщая, можно дать характеристику основных черт культуртрегерской деятельности:

— проектное мышление — стремление выйти за рамки традиций, не боясь творческих экспериментов, «способность изменить линию будущего в развитии искусства, науки, философской мысли; потребность уходить от нормы, уважая ее» [2, 4257];

— бескорыстное служение искусству;

— способность не только творить произведения культуры, но и создавать яркие, значимые арт-события, предоставляющие возможность вовлеченного участия аудитории, артикулируя таким образом общественные идеалы.

Таким образом, культуртрегерская деятельность — сложный коммуникативный процесс; он не ограничивается банальным тиражированием произведений искусства, а вовлекает широкую аудиторию в современное культурное пространство, превращая ее из пассивной наблюдательницы в активную созидательницу. Культуртрегер — это человек, популяризирующий национальную культуру в целом и отдельные ее элементы в частности, например музыку, литературу, живопись, словесность, историю с помощью многообразных инструментов (лекции, шоу, фестивали, презентации, издательская

© Базикян С. А., 2022

деятельность). Зачастую он оказывается на «вторых ролях» и его культуротворческий потенциал реализовывается не столько в создании культурного продукта, сколько в умении следовать новым тенденциям и открывать их для публики, отделяя зерна от плевел, содействовать прогрессу искусства, умело согласовывая новое и традиционное.

Культуртрегерская функция СМИ анализируется, преимущественно, в языкознании и литературоведении (Скибинская, Осьминина, Балдин, Метельков), в медиатеории (Затлер, Загидуллина, Артес, Медведева). Эти исследования доказывают, что СМИ, нацеленные на реализацию культуртрегерской функции в полной мере, не ограничиваются освещением новостей из сферы культуры — их деятельность многогранна: от инициации и создания арт-перформансов до открытия общественных организаций и научно-просветительских курсов. Обобщение исследований в этой области дает возможность разработать **алгоритм анализа культуртрегерской функции** современных СМИ. Это:

— анализ концепции издания (миссия, аудитория, функции, содержательное наполнение);

— «проектное творчество» СМИ: организация резонансных культурных акций, событий;

— коммуникативная составляющая издания: автор и адресат, взаимодействие с аудиторией;

— ведущие ньюсмейкеры, создающие повестку дня в издании, пути формирования образа культуртрегера.

Данный алгоритм позволяет выявить культуртрегерский потенциал не только традиционных, но и новых медиа [3].

На основе обобщения научных исследований в области проблематики культуртрегерства анализируется функция СМИ как популяризатора культуры. Контент-анализ материалов газеты «Культура» за три месяца (с 01.07.2021 по 01.10.2021) позволил выявить ключевые темы и жанры газеты.

Концепция. У газеты богатые культурно-исторические корни, она является преемницей общественно-политического издания, основанного в 1929 г. Идейная специфика газеты проявляется уже в том, как менялось ее название на протяжении нескольких десятилетий: «Рабочий и искусство» (1929–1931 гг.), «Советское искусство» (1931–1942), «Литература и искусство» (1942–1944), «Советское искусство» (1944–1953), «Советская культура» (1953–1991). В 30-е гг., период урбанизации, массового переезда людей в большие города, издание стремилось приобщить горожан к духовным ценностям: «Их нужно было «окультуривать» — давать общие стандарты поведения в новой среде. Тогда как раз появилась идея создания парков культуры и отдыха, дворцов культуры и других организаций «коллективного» характера» [4]. Кроме того, в газете того времени освещались культурные достижения не только республик Советского Союза, но и творческие открытия зарубежных социалистических стран — надежда на мировую революцию угасает — нужны новые смыслы — газета приобретает более узкую направленность и сосредотачивает внимание на социокультурных тенденциях России. Начиная с перестроечной эпохи газета расширяет тематику контента: культура переплетается с широкой общественно-политической повесткой. Нужно отметить, что на сайте «Культуры» выложен архив номеров газеты начиная с 1950 г., что позволяет проследить динамику развития издания.

Газета всегда позиционировала себя как общественно-политическое издание, но сегодня редакционная политика поменялась: по словам главного редактора, «Культура» теперь дистанцируется от политики и концентрирует внимание на сугубо культурной проблематике, что в полной мере соответствует названию газеты. «Сейчас на главной странице можно найти политические обзоры, спортивные новости. Наша задача — сконцентрироваться именно на культуре, пусть и в широком смысле. Конкретизировать — зачем, для кого и как она существует» [4]. Интересна трактовка главным редактором феномена культуры, он отмечает, что это, прежде всего, формирование мировоззрения, поиск смыслов: «Каких смыслов? Как бы ни смеялись циники — по улучшению человека» [4]. Но, опять же, подобная дефиниция слишком абстрактна и не выявляет сути явления, что лишний раз доказывает сложность трактовки такого всеобъемлющего понятия, как культура. Отсюда и размытое представление о целевой аудитории, по версии главного редактора, это — читатель, ищущий смыслы. Какие именно смыслы ищет читатель, Петр Власов не уточняет, добавляет лишь, что разная аудитория наполняет разным значением понятие «культура»: для одних — это бизнес, для других — способ развлечения, когда она сводится к афише мероприятий.

Содержательное наполнение. Проанализированный нами трехмесячный период (с июля по сентябрь 2021 г.) позволяет выявить специфику содержательной модели издания. О разнообразии тематики газеты говорят названия рубрик: *Новости, Религия, Выставки, Кино, Страна, Литература, Театр, История, Карта мира, Музыка, Достояние, ТВ, День Победы, Культурная политика*. Но есть общее «ядро», которое скрепляет все тексты в «Культуре» — поиск ответа на вопрос: что есть современная культура? Авторы пытаются понять и объяснить читателю минусы и плюсы современного творческого пространства, сориентировать его в этом пространстве. Каждый номер имеет определенную «архитектуру»: в начале представлен резонансный информационный повод, на последующих полосах он комментируется в таких формах, как интервью с экспертным сообществом (художники, искусствоведы, преподаватели, историки),

зарисовки, исторические очерки. Это так называемая пагинация, по Скибинской, когда издание транслирует арт-продукты, отражая актуальные тенденции современных культурных процессов.

В газете уделяется внимание проблемным моментам отечественного культурного пространства: литературной критике, книжному издательству. Так, литературный критик Е. Коновалов делает нетривиальный вывод о том, что в России роль критика утрачивает свои былые позиции. Серьезные экспертные оценки литературных произведений оказываются невостребованными, книжные новинки скупают благодаря упоминаниям о них популярных блогеров, когда «“донна Берта” пубертатного возраста или какой-нибудь “сэр Мартино” от хип-хопа с важным видом озвучивают на многомиллионную аудиторию свои впечатления о Шекспире, Бетховене или Данте» [5]. Блогеры с многомилионной аудиторией, далекие от литературы, оказываются для молодой аудитории гораздо более авторитетными, нежели профессиональные литературоведы. «Задача экспертной оценки и построения качественной иерархии, сама по себе трудная, не находит ни малейшего отклика. Что характерно, даже у самих подопытных авторов, которые нынче сплошь сами себе гении и редко склонны оглядывать себя критически. Говорят, это, как и скромность, мешает продвинуться. Сейчас каждый сам свой читатель и сам себе критик» [5].

Проектное творчество. Газета, как истинный культуртрегер, не ограничивается пагинацией, а активно преобразовывает культурное пространство, являясь, по утверждению редакции, активным инициатором культурных акций. «Ведется активная работа с провинциальными изданиями и журналистами, пишущими о культуре: семинары, совместные проекты. На базе газеты “Культура” работает “Агентство культурной информации”, распространяющее новостную ленту о культурных событиях в российских регионах. “Культура” является информационным спонсором многих акций и мероприятий в области российской культуры, таких как конкурс П. И. Чайковского, кинофестиваль “Литература и кино” в г. Гатчина и других» [6]. Но встает вопрос о резонансности проводимых «Культурой» мероприятий, так как они не представлены в медийном пространстве.

Коммуникативные аспекты. Авторы и адресаты. Помимо журналистов и публицистов, авторами газеты являются представители профессионального сообщества в сфере культуры: писатели, литературные критики, арт-теоретики. В качестве экспертов привлекаются художники, культурологи, педагоги, искусствоведы. Но, несмотря на широкий круг экспертного сообщества, представленного в газете, многие публикации страдают излишней субъективностью.

Издание стремится привлечь молодежную аудиторию к своему контенту, поэтому здесь достаточно часто появляются публикации, так или иначе связанные с популярными медийными личностями: М. Соколов рассуждает об отношении общественности к ДТП с участием Собчак: «Ксении Собчак трудно добиться от общества сочувствия, потому что добровольно усвоенная ею роль “шутихи”, существа злобного, но острого, не предполагает ничего подобного» [7], а упоминавшийся нами Е. Коновалов, анализируя тенденции развития современной литературной критики, рассказывает о блогерах как о современных «литературных критиках» («Моргерштерн как наследник Белинского»).

Судя по количеству подписчиков в социальной сети «Фейсбук» (4899), издание пользуется популярностью у аудитории. Но интерактив с аудиторией, столь популярный сейчас в медиапространстве, в газете не задействован. Здесь нет тестов, игр, которые очень активно используются в других медиа о культуре. Такой эффективный для традиционных СМИ формат работы с аудиторией, как читательские письма, здесь также отсутствует, но это, видимо, связано с инертностью самой аудитории — «лайков» и репостов, например, в социальных сетях публикации набирают достаточно мало.

В целом издание стремится быть в тренде: помимо печатного формата, газета также имеет онлайн-версию (https://portal-kultura.ru/), представлена в социальных сетях. В печатной версии также активно используются современные формы подачи материалов: инфографика, большое количество иллюстраций, полноцветная печать, коллажи.

Ньюсмейкеры. Популяризация ведущих культуртрегеров, формирование образа «героя времени» — одна из ведущих просветительских функций СМИ о культуре. В анализируемой нами газете есть постоянная рубрика «Гостиная», посвященная «разговорам по душам» со звездами, весьма непохожими друг на друга и являющимися представителями разных культурных областей (портретные интервью с актером Михаилом Боярским, с оперной певицей Анной Нетребко, музыкантом Максимом Леонидовым). Но в издании могут напомнить о себе не только «раскрученные» звезды шоу-бизнеса, но и не столь популярные представители отечественного арт-пространства и руководители общественных организаций, например художник Н. Олейников рассказывает здесь о своем видении перспектив современного искусства и о специфике инициированных им творческих объединений «Что делать?» и «Школы вовлеченного искусства».

Но культуртрегерство весьма неоднозначно: эта деятельность не всегда несет в себе позитивные смыслы, превращая культуру в антикультуру. В одном из выпусков газеты «Культура» разворачивается дискуссия о культуртрегерском потенциале современного искусства. О «токсичности» некоторых современных «произведений искусства» заявляет, например, публицист А. Братерский в зарисов-

ке с красноречивым заголовком «Мнение скептика: ноль смыслов и банан со скотчем» [8]. Автор анализирует культурное значение скульптуры «Большая глина № 4» швейцарского художника Урса Фишера, установленной на Болотной набережной в Москве. По словам Братерского, скульптура представляет собой «пощечину общественному вкусу»: «Ноль, а не единица становится сегодня символом современного искусства. Оно больше не отражает "конца истории", не издевается над советским соцреализмом, как работы Комара и Маламеда, не критикует массовое потребление, как картины Энди Уорхола» [8]. В целом публициста поддерживает и экспертное сообщество: тема комментируется в ряде интервью искусствоведами, которые обращают внимание на утрату смыслов современным искусством. Знаковой, хотя и достаточно парадоксальной оказывается позиция художника Д. Гутова: чтобы понять современное искусство, нужно отбросить культурные конвенции, «нужно подойти к делу проще и посмотреть на все глазами 5–7-летнего ребенка, у которого фантазия еще ничем не скована. Я слышал отзывы детей о *Большой глине*: кто-то видит рыб, прижавшихся друг к другу, кто-то — облака» [9]. В целом показательно, что в газете красной нитью проходит тема антикультуры, т.е. редакция старается осветить не только знаковые позитивные моменты, но и негативные тенденции, происходящие в современной культурной среде, с помощью сопоставительного анализа «ослабления силового поля сегодняшней культуры и того, что происходило в культуре прежде».

Таким образом, общественно-политический еженедельник «Культура» выступает как культуртрегер в современном отечественном творческом пространстве, выполняя задачу актуализации и рефлексии значимых отечественных и мировых культурно-исторических проблем и популяризации «нераскрученных» деятелей искусства, формируя тем самым образ современного культурного деятеля. Но на сегодняшний день свой культуртрегерский потенциал газета полностью реализовать не смогла, так как в последние несколько лет не заявляла о себе резонансными культурными акциями, сконцентрировавшись лишь на «пагинации» (презентации культурных событий, происходивших без участия самой газеты). Тем не менее широкий круг освещаемых тем и анализируемых проблем, поданных доступным языком и презентованных как в традиционных, так и в современных форматах, позволяют говорить о значимости старейшего федерального издания о культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скибинская О. Н. Издательский проект: от потребителя культурных инициатив к создателю традиции / О. Н. Скибинская // Ярославский педагогический вестник.— 2016.— № 1.— С. 355–358.— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/izdatelskiy-proekt-ot-potrebitelya-kulturnyh-initsiativ-k-sozdatelyu-traditsii (дата обращения: 01.03.2022).

2. Скибинская О. Н. Литературное периодическое издание — культуртрегер русской провинции начала XXI в. / О. Н. Скибинская // Ярославский педагогический вестник.— 2016.— № 6.— С. 428–432.— Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=27632240 (дата обращения: 15.04.2022).

3. Колобова Ю. И. Проектное сознание культуртрегера: истоки формирования (на материале культуры рубежа XIX–XX веков) / Ю. И. Колобова // Общество, наука, инновации (НПК-2016): Сборник статей, 2-е изд., испр. и доп., Киров, 18–29 апреля 2016 г.— Киров: Вятский государственный университет, 2016.— С. 4256–4262.— Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=26896688 (дата обращения: 02.03.2022).

4. Культура — это в первую очередь поиск смыслов // Кольта.ру.— Режим доступа: https://www.culture.ru/materials/255166/kultura-eto-v-pervuyu-ochered-poisk-smyslov (дата обращения: 15.04.2022).

5. Коновалов Е. Моргенштерн как наследник Белинского / Е. Коновалов // Культура.— 2021.— № 9.— Режим доступа: https://portal-kultura.ru/articles/opinions/335022-morgenshtern-kak-naslednik-belinskogo (дата обращения: 11.03.2022).

6. Об издании «Культура».— Режим доступа: http://pressa.ru/ru/magazines/kultura# (дата обращения: 01.03.2022).

7. Соколов М. Риголетта / М. Соколов // Культура.— 2021.— № 8.— Режим доступа: https://portal-kultura.ru/articles/opinions/335833-rigoletta/ (дата обращения: 14.02.2022).

8. Братерский А. Мнение скептика: ноль смыслов и банан со скотчем / А. Братерский // Культура.— 2021.— № 9.— Режим доступа: https://portal-kultura.ru/articles/opinions/337229-mnenie-skeptika-nol-smyslov-i-banan-so-skotchem/ (дата обращения: 13.02.2022).

9. Воротынцева К. Художник Дмитрий Гутов: «Мы имеем дело с настоящей контрреволюцией по отношению к Ренессансу» / К. Воротынцева // Культура.— 2021.— № 9.— Режим доступа: https://portal-kultura.ru/articles/person/337295-khudozhnik-dmitriy-gutov-my-imeem-delo-s-nastoyashchey-kontrrevolyutsiey-po-otnosheniyu-k-renessansu/ (дата обращения: 01.02.2022).

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Базикян С. А., кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: Stanislava83@yandex.ru

Novgorod State University

Bazikyan S. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: Stanislava83@yandex.ru

УКД 070

КРИТЕРИИ ЭКСПЕРТНОСТИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

М. Ю. Горохов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье рассматривается проблема выбора экспертов при работе над журналистским материалом. Описываются факторы, оказывающие влияние на работу СМИ с источниками интерпретирующей информации. В качестве прикладного механизма решения задач, связанных с поиском компетентных спикеров, предлагается совокупность критериев, помогающих отличить настоящих специалистов от псевдоэкспертов.*
Ключевые слова: *журналистика, критерии экспертности, автор и аудитория, работа с источниками.*

Abstract: *the article deals with the problem of choosing experts when working on journalistic material. The factors influencing the work of the media with sources of interpretive information are described. As an applied mechanism for solving problems related to the search for competent speakers, a set of criteria is proposed to help distinguish real specialists from pseudo-experts.*
Keywords: *journalism, criteria of expertise, author and audience, working with sources.*

Проблема экспертности журналистских высказываний в условиях запредельного воздействия на человека информации из самых разных источников не только не теряет актуальности, но и становится одним из ключевых вызовов в борьбе за внимание потенциального читателя, слушателя, зрителя [1]. При этом сегодня явно проступают новые ее грани, на которых и хотелось бы заострить внимание.

Во-первых, сам журналист, конечно, может быть экспертом в той или иной области. Но также современному журналисту требуется личный пул экспертов, обладающих необходимыми знаниями в сфере его интересов. И главной задачей автора СМИ в техническом плане становится установление с ними контакта и привлечение к сотрудничеству, а в плане содержательном — поиск такого взаимодействия разных контекстов, которое дает аудитории новое представление об окружающем мире. Причем в каждом из этих контекстов можно открыть свое созвездие экспертов, способных на пересечении с другими сферами порождать совершенно причудливые сочетания, а в конечном итоге — новые смыслы. И здесь журналист способен проявить экспертность нового типа. Он становится неким связующим звеном, точкой сборки этих новых смысловых галактик, вовлекая в свою орбиту необходимые элементы.

Соответственно, в первом случае (технический аспект) необходимо оттачивать навыки нетворкинга (или проще — заведения полезных связей), умение доходчиво объяснять людям взаимную выгоду от будущего сотрудничества, демонстрировать честность, открытость и надежность, оправдывать их ожидания в ходе дальнейшего взаимодействия… А во втором (содержательный аспект) — вырабатывать латеральное мышление [2], позволяющее взламывать шаблоны, замечать неочевидное, получать новое знание на стыке, казалось бы, никак не связанных сфер и конкретных ситуаций.

И здесь мы переходим к следующему важному моменту. Модной темой сегодня стало построение личного бренда. Любой человек, обладающий определенными компетенциями, в силах создать представление о себе как о профессионале высокого уровня. Для этого в его распоряжении есть инструменты, предоставляемые интернетом в целом и социальными сетями в частности. Получается, что он сам себе «экспертное СМИ», имеющее собственную аудиторию (реальную и потенциальную) и не нуждающееся для контакта с ней в традиционных медиа. Главное, как учат многочисленные бизнес-тренеры, коучи и наставники всех мастей,— правильно «упаковаться». Сформулировать «миссию», «видение», прописать легенду, формулу бренда и т.д., то есть, обзавестись видимыми атрибутами экспертности.

Отсюда, в свою очередь, вытекают две проблемы, с которыми сталкивается журналист. Первая — заинтересовать в сотрудничестве реально авторитетного специалиста, которому СМИ зачастую не особо-то и нужны. Вторая — отсеять весь «неликвид», выдающий себя за «товар» высшего качества за счет той самой упаковки, яркой и привлекательной.

«В целом проблема экспертности в современной медиасреде стоит весьма остро. У крупных СМИ зачастую есть некий набор специалистов, дающих комментарии по основному кругу тем. При этом существуют уже примелькавшиеся «записные» знатоки,

© Горохов М. Ю., 2022

охотно идущие на контакт и потому востребованные. Но есть и «не проявленные», хотя порой и гораздо более компетентные. Найти таких людей, понять, кто действительно достоин предоставления эфирного времени и печатных площадей,— тоже важная задача журналиста» [3].

Многие редакции используют одних и тех же экспертов, «отвечающих» за определенные сферы, просто «по накатанной» — в силу того, что конкретные спикеры готовы делиться своим мнением, хотя порой и не обременены повышенной компетентностью. Благодаря оперативности реакции на возникающий со стороны СМИ запрос и своеобразной «легкости на подъем» такие люди приобретают все большую узнаваемость, закрепляя за собой статус «штатных» комментаторов той или иной темы.

Эта проблема и в обычных условиях существенно снижает качество результатов журналистского труда, а в кризисные периоды приобретает особое значение.

В моменты нарастания социального напряжения и обострения общественной дискуссии возникают полярные мнения. Происходит яростное столкновение позиций, ожесточенное противоборство концепций. Все это бывает сопряжено с попытками грубо манипулирования сознанием аудитории, а порой и целенаправленным распространением откровенных фейков. Соответственно, повышается опасность дезинформирования, и параллельно с нарастанием потока противоречивых сообщений усугубляется проблема верификации тех или иных сведений. Это касается как достоверности самих фактов, так и обоснованности выводов, возникающих в результате их анализа и обобщения. В такой ситуации особое значение приобретает экспертность спикеров, выступающих в поддержку той или иной позиции.

При этом и самим журналистам (не говоря уже о читателях, слушателях или зрителях) не всегда бывает легко отличить истинного специалиста от такого, который выдает себя за гораздо более компетентного, чем является на самом деле.

Очевидно, что необходимо выработать конкретные критерии, позволяющие оценить соответствие эксперта той тематике, которую он представляет.

В качестве прикладной модели для эффективного решения этой задачи мы предлагаем авторскую концепцию, основанную на совокупности ключевых признаков экспертности, позволяющих идентифицировать истинного специалиста.

Среди них, на наш взгляд, можно выделить следующие.

1. Институциональная принадлежность. То есть вовлеченность эксперта в работу тех или иных общественных структур.

Мы наблюдаем, как естественное стремление усилить собственный вес за счет принадлежности к той или иной организации нередко выливается в звучную самопрезентацию спикеров. Так на страницах, экранах и радиоволнах возникают условные директора центров стратегических (и прочих) исследований, руководители фондов глобальных (и всяких других) инициатив, главы институтов по изучению той или иной конъюнктуры, почетные члены всевозможных клубов, сообществ и тайных лож… Приведенные здесь названия вымышлены и нарочито пародийны, но ситуации, когда читателям предъявляют подобную «вывеску» без разъяснения, чем именно занимается конкретная структура, можно наблюдать сплошь и рядом. Очевидно, что подобная блистательная неопределенность призвана повысить авторитетность источника высказывания в глазах аудитории. Но что реально стоит за этими словами?

Отсюда вытекает необходимость прояснения истинного статуса «титульной» для эксперта инстанции. Выяснить его — обязанность ответственного журналиста. Конечно, в современном информационном и технологическом контексте такую задачу нельзя назвать особенно сложной. Но даже элементарная проверка позволит уже на этом этапе сделать важные выводы о том, стоит ли вообще переходить к следующим критериям или лучше сразу приступить к поиску другого специалиста. Мы же пока рассмотрим второй пункт.

2. Уровень образования. Какой вуз и по какой специальности окончил наш спикер? Имеет ли он ученую степень или звание? Участвует ли в тематических конференциях и прочих подобных мероприятиях? Сотрудничает ли с образовательными организациями? Входит ли в соответствующие объединения?

Согласимся, что приписка «кандидат» или «доктор наук», «доцент» или «профессор», а то и «академик» при прочих равных условиях способна повысить статус эксперта в сравнении с теми, у кого подобных регалий нет.

Стоит признать, что этот критерий отчасти пересекается с первым: он тоже включает в себя некий элемент институциональной принадлежности. Но здесь мы учитываем именно интеллектуальный уровень эксперта, подтвержденный общественно принятыми формальными характеристиками.

При этом важно обратить внимание на соответствие регалий спикера той тематике, по которой он высказывается в СМИ. Как бы банально ни звучало, но с медиком явно не в первую очередь стоит обсуждать вопросы сельского хозяйства, а с филологом — проблемы ядерной физики. Компетенции эксперта должны быть релевантны контексту его комментария.

В целом же из второго критерия вытекает третий.

3. Наличие выступлений и публикаций по теме специализации. Этот момент тоже легко проверяется: любая поисковая система поможет журналисту понять, успел ли его потенциальный собеседник проникнуть в предмет настолько, чтобы иметь возможность обобщать собственные мысли на уровне

уникальных авторских высказываний либо он просто цитирует чужие мнения, занимаясь компиляцией.

Но при комплексной оценке экспертного потенциала спикера важна, разумеется, не только теория. Рассмотрим следующий важный критерий.

4. Практические результаты. Например, человек являлся участником или руководителем серьезного проекта, способствовал эффективному решению конкретных задач, т.е. так или иначе был вовлечен в актуальную практическую деятельность и достиг высоких результатов — оказался успешен в прикладном аспекте.

Такой факт позволяет нам понять, что он в действительности не занимается пустым теоретизированием или имитацией деятельности, а способен применить свои богатые знания на практике. Которая, как известно, лучший критерий истины: все проверяется ею.

А за подтверждением можно обратиться не только к «Яндексу» или «Гуглу», но и к представителям профессионального сообщества.

И здесь мы переходим к следующему моменту.

5. Вовлеченность эксперта в профессиональную среду. Внутри того или иного «цеха» люди обычно неплохо знают друг друга. И тем более — ярких его представителей. Корпоративная среда неизбежно формирует мнение о каждом из своих членов и способна поделиться этим знанием с тем, кто проявит соответствующий интерес, а значит, это тоже важный источник информации, которая поможет отделить самозванцев от реально признанных экспертов.

Что еще позволит нам идентифицировать достойного специалиста?

6. Медийность. В современном мире личный бренд, проявленность эксперта является важным фактором его значимости и способствует более частому обращению к нему со стороны СМИ. В то же время цитирование «раскрученного» специалиста придает дополнительный вес самой публикации. Если имя человека на слуху, у аудитории срабатывает эффект узнавания. Как и в случае с обычной рекламой, то, с чем мы сталкивались уже не раз, кажется более привлекательным.

Таким образом, круг замыкается: описанная система взаимодействия воспроизводит сама себя. Хорошо, если среди попавших в эту обойму действительно сплошь достойные представители своей сферы и их медийность прямо пропорциональна компетентности. Хуже, если экспертность популярного спикера небесспорна.

Как бы то ни было, подобная ситуация сужает потенциальный круг авторитетных специалистов и спектр приводимых ими мнений, обедняя представление аудитории о ключевых вопросах актуальной повестки.

В рамках медийности стоит также отдельно рассмотреть разные варианты того, как человек проявляет себя. Порой повысить упоминаемость в СМИ помогает провокационность высказываний, склонность инициировать скандалы, вступать в публичные склоки, акцентировать пикантные подробности, переходить на личности и оскорблять оппонентов. Конфликтность, безусловно, способна подогреть интерес публики. За счет этого спикер становится более узнаваем. Но широкое паблисити, основанное преимущественно на таком подходе при недостаточной выраженности остальных факторов, едва ли устроит нас при выборе подходящего эксперта.

То есть, рассматривая данный критерий, стоит оценить варианты проявления медийности и сделать выводы о том, какие из них позволяют согласиться с тем, что человек в достаточной степени компетентен, а какие не должны застилать нам глаза своей повышенной экспрессивностью, лишенной необходимого внутреннего содержания.

Еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание: медийность сама по себе способна сегодня перевешивать в глазах аудитории другие факторы экспертности и даже полностью их подменять. Тем важнее рассматривать весь набор описываемых качеств в совокупности.

Любой из приведенных критериев необходимо оценивать как отдельно, так и во взаимодействии с остальными составляющими предлагаемого нами алгоритма, выстраивая своеобразный «эквалайзер эксперта». Чем выше на нем показатель каждой из шкал — тем лучше.

Понятно, что в конкретных случаях они проявлены по-разному. Если мы, например, обращаемся за комментариями к представителю научной или образовательной сферы, то может быть неочевиден практический компонент, связанный с прикладной реализацией знаний, которыми обладает эксперт. Но тогда действительно должны быть мощно представлены институциональная включенность специалиста, признание внутри профессионального сообщества или наличие публикаций и выступлений.

Если же мы говорим преимущественно о практиках, то здесь на первый план выйдут осязаемые результаты их действий. Однако, сколь впечатляющими бы они ни были, стоит помнить: единичный успешный опыт далеко не всегда воспроизводим в других условиях. Поэтому наличие у эксперта способности к обобщению все-таки важно, если мы хотим использовать знания и наработки этого специалиста для универсальных комментариев в рамках конкретной тематики, а подтверждением такой способности могут стать те же самые публичные выступления по интересующему нас вопросу или публикации.

Таким образом, чтобы собеседник мог обогатить наше представление о рассматриваемом предмете, в его экспертном «эквалайзере» должен присутствовать не только один ярко выраженный фактор,

но и хотя бы минимальные признаки остальных. Всецело полагаться на единичный критерий компетентности, по нашему мнению, нельзя. Лишь в совокупности — пусть и проявленные в разной степени — они способны дать нам нужного специалиста. Даже если какой-то из столбцов воображаемого графика просел — другие компенсируют это своими высокими показателями. Выявить необходимую совокупность и подобрать подходящего спикера позволяет данная методика.

Она же может быть использована для контраргументации в дискуссиях с авторами, опирающимися в своих публикациях на мнения псевдоэкспертов, которые не выдерживают проверки с помощью этой матрицы. За счет развенчания их компетентности можно подвергнуть сомнению и саму суть сказанного ими, чтобы убедить аудиторию в собственной правоте. Но здесь мы уже приблизимся к приемам своего рода контрпропаганды.

Безусловно, отмечая достоинства предлагаемого алгоритма, стоит обратить внимание и на возможные исключения, ограничивающие его возможности. Существуют специалисты, которые не соответствуют приведенным критериям, однако являются весьма компетентными. Например, люди, связанные с какими-либо непубличными сферами. По причине закрытости самой тематики, а может, и просто в силу собственного характера они не стремятся к созданию личного бренда, проявленности в соцсетях, выступлениям на площадках профессиональных сообществ, но в то же время обладают необходимой квалификацией. В данном случае автоматически применить нашу матрицу довольно сложно. Однако она пригодится и здесь.

Узнать о том, кто обладает необходимыми качествами, можно косвенным образом — у других, более проявленных спикеров. Это как раз следующий шаг, который необходим при подборе экспертов. Банальный, но важный совет. Если вы нашли хорошего специалиста, не забудьте спросить у него о том, кто является авторитетом для него самого или хотя бы просто может быть полезен при освещении данной темы. Здесь срабатывает то самое сарафанное радио. Условно, когда вам говорят: «А вот еще Василий Иванович у нас инфекционист (экономист, программист и т.д.) от Бога. Правда, с прессой общаться не любит». И тут уже наступает черед обычной журналистской работы: связаться с нужным человеком и убедить его в необходимости сотрудничества.

Этот классический способ требует дополнительных затрат времени и сил. Но именно здесь нас ждут настоящие находки. Благодаря такому подходу можно пополнить собственный пул реальных экспертов, а главное — обогатить актуальный общественный дискурс свежим взглядом и авторитетными мнениями еще не примелькавшихся, но действительно компетентных спикеров.

В целом же даже если сам набор предлагаемых критериев кому-то покажется неполным или спорным, предлагаемая нами система оценки основана на конкретных, осязаемых факторах. Все они поддаются верификации, что позволяет делать осознанный выбор, не идя на поводу у собственных эмоций или мнений некритичного большинства.

Применение такого подхода к подбору спикеров и взаимодействию с ними способно повысить качество журналистской работы и обеспечить аудиторию действительно важной для нее информацией, основанной на максимально глубоком проникновении в предмет обсуждения, а значит — поможет более эффективно выполнять задачу по ориентации читателей, слушателей или зрителей в этом изменчивом и сложном мире, где идет столь острая борьба за время их жизни, выраженное во внимании к тому или иному источнику информации, и за их мысли, которые неизбежно приводят к определенным действиям.

Поэтому повторим: пропускать своих собеседников через подобные алгоритмы первичной проверки на экспертность — не право, а обязанность журналиста. На нем сегодня лежит серьезная ответственность: предоставляя слово конкретным спикерам, он позволяет им влиять собственным авторитетом и точкой зрения на восприятие большого количества людей. Вопрос в том, насколько адекватным реальной ситуации будет это влияние, а ответ на него зависит от того, насколько честно и качественно автор выполнил свою работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов М. Ю. Экспертная журналистика в эпоху «личных брендов» и «правильной упаковки» / М. Ю. Горохов // Проблемы массовой коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью.— Воронеж, 2020.— Ч. 1.— С. 16–18.

2. Боно Эдвард де. Латеральное мышление. Учебник / Эдвард де Боно.— Минск: Попурри, 2012.

3. Горохов М. Ю. Обучение будущих журналистов: современные вызовы и адекватные ответы / М. Ю. Горохов // УМО-регион. Сборник информационных и научно-методических материалов.— Воронеж.— 2019.— С. 19.

Воронежский государственный университет

Горохов М. Ю., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и литературы

E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru

Voronezh State University

Gorohov M. Y., Candidate of Philology, Lecturer of the Journalism and Literature Department

E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru

УДК 070

ВНЕДРЕНИЕ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЬЕТНАМА

Данг Тхи Тхан

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 28 февраля 2022 г.

Аннотация: *в статье представлен обзор методов подготовки журналистов по кредитной и годовой системам обучения, дается их сравнительный анализ, выявляющий преимущества и недостатки каждой из систем. Анализируется практический опыт внедрения кредитной системы в Академии журналистики и коммуникации (Вьетнам) при сопоставлении с результатами ее реализации в Шэньчжэньском университете (Китай).*
Ключевые слова: *журналистика, профессиональная подготовка журналистов; кредитная система обучения; Вьетнамская Академия журналистики и коммуникации.*

Abstract: *the article presents an overview of the methods of training journalists on credit and annual training systems, their comparative analysis is given, revealing the advantages and disadvantages of each of the systems. The practical experience of implementing the credit system at the Academy of Journalism and Communication (Vietnam) is analyzed in comparison with the results of its implementation at Shenzhen University (China).*
Keywords*: Journalism, professional training of journalists; credit system of education; Vietnam Academy of Journalism and Communication.*

Обучение по кредитной системе обучения началось в Гарвардском университете в 1872 г., в Западную Европу оно пришло в середине XX в. В настоящее время эта система развивается и в странах Азии [1–4].

Подготовка журналистов в рамках кредитной системы имеет свои особенности, поскольку она напрямую связана с созданием оригинального информационного продукта различных форматов, диктуемых «цифровой эпохой». Во Вьетнамской Академии журналистики и коммуникации она началась в 2014 г., и постепенно выявились как ее достоинства, так и недостатки. Нами были изучен корпус методических документов Академии, включающий программы подготовки по направлениям бакалавриата «печатная журналистика» и «телерадиожурналистика» [5–12].

Подготовка журналистов по кредитной системе включает следующие компоненты: идеология, принципы, цели и стандарты выпуска; участвующие субъекты: учащиеся (студенты), преподаватели, менеджеры по учебной деятельности; контекст: форма, время, метод обучения, оценочные тесты; источники знаний (содержание): программы, учебники, справочники, лекционные наборы; знания из интернет-источников; инфраструктура: технологии, средства и материалы для обучения [1, 5].

В настоящее время профессиональная подготовка журналистов в разных странах и вузах может осуществляться по двум системам — годовой и кредитной (табл. 1).

Таблица 1.

Структура и содержание программы

Годовое обучение	*Обучение по кредитной системе*
Программа имеет предметную структуру и отвечает отраслевым целям обучения	Программа имеет модульную структуру и отвечает требованиям взаимодействия между специальностями
Базовые предметы построены в соответствии требованиям специальности	Базовые предметы построены в соответствии требованиям группы специальностей
Предметы в рамках специальности взаимосвязаны	Предметы в рамках школы взаимосвязаны
Уровни обучения в рамках специальности взаимосвязаны	Уровни обучения в рамках школы взаимосвязаны
Продолжительность учебной программы измеряется годами. Каждый год включает 2 основных семестра	Продолжительность учебной программы измеряется в кредитах. Каждый год состоит из 2–4 семестров

© Данг Тхи Тхан, 2022

Программа бакалавриата насчитывает около 200 единиц обучения (1 единица обучения = 45 минут)	Программа бакалавриата (общая) насчитывает около 120 кредитов (1 кредит = 50–60 мин.)
Программа обучения не гибкая, студенты не могут сменить специальность или школу	Программа обучения гибкая, студенты могут сменить специальность или школу в соответствии со своими сильными и слабыми сторонами.

Если содержание модулей сочетается и они усиливают друг друга, то программы обучения по кредитной системе имеют гибкий характер соответствия требованиям группы специальностей, поэтому в их программах есть одинаковые предметы. Это позволяет студентам легко изменить специальность без необходимости изучать эти предметы с нуля. Время обучения студентов-журналистов длится не 4 года, как при годовом обучении, а зависит от времени накопления кредитов. Студенты-журналисты имеют возможность изменить направление, если прежнее не соответствует их интересам и способностям. Студенты, накапливая необходимое количество кредитов, могут также самостоятельно планировать время окончания учебы раньше установленного времени по годовому обучению.

Таблица 2.

Стратегия преподавания и обучения

Годовое обучение	*Обучение по кредитной системе*
Меньше внимания уделяется роли учащегося	Больше внимания уделяется роли учащегося
Преподаватели используют методы обучения, чтобы студенты в основном работали в аудитории (у студентов мало времени для самообучения)	Преподаватели используют методы обучения, чтобы учащиеся использовали свое время для самообучения, самостоятельного исследования (1 кредит требуется около 30 занятий самостоятельного обучения)
Преподаватели используют фиксированные методы обучения (так как студенты каждой специальности обучаются отдельно)	Преподаватели должны обращать внимание на разнообразие студентов разных специальностей при использовании методов обучения (так как студенты разных специальностей могут изучать один и тот же предмет)
Все студенты учатся по одной и той же траектории обучения и в единые сроки	Каждый студент может добиться своего индивидуального прогресса в обучении, проходя его удобными для себя темпами
Учебная программа одинакова для всех студентов без выбора предмета	Каждый студент может выбрать из элективов предметы, соответствующие его интересам и способностям
Студенты не должны регистрировать учебный план, выбирать предметы и строить собственную траекторию обучения	Студенты должны регистрировать учебный план на каждый семестр, выбирать предметы и строить собственную траекторию обучения в соответствии со своими интересами, способностями
Чтение материалов перед аудиторными занятиями не требуется	Студенты должны прочитать материалы перед лекцией, так как преподаватель не объясняет полностью все содержание учебного курса
Меньше внимания уделяется гибким навыкам (soft skills)	Студенты должны приобретать гибкие навыки (soft skills)
Студенты занимаются и сдают экзамены в соответствии с общим расписанием	Студенты самостоятельно составляют расписание занятий и экзаменов
Студенты изучают только определенную специальность	Студенты могут легко изучать 2 специальности одновременно
Студенты должны завершить учебу в соответствии с учебным годом	Студенты должны завершить учебу накоплением кредитов. Пример: студенты 1 курса: набирают до 30 кредитов; 2 курса: от 30 до 60 кредитов; 3 курса: от 60 до 90 кредитов; 4 курса: от 90 до 120 кредитов

В таблице 2 показывается, что при подготовке студентов-журналистов по кредитной системе учащиеся играют ключевую роль в процессе обучения. Студенты-журналисты могут свободно выбирать предметы, составлять индивидуальное расписание и одновременно изучать две специальности в соответствии со своими интересами, способностями. Профессиональным и гибким навыкам (soft skills) учащихся также уделяется больше внимания, поскольку преподавателям рекомендуется использовать методы, помогающие учиться на практике. Это активный процесс поиска знаний учащихся, а не про-

сто приобретение знаний, предоставляемых преподавателями в аудитории. Конечно, чтобы повысить ответственность и желание учиться, в том числе путем самообразования, преподавателям необходимо создать такую среду, которая будет стимулировать каждого студента сознательно участвовать в учебном процессе (например, использовать метод «постановки и решения вопросов путем обсуждения» и т.п.).

Таблица 3.

Оценка успеваемости учащихся

Годовое обучение	Обучение по кредитной системе
Прием студентов происходит в начале каждого учебного года	Прием студентов может происходить по семестрам
Результаты обучения оцениваются по учебным годам. Учащиеся, не соответствующие академическим требованиям учебного года, будут отчислены	Результаты обучения оцениваются по общему количеству накопленных кредитов. Студентов предупреждают или отчисляют из школы, если они не достигают среднего балла по прошествии определенного периода
Студенты должны сдать все предписанные предметы	Студенты должны получить необходимое количество кредитов и средний балл, указанные для каждого года и всего курса
Использование 10-балльной шкалы для расчета абсолютного балла	Использование 4-балльной шкалы в сочетании с буквенной шкалой, позволяющей получить относительный балл
Промежуточные экзамены по предметам составляет 70–100% баллов	Процесс обучения составляет 50% баллов курса
Есть выпускной экзамен и защита дипломной работы. Выпуск студентов проводится раз в год	Нет выпускного экзамена (есть защита дипломной работы). Студенты должны только набрать достаточно кредитов, как предписано для окончания учебы. Выпуск происходит два раза в год

Из таблицы 3 видно, что зачисление и выпуск при подготовке студентов-журналистов по кредитной системе происходит чаще, чем по годовой системе. Это помогает экономить время и затраты на обучение и в то же время решать растущий спрос на получение обучения студентов в журналистских вузах.

С помощью кредитной системы учащиеся могут активно разрабатывать индивидуальные учебные планы в соответствии со своими собственными способностями: вьетнамские студенты могут активно записываться на различные курсы, менять траекторию обучения. Например, студенты, осваивающие программы «Печатная журналистика» и «Телерадиожурналистика», проходят обязательные общие предметы («Теория медиакоммуникаций», «История журналистики», «Язык журналистики», «Законы и этика журналистов», «Введение в теорию журналистики»). При этом с целью получения двух дипломов «печатники» могут одновременно заявиться для изучения ТВ- и РВ-дисциплин и наоборот. В кредитной системе результаты обучения студентов рассчитываются по каждому предмету, а не по учебному году, поэтому неполучение зачета или экзамена по дисциплине необязательного модуля не препятствует продолжению учебного процесса. Учащихся не отчисляют, не заставляют повторять предмет: для накопления кредитов они могут выбрать другой предмет, для обязательного модуля — повторить этот предмет.

Очевидны и недостатки кредитной системы: сокращается время, затрачиваемое на преподавание предметов; нерационально используемое студентами время, увеличенное для самообучения, не способствует углублению знаний; группы следуют нефиксированным курсам, и потому снижаются связи между студентами, в среде которых развивается индивидуализм.

Кредитная система обучения в целом и подготовка журналистов по этой системе в частности началась в Китае в 1978 г.

Исследователь из Шэньчжэньского университета Фам Тхи Ли выяснила, что программы подготовки студентов-журналистов в Китае прошли в своем развитии три стадии [2, 1]. На первом этапе в начале 1980-х гг. обязательные предметы по-прежнему составляли большую часть учебной программы, 20–25% времени было потрачено на преподавание политических, языковых предметов, только около 7–10% времени уделялось элективным курсам. Студентам не разрешалось закончить учебу раньше установленного срока. На втором этапе соотношение обязательных/элективных предметов составило семь к трем. 15% предметов относились к специальности, 45% предметов — к общим предметам факультета. Студенты могли выбрать около 19% от общего количества кредитов (кредиты не эквивалентны часам обучения; это количество часов определяется в зависимости от сложности или легкости каждого предмета и времени, необходимого для выполнения упражнений). При накоплении достаточного количества кредитов и одобрении деканатом и преподавателями студенты могли получить высшее образование досрочно.

На третьем этапе с 1990 г. до 1993 г. подготовка журналистов по кредитной системе прервалась. Студентам больше не разрешалось менять направление или факультет, а также получать два диплома по двум разным специальностям одновременно. Причина прекращения программ подготовки студентов-журналистов по кредитной системе обучения была связана с критикой со стороны преподавательского сообщества, которое пришло к следующим выводам: у выпускников отсутствует глубина и прочность знаний; многие студенты накапливают кредиты лишь для раннего получения диплома (низкая мотивация к самообучению у большинства студентов, которые, не интересуясь содержанием обучения, стремятся выбирать «легкие» предметы, отказываются от объективно важных, но «трудных» для изучения предметов); не имея хорошей базовой подготовки, студенты не в состоянии проявить себя на практике; заметно ослабляется взаимодействие между преподавателями и студентами (преподавателям сложно правильно определить потребности учащихся в обучении и организовать обучение для их удовлетворения этих потребностей).

Кредитная система, ставшая лишь способом управления учебными планами студентов, при подготовке студентов-журналистов в Китае не показала своих преимуществ [6, 1], тем не менее в 1993 г. страна вернула ее — правда со значительными изменениями. Теперь самообучение не разрешается (было много случаев, когда студенты под его предлогом пропускали занятия), как не разрешается и сдавать экзамены с неограниченным количеством кредитов. Произошло усиление системы планирования, управления и оценки обучения, консультирования студентов. Стал действовать принцип: постановка целей, поиск материалов, выполнение, оценка и корректировка планов должны быть взаимосвязаны. Эксперты пришли к выводу, что прежде кредитная система в Шэньчжэньском университете не показала своих сильных сторон именно потому, что описанный выше подход по сути не применялся; исследований эффективности кредитной системы, предметов, методов и качества обучения не проводилось — учебный отдел поддерживал факультеты лишь при составлении расписаний занятий и экзаменов, не отвечая при этом за координацию учебных программ или оценку качества преподавания [6, 1].

Во Вьетнаме было решено учесть китайский опыт, и с 2014 г. Академия журналистики и коммуникации стала вести подготовку студентов именно по кредитной системе. Учебный процесс осуществляется с 7:00 до 22:20; учебный год состоит из двух основных семестров (15 недель обучения и 3 недели экзаменов) и одного субсеместра (так называемого летнего семестра, включающего 5 недель обучения и 1 неделю экзаменов). Программа обучения по всем специальностям рассчитана на 120 кредитов и на обучение в течение 8 семестров. В структуру учебной программы входят два блока знаний: общие предметы (30 кредитов) и профессиональные предметы (90 кредитов) [8, 3].

Автором были исследованы 4 отчета об оценке программ обучения «Печатная журналистика» и «Телерадиожурналистика» с 2019 по 2020 гг.

Внимание к роли учащихся

Преподаватели используют стратегию «перевернутый класс», в соответствии с которой учащиеся должны прочитать учебные материалы, прежде чем прийти в класс. Вместо чтения лекций время занятий посвящается применению теоретического материала решению проблем под руководством преподавателей. В результате учащиеся могут развивать навыки самообучения, критического и творческого мышления, презентации выступлений.

Гибкость индивидуальной траектории

Студенты планируют время для завершения учебной программы в соответствии со своими способностями (среднее время для завершения учебной программы составляет 8 семестров [12, 213]). Академия ежегодно предлагает решения по сокращению среднего времени выпуска: например, открытие во время летнего семестра дополнительных курсов, что позволяет учащимся сокращать время обучения или дает им возможность дополнительно изучать предметы, по которым они еще не успели сдать зачет или экзамен.

Студенты имеют возможность получить высшее образование по двум специальностям одновременно, если в учебных планах есть одинаковые предметы с одинаковым количеством кредитов и студенты знают, как разумно распределить свое время для изучения остальных предметов программы. Так, из 317 студентов-бакалавров в 2020 г. 98 выпускников получили дипломы с отличием, а 52 студента получили по два диплома.

Сокращение затрат на обучение

При кредитной системе *затрат на обучение* меньше, поскольку студенты оплачивают учебу только на основе количества кредитов, которые они должны выполнить, а не за учебный год, что особенно выгодно для студентов, поучающих две профессии одновременно (поскольку в одной отраслевой группе есть совпадающие предметы, студенты изучают их лишь один раз).

При всех плюсах применения кредитной системы в Академии журналистики и коммуникации студенты, преподаватели, научные консультанты и специалисты, отвечающие за организацию учебного процесса, по-прежнему отмечают и ее недостатки. Остается проблема с регистрацией на предметы из-за сбоев в работе веб-сайта учебного заведения, а пропуск одного семестра не позволяет набрать необходимое число кредитов до окончания учебы. Многие студенты до сих пор не имеют привычки работать самостоятельно и, не будучи четко ориентированы в своей профессии, ошибаются с выбором и специальностей, и предметов. Они неэффективно исполь-

зуют свое время при самостоятельных занятиях, что приводит к низким результатам обучения и к необходимости продлевать годы обучения [12, 64]. Академия журналистики и коммуникации также должна обеспечить учащихся полным и разнообразным комплектом учебных материалов, как и необходимого современного оборудования (компьютеры, проекторы, микрофоны и др.) [14, 78]. Также можно отметить ослабление коллективного обучения, связей между студентами и усиление индивидуализма.

Анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций по повышению эффективности кредитной системы. Во-первых, руководителям необходимо развивать инфраструктуру, в частности, улучшать веб-сайт-регистрации на предметы. Во-вторых, разрабатывать стандарты выпуска на научной основе, привлекая для этого работодателей, совершенствовать их в соответствии с профессиональными стандартами, организовывать учебно-методические семинары для преподавателей. В-третьих, важная обратная связь в виде, например, оценочных листов программы обучения, заполняемых студентами ежегодно. В-четвертых, создание программы и определение содержания предметов по кредитной системе должно стать проектной задачей: по определению стандартов выпускных компетенций по отраслевым группам, по каждой специальности, по определению блока общих знаний и блока специальных знаний и др.

Такой подход позволяет избегать дублирования предметов в одной отраслевой группе, снижает затраты на обучение и создает благоприятные условия для учащихся при выборе предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тран Т. А. Обучение по кредитной системе: принципы, ситуации и решения / Т. А. Тран // Материалы национальной научной конференции: инновации в методике обучения по кредитной системе.— № 5.— Ст. 42–53 (на вьетнам. яз.).

2. Фам Т. Л. Обучение по кредитной системе в Китае / Т. Л. Фам.— Режим доступа: http://www.lypham.net/?p=377 (дата обращения: 25.02.2022).

3. Лам К. Т. Применение кредитной системы обучения в мире и во Вьетнаме / К. Т. Лам.— Режим доступа: http://www.ier.edu.vn/content/view/165/161/ (дата обращения: 25.02.2022).

4. Грудистова Е. Г. European credit system of education / Е. Г. Грудистова, Д. А. Пастухова // Сетевой научно-практический журнал. Сер. Технологии бизнеса и сервиса.— № 1.— 2015.— С. 36–43.

5. Tsigelny I. Educational Credits in the USA and Credit Transfer from the UK and European Union / I. Tsigelny // Analytical Reports in International Education, Vol. 4.— № 1.— 2011.— С. 87–93.

6. Программа подготовки по специальности «печатная журналистика» на уровне бакалавриата: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/ba-cong-khai/pages/ban-mo-ta-chi-tiet-hoc-phan-2013 (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

7. Программа подготовки по специальности «радиотелевидение» на уровне бакалавриата: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/ba-cong-khai/pages/ban-mo-ta-chi-tiet-hoc-phan-2013 (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

8. Программа подготовки по специальности «печатная журналистика» на уровне бакалавриата: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/ba-cong-khai/pages/ban-mo-ta-chi-tiet-hoc-phan-2020 (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

9. Программы подготовки по специальности «радиотелевидение» на уровне бакалавриата: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/ba-cong-khai/pages/ban-mo-ta-chi-tiet-hoc-phan-2020 (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

10. Отчет об оценке программы обучения по специальности печатной журналистики: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/content/tintuc/Lists/News/Attachments/13104/HocvienBaochiTuyentruyen_bctdgctXahoihoc_2019.pdf (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

11. Отчет об оценке программы обучения по специальности «радио-телевидение»: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/content/tintuc/Lists/News/Attachments/13106/HocvienBaochiTuyentruyen_bctdgctTriethoc_2019.pdf (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

12. Отчет об оценке программы обучения по специальности «печатная журналистика»: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/content/tintuc/Lists/News/Attachments/13104/HocvienBaochiTuyentruyen_bctdgctXahoihoc_2020.pdf (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

13. Об очном обучении в университетах и колледжах в соответствии с кредитной системой: Положения Министерства образования и обучения от 15 августа 2007 г. № 1.— 2007 (на вьетнам. яз.).

14. Отчет об оценке программы обучения по специальности «радиотелевидение»: Академия журналистики и коммуникации.— Режим доступа: https://ajc.hcma.vn/content/tintuc/Lists/News/Attachments/13150/HocvienBaochiTuyentruyen_bctdgctQuanhecongchung_2020.pdf (дата обращения: 25.02.2022) (на вьетнам. яз.).

Санкт-Петербургский государственный университет

Данг Тхи Тхан, аспирант кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: spbu@spbu.ru

Petersburg State University

Dang Thi Than, Postgraduate Student of the Theory of Journalism and Mass Communication Department

E-mail: spbu@spbu.ru

УДК 070.11

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ НА СОДЕРЖАНИЕ СЕТЕВЕГО МЕДИАТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СОЦСЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

А. В. Дудкина

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 8 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье детально рассматривается способность текстов русских писателей влиять на духовно-нравственную составляющую социума, оценивается их потенциал. Анализ материалов социальной сети «ВКонтакте» позволил зафиксировать крайнюю обедненность публикаций, ориентированных на духовные ценности общества, и выявить их преимущественно деструктивный характер. На примере произведений русских классиков XIX–XX вв. предлагается альтернатива создания сетевого медиапродукта с духовно-ценностным наполнением.*
Ключевые слова: *соцсеть «ВКонтакте», русская литература, ценности, духовность, сетевые медиа, деструктивный контент.*

Abstract: *the article examines in detail the ability of the texts of Russian writers to influence the spiritual and moral component of society, assesses their potential. In the era of intensive development of digitalization and global transformations in the field of media, as well as the merger of online and offline in the presentation of media materials, the Internet is becoming the main source of obtaining and consuming information. The study of the risks and threats of the impact of the virtual environment on the spiritual life of Russian society is becoming relevant. This work aims to compare the subject-object nature of the values of modern network media and Russian classical literature.*
Keywords: *social network «VKontakte», Russian literature, values, spirituality, network media, destructive content.*

Русская литература — «феномен изумительный».
М. Горький

...Это нечто неподражаемое, неповторимое, то, что в высокохудожественной форме сосредоточивает огромный познавательный, эмоционально-эстетический и духовный опыт... это произведения, сконцентрировавшие значительные вечные ценности.
В. Ю. Троицкий *[1, 123–124]*

Русская литература — это бесценное духовное наследие, которое помимо исторического значения содержит в себе духовно-нравственное основание, на котором воспитывалось не одно поколение. Литература, как никакая другая наука или искусство, имеет миссию духовно-нравственного воспитания [2–3].

В последнее время возрождение человека как духовно-нравственной личности становится насущной проблемой, от решения которой напрямую зависит будущее страны [4]. Именно поэтому в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г.» зафиксирован целый список нравственных ценностей. **К духовно-нравственным ценностям, сложившимся в процессе культурного развития России, можно отнести:** человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро, стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством[1].

Донести и внедрить в сознание русского народа духовно-нравственные ценности в сегодняшних реалиях — задача непростая. Уровень духовности в стране низкий. Подтверждение этому — низкая сознательность населения. Такие вечные ценности, как бескорыстие, милосердие, доброта, патриотизм, человеколюбие и совесть, сегодня в дефиците [5–8].

Методология и методы исследования. Объектом проведенного исследования стали произведения русских классиков XIX в. и современная социальная сеть «ВКонтакте». В работе были применены истори-

© Дудкина А. В., 2022

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. // Government.ru. URL: http://government.ru/ (дата обращения: 28.12.2020).

ческий и социокультурный, а также статистический и дискурс-анализ [9–11]. При помощи сравнительного анализа современным сетевым медиа предлагается альтернатива в подаче информационного контента, в содержание которого будут заложены духовные ценности.

Результаты исследования и их обсуждение. Русская классическая литература является преемницей древнерусской, поэтому тема смысла человеческой жизни остается в ней одной из главных. Такое обстоятельство дает нам право говорить о церковно-религиозном характере русской литературы. И литература XIX в. тому подтверждение. Произведения великих русских писателей А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. А. Жуковского и др. содержат в себе христианский контент с опорой на такие ментальные ценности, как соборность, патриотизм, нестяжательство, приоритет духовного над материальным, культ добра, труд как добродетель, слава как честь и величие человека [12].

Информация, которая будет содержать в себе христианский контент, способна формировать духовно-нравственные ценности в сознании человека. Слово, информация — это определенный материал, который обладает силой. Слово в контексте мировой культуры ассоциируется с творением и Творцом. Ведь написано в Священном Писании: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Св. Ев. от Иоанна 1: 1–3)[2]. Именно поэтому русская классическая литература, которая, несомненно, содержит в себе христианский контент, остается влиятельным инструментом при формировании духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения и включена в образовательную программу [2].

Произведения русской литературы призваны оказывать духовное влияние на читателя. Примеры духовно-нравственных ценностей русские писатели черпали в христианской вере. Например, в стихотворении Бориса Пастернака «Учись прощать»[3] звучит призыв к каждому человеку — руководствуясь добротой и любовью, учиться прощать, как это делал Иисус Христос:

Учись прощать, когда душа обижена,
И сердце, словно чаша горьких слез,
И кажется, что доброта вся выжжена,
Ты вспомни, как прощал Христос…

Фраза «Учись прощать» повторяется в начале каждого из четырех четверостиший. Автор очень настойчиво закладывает в разум мысль о прощении. Можно найти параллели в сетевых медиа, использующих прием рефрена для усиления воздействия на аудиторию. Обратимся к одному из рейтинговых пабликов социальной сети «ВКонтакте» — «Оптимист»[4], который насчитывает почти 5 миллионов подписчиков. Обратим внимание в данной группе на постфото школьной тетради с написанным от руки стихотворением: «Пусть не будет девочек. Пусть не будет мальчиков. Будут только белочки и косые зайчики. Детки много кушают и к тому же какают. Если стану мамой я, их прибью лопатою». Данный пост с использованием рефрена «пусть не будет» пропагандирует бездетность как нечто хорошее, а сами дети ставятся в позицию ниже животных.

Еще одна группа «ВКонтакте» «Идеи для жизни»[5] почти с полуторамиллионным количеством участников позиционирует себя как успешный и позитивный паблик. Один из постов полон откровений: «Поняла, что не хочу ни замуж, ни любви. Хочу жить в своей квартире, в которой будет мой ремонт, моя собака. Работать на любимой работе и ни от кого не зависеть». Таких постов, пропагандирующих одиночество, гордость, эгоизм и себялюбие, и выдающих их за правильные человеческие ценности, немало на этой информационной площадке. Их содержание противоположно духовно-нравственному наполнению произведений русских классиков и в конечном итоге деструктивно воздействует на сетевую аудиторию.

В сегодняшнем негативном информационном поле зрителю трудно устоять перед натиском цинизма, жестокости и агрессии, насилия, равнодушия [13–14]. Общество нуждается в духовной информации, которая способна дать человеку силы и надежду, помочь найти решение в любых сложных жизненных ситуациях. Об этом говорят миллионные запросы в сетевых поисковых системах. Например, в поисковой русскоязычной версии Yandex за последний месяц слово «церковь» искали более 3 миллионов раз, а слово «добро» — более 13 миллионов[6].

По данным исследовательской компании Mediascope, население 12+ проводит в интернете в среднем 176 минут в сутки[7]. Такой показатель свидетельствует об огромном влиянии сетевых медиа на сознание российского общества.

Российская социальная сеть «ВКонтакте» позволяет пользователям отправлять друг другу сообщения, создавать собственные страницы и сообщества,

[2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1993.

[3] Пастернак Б. Л. Стихотворения. М., 2019.

[4] Группа «ВКонтакте» «Оптимист». URL: https://vk.com/o_ptimist (дата обращения: 24.02.2021).

[5] Группа «ВКонтакте» «Идеи для жизни». URL: https://vk.com/ideas.life (дата обращения: 24.02.2021).

[6] Яндекс. Подбор слов // Wordstat.yandex.ru. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 28.12.2020).

[7] Аудитория интернета в России // Mediascope. URL: https://webindex.mediascope.net/ (дата обращения: 10.12.2020).

обмениваться изображениями, тегами, аудио- и видеозаписями, играть в браузерные игры. Данный ресурс особенно популярен среди русскоязычных пользователей. В данную сеть хотя бы раз в месяц заходят 71,8% жителей России, а 43,3% россиян посещают «ВКонтакте» раз в день. Это самый высокий показатель среди русскоязычных соцсетей[8].

Для того, чтобы определить интересы и ценностные ориентиры аудитории «ВКонтакте», была проведена аналитика одной сотни популярных групп и сообществ. В процессе исследования было обнаружено, что исследуемые группы в основном имеют развлекательную направленность, часто содержат в себе провокационный и аморальный контент. 50% информации таких пабликов содержат низкопробный и пошлый юмор, посредством которого пропагандируется потребительский образ жизни. Остальные 50% контента практически не содержат в себе ничего нужного и полезного. В группах полностью отсутствует новостная информация.

Первые десять групп «ТОП-100 *ВКонтакте*», приведенные в табл. 1 насчитывают от 9 до 17 млн. подписчиков. Данная картина дает четкое представление о том, что деструктивное влияние данных сетевых пабликов на массы огромное.

Необходимо отметить, что 14 групп из «ТОП-100 *ВКонтакте*» можно отнести к познавательно-развлекательному контенту. Например, это такие сообщества, как «Шедевры кулинарии», «Лучшие рецепты», «Наука и техника», «Идеи дизайна интерьера» и др[9]. Но, несмотря на свой познавательный ориентир и философское содержание, данные группы также не имеют духовно-нравственного влияния на массы.

В процессе исследования «ВКонтакте» все же были выявлены группы, которые призваны мотивировать подписчика проявлять сострадание, милосердие, добро, любовь. Однако количество участников таких групп катастрофически мало (табл. 2).

Такое скудное количество подписчиков в группах, которые ориентированы на духовные и нравственные ценности, говорит о том, что данное направление у пользователей социальной сети «ВКонтакте» не пользуется популярностью. Анализ текста показал, что в них практически не используются такие категории, как «порядочность», «совесть», «нравственный долг», «патриот», «труд», «соучастие», «сострадание» и др., устоявшиеся в классической русской и литературе и публицистике. Между тем потребность у аудитории в их обсуждении растет.

Развлекательные контенты в соцсетях собирают миллионные аудитории, в то время как просветительские паблики остаются нерейтинговыми. Сообщения из социальных сетей и новых медиа стали заполнять ежедневный обзор человека, оказывая колоссальное воздействие на психику и мировоззрение людей, а значит, и на их жизнь в целом.

Проблемой российских СМИ является то, что их главная цель — извлечение прибыли. Современные сетевые медиа нацелены больше на трансляцию негативного контента, что значительно повышает их рейтинг, соответственно, и прибыль[10]. Чтобы привлечь аудиторию, сетевые медиа, в том числе популярные паблики соцсети «ВКонтакте», «скатываются» к необходимости показывать пороки и самые низкие человеческие качества. В результате рейтинги данных пабликов растут, а сами *группы становятся хорошо продаваемыми,* а итогом потребления такой информации обществом оказывается его полная *деградация и аморальность*. Выбирая такой путь, сетевые медиа лишают возможности формирования у своей аудитории духовных и вечных ценностей и теряют свою просветительскую роль [15–17].

Заключение. В XIX в. люди читали книги, из них черпали духовно-нравственные ценности для своего личностного развития. Журналистика XIX в. свою просветительскую функцию в обществе выполняла на максимум. Освещение событий и жизни людей того времени в полной мере отражали их религиозные переживания, христианскую жизнь и сформированные благодаря этому правильные ценности, приоритеты и ориентиры. В то время как современные сетевые медиа заменили практически все другие средства массовой информации, в том числе печать и книги, русская классическая литература остается ярким примером правильной подачи информации с христианским контентом, который просто нельзя не использовать при создании медиапродукта [18].

Разрушительное влияние сетевых медиа на российское общество объясняется внедрением и пропагандой развлекательного контента с элементами порочности и аморальности ведущих интернет-пабликов. Такая стратегия успешна как бизнес-идея, но проигрышна как просветительская и духовная.

Сетевые медиа обладают огромным потенциалом для удовлетворения любых информационных запросов любой аудитории. В то же время основная задача сетевых медиа — распространять и формировать нравственность и духовность в обществе. Конечным результатом игнорирования этой задачи станут деструктивные процессы в сознании нации и функ-

[8] 20 цифр и фактов о «ВКонтакте», необходимых маркетологу в 2020 г. // Popsters. URL: https://popsters.ru/blog/post/svezhie-dannye-o-vk/ (дата обращения: 11.12.2020).

[9] Топ-100 групп *ВК*. URL: https://vk-top-groups.ru/ (дата обращения: 01.12.2020).

[10] Общественная палата Российской Федерации. Могут ли российские СМИ формировать систему ценностей? // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/48409 (дата обращения: 11.12.2020).

ционировании государства в целом. Поэтому существующий деструктивный контент в сетевых медиа, который продолжает ежедневно влиять на массы, необходимо ограничить и трансформировать в иной, конструктивный вид информации, контролировать качество содержания ведущих интернет-пабликов.

Духовно-нравственные ориентиры в сетевых медиа способны сформировать у аудитории потребность размышлять над ценностями общества. Современному читателю важно понимать, что «социальные аспекты в жизнедеятельности человека не сводятся к существующим общественным отношениям, а рассматриваются в качестве глубинной культурно-исторической памяти» [19]. Примером в подаче такого контента для работников сетевых медиа могут стать тексты русской классической литературы.

Принципиальным должен стать принцип следования традициям русской литературы и публицистики, их ценностному содержанию, в противном случае аксиологическая парадигма медиатекста «будет способствовать духовной и национальной дезориентации» [12].

В перспективе одним из шагов в решении данной проблематики может стать создание на государственном уровне комитета по контролю за качеством сетевого медиапродукта, а также разработка на законодательном уровне норм и требований к публикуемым материалам в интернет-сообществах, которые будут определять подачу деструктивного материала как нарушение прав потребителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: возможности прочтения проблематики / В. А. Сидоров // Теория журналистики: в поисках смысла, структуры и назначения.— СПбГУ, 2007.— С. 46–57.

2. Дворникова Е. И. Духовно-нравственные ценности русской классической литературы / Е. И. Дворникова // Искусство и образование.— 2011.— № 1.— С. 6–32.

3. Саморокова В. А. Духовно-нравственное воспитание на уроках литературы II ступени обучения / В. А. Саморокова // Межрегиональная научно-практическая конференция «Духовно-нравственное развитие: проблемы — традиции — перспективы»: тезисы докладов научной конференции, 18–22 апр. 2016 г.— Ханты-Мансийск, 2016.— С. 1–9.

4. Врублевская О. А. Категория социального взаимодействия / О. А. Врублевская // Теория и история.— 2008.— № 2.— С. 180–198.

5. Богданова О. А. Религиозные СМИ в ситуации конвергенции: инструменты медиааналитики и формирование стратегий православного медиа «Фома» в социальных сетях / О. А. Богданова, А. С. Соколов // Вестник Воронежского государственного университета. Филология и журналистика.— 2020.— № 4.— С. 78–83.

6. Владимирова Т. Н. Журналистика и интеллектуальный потенциал общества: теоретические подходы к системному анализу интеллектуального взаимодействия в медиапространстве / Т. Н. Владимирова, В. В. Панферова, О. В. Смирнова и др. // Вопросы теории и практики журналистики.— 2020.— Т. 9.— № 1.— С. 90–105.

7. Прошак Л. В. К проблеме снижения духовно-информационных рисков в современном обществе / Л. В. Прошак // Власть.— 2010.— № 6.— С. 42–45.

8. Родионова Т. С. О некоторых новостных тенденциях в отечественных электронных средствах массовой информации / Т. С. Родионова // Вестник Воронежского государственного университета. Филология и журналистика.— 2020.— № 4.— С. 131–134.

9. Корконосенко С. Г. Социальность журналистики и медиа: методологические подходы / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики.— 2020.— Т. 9.— № 3.— С. 417–430.

10. Нигматуллина К. Р. Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения / К. Р. Нигматуллина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета.— 2008.— Сер. 9.— Вып. 1.— С. 140–146.

11. Amber van der Wal What's in It for Them? Teens' Differential Preferences for Types and Contexts of Televised Aggression / Amber van der Wal, Rarin M. Fikkers, Patti M. Valkenburg // Communication Research.— № 47(8).— 2017.— P. 1206–1227.

12. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века / И. В. Ерофеева.— Новосибирск, 2009.

13. Bachl M. Correcting measurement error in content analysis / M. Bachl, M. Scharkow // Communication Methods and Measures.— 2017.— 11.— P. 87–104.

14. Lopes da Silva A. Theoretical interrelationships between television studies and excess in media discourse / A. Lopes da Silva // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies.— № 4.— 2020.— P. 57–79.

15. Вартанова Е. Л. К вопросу об актуализации теории журналистики и теории СМИ / Е. Л. Вартанова // Вопросы теории и практики журналистики.— 2017.— Т. 6.— № 1.— С. 5–13.

16. Мельник Г. С. Влияние СМИ на социальные эпидемии: конструктивные и деструктивные последствия / Г. С. Мельник // Ученые записки.— Т. 23.— СПб., 2014.— С. 135–14.

17. Троицкий В. Ю. В поисках пути праведного. Словесность в школе: книга для преподавателей русской филологии / В. Ю. Троицкий.— М., 2000.

18. Walter N. A Meta-Analytic Examination of the Continued Influence of Misinformation in the Face of Correction: How Powerful Is It, Why Does It Happen, and How to Stop It? / N. Walter, R. Tukachinsky // Communication Research 47 (2).— 2019.— P.155–177.

19. Шишиморова Ю. И. К вопросу об особенностях философского анализа личности в отечественной социально-антропологической мысли XXI в. / Ю. И. Шишиморова // Среднерусский вестник общественных наук.— 2008.— № 2 (7).— С. 21–27.

Таблица 1.

Популярные группы «ВКонтакте»

Первые десять групп из «ТОП 100 «ВКонтакте» / развлекательный контент	Прямая ссылка на контент	Количество подписчиков на 09.12.2020, чел.
Новинки Музыки 2021_Новая Музыка	https://vk.com/exclusive_muzic	17 782 579
Киномания_Фильмы и сериалы	https://vk.com/kinomania	12 974 124
Киномания	https://vk.com/kino_mania	12 551 961
КиноКайф — Лучшие фильмы	https://vk.com/kino_kaif	12 215 559
Леонардо Дайвинчик	https://vk.com/dayvinchik	12 064 472
MDK	https://vk.com/mudakoff	11 416 819
Смейся до слез: D	https://vk.com/smeyaka	11 269 706
Команда Вконтакте	https://vk.com/team	10 895 455
ЕП	https://vk.com/fuck_humor	9 615 832
Четкие приколы	https://vk.com/oroom	9 224 831

Таблица 2.

Группы «ВКонтакте», ориентированные на духовно-нравственные ценности

Название группы	Прямая ссылка на контент	Категория	Количество подписчиков на 09.12.2020
Благотворительность	https://vk.com/charity	Благотворительность	468 152
Сообщество доноров крови	https://vk.com/donorsearch		255 048
Семейные традиции	https://vk.com/the_narod	Развлекательный паблик, пропагандирующий семейные ценности	156 798
Фонд «Дети ждут»	https://vk.com/groups?act=catalog&c%5Bcategory%5D=15	Социальный проект по усыновлению	124 668
Такие дела	https://vk.com/takiedela_ru	Социальный медиа проект	111 439
Общее дело — здоровая Россия	https://vk.com/obsheedelorf	Общественная организация по борьбе с пагубными явлениями в социуме	80 802
Ночлежка	https://vk.com/nochlezhka	Социальный проект помощи бездомным людям	50 451
Милосердие.RU	https://vk.com/miloserdie_ru?from=quick_search	Православный портал о благотворительности и социальной деятельности	47 315
Благотворительный фонд «Даунсайд АП»	https://vk.com/downsideup	Социальная организация. Помощь детям с синдромом Дауна	17 682
Общественная организация «Перспектива»	https://vk.com/rooiperspektiva	Общественная организация людей с инвалидностью	14 081

Санкт-Петербургский государственный университет
Дудкина А. В., аспирант
E-mail: yakimanna@gmail.com

St. Petersburg State University
Dudkina A. V., Postgraduate Student
E-mail: yakimanna@gmail.com

УДК 070

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАДИОЖУРНАЛИСТИКА В ФОРМАТЕ DIGITAL

Д. В. Зубко, Ю. В. Клюев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Поступила в редакцию 12 апреля 2022 г.

Аннотация: *в данной статье внимание сосредоточено на изучении российского политического радиовещания в интернете. Исследуется влияние цифровизации на возможности представления политической информации. Выявляются и раскрываются ведущие содержательные характеристики радиовещания в формате digital: интерактивность, персонализация и мультимедиатизация. Проводится классификация каналов представления политического радиоконтента в digital-среде, раскрываются особенности указанных каналов, способствующие усилению воздействующего и дискуссионного потенциала политического вещания.*
Ключевые слова: *радиовещание, политическая радиожурналистика, интернет-радио, digital, социальные сети.*

Abstract: *this article focuses on the study of Russian political radio broadcasting on the Internet. The influence of digitalization on the possibilities of presenting political information is investigated. The leading content characteristics of radio broadcasting in digital format are identified and disclosed: interactivity, personalization and multimedia. The classification of channels for presenting political radio content in the digital environment is carried out, the features of these channels that contribute to strengthening the influencing and debating potential of political broadcasting are revealed.*
Keywords: *radio broadcasting, political radio journalism, Internet radio, digital, social networks.*

Статистические данные за 2021 г. свидетельствуют о значительном снижении традиционного, через радиоприемники, слушания передач на территории России, однако в целом цифровизация контента СМИ способствует постепенному переходу аудитории к новым формам радиослушания, прежде всего через интернет-каналы. По данным ВЦИОМ, в 2021 г. цифровые ресурсы занимают значимое место в системе источников информации для россиян: 21% опрошенных получает актуальные сведения о событиях в России и мире из социальных сетей и блогов; 20% — из публикаций на новостных и аналитических сайтах; 4% опрошенных предпочитают получать новости через мобильные мессенджеры. Совокупная доля аудитории, выбирающая интернет для удовлетворения потребности в информации,— 45% опрошенных, что превышает процент тех, кто в качестве основного источника новостей использует только офлайн-телевидение (2% опрошенных), офлайн-радио (2% опрошенных) и печатные издания офлайн (1% опрошенных) [1].

Высокая популярность интернета у аудитории в вопросах получения информации обусловлена возрастающей доступностью Сети и тем, что интернет представляет собой информационно-коммуникационную платформу и сетевое социальное пространство, в котором эффективно функционируют не только новые медиа, но и традиционные печатные издания, теле- и радиоканалы. Можно утверждать, что «Сеть делает человека информационно компетентным, информационно активным, информационно открытым для проявлений собственного “я” в электронном контексте и для возможностей коммуникативного взаимодействия (влияния) друг на друга субъектов электронного общения» [2, 122]. Указанные характеристики Глобальной сети позволяют определять ее как особое культурное явление, пространство для передачи информации и мнений.

Содержательные характеристики digital-вещания. Дигитализация радиожурналистики способствует жанровым, форматным, содержательным изменениям в радиовещании, наряду с этим цифровая среда трансформирует возможности интерактивного взаимодействия аудитории с радиоредакциями. Указанные тенденции в высокой степени характерны не только для развлекательного, но и для аналитического и публицистического, в том числе политического, вещания. Digital-трансформации способствуют росту пропагандистского, агитационного и организационного воздействия политического контента на социум.

Основные содержательные характеристики радиожурналистики в формате digital: интерактивность, персонализация, гипертекстовость, инфоцентричность, мгновенность, измеримость, гибкость, экономичность [3], мультимедийность/мультимедиатизация, трансграничность [4].

Наиболее значимыми характеристиками цифровизации с точки зрения влияния на функции, со-

© Зубко Д. В., Клюев Ю. В., 2022

держание и жанровые особенности журналистского контента являются характеристики интерактивности, персонализации и мультимедиатизации.

Интерактивность и обратная связь: цифровые и содержательные возможности политической радиожурналистики. Интерактивность на радио между радиожурналистами и их аудиторией реализуется через технические возможности коммуникации. Интерактивность в digital-вещании начала XXI в. включает в себя звонки слушателей в прямой эфир, комментирование слушателями передач на сайтах радиостанций и в официальных группах редакций в социальных сетях. Указанные возможности представляют собой действенный инструментарий для создания программ, но не способствуют изменениям, реформированию радиоэфира с позиции учета актуальных запросов слушателей.

Характеристики сходных категорий «интерактивность» и «обратная связь» в контексте современного digital-вещания свидетельствуют о невозможности их отождествления. Общность понятий «интерактивность» и «обратная связь» лежит в плоскости использования технологических возможностей ответной реакции аудитории на коммуникативное воздействие.

Обратная связь — более широкое понятие, чем интерактивность. Действенная обратная связь в техническом плане организуется алгоритмами интерактивности, которые используются радиоведущими, прежде всего через звонки и комментарии слушателей. Кроме этого, обратная связь может осуществляться путем опросов, интервью, анкетирования, формирования фокус-групп слушателей по вопросам качества передач, их важности, понятности для аудитории, профессионализма работы журналистов. В данной ситуации профессионализм можно понимать как категорию, включающую в себя этичность коммуникации, содержательность выступлений, соответствие выбора экспертов, приглашенных в программу, ее направлению. Одной из форм обратной связи в формате digital являются возможность оценки программ на сайтах радиостанций или подкастов в социальных сетях с помощью встроенных кнопок оценивания («лайков» или «дизлайков), возможности текстового комментирования эфира, голосование в опросах на сайтах радиостанций.

Таким образом, интерактивность — это возможность использовать технологии, а обратная связь — это учет журналистами рекомендаций, просьб, критики со стороны аудитории. Несмотря на значимость обратной связи с позиции удержания и привлечения аудитории, журналисты, как правило, игнорируют или негативно воспринимают даже справедливые замечания, что может проявляться в неуважении к их адресанту, а иногда и в агрессии в прямом эфире в адрес слушателей.

Персонализация — характеристика организации вещания и способ формирования общественного мнения. Персонализация, как значимая характеристика digital-вещания, имеет двойственное назначение. Со стороны редакции она может специальным образом реализовываться как особенность представления контента, ориентированного на потребности и интересы пользователя. Персонализация проявляет себя, во-первых, через возможность выбора пользователем формата ознакомления с контентом: слушать передачу, смотреть ее студийную видеозапись или читать расшифровку программы. Во-вторых, через выбор удобного времени прослушивания программы. В-третьих, через возможность определять, какую программу слушать здесь и сейчас. В-четвертых, через возможность выбора оформления сайта «под себя». Например, пользователь/слушатель форматирует отображение выпусков передач через систему блоков или списком, выбирает просмотр сайта через полную или мобильную версию. Кроме этого, персонализация реализуется через индивидуальные настройки авторизированного пользователя в приложениях радиостанций или в социальных сетях.

Другое понимание персонализации заключается в следующем: это способ отражения и построения картины мира через исследование, анализ и личную оценку общественных явлений лидерами мнений — политологами, политиками, экспертами-профессионалами из разных сфер деятельности.

Показательными и заметными проявления персонализации являются в цифровом общественно-политическом вещании федеральных радиоканалов «Вести ФМ», «Комсомольская правда» в январе 2022 г. Указанные радиоканалы входят в ТОП-8 самых цитируемых федеральных радиостанций по данным на октябрь 2021 г. по версии разработчика автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа в режиме реального времени «Медиалогия» [5]. Для исследования в данной статье были выбраны общественно-политические дискуссионные передачи указанных радиоканалов, предполагающие приглашение экспертов, имеющие расшифровку и/или аннотацию на официальном сайте радиоканала. Это передачи «Дневной рубеж», «Полный контакт» на радио «Вести ФМ»; «Утренний Мардан» на радио «Комсомольская правда». Изучение указанных программ осуществлялось с целью выявления преобладания в обсуждении политических вопросов лидеров мнений, соотносимых с категориями: «политологи», «политики», «эксперты из профессиональных сфер», «журналисты и блогеры».

Выявлено, что для передач радиоканала «Вести ФМ» в январе 2022 г. характерно регулярное приглашение для обсуждения политических вопросов российских и зарубежных политологов и политических экспертов: Дмитрия Дробницкого, Якова Кедми, Александра Сосновского, Евгения Сатановского, Вадима Карасева, Сергея Кар-

наухова, Алексея Мухина, Михаила Погребинского и других. К дискуссии в студии были приглашены действующие или бывшие представители официальных государственных структур: директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации, официальный представитель Министерства иностранных дел России Мария Захарова; бывший глава правительства Украины Николай Азаров. В дискуссионных программах «Вести ФМ» принимали участие журналисты и блогеры: Владимир Соловьев, Федор Лукьянов, Валентин Богданов, Анатолий Шарий и другие. В отдельных выпусках программ «Полный контакт» и «Дневной рубеж» принимали участие эксперты: экономист Михаил Хазин, адвокат Шота Горгадзе, директор Международного института новейших государств Алексей Мартынов, пранкер Александр Столяров (Лексус). В целом исследование показало сбалансированность в приглашении к обсуждению значимых общественно-политических проблем в передачи радиоканала «Вести ФМ» политологов, политиков, экспертов и представителей медиа.

На радио «Комсомольская правда» в передаче «Утренний Мордан» принимали участие политологи: Владислав Иноземцев, Максим Жаров, Марат Баширов, политтехнолог Станислав Белковский. Особенность исследуемой передачи и радиоканала заключается в значительном участии в них деятелей российских властных структур. В передаче «Утренний Мордан» в январе 2022 г. принимали участие депутат Государственной думы Михаил Делягин, депутат Государственной думы, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Константин Затулин. Активное участие в передаче принимали эксперты из самых разных сфер: востоковед Алексей Маслов, военный эксперт Александр Жилин, профессор Высшей школы экономики Дмитрий Евстафьев, историк и общественный деятель Евгений Спицын, блогер-урбанист Илья Варламов.

Мультимедиатизация радиоэфира: политический аспект. Характеристика мультимедиатизации означает возможность представления информации для аудитории одновременно в разных форматах. Нельзя не согласиться с И. В. Литвиненко в том, что радио существует в мультимедийной среде более оптимально, чем другие медиа, потому что может эффективнее использовать все доступные знаковые системы [6]. Для слушателей в Сети привычен именно аудиоконтент, радиостанция успешно реализует аудиотрансляцию в структуре своего сайта, дополняя ее различными визуальными элементами. Этим фактором определяется уникальность и индивидуальность радио даже в условиях слияния разных видов медиа в интернете.

Значимым жанром, вызванным к появлению мультимедиатизацией, является универсальный журналистский поликодовый текст — лонгрид. Лонгрид, как правило, представляет собой объемный текст, специальный проект редакции, посвященный конкретному событию или проблеме [7]. Это сложный в исполнении, максимально интерактивный и объемный журналистский материал, аналитический или публицистический текст, содержащий видеофрагменты, аудиозаписи, рисунки, фотографии, инфографику, опросники, мини-игры. Каждая мультимедийная составляющая дополняет и развивает смысл и логику, общую систему повествования [8]. Лонгриды готовятся командой журналистов и веб-дизайнеров, являются сложными в исполнении, служат для максимально глубокого погружения пользователя в тему публикации.

Близки лонгридам размещенные на официальных сайтах радиостанций радиопрограммы, снабженные заголовочным комплексом, текстовой расшифровкой, крупными текстовыми врезками-цитатами, аудиофайлом программы, ее видеозаписью, различными рисунками, инфографикой, гиперссылками. Подобные мультимедийные публикации в большинстве случаев профессионально выполнены, эстетичны, технически функциональны.

Средства мультимедиатизации являются мощными рычагами воздействия на мировоззрение, мировосприятие, в конечном счете — на политический выбор аудитории [9]. Агитационные, интеллектуальные и пропагандистские возможности радиожурналистики соединяются с техническими возможностями мультимедийных публикаций и оказывают мощный поликодовый эффект на сознание и подсознание аудитории [10–11].

Новые формы коммуникации радиостанций с аудиторией в цифровом пространстве. Сегментация digital-пространства предоставляет радиоредакциям широкие возможности для распространения журналистских материалов и поиска своей аудитории. Можно обозначить следующие цифровые площадки, которые используют российские радиоредакции для привлечения слушателей.

Официальные интернет-сайты радиостанций. Официальный сайт радиоканала негласно считается основным источником информации о радиостанции, форме ее собственности, журналистах, программах. На сайте в специализированных разделах размещаются официальные документы, архив радиопередач, программа передач (сетка вещания), информация о ведущих и гостях программ, контактная информация, в том числе ссылки на официальные страницы радиоканалов в социальных сетях, информация о городах офлайн-вещания, оцифрованные и расшифрованные лонгриды — выпуски передач, главные новости в текстовом формате; существует возможность слушать прямой эфир через сайт; выпуски

разделены по тематическому признаку. Например, по состоянию на 12.04.2022 на сайте радиоканала «Вести ФМ» сообщения и передачи классифицируются по темам: «Украина», «ДНР и ЛНР», «День космонавтики», «Выбор Франции», «Коронавирус», «Санкции и контрсанкции», «Южная Осетия», «Россия — США», «Умер Владимир Жириновский», «Крым».

Социальные сети. Социальные сети условно можно классифицировать следующим образом: традиционные универсальные социальные сети, социальные сети с преобладанием визуального контента и мобильные мессенджеры. К традиционным универсальным социальным сетям относятся популярные в России сервисы «ВКонтакте», «Одноклассники». В указанных социальных сетях возможно представление редакциями информации в группах и на публичных страницах с помощью текста, видео, аудиоматериалов, мультимедийных сервисов для создания лонгридов (в сети «ВКонтакте» это сервисы «Статьи» и «Репортажи»).

В настоящее время одним из наиболее востребованных способов цифровой коммуникации являются возможности онлайн-трансляций в социальных сетях. Многие студии на радиостанциях оборудованы веб-камерами, они позволяют радиослушателям/пользователям одновременно с прослушиванием радиоэфира наблюдать в социальных сетях и на сайте радиоканала работу ведущих и гостей программ в режиме реального времени, в том числе и во время рекламных блоков.

В российских социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» представлены официальные группы и страницы федеральных российских радиоканалов общественно-политической направленности: «Вести ФМ», «Радио России», «Радио Звезда», «Коммерсантъ FM», «Комсомольская правда», «Радио Sputnik» и других. Посты данных радиостанций в группах в социальных сетях включают в себя онлайн-трансляции и видеозаписи передач, сообщения информационного характера о работе радиоканала, анонсы радиопрограмм, расширенные мультимедийные статьи на актуальные общественно-политические темы. В официальных группах радиоканалов «Комсомольская правда», «Вести ФМ», «Радио Sputnik» в социальной сети «ВКонтакте» действует сервис «Подкасты», открыта возможность комментирования.

К отдельному типу социальных сетей относятся мобильные мессенджеры. Широкими возможностями распространения контента обладает мобильный мессенджер Telegram. Содержание Telegram-канала радио «Комсомольская правда» сосредоточено на популяризации передач и сюжетов журналистов радиостанции. Кроме анонсов программ, в данном Telegram-канале регулярно публикуются цитаты из передач.

Мобильные приложения радиостанций. Другой тип дигитализации радиоэфира — разработка радиоканалами официальных приложений для смартфонов и планшетных компьютеров; такие приложения выполняются в фирменном стиле радиостанции и приспособлены для наиболее удобного прослушивания радиоканала пользователями. Существующие мобильные версии радиостанций не в полной мере могут удовлетворить потребности слушателей: вход на сайт требует больших усилий, чем открытие приложения посредством нажатия на иконку; мобильная версия представляет собой адаптированный для просмотра на экране смартфона сайт, тогда как приложение — самостоятельный технологичный продукт с множеством дополнительных функций, созданный специально для мобильного телефона.

При разработке приложений учитывается специфика восприятия пользователем информации с экрана смартфона, например относительно небольшие размеры экрана предполагают использование так называемого контекстного (всплывающего) меню, иконок вместо надписей и т.д. Характерной чертой мобильных приложений становится постоянный контакт с пользователем: приложения присылают обладателю смартфона push-уведомления о новых публикациях, анонсы и другую интересующую его информацию.

Каждое приложение является уникальным. Например, мобильное приложение радиостанции «Вести ФМ» позволяет поставить будильник, чтобы не пропустить передачу в прямом эфире; дополняется справочной информацией, в каких городах и на каких частотах вещает радиостанция. Приложение «Радио Маяк» отличается простым исполнением, интуитивно понятным функционалом: пользователю предлагается участвовать в голосовании, слушать прямой эфир, одним нажатием на экран позвонить в программу, написать SMS или в мессенджер WhatsApp.

***

Завершая данную статью, можно отметить, что возможности политического радиовещания в сети существенно расширяются, эта тенденция была выявлена ранее: «Благодаря интернету радио получило мощный инструмент для расширения масштаба вещания, для дополнительного завоевания популярности слушателей, для воплощения своего организационно-структурного и профессионально-творческого потенциала» [12, 90]. Радиопередача в интернете, снабженная мультимедийными элементами, воздействует не только на аудиальный канал восприятия информации слушателем. Агитационные и пропагандистские возможности публицистического радиовещания оказывают совокупный мощный эффект на сознание и подсознание аудитории. Мультимедиатизация, персонализация и интерактивность увеличивают воздействующий потенциал радио.

Однако нельзя не сказать о том, что ключевой воздействующий эффект политической радиожур-

налистики заключается, прежде всего, в интеллектуальных и смысловых характеристиках дискуссионных программ. Существенное значение имеет также психологический фактор вербального взаимодействия и взаимопонимания, обмен мнениями. В данной ситуации цифровые инструменты являются важными средствами подготовки и трансляции передач.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЦИОМ выяснил главные источники новостей для россиян // РБК.— Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614b810f9a794706e3dd3ad8 (дата обращения: 08.04.2022).
2. Клюев Ю. В. Мультимедиа и радиовещание / Ю. В. Клюев // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов: мультимедийный потенциал журналистики.— 2016.— № 1 (10).— С. 121–130.
3. Калмыков А. А. Интернет-журналистика. Теоретические основы. Академический учебник / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова.— М., 2018.
4. Интернет СМИ. Теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной.— М., 2010.
5. Федеральные СМИ: октябрь 2021 // Медиалогия.— Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10345/ (дата обращения: 12.04.2022).
6. Литвиненко И. В. Радио в мультимедийной среде: специфика функционирования (на примере радиостанций московского FM-диапазона в 2009–2014 гг.): автореф. дис. … канд. филол. наук / И. В. Литвиненко.— М., 2015.
7. Булаева М. Н. Мультимедийный лонгрид как новый формат текста в интернет-СМИ / М. Н. Булаева // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции.— Челябинск, 2015.— С. 371–372.
8. Клюев Ю. В. Радиожурналистика в социуме: ее современное состояние и прогноз / Ю. В. Клюев // Вестник СПбГУ. Язык и литература.— 2007.— № 1.— С. 109–114.
9. Зубко Д. В. Радиопублицистика России: проблемно-тематические и структурно-функциональные характеристики (2000–2018 гг.): дис. … канд. филол. наук / Д. В. Зубко.— М., 2019.— 222 с.
10. Современный медиахолдинг: формы существования и проблемы институционализации.— М.: Флинта: Наука, 2017.— 502 с.
11. Клюев Ю. В. Публицистичность радиоречи / Ю. В. Клюев // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Филология, история, востоковедение.— 2015.— № 2 (61).— С. 89–95.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Зубко Д. В., кандидат филологических наук, ассистент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института

E-mail: zubko_dv@spbstu.ru

Клюев Ю. В., доктор политических наук, профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института

E-mail: klyuev_yuv@spbstu.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Zubko D. V., Candidate of Philology, Assistant of the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Humanitarian Institute

E-mail: zubko_dv@spbstu.ru

Klyuev Y. V., Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Humanities Institute

E-mail: klyuev_yuv@spbstu.ru

УДК 070.1

МЕДИА В УСЛОВИЯХ КОММУНИКАЦИОННОГО ИЗОБИЛИЯ И «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

С. В. Иванова

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 23 января 2022 г.

Аннотация: *в статье поднимается проблема влияния коммуникационного изобилия и «новой нормальности», вызванной коронавирусным кризисом, на журналистику и исследования в области медиа. Ускоренные темпы цифровизации и медиатизации, перенасыщенность информационного поля изменяют жизнь граждан и особенности потребления контента. Затрагивается тема современных лидеров мнения, опасности манипуляции общественным сознанием и необходимости выработки критического мышления для адекватной оценки действительности.*
Ключевые слова: *«новая нормальность», коммуникационное изобилие, лидеры мнений, социальные сети, медиаграмотность, критическое мышление.*

Abstract: *the article talks about how communication abundance and the «new normal» affects journalism and media research. The life of citizens has changed after the coronavirus crisis: the pace of digitalization and mediatization of public life has accelerated, the audience has begun to perceive information differently. It is difficult for a consumer of information to connect a lot of facts and news, it is difficult to assess what is happening. Therefore, opinion leaders become popular. The article also notes the need to develop critical thinking.*
Keywords: *«new normal», communication abundance, opinion leaders, social networks, media literacy, critical thinking.*

Коронавирусная эпидемия изменила отношения в обществе и социально-бытовой уклад. Ограничения, которые были введены властями во всем мире для снижения числа заболевших, перестают вызывать возмущение. Теперь абсолютно адекватно воспринимается удаленная работа и учеба, мы стали внимательнее к своему самочувствию и здоровью окружающих, с пониманием реагируем на переносы концертов и других мероприятий, а надеть маску на кассе оказывается гораздо проще, чем вступать в перепалку с сотрудниками магазина. Постепенно мы приходим к явлению «новой нормальности», когда необычный стиль жизни становится приемлемым, обыденным, нормальным.

Изначально термин «новая нормальность» использовался в экономической сфере, его ввели в употребление для описания состояния общества во время Великой депрессии в США (30-е годы XX в.). Понятие «новой нормальности» приобрело актуальность в кризисный период 2008 г., когда замедлились темпы развития мировой экономики, рост производства и доходов оказался значительно меньшим, чем предполагали эксперты. Современные исследователи считают, что в результате пандемии коронавируса «*новую нормальность* нужно считать одной из главных тенденций, определяющих современное развитие мировой экономики» [1]. Отдельно стоит отметить ускоренные темпы повсеместной медиатизации: культурная жизнь перетекает в цифровое пространство (выставки и концерты исполнителей переходят в онлайн), отдается предпочтение покупкам через приложения с доставкой (в том числе и с бесконтактной), персональные документы становятся электронными благодаря порталам Госуслуг и mos.ru, появилась возможность проголосовать на выборах онлайн, обязанность предъявлять сертификаты о прививках частично десакрализируют медицинскую тайну. Государственная дума работает над законопроектами, наделяющими дигитальные QR-коды документальной силой [2]. Таким образом, цифровая медиатизация все больше становится инструментом государственного управления. Коммуникационное изобилие, наиболее характерное для XXI в., способствует тому, что после пандемии «произойдет определенный ренессанс офлайна» [3]. В связи с вышеперечисленными явлениями необходимо рассмотреть, как меняются векторы развития в сфере журналистики и в исследованиях, посвященных медиа.

Наиболее важной особенностью современного состояния СМИ следует считать уклон в сторону мультимедийности и цифровизации. Показательным примером стало переименование кафедры периодической печати МГУ в кафедру изучения цифровой журналистики. Декан факультета Е. Л. Вартанова обоснованно констатирует, что «газеты уменьшат свои тиражи и, возможно, даже станут определенного вида искусством. Таким высококачественным, отчасти люксовым» [4]. Стоит добавить, что ана-

© Иванова С. В., 2022

логовые медиа все чаще вводят в свои публикации и телевизионные программы контент с кроссплатформенным форматом, а также оставляют ссылки на собственные социальные сети, где получение новостей проходит более оперативно. Необычный печатный тираж вышел 30 декабря 2021 г. у газеты «Коммерсантъ» с материалами, зашитыми в QR-коды [5]. Помимо того, что тематика введения и использования электронных кодов наиболее злободневна для россиян, с точки зрения исследования важно само изменение характера информации. Для ознакомления с материалами печатного (аналогового) медиа необходимо подключение к цифровой платформе.

Разделение медиа М. Маклюэна на «горячие» и «холодные» по способности увлекать пользователей теряет свою актуальность: коммуникационное изобилие стирает различие между ними. Современные медиа объединяют все известные инструменты коммуникации, одномоментно стимулируя большинство чувств человека (не исключено, что на горизонте открытие передачи запахов на расстоянии). Новые медийные модусы требуют гораздо большей глубины погружения пользователей в сконструированную реальность. Наряду с этим изменилась схема воспроизводства информации: если раньше СМИ действовали по принципу, в котором один канал информирует многих, то современные медиа (особенно включая такое явление, как гражданская журналистика) пошли по демократическому пути, где многие информируют многих. В связи с этим цифровое пространство наводнено разнородным контентом, но «объем “полезной” информации не увеличивается — происходит искусственное растяжение коммуникативной сферы, приводящее к социальной дезинтеграции» [6]. Таким образом, обособленные информационные каналы сливаются, формируя «гибридные» медиа, способствуя увеличению ежедневной коммуникационной активности и разрастанию информационного пространства.

Ситуация коммуникационного изобилия требует от аудитории гораздо больше когнитивных усилий для рефлексивного отстранения и критической оценки. Конечно, сегодня сложно представить, что прочитанную по радио «Войну миров» примут за события, происходящие в действительности, но поверить в фейковые новости с подкрепленными «экспертными» комментариями на актуальные темы вполне возможно. Особенно, когда меняется характер самой реальности: она становится все больше виртуализированной, наполненной симулякрами и псевдоинформацией. «Вместо того, чтобы быть верхом коммуникации, информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации. Вместо того, чтобы производить смысл, она исчерпывает свои силы в инсценировке смысла» [7]. В сознании массовой аудитории под действием СМИ, которые «навязывают свои предпосылки, предубеждения и ценности» [8], формируется особая картина мира, в которой «действительная реальность замещается реальностью медиадискурса и предлагается массовому адресату в качестве единственно возможной и единственно верной» [9].

Таким образом, возникает противоречие между демократизацией медиа и крушением представления об «информированном гражданине», место которого занимает ангажированный массовый человек, наполненный неограниченным количеством «информации» о псевдореальности. Благодаря социальным сетям создается иллюзия того, что пользователь сам выбирает источники информации и лидеров-инфлюенсеров-авторитетов, которым можно доверять, что, ежедневно потребляя этот отобранный контент, он сам стоит на вершине медиа. Подобная установка «информированного гражданина», знающего обо всем сразу, и есть выражение антидемократического, элитарного идеала. В условиях «новой нормальности», порожденной коронавирусным кризисом, это проявляется с большей силой. К примеру, сторонники конспирологических теорий найдут массу весомых аргументов против ковидных ограничений и вакцинации, считая, что только они обладают правильным «знанием». Эффекты, которые порождает коммуникационное изобилие (и социальные сети в частности), подкрепляют выводы социолога П. Ф. Лазарсфельда о том, что «большую часть информации и своих идей большинство людей получили через личные контакты с лидерами мнения внутри своих групп» [10].

Лидеры мнений — блогеры, инфлюенсеры, эксперты — оказывают сегодня наибольшее влияние, поскольку они соединяют потоки информации с сознанием своей аудитории, вписывают разрозненные факты в четкие картины и создают общее понимание действительности. СМИ отбирают информацию, создают повестку дня, но события в ленте новостей ни о чем не говорят пользователю. Происходит нечто важное, но как к этому относиться? Большинство не имеет четко артикулируемой позиции по тем или иным вопросам, не хватает компетенции, чтобы ее выработать. Этот пробел восполняют лидеры мнений, и события уже становится частью интерпретационной системы, которую способен выбрать конкретный человек. «И соответственно, по мере того, как индивид согласует свои мнения со своей социальной средой, делает выбор под влиянием перекрестных давлений и кристаллизует смутные чувства в определенные мнения, между его частными установками многие противоречия исчезают» [10]. В Сети с каждым днем появляется множество «фактов», под которые можно подвести практически любую теорию, а вместе с тем и появляются множество лидеров мнений, готовых раздать каждому его персональное мировоззрение. Здесь скрывается большая проблема и опасность манипуляции, поскольку

у индивида создается впечатление, что это он сам трактует события, что его мнение формируется естественным образом и не навязано.

Современный этап коммуникационного изобилия порождает иллюзорность информированности и социального взаимодействия, тогда как по-настоящему острые проблемы вытесняются из круга общественного обсуждения. Ответной реакцией на это становится расширение теневой, маргинализированной сферы, представленной лидерами мнений в социальных сетях, потоком фейк-ньюс, популистскими и конспирологическими теориями. Ситуация усложняется тем, что по своей природе человек связан с реальностью опосредованно: для связи с действительностью мы используем речь, понятия, логику, представления о морали, фантазии и прочее, что удваивает реальность. Коммуникационное изобилие и возможности сетей увеличивают количество «возможных миров». Если сеть когнитивных «посредников» индивида смутная, ошибочная, то и взаимодействие с окружающим миром будет некачественным, чреватым крупными ошибками в политике, экономике и в конкретной бытовой жизни. Понимая важность качественного, критического мышления для социальных практик, ЮНЕСКО и многие общественные организации запускают проекты, посвященные медиаграмотности. Например, социальная сеть с короткими видеороликами TikTok в сотрудничестве с факультетом журналистики МГУ начали кампанию о медиаграмотности [11]. Под хештегом «#ЛайкайНоПроверяй» выходят обучающие видео, которые помогут молодой аудитории верифицировать сообщения, избежать распространения фейк-ньюс, отличать мнения от фактов и критически оценивать происходящее. К проекту присоединились и другие пользователи соцсети, готовые поделиться своим опытом разоблачений.

Таким образом, темпы цифровизации и дигитализации общественной жизни под влиянием «новой нормальности», вызванной ковидным кризисом, заметно ускорились. Важные сферы общественной жизни переходят в онлайн, государственный менеджмент также становится удаленным, новые медийные модусы требуют от пользователя все большего погружения в умноженную сконструированную реальность. Коммуникационное изобилие предоставляет индивидам все больше контента на выбор, что заставляет аудиторию прилагать усилия для рефлексии и критического переосмысления входящей информации. Возникает потребность в лидерах мнений, которые связывают разрозненные факты из новостной ленты в оформленное мировоззрение. Опасность манипуляций общественным мнением ставит перед журналистами и исследователями медиа задачу работать над критичностью мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов А. С. Новая нормальность / А. С. Булатов // Мировое и национальное хозяйство.— 2020.— № 3 (52).— Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/2020/2020–03/novaya-normalnost (дата обращения: 19.01.2022).
2. В Госдуму внесен законопроект о QR-кодах на транспорте и в общественных местах // Российская газета.— 2021.— 12 нояб.— Режим доступа: https://rg.ru/2021/11/12/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-o-qr-kodah-na-transporte-i-v-obshchestvennyh-mestah.html (дата обращения: 17.01.2022).
3. «Новая нормальность»: как изменится Россия после пандемии // Газета.ru.— 2020.— 28 апр.— Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml (дата обращения: 19.01.2022).
4. Станет ли журналистика лучше от переименования кафедры в МГУ // RG.RU.— 2021.— 11 авг.— Режим доступа: https://rg.ru/2021/11/08/stanet-li-zhurnalistika-luchshe-ot-pereimenovaniia-kafedry-v-mgu.html (дата обращения: 19.01.2022).
5. Коммерсантъ.— № 239.— 2021.— 30 дек.— Режим доступа: https://www.kommersant.ru/daily/132738?from=doc (дата обращения: 19.01.2022)
6. Миннуллина Э. Б. Коммуникативное пространство в контексте трансформации философии / Э. Б. Миннулина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.— Тамбов.— 2014.— № 4 (42).— Ч. II.— С. 131–134.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр.— М., 2015.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн.— М., 2020.
9. Анненкова И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект): автореф. дис. … д-ра филол. наук / И. В. Анненкова.— М., 2012.
10. Лазарсфельд П. Вводная часть ко второму изданию книги «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» / П. Лазарсфельд // Социологический журнал.— 2018.— Т. 24.— № 4.— С. 154–176.
11. TikTok совместно с факультетом журналистики МГУ запускают кампанию о медиаграмотности // ТАСС.— 2021.— 10 нояб.— Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/1287753 (дата обращения: 19.01.2022).

Московский педагогический государственный университет

Иванова С. В., аспират кафедры журналистики Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

E-mail: iwanowasve@yandex.ru

Moscow State Pedagogical University

Ivanova S. V., Postgraduate Student of the Journalism Department, Institute of Journalism, Communications and Media Education

E-mail: iwanowasve@yandex.ru

УДК 070.11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Кажикин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 апреля 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена особенностям формирования современной системы аттестации научных кадров в России по специальности 10.01.10 — Журналистика. Проанализированы статистические данные работы диссертационных советов за последние годы, изменения в нормативно-правовом регулировании, определены основные тенденции развития системы аттестации научных кадров в обозримой перспективе.*
Ключевые слова: *научная аттестация, научная специальность, диссертационный совет.*

Abstract: *the article is devoted to the peculiarities of the formation of a modern system in scientist's certification in Russia in the specialty 10.01.10 — Journalism. The statistical data of the work of dissertation councils in recent years, changes in regulatory and legal regulation are analyzed, the main trends in the development of the system of certification of scientific personnel in the foreseeable future are determined.*
Keywords: *scientific certification, scientific specialty, dissertation council.*

Система аттестации научных кадров в РФ, обеспечивающая присвоение ученых степеней кандидатов и докторов наук, регулируется законодательно и опирается на работу диссертационных советов, действующих при высших учебных заведениях и научных организациях в качестве независимых экспертных сообществ на общественных началах. До недавнего времени аттестация научных кадров, в том числе по специальности 10.01.10 — Журналистика, осуществлялась диссертационными советами, образованными в соответствии с приказами Министерства науки и высшего образования. По результатам успешной защиты научного исследования советы принимали решение о присвоении ученой степени, которое в дальнейшем утверждалось экспертной комиссией ВАК при Министерстве науки и высшего образования, после чего соискатель получал государственный диплом, подтверждающий его научный статус.

В 2016 г. единая система аттестации научных кадров получила новое ответвление. В соответствии с Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике"» Московский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный университет получили право самостоятельно создавать диссертационные советы и присваивать ученые степени. Через год этот список был расширен: в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 23 августа 2017 г. № 1792-р уже 23 вуза и четыре научные организации получили право самостоятельно присуждать ученые степени с выдачей дипломов вузовского образца. Таким образом возникла двуединая модель аттестации научных кадров в стране.

При этом несколькими годами ранее ВАК инициировала процесс оптимизации сети диссертационных советов по всей стране. Причиной тому во многом послужили многочисленные факты недобросовестной работы целого ряда диссертационных советов и снижения общего уровня качества защищаемых научных работ. В этих условиях ВАК приняла решение сократить число функционирующих диссертационных советов, где проводились защиты с выдачей дипломов кандидатов и докторов наук государственного образца, установив жесткие количественные критериальные показатели для организаций, на базе которых были созданы советы, а также для самих членов этих советов.

В 2014–2016 гг. был проведен первый этап оптимизации сети диссертационных советов, в результате чего произошло уменьшение их числа с 3386 в 2013 г. до 2617 к концу 2016 г. Позже этот курс был продолжен, и к осени 2020 г. общее количество диссертационных советов, выдающих дипломы государственного образца, составило уже 1633. Таким образом, буквально за пять лет было проведено двукратное сокращение сети диссертационных советов по стране. К настоящему времени этот показатель стабилизировался и по состоянию на середину апреля 2022 г. составляет 1666 диссертационных советов, выдающих дипломы государственного образца. Такому значительному сокращению способствовали как установ-

© Кажикин А. А., 2022

ленные жесткие формальные требования со стороны ВАК, так и разрешение с 2016–2017 гг. вузам создавать своими собственными локальными нормативными актами диссертационные советы с выдачей дипломов кандидатов и докторов наук вузовского образца. Благодаря этой инициативе многие диссертационные советы, работавшие по правилам общегосударственной аттестации научно-педагогических кадров, прошли перерегистрацию и стали выдавать дипломы вузовского образца.

Указанные тенденции в полной мере оказались характерны и для сети диссоветов по специальности 10.01.10 — Журналистика. Если в 2017 г. в стране функционировали 13 советов, проводящих защиты с выдачей дипломов государственного образца, то к настоящему времени таких осталось пять. Это советы, функционирующие в Воронежском государственном университете (Воронеж), Кубанском государственном университете (Краснодар), Московском педагогическом государственном университете (Москва), Российском государственном гуманитарном университете (Москва) и Тверском государственном университете (Тверь). Важно отметить, что география указанных советов весьма ограничена: на территории от Воронежа до Дальнего Востока в стране не осталось ни одного диссовета, способного проводить аттестацию научных кадров с выдачей диплома государственного образца по специальности 10.01.10. Частично этот секвестр компенсировали новые диссертационные советы, выдающие дипломы вузовского образца. Но если посмотреть статистику защит за последние 10 лет, можно увидеть, что в системе аттестации научных кадров по специальности 10.01.10 — Журналистика они не смогли в полной мере возместить падение показателей научной аттестации в области массовой коммуникации.

По данным информационной системы ВАК, за последние десять лет в России прошли защиту 697 диссертаций по специальности 10.01.10 — Журналистика, из них 71 докторская и 626 кандидатских. В среднем ежегодно наша страна получала около 70 новых аттестованных ученых в указанной области. Но табл. 1 наглядно показывает, что распределение по годам неравномерно. Если в 2015–2017 гг. среднее количество защит ежегодно составляло около 80, то в последние годы (даже с учетом защит в советах, выдающих дипломы вузовского образца) этот показатель стал практически в два раза ниже. Отдельно стоит отметить, что защиты с выдачей дипломов государственного образца имеют еще более выраженную динамику падения: с 71 кандидатской и 10 докторских в 2017 г. до 10 кандидатских и двух докторских в 2021 г.

На примере работы диссертационного совета при Воронежском госуниверситете можно выделить очевидную тенденцию: с переходом ведущих университетов страны (МГУ, СПбГУ и др.) на выдачу дипломов собственного образца многие столичные соискатели (в том числе иностранцы) предпочитают выбирать местом защиты диссертационный совет, осуществляющий работу с выдачей государственного диплома, а не вузовского. По этой причине только за последние годы в диссовете Д 212.038.18 при ВГУ прошли четыре защиты кандидатских диссертаций соискателей, подготовивших свои исследования в МГУ, и одна защита соискателя из СПбГУ. Кроме этого, в воронежский диссовет стали чаще обращаться соискатели из удаленных городов восточной части страны (где не осталось диссоветов, образованных приказами Минобрнауки) — Екатеринбурга, Новосибирска и др.

Как можно увидеть, диссертационные советы с выдачей дипломов государственного образца в последние годы не отличаются высокой активностью в проведении защит, стараясь достаточно требовательно подходить как к содержанию исследований, выдвигаемых на защиту, так и к оформлению всех документов. Такое положение дел интересно сравнить с активностью новых диссоветов по специальности 10.01.10, которые были образованы локальными нормативными актами вузов и приступили к выдаче дипломов собственного образца. И здесь прослеживается еще одна закономерность. Например, в МГУ в 2017 г., когда еще работал прежний диссовет с выдачей государственных дипломов, прошло 22 защиты. В 2018 г. с переходом на выдачу дипломов собственного образца количество защит в МГУ резко упало до пяти, в 2019 г. прошло десять защит, в 2020 г. — три, в 2021 г. — семь. Аналогичную ситуацию можно проследить в СПбГУ: 15 защит — в 2017 г. (когда еще действовал прежний совет), 4 защиты — в 2018 г. уже в новом совете, 11 защит — в 2019 г., три — в 2020 г., две — в 2021 г. На примере этой статистики можно увидеть, что общая активность диссертационных советов по стране заметно снизилась. Следствием этого может стать нехватка в обозримом будущем остепененных кадров, в первую очередь докторов наук, как для целей педагогической практики, так и для организации новых исследований в медиаотрасли.

Изучив особенности аттестации с выдачей дипломов двух образцов, мы пришли к выводу, что каждая из моделей имеет как свои достоинства, так и недостатки. К числу плюсов защит с выдачей государственного диплома можно отнести высокий статус документа (с более реалистичными шансами признания за рубежом, что актуально для иностранных соискателей) и глубокую верификацию исследования (кроме членов диссовета качество работы оценивает также экспертная комиссия ВАК). Среди недостатков: ограниченный выбор диссоветов и их географическая удаленность, длительный срок выдачи диплома после защиты, организационные сложности, высокий уровень бюрократических процедур при оформлении результатов защиты. Достоинствами

работы самостоятельных диссоветов являются: возможность для соискателя защиты в родном вузе, гибкость нормативной базы (приказами ректора можно пересматривать правила работы совета), меньший объем бюрократических процедур. В свою очередь недостатки заключаются в более низком статусе выдаваемого диплома (который не всегда принимается работодателем, особенно за рубежом), в сниженной верификации исследования (решение о присвоении ученой степени может приниматься узким составом из пяти-шести докторов наук), в высоких требованиях к соискателям (необходимость переводить текст исследования на английский язык, иметь публикации в журналах WoS и Scopus и др.).

С учетом сказанного можно предположить, что в ближайшие годы система аттестации научных кадров вряд ли перейдет на одноуровневую модель, полностью делегировав эти полномочия вузам и локальным диссертационным советам, а скорее продолжит работу в двуедином формате.

Тематический анализ общего массива диссертационных исследований по специальности 10.01.10 с 2012 г. по 2022 гг. позволяет убедиться, что исследователей в последнее время стали намного чаще интересовать технологические и творческие аспекты работы новых средств массовой коммуникации: интернет-СМИ, социальных сетей и пр. (см. сектор интернет-коммуникации в табл. 2, 3 и 4). Также существенно расширилось количество диссертационных работ по связям с общественностью и рекламе при одновременном падении интереса к традиционному вещанию и истории журналистики.

Важно отметить, что на протяжении всего десятилетия, за которое проанализированы данные, именно растущие сегменты интернет-коммуникаций, рекламы и связей с общественностью находились под существенным сдерживающим давлением паспорта научной специальности 10.01.10 — Журналистика, который и по названию, и по списку направлений исследований, и по духу во многом предписывал соискателям ориентироваться на изучение феноменов массовой коммуникации в классических границах журналистики и официально зарегистрированных СМИ.

В 2021 г. Министерство науки и высшего образования РФ выпустило ряд нормативных документов, вносящих существенные изменения в подготовку научных кадров, включая подготовку кадров в области журналистики и медиакоммуникаций, на ближайшую перспективу. В первую очередь к ним относятся приказ от 24.02.21 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени…» и приказ от 07.06.21 г. № 458 «О внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук…».

Пересмотр номенклатуры научных специальностей в России периодически проводился и раньше. Последние изменения в перечень, в частности, вносились 23 марта 2018 г. Подобные изменения отражают необходимость адаптировать номенклатуру официально утвержденных областей научного знания в соответствии с динамикой реального развития научной мысли и экономики. Если в 2018 г. научная специальность 10.01.10 — Журналистика оставалась неизменной, то в 2021 г. произошли во многом назревшие изменения. Место старой специальности заняла новая: 5.9.9 — Медиакоммуникации и журналистика, название которой по сути расширяет потенциальное проблемное поле ученых в области массовой коммуникации, позволяя смелее выбирать в качестве предмета и объекта изучения явления и феномены, выходящие за пределы традиционных форматов журналистской деятельности.

Указанные изменения привели к необходимости перерегистрации всех диссертационных советов, образованных приказами Министерства науки и высшего образования, которые необходимо завершить осенью 2022 г., когда заканчивается переходный период аттестации, допускающий защиты как по старой, так и по новой номенклатуре специальностей. Ближайшие полгода покажут, как много диссертационных советов из оставшихся пяти (с выдачей государственных дипломов) смогут пройти эту процедуру и будут ли новые заявки от других вузов страны на образование диссертационных советов по обновленной специальности.

Второй важный документ — приказ № 458 от 07.06.21 г.— внес изменения в порядок создания и работы диссертационных советов и нацелен на упрощение их работы. В частности, утверждены правила и порядок проведения защит диссертаций с применением дистанционных технологий, ставших особенно актуальными в период пандемии COVID-19, снижены пороговые значения к минимальной численности советов (с 19 до 11 человек), допускается возможность включения в состав совета кандидатов наук численностью до ¼ от общего состава и пр.

Указанные документы свидетельствуют о том, что систему аттестации научных кадров, существенно прореженную за последние 7–8 лет и зажатую в жесткие критериальные требования, разворачивают в сторону максимального соответствия потребностям реальной экономики и поощрения подготовки новых научных кадров.

В условиях изоляции отечественной научной мысли, которую с февраля 2022 г. искусственно усиливает ряд зарубежных государств (в части прекращения участия россиян в международных исследовательских проектах, их допуска к зарубежному научному оборудованию, ограничений на публикации в научных журналах из международных баз данных Web of Science и Scopus и т.д.), дальнейшее создание бла-

гоприятной, а не ограничительной отечественной нормативно-правовой среды для аттестации научных кадров представляется крайне важной задачей.

В полной мере это касается и научной специальности «медиакоммуникации и журналистика», поскольку весь мир ожидаемо уже не первый год все сильнее вовлекается в череду международных информационных войн, актуализирующих, с одной стороны, вопросы медиаобразования и медиаграмотности широких слоев населения, а с другой — вопросы профессиональной подготовки квалифицированных медиаспециалистов-практиков. Такая подготовка невозможна без соответствующего штата ученых в области массовой коммуникации: кандидатов и докторов наук.

18 марта 2022 г. Президиум ВАК выпустил рекомендацию № 7/1-разн «О публикациях, индексируемых в международных базах данных Web of Science и Scopus», которой фактически приостановил до конца 2022 г. действие одного из требований к членам ВАКовских диссертационных советов: наличие минимум одной международной публикации за последние пять лет (для гуманитариев). Таким образом, из трех обязательных условий для докторов наук — потенциальных кандидатов в члены диссоветов по специальности 5.9.9 –Медиакоммуникации и журналистика остались актуальными два: наличие не менее пяти публикаций в журналах из перечня ВАК и наличие минимум одной монографии за последние пять лет.

Данные решения свидетельствуют о постепенном развороте системы аттестации научных кадров от западных стандартов в сторону большей самостоятельности и национальной независимости. В совокупности с указанными ранее тенденциями этот шаг позволит сделать данную систему более сбалансированной и адаптированной к современной социально-экономической действительности России.

Воронежский государственный университет
Кажикин А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: kazhikin2008@yandex.ru

Voronezh State University
Kazhikin A. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relation, Advertising and Design Department
E-mail: kazhikin2008@yandex.ru

Таблица 1

Динамика защит диссертаций по специальности 10.01.10 за последние 10 лет

Таблицы 2, 3, 4

Тематика диссертаций по специальности 10.01.10 — Журналистика

УДК 070.1

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В. В. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2022 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности подачи информации о культурной жизни Воронежской области в период пандемии, способы визуализации и продвижения музыкального контента в социальных сетях.*
Ключевые слова: *музыкальная журналистика, визуализация контента, социальные сети, культура, продвижение.*

Abstract: *the article discusses the features of providing information about the cultural life of the Voronezh region during the pandemic, ways to visualize and promote music content in social networks.*
Keywords: *music journalism, content visualization, social networks, culture, promotion.*

узыкальная журналистика как особый вид журналистской деятельности находит подтверждение в научных статьях различных исследователей. Так, в частности, М. Г. Чурсинова утверждает, что «предмет музыкальной журналистики определяется закономерностью взаимоотношений музыки как творческой деятельности, музыкальной критики как рефлексии творческого сообщества по поводу произведений музыки и журналистики как деятельности, производящей массовую информацию. Он включает в себя ту сторону общественной жизни, которая представлена взаимодействием музыкального творчества и музыкального восприятия и проявляется как процесс музыкального развития общества. Функция музыкальной журналистики — содействие музыкальному развитию общества» [1, 23–24].

В этом ракурсе мы и будем рассматривать освещение событий музыкального пространства в Воронежской области, которое в период пандемии претерпело серьезные изменения, прежде всего касающиеся поиска новых возможностей для трансляции своей деятельности. Традиционные площадки для информирования и просвещения населения, к примеру официальные сайты государственных творческих учреждений (департамента и управления культуры, образования, филармонии, детских школ искусств, музыкальных колледжей и училищ, специализированных институтов искусств), а также конкурсные сайты профессионального мастерства остались статичными к надвигающимся изменениям, а их функции сводились к коротким сообщениям новостного характера. Тематика сообщений в основном касалась общих ограничений в деятельности организаций, связанных с COVID-19, отмены ряда спектаклей, концертных мероприятий, фестивалей и гастролей, а творческие коллективы будто замерли в ожидании предстоящих перемен.

В то же время специфика деятельности музыкальных и танцевальных коллективов подразумевает непрерывный репетиционный процесс, а потому такого рода ограничения могли сказаться на постепенном снижении профессионального уровня участников, в связи с чем для ряда организаций были предложены дистанционные формы взаимодействия. Так, в частности, артисты Воронежской филармонии могли записывать видео отдельных программных выступлений в домашних условиях, а сведением (микшированием) звука и синхронизацией его с визуальным рядом занимались специалисты по монтажу, предлагая зрителям готовый контент в формате «полиэкрана» (множественного экрана) — монтажного приема, предполагающего разделение кадра на несколько частей. Этот прием изначально применялся в кинематографе, затем перекочевал в информационную журналистику для демонстрации одномоментности происходящих событий, а в период ограничений стал популярным и в сфере музыкальной журналистики.

Изначально «домашние» видеоконцерты стали ответом музыкантов, актеров, танцоров на пандемийные ограничения в передвижении. Импровизационные выступления записывались на телефон, фоном могла служить любая комната, одежда также была не концертной. С одной стороны, такого рода видеоконтент был снят и отмонтирован непрофессионально: камера телефона могла резко смещаться, были видны монтажные склейки и резкие переходы крупности планов, синхронизация изображения и звука не всегда была идеальной. С другой стороны, эти видеоролики были сняты в формате любительских материалов в «Ютубе» и, несмотря на постановочность, несли в себе элемент документальности, показывая происходящее «здесь и сейчас», а потому

© Колесникова В. В., 2022

полюбились зрительской аудитории, имели большое количество просмотров и перепостов в социальных сетях. Этот формат приглянулся руководству большинства творческих организаций, и они стали его использовать в рамках регулярной отчетности работы коллективов. Безусловно, для официальных сайтов организаций такие «домашние» выступления не подходили, а потому социальные сети стали основной площадкой для трансляции в период пандемии, в частности для Воронежской областной филармонии.

Следует отметить, что Воронежская филармония, помимо академического симфонического оркестра, включает в себя большое количество творческих коллективов: губернаторский эстрадно-духовой оркестр, ансамбль русской песни «Воронежские девчата», музыкально-литературный лекторий, театр поэзии «Элегия», мужской хор и ряд других концертных объединений. Каждый из этих коллективов кратко представлен на официальном сайте [2] в рубрике «Коллективы», в разделе «Новости» публикуется актуальная информация об их деятельности, а социальные сети служат для продвижения организации и привлечения более широкой аудитории.

Самым активным официальным сообществом Воронежской государственной филармонии в социальных сетях является «ВКонтакте» [3]. Эта площадка позволяет в свободной форме рассказывать о событиях и персоналиях организации, используя различные мультимедийные элементы, и имеет большое число возможностей для интерактивного взаимодействия с публикой.

Информационным поводом для визуализации деятельности областной филармонии в социальной сети «ВКонтакте» в период пандемии становились:

— видеокомментарии официальных лиц с записью на телефон;

— видеопоздравления с юбилеем сотрудников или конкретного коллектива;

— видеоанонсы памятных дат, вечеров памяти;

— интервью сотрудников региональным или федеральным СМИ;

— концертные видеозаписи или репетиции;

— полезная информация (Пушкинская карта, интересные факты биографии музыкантов и композиторов, советы, выдержки из критических статей и т.п.);

— фотоотчеты.

Отличительными чертами работы сообщества «ВКонтакте» Воронежской государственной филармонии можно назвать непринужденный стиль общения с аудиторией, краткость и легкость в подаче информации, яркий визуальный контент, обратная связь с подписчиками. В периоды между ковидными ограничениями социальная сеть «ВКонтакте» продолжала функционировать в таком же непрерывном режиме, регулярно информируя о деятельности организации, и стала для заинтересованной публики основной площадкой, тем самым вытеснив официальный сайт.

На сегодняшний день число подписчиков Воронежской филармонии в сети «ВКонтакте» превышает две тысячи человек, и это достаточно высокий показатель для регионального концертного учреждения. В сравнении: сообщество Московской областной филармонии «ВКонтакте» (государственное автономное учреждение культуры Московской области «Московская областная филармония»), имеет всего 840 подписчиков [4].

Сравнивать областные сообщества со столичными концертными объединениями было бы некорректно, поскольку они являются площадками мирового уровня и потому имеют гораздо большее число подписчиков. К примеру, аудиторией Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича в социальной сети «ВКонтакте» [5] являются 79 тысяч человек. Подписчиками Московской государственной академической филармонии в этой же социальной сети [6] — 53 тысячи человек. В то же время контент всех вышеперечисленных учреждений культуры вполне можно сравнить и сделать вывод, что он представлен похожими способами продвижения: анонсами, видеообзорами, фрагментами концертных выступлений, видеороликами и т.п. Активность администраторов в этих социальных сетях приблизительно одинаковая: с определенной периодичностью (1–3 раза в день) выкладываются информационные и рекламные сообщения, связанные с деятельностью организаций.

Таким образом, на примере социальных сетей конкретной организации можно говорить о применении всевозможных мультимедийных форматов для информирования аудитории, о продвижении разных типов продуктов с использованием интерактивных элементов. Тенденция вытеснения социальными сетями официальных площадок просматривается в разных сферах деятельности, а период пандемии дал толчок для развития и отчасти доминирования социальных сетей над традиционными сайтами в качестве источника получения информации и основной платформы для взаимодействия с аудиторией в непринужденном формате дружественной беседы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чурсинова М. Г. Музыкальная журналистика как особая область журналистского творчества: предпосылки возникновения / М. Г. Чурсинова // Знак: проблемное поле медиаобразования.— 2015.— № 2 (16).— С. 23–24.

2. Воронежская государственная филармония. Официальный сайт.— Режим доступа: http://vrnmusic.ru (дата обращения: 20.03.2022).

3. Воронежская государственная филармония. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте».— Режим доступа: https://vk.com/vrnmusicru (дата обращения:

20.03.2022).

4. Московская областная филармония. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте».— Режим доступа: https://vk.com/mosoblfil (дата обращения: 20.03.2022).

5. Санкт-Петербургская академическая филармония имени Д. Д. Шостаковича. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте».— Режим доступа: https://vk.com/philharmoniaspb (дата обращения: 20.03.2022).

6. Московская академическая филармония. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте».— Режим доступа: https://vk.com/mosfilarmonia (дата обращения: 20.03.2022).

Воронежский государственный университет

Колесникова В. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой электронных СМИ и речевой коммуникации

E-mail: kolesnikova.vvv@yandex.ru

Voronezh State University

Kolesnikova V. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Electronic Mass Media and Communication Department

E-mail: kolesnikova.vvv@yandex.ru

УДК 654.197.01:316

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЕДУЩЕГО ТОК-ШОУ С УЧАСТИЕМ СЕЛЕБРИТИ

А. Д. Колосова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье исследуется речевое поведение ведущих ток-шоу с участием известных личностей. Эмпирическую базу исследования составили выпуски телепередач «Привет, Андрей!» (телеканал «Россия 1») и «Звезды сошлись» (телеканал НТВ), выходящие в течение 2019 и 2020 гг. Автор утверждает, что для эффективной коммуникации в рамках теледискурса Андрей Малахов и Лера Кудрявцева используют определенные речевые стратегии и тактики, адресованные как гостям студии, так и массовому зрителю.*
Ключевые слова: *ток-шоу, речевое поведение, коммуникативная стратегия, развлекательное телевидение, селебрити.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the speech behavior of the talk show hosts who deal with celebrities. The empirical basis of the study is the episodes of programs "Hello, Andrey!" (Russia 1) and "The celebrities got together" (NTV) which were released during 2019 and 2020. The author submits that, while organizing effective communication in the TV discourse, Andrey Malahov and Lera Kudryavtseva use certain speech strategies and tactics addressed both to the show's participants and to the mass audience.*
Keywords: *talk-show, speech behavior, communication strategy, entertaining television, celebrity.*

Переход от традиционного типа телекоммуникации, включающего в себя преимущественно одностороннее, монологическое общение с аудиторией, к интерактивному типу взаимодействия с телезрителями способствовал возникновению новых жанров, среди которых, согласно данным исследовательской компании Mediascope, одним из наиболее популярных на российском телевидении является жанр ток-шоу. Особое внимание телезрители уделяют развлекательным передачам с участием известных личностей. Например, выпуски ток-шоу «Привет, Андрей!» (телеканал «Россия 1») и «Звезды сошлись» (телеканал НТВ) всегда находятся на высоких позициях в еженедельном рейтинге «100 наиболее популярных программ среди россиян» [1].

В данной работе понятие «ток-шоу» определяется как «интерактивный процесс речевого взаимодействия телекоммуникатора и телеаудитории, которое характеризуется определенным национально-культурными особенностями, проявляющимися в ситуации межличностного общения, осложненного условиями массовой коммуникации и институциональным статусом коммуниканта» [2, 12]. Как по тематической, так и аудиторной направленности программы в жанре ток-шоу относятся к группе универсальных мультипроектов, то есть адресованы массовому зрителю [3, 188]. Предметом обсуждения в подобных передачах часто становятся события, явления и проблемы, которые привлекают внимание большого количества телезрителей. Интересы адресата — основополагающий принцип выбора тематики ток-шоу. В рамках этого жанра происходит ориентация на громкие имена и темы, которые привлекают внимание максимального количества зрителей. Частая трансляция передач с участием представителей шоу-бизнеса во многом продиктована интересом аудитории к жизни и творчеству знаменитостей.

Популярности ток-шоу способствует также личность телеведущего, являющегося лицом программы. Говоря о передачах «Привет, Андрей!» и «Звезды сошлись», можем сказать, что их ведущие Андрей Малахов и Лера Кудрявцева представляют собой, как и герои их выпусков, полноценных селебрити, так как к ним приковано пристальное внимание масс. Они — частые герои светской хроники, обладатели большой аудитории в социальных сетях.

Ключевую роль в создании передач в жанре ток-шоу играет речевое поведение телеведущего. По определению Р. В. Пазухина, этот языковой феномен представляет собой «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [4, 47]. В связи с тем, что телеведущий как лицо программы является ответственным за ее рейтинг, во время записи каждого выпуска он должен иметь общий план речевых действий, составленный на основе тех целей, которые были поставлены в процессе подготовки к эфиру. Его интенции зависят от формата передачи, темы выпуска и других участников. Основной целью

© Колосова А. Д., 2022

ведущего ток-шоу с участием известных людей является развлечение массовой аудитории. В связи с этим ему необходимо решить ряд задач, включающих организацию коммуникации между «звездными» участниками выпуска, коррекцию их речевого поведения в соответствии с жанровыми особенностями ток-шоу и взаимодействие со зрителями.

Проанализировав речевые практики ведущих развлекательных телепрограмм «Привет, Андрей!» (телеканал «Россия 1») и «Звезды сошлись» (телеканал НТВ), мы приходим к выводу, что для эффективного общения с гостями студии и телеаудиторией, заключающегося в выполнении заранее поставленных целей, они используют определенный набор коммуникативных стратегий и тактик, представляющих собой «комплекс речевых актов, направленных на достижение цели, поставленной адресантом» [5, 196]. Рассмотрим их более подробно.

Исследуя особенности коммуникативного поведения ведущего ток-шоу, прежде всего необходимо сказать, что он всегда персонифицирован. Телеведущие программ «Звезды сошлись» и «Привет, Андрей!» представляют собой самодостаточных личностей, которые демонстрируют свою значимость и открыто транслируют личное мнение с помощью стратегии самопрезентации, реализуемой в речи с помощью двух тактик: актуализации собственного «Я» и выражения личного мнения и оценки.

Как уже было отмечено, Андрей Малахов является публичной личностью, поэтому несмотря на «звездный» статус участников программы он часто акцентирует внимание зрителей на себе. Благодаря тактике актуализации собственного «Я» телеведущий создает коммуникативное равенство между собой и гостем в студии, формирует свой образ. Применяя данную тактику, он апеллирует к фактам своей биографии, интересам и профессиональному опыту: *Когда я только услышал про все это,* ***я сразу вспомнил, как я год назад был у Ксении****. Мы тогда снимали интервью* («Привет, Андрей!» от 20.04.2019); ***Мое неравнодушие*** *к Наташе до такой степени, что у моей супруги и Наташи день рождения в один день. И супругу мою тоже зовут Наташа. Вся* ***моя фантазия*** *с Наташей Королевой воплотилась!* («Привет, Андрей!» от 16.05.2020).

Действия ведущего ток-шоу заключаются не только в нейтральном запросе информации у собеседника, но и в обсуждении затронутых проблем вместе с гостями, выражении собственной точки зрения касательно рассматриваемых тем. В подобной дискуссии Лера Кудрявцева использует тактику выражения личного мнения и оценки, содержащую различные аксиологические предикаты. Объектом оценки телеведущей может выступать личность участника программы, проблема, обсуждаемая в рамках ток-шоу, или происходящее в студии: ***Ты балда****, уж извини! Я тебе это уже говорила* («Звезды сошлись» от 01.03.2020); *Александр Добровинский был у меня на программе. Это человек с очень плотным расписанием.* ***Я не поверю****, что он два с половиной месяца будет этим заниматься просто так!* («Звезды сошлись» от 30.08.2020).

Безусловно, в процессе коммуникации с каждым героем программы речевые действия телеведущего осуществляются с учетом особенностей его языковой личности, социального статуса и индивидуально-психологических характеристик. Но, так как данное общение происходит в рамках медиадискурса, коммуникативное поведение ведущего в первую очередь подчинено интересам массовой аудитории. Фактор двойного адресата на телевидении выделяется многими отечественными исследователями [6–9]. Изучая диалогичные жанры, они утверждают, что для эффективного функционирования телепередачи ведущему необходимо учитывать ее двуадресность и в соответствии с этим организовывать процесс подачи информации [6, 8; 9, 14]. Этим фактом объясняется присутствие зрителей в студии: они выполняют компенсаторную функцию. С помощью массовки во время съемок имитируется непосредственная диалогическая коммуникация с телеаудиторией: *У нас есть в зале те, кто смотрел этот выпуск?* ***Вы*** *входите в эти 3 миллиона?* («Привет, Андрей!», выпуск от 26.12.2020).

Обращаясь к залу и телезрителям, Малахов и Кудрявцева часто используют коммуникативные стратегии и тактики. К примеру, когда ведущие «Привет, Андрей!» и «Звезды сошлись» анонсируют появление нового участника, они обращаются к тактике оценочного представления: ***Встречаем*** *заслуженную артистку России Анастасию Волочкову!* («Привет, Андрей!», выпуск от 20.04.19); *В программе «Звезды сошлись» самый близкий родственник актера, его сестра Анастасия Ефремова.* ***Встречайте****!* («Звезды сошлись», выпуск от 30.08.2020). Данные речевые высказывания применяются для того, чтобы привлечь внимание зрителей, находящихся как в студии, так у экранов телевизоров. С их помощью они призывают массовку громко приветствовать гостя, аплодировать ему. Последующая бурная реакция зала способствует дополнительной актуализации внимания телезрителей.

Ведущий может интерактивно взаимодействовать с телеаудиторией посредством шуток и иронии. Эти тактики применяются непосредственно для развлечения зрителей, то есть выполняют рекреационную функцию ток-шоу, являющуюся первостепенной для данного телевизионного жанра. Тактика иронии присутствует, например, в речи Леры Кудрявцевой: *Почему же Добровинский их не устроил?* ***Шикарный адвокат — на самокате приехал, в очках красивых****!* («Звезды сошлись» от 30.08.2020). Используя речевой акт с ироническим значением, телеведущая в юмористической форме выражает критическую

оценку внешнему виду адвоката Добровинского, ставит под сомнение его профессионализм. Такое высказывание, с одной стороны, может вызвать улыбку у зрителя, поднять его настроение, а с другой — побудить его относиться к обсуждаемому персонажу скептически, с насмешкой.

Несмотря на то, что жанр ток-шоу предполагает коммуникативное равенство всех участников, ведущий, являясь организатором дискуссии, координирует процесс взаимодействия всех гостей студии. Придерживаясь заранее подготовленного сценария, он может демонстрировать свое лидерское положение в процессе записи передачи. С этой целью Малахов и Кудрявцева используют стратегию доминирования говорящего, которая выполняет несколько функций. Во-первых, таким способом они способны влиять на речевое поведение участников ток-шоу, вносить изменения в ход дискуссии. Например, останавливать говорящего: *Андрей,* ***подожди минуточку****!* («Звезды сошлись», выпуск от 08.11.2020); ***Нужно сказать****. Прости,* ***я тебя перебью****. Константин специально крестился для венчания!* («Привет, Андрей!», выпуск от 14.09.2019); или передавать слово определенному участнику коммуникации: ***Давайте послушаем Марину****, потому что она, правда, больше всех переживала* («Привет, Андрей!», выпуск от 17.10.2020): ***Маргарит****,* ***скажи****, глядя на квартиру Насти в Санкт-Петербурге, вот в наше время ее возможно продать?* («Звезды сошлись», выпуск от 22.11.2020); а также менять темы обсуждения: *Настя, скажите, пожалуйста. Если все-таки* ***продолжить тему адвокатов****, вас устраивает защита Миши?* («Звезды сошлись», выпуск от 13.09.2020).

Во-вторых, прибегая к стратегии доминирования, ведущие «Привет, Андрей!» и «Звезды сошлись» конструируют выпуск программы. Например, анонсируют рекламу: *Короткая* ***реклама****! Через минуту* ***мы продолжим*** («Привет, Андрей!», выпуск от 19.09.2020), объявляют о начале демонстрации фото- и видеоматериалов: *У нас есть видео с той встречи.* ***Давайте посмотрим****!* («Звезды сошлись», выпуск от 30.11.2020); *Вы просто не видели эфир, где Вика практически умыла слезами всю студию «Прямого эфира».* ***Внимание на экран!*** («Привет, Андрей!», выпуск от 22.06.2019). Мы видим, что, применяя стратегию доминирования, ведущий сохраняет тематическую целостность выпуска и регламентирует речевое поведение говорящих, давая возможность высказаться всем участникам, сдерживая или стимулируя их.

Таким образом, изучив специфику языковых личностей телеведущих передач «Привет, Андрей!» и «Звезды сошлись», мы делаем вывод о том, что способность телеведущего ток-шоу выстраивать коммуникацию с гостями студии и телезрителями существенно влияет на успешный результат программы, заключающийся в выполнении развлекательной функции передач с участием селебрити. Эффективной организации речевого поведения Андрея Малахова и Леры Кудрявцевой способствует их умение ориентироваться в тех или иных коммуникативных ситуациях, возникающих в процессе записи программы, а также выбор правильных действий в кадре. Исходя из таких намерений, как развлечение массового зрителя, позиционирование себя в качестве публичной личности, координация процесса дискуссии, они формируют свое речевое поведение, нередко прибегая к использованию тех или иных коммуникативных стратегий в процессе взаимодействия с гостями студии и телеаудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mediascope. Данные по аудитории СМИ.— Режим доступа: https://mediascope.net/data/? FILTER_TYPE = tv (дата обращения: 27.03.2022).
2. Нугуманова Л. А. Коммуникативно-прагматический аспект формирования телевизионного дискурса (на материале интерактивных ток-шоу регионального телевидения): автореф. дис. … канд. филол. наук / Л. А. Нугуманова.— Уфа, 2014.— 23 с.
3. Шестерина А. М. Мультипроектирование как тренд современного телепроизводства (на материале анализа телевизионных проектов первого канала) / А. М. Шестерина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика.— 2018.— № 3.— С. 188–190.
4. Пазухин Р. В. Язык, функция, коммуникация / Р. В. Пазухин // Вопросы языкознания.— 1979.— № 6.— С. 42–50.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О. С. Иссерс.— М.: Флинта, 2020.— 240 с.
6. Баранова К. В. Риторический анализ речевого поведения ведущих американских ток-шоу: автореферат дис. … канд. филол. наук / К. В. Баранова.— СПб., 2006.— 17 с.
7. Воронцова Т. А. Телевизионная дискуссия как жанр дискурса СМИ / Т. А. Воронцова // Язык СМИ и политика.— 2012.— С. 612–634.
8. Попова Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте / Т. И. Попова.— СПб.: Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2002.— 219 с.
9. Мелехова Н. А. Исповедальное телевизионное интервью как речевой жанр массмедиального дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. А. Мелехова.— Ярославль, 2010.— 23 с.

Воронежский государственный университет
Колосова А. Д, аспирант кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
E-mail: anastasia_kolosova@inbox.ru

Voronezh State University
Kolosova A. D., Postgraduate Student of the Electronic Mass Media and Communication Department
E-mail: anastasia_kolosova@inbox.ru

УДК 070

ЖУРНАЛИСТСКИЙ МИР ПЕТЕРБУРГА В КАРИКАТУРАХ ЖУРНАЛА «ДОБРЯК» (1882 Г.)

О. С. Кругликова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 23 марта 2022 г.

Аннотация: *в статье анализируется отражение тенденций развития русской журналистики начала 1880-х гг. в карикатурах сатирического иллюстрированного еженедельника «Добряк» (1882 г.), выходившего в качестве приложения к журналу-газете «Гражданин». Исследование показывает, что в контексте консервативных взглядов издателя-реактора князя В. П. Мещерского основными мотивами карикатурного осмеяния современной ему журналистики были ее коммерциализация, появление нового типа журналиста, нацеленного на угождение публике и коммерческий успех, а также оторванность либеральной журналистики от нужд и чаяний простого народа.*
Ключевые слова: *«Добряк», «Гражданин», В. П. Мещерский, карикатура.*

Abstract: *the article analyses the reflection of the tendencies of Russian journalism in the early 1880s. in the cartoons of the satirical illustrated weekly «Dobryak» (1882), published as an appendix to the magazine-newspaper «Grazdanin». The study shows that in the context of the conservative views of the publisher-reactor Prince V. P. Meshchersky, the main motives for satire on contemporary journalism were its commercialization, the emergence of a new type of journalist aimed at pleasing the public and commercial success, as well as the liberal journalism's isolation from the common people's needs and aspirations.*
Keywords: *«Dobryak», «Grazdanin», V. P. Meshchersky, caricature.*

Введение. Князь В. П. Мещерский, видный общественный деятель, журналист и издатель последней четверти XIX — начала XX вв., представитель консервативных политических взглядов и яркий полемист, в 1882 г. предпринял попытку обратиться к новому для себя формату журналистской деятельности: начал издание иллюстрированного сатирического еженедельника «Добряк». «Добряк» выходил как приложение к газете-журналу «Гражданин» и просуществовал всего год. Век «Добряка» был недолог, поскольку политические события 1882 г. мало располагали к расцвету журнальной сатиры: шаткое положение власти после цареубийства 1881 г. требовало поиска точек общественного единения, а не обострения противоречий, поэтому цензура была особенно строга в отношении задиристой политической полемики и карикатуры. Полемический тон всегда был свойственен публицистике Мещерского, его мнение о тех или иных политических вопросах чаще всего выражалось именно как ответ на высказывания или журнальные публикации его оппонентов. Это свойство в полной мере было присуще и новому изданию, отразившись не только в содержании его текстовой части, но и в иллюстрациях.

Можно смело сказать, что именно представители журнального мира Петербурга удостаивались наиболее пристального и постоянного внимания редактора-издателя «Добряка». Хотя журнал обращался к широкому кругу тем — не оставался в стороне от обсуждения вопросов внешней политики, нападал на столичную бюрократию, вышучивал светские обычаи, роскошь и мотовство богачей и т.д.— но все-таки главным объектом карикатуры и эпиграммы сатирического еженедельника были представители журналистики. Осмеянию подвергались не только видные издатели либерального направления (А. А. Краевский, М. М. Стасюлевич), но и представители изданий с политически нейтральной позицией (П. Д. Боборыкин, О. К. Нотович, Г. Д. Гоппе), и даже издатель консервативного «Нового времени» А. С. Суворин. Не обошел вниманием «Добряк» и общую трансформацию журналистской профессиональной среды, новые черты журналистики 1870–80-х гг.: коммерциализацию, стремление к наживе, зависимость от требований невзыскательной публики.

Исследование. Роль и значение журналистской темы для издания Мещерского можно оценить уже по тому, что первый номер открывался карикатурой на А. А. Краевского. Изображение задумчивого Краевского с газетой Суворина в руках сопровождала надпись «А. А. Краевский редактор «Голоса» читает «Новое время» и считает». Рост влияния коммерческой составляющей на содержание журналистики вынуждал издателей с одной стороны, искать симпатий публики, расставляя содержательные приоритеты в своих изданиях в угоду ее потребностям, с другой — бдительно следить, насколько хорошо с подобной задачей справляются их коллеги по перу и одновременно конкуренты.

© Кругликова О. С., 2022

Рис. 1

Обложка первого номера журнала «Добряк»

Теме диктата коммерческого интереса над общественно-политической и литературной дискуссией посвящена также и карикатура, изображающая А. С. Суворина и Н. А. Лескова, которая была помещена во втором номере журнала. Писатель и редактор едут вместе в коляске, при этом Суворин сидит бочком, как-то неловко, а Лесков расположился вальяжно, развалясь. В этих обстоятельствах они ведут такой диалог:

«*Суворин*: Что, брат Лесков, публика везет шибко, даром что глупа? А? «Новое время» штука хорошая.

Лесков: Так точно-с, Алексей Сергеевич, да только извините меня за мою дерзость, вы не изволите уметь сидеть, надо в коляске сидеть вот так, развалившись.

Суворин: Знаю, да боюсь встретить нигилиста, пожалуй, примет еще за консерватора.

Лесков: Эх, Алексей Сергеевич, Новое время тем и хорошо, что коли есть деньги, плюй на всех».

Мещерский, впрочем, подозревал Суворина не только в стремлении к наживе, но и в честолюбивых замыслах использовать свою журналистскую деятельность как ступень в построении широкой политической карьеры. В начале января «Новое время», передавая известие о том, что знаменитый французский журналист Жан-Жак Вайс по распоряжению Гамбетты занял пост директора департамента иностранных дел Франции, высказалось о том, что публицистическая деятельность, направленная на освещение вопросов международной политики, может стать хорошей школой для подготовки специалистов дипломатического корпуса. Это высказывание привлекло внимание официоза российского министерства иностранных дел — франкоязычной газеты Journal de St.-Pétersbourg, которая предложила считать высказывание газеты Суворина не более чем шуткой. Вовлечение журналистов в дипломатическую работу, по мнению Journal de St.-Pétersbourg, было решительно невозможно из-за двойственности их положения: печать, претендуя на полную независимость от правительства, не может одновременно являться выразителем его позиции в международной политике.

«Новому времени» пришлось разъяснять своим читателям, что мысль, высказанная по поводу дипломатической деятельности Вайса, была истолкована их оппонентами превратно: «Во-первых, французская газета несправедливо приписывает нам совет не брать дипломатов иначе как из публицистов, во-вторых, не может быть и речи о соединении обязанностей редакторов независимых изданий с обязанностями официальных дипломатов… Мы только указывали, что для многих дипломатов было бы полезнее поработать несколько лет в серьезном политическом органе, нежели фигурировать на плац-парадах или в полусвете» [1]. Этот журнальный диалог привлек внимание Мещерского, который в «Добряке» решил высмеять Суворина, приписав ему непомерное политическое честолюбие: карикатура, помещенная в 4-м номере журнала, изображала Суворина самодовольно красующимся перед зеркалом во фраке и цилиндре с припиской «Чем же я не дипломат?»

Рис. 2

«Добряк», № 4

В 1880-е гг., став полноправной частью новых для России экономических отношений, пресса превратилась и в удобный плацдарм для социального старта людей, не отягощенных принципами и глубокими научными или философскими познаниями, совершенно чуждых того мессианского пафоса, которым была

проникнута журналистика начала и середины XIX в. Журналистская профессия на рубеже веков, наряду с традиционными образами публициста-борца, идейного лидера или отважного издателя, рыцаря идеи, противостоящего цензурному гнету, представляет нам новые общественные типы — пройдоху-репортера, перебивающегося мелким журнальным заработком, надоедливого и беспринципного, и крупного авантюриста, сумевшего поймать журнальную фортуну и сделать карьеру. Журнал Мещерского в сатирической форме подмечает эти приметы времени, указывает на то, что путь в журналистику теперь открыт не только для людей, ищущих общественного служения, но и для тех, кто руководствуется совершенно иными мотивами.

Эта идея раскрывается, в частности, в карикатуре, открывающей 2-й номер журнала. Она изображает огромную свинью, мирно дремлющую посреди кучи отбросов, и слетевшихся к этой куче в поисках пропитания мелких пташек, у которых, впрочем, вместо птичьих голов человеческие лица, отличающиеся очевидным внешним сходством с деятелями современной Мещерскому журналистики. В окружении почивающей хавроньи, которая, вероятно, олицетворяет собою невзыскательную читающую публику, можно предположить О. К. Нотовича, П. Д. Боборыкина, Г. Д. Гоппе, хотя подписей, позволяющих однозначно идентифицировать персонажей, под карикатурой нет: очевидно, издатель считал, что его современникам-читателям нетрудно будет на основании портретного сходства угадать знаменитых деятелей своей эпохи. Издатель ограничивается лишь общей подписью «Наши либерало-журнальные критики».

Рис. 3

Обложка второго номера журнала «Добряк»

Разворот второй и третьей полосы 23-го номера «Добряка» представляет собой серию графических миниатюр, объединенных общим сюжетом, под названием «Маленькая история». Словесное изложение ее представлено так: «Побитый где-то ищет общественного положения». Встречает корреспондента «Голоса», который советует ему: «Поступай в корреспонденты новой петербургской газеты. Настрочи, пошли и готово… Твое положение обеспечено». Послушавшись совета, побитый сделался корреспондентом, стал завсегдатаем клуба города К. В клубе он, не стесняясь, угощается, а затем отказывается платить по счету, угрожая буфетчику: «Я — Корреспондент, я не плачу, а будешь приставать — опишу». Призванный буфетчиком служитель порядка вышвыривает горе-журналиста из клуба со словами: «Мазурик ты, а не корреспондент».

Эта публикация иллюстрирует интересные жанровые особенности карикатуры в «Добряке». Во-первых, это довольно часто используемая форма комикса — графического повествования из нескольких сцен, в которых диалоги героев или пояснения к изображенным ситуациям даны текстовыми репликами. Во-вторых, это использование сквозного типического персонажа, который, с одной стороны, не имеет портретного сходства с каким-то конкретным узнаваемым деятелем современности, с другой — весьма узнаваем именно как социальный тип, благодаря характерным чертам внешности и деталям костюма, таким, как длинные неопрятные волосы, клетчатый плед и помятая шляпа. «Длинные волосы, нахлобученная таинственно на глаза шляпа с широченными полями и иногда — верх щегольства — плед и очки» [2, 265],— так описывает В. А. Гиляровский модный костюм учащейся молодежи пореформенной России.

Этот обобщенный образ интеллигента новой формации неоднократно находил свое отражение в художественных произведениях эпохи. Пожалуй, одним из наиболее ярких его воплощений является знаменитая картина Н. А. Ярошенко «Студент». Разнообразные трактовки образа, представленного на полотне Ярошенко, сегодня уже составляют практически самостоятельное поле культурологического дискурса, но независимо от того, видим ли мы в герое картины Родиона Раскольникова, или народовольца, скрывающего под пледом бомбу, или обобщенный образ духовных исканий русской интеллигенции и жажды социальной справедливости, мы отчетливо ощущаем, что этот персонаж пронизан какими-то высшими стремлениями, независимо от того, готовы ли мы эти стремления разделять или осуждать. Если в картине передвижника типические внешние черты, сочетаясь с позой, выражением лица, пронизывающим взглядом персонажа, создают, безусловно, возвышенный образ,

то те же самые элементы в компоновке карикатуристов «Добряка» формируют очевидно сниженный, гротескный, комический характер героя. Любопытным представляется хронологическое сопоставление: картина Ярошенко впервые экспонировалась в 1881 г. или в начале 1882 г., вызвала широкий резонанс и обсуждение в печати, т.е. стала популярна именно в то самое время, когда публиковались указанные карикатуры «Добряка», что создавало как бы художественный диалог, а вернее, диалог социально-политический, но воплощенный в художественную форму.

Рис. 4

«Добряк», номер 16, полоса 4

Упомянутый карикатурный персонаж — один из наиболее часто появляющихся на страницах «Добряка», и необходимо отметить, что он практически никогда не представлен отдельно, а непременно сочетается с карикатурным изображением А. А. Краевского или упоминанием его ежедневной газеты «Голос». Формируя эту устойчивую смысловую связь, Мещерский стремился укрепить в сознании читателей мысль о том, что именно деятельность либеральной прессы, лидером которой он считал Краевского, породила этот социальный тип и присвоила ему весомую роль в общественно-политической жизни России.

Этой теме посвящен целый разворот третьего номера «Добряка». На двух полосах журнала даны картинки с симметричной композицией. Слева изображена мрачная темная улица, по которой уныло бродят, слепо натыкаясь друг на друга, нигилисты и нигилистки — юноши и девушки в очках, шляпах и пледах. Солнце в правом верхнем углу с надписью «Голос» закрыто черным кругом — затмение. На полосе справа солнце уже снова сияет — в ореоле его лучей лицо Краевского, проливающего свет на публику внизу, которая от радости пускается в разнузданную пляску. Подписи под картинками: слева — «И бысть мрак», справа — «И бе свет». При этом Мещерский сопровождает всю композицию указанием на конкретную статью «Голоса», обращение к которой должно раскрыть читателю полноту смысла помещенного изображения.

Передовая «Голоса» от 6 января 1882 г.— первая публикация газеты после цензурного взыскания, которое постигло издание в августе 1881 г. «Голос» был приостановлен на шестимесячный срок [3], но по прошествии только части обозначенного периода цензурная кара была смягчена, и по распоряжению министра внутренних дел от 4 января 1882 г. газете разрешили выходить за 20 дней до истечения срока приостановки. По этому поводу Краевский писал, что с благодарностью принимает дарованное ему разрешение обратиться к читателям раньше установленного срока и не намерен далее говорить об обстоятельствах, при которых газета была приостановлена: «Обстоятельства после потрясающего события 1 марта были вообще так чрезвычайны, что приостановка «Голоса» среди этих событий явилась лишь эпизодом, важность которого мы не намерены преувеличивать» [4]. Начав статью с утверждения необходимости социальной консолидации, Краевский обозначает главную роль печати: «внести начало согласия и мира в наше глубоко разъединенное общество». Однако далее на протяжении всей объемной передовицы, не вместившейся на первой полосе и занявшей большую часть следующей страницы, Краевский с многочисленными повторами, настойчиво ограждает от нападок именно образованную часть общества, интеллигенцию, которую в это время модно было противопоставлять народу и обвинять в отрыве от национальных корней. «Уже одна мысль о возможности практического противопоставления «народа» «не-народу» способна леденить кровь»,— пишет Краевский. Обвинение новой интеллигенции в отрыве от народных чаяний и идеалов было традиционным мотивом творчества как консервативных публицистов вообще, так и Мещерского в частности, поэтому такая последовательная защита Краевским интересов этой общественной группы, безусловно, задела издателя «Добряка». В описанной выше карикатуре, таким образом, Мещерский обыгрывает как сюжет с возвращением «Голоса» к публике после приостановки, так и мотив радости его читателей — той самой части общества, которая была «оправдана» в передовице газеты и обрела в лице редактора своего защитника.

Краевский на протяжении всего издания «Добряка» будет самым частым персонажем карикату-

ры, и всегда его деятельность будет высмеиваться именно в аспекте противопоставления «народа» и «не-народа» — интеллигента-разночинца. Краевский показывается деятельным покровителем «новой интеллигенции», дающим приют ее представителям на страницах своих изданий и пестующим юные дарования. В 46-м номере «Добряка» Краевский изображен в виде воробья, который сидит на краю большого гнезда с последним номером «Голоса» и с отеческой заботой «кормит» своими статьями многочисленных птенчиков.

Миссия издателя «Голоса» как патрона новой русской интеллигенции высмеивается Мещерским с помощью любопытного акцента: карикатурному типу лохматого пройдохи в очках и пледе приданы такие черты, как высокомерие, самодовольство и одновременно хитрость и угодливость. На картинке, помещенной на первой полосе 23-го номера «Добряка», Краевский изображен в своем кабинете беседующим с новым сотрудником газеты, который слушает его, глядя надменно, свысока ухмыляясь. Очевидно, он ни в малой степени не разделяет тех общественных идеалов, к которым влечет его покровитель, а нацелен только на то, чтобы через это покровительство поудобнее устроиться в жизни. В 16-м номере журнала Краевский изображен канатоходцем, балансирующим над пропастью, в то время как «новый интеллигент» удобно устроился у него на закорках. Подпись к карикатуре гласит: «Редактор-издатель «Голоса» с бременем интеллигенции на плечах в своих ежедневных представлениях».

При этом классическому национальному типу, собственно «народу», олицетворенному в мужике-крестьянине в традиционной мужицкой одежде и с непременной окладистой бородой, Краевский всегда нарочито противопоставлен. Как правило, в таких изображениях фигура Краевского дается комически уменьшенной — петербургский редактор выглядит лукавым карликом на фоне добродушного исполина в рубахе и лаптях. В 29-м номере помещена карикатура, на которой огромный крестьянин держит на ладони крохотного Краевского и от лица народа просит его: «Ну-ка, сболтни чего-нибудь позабавнее!» Так же, как на забавную игрушку, смотрят на маленькую фигурку издателя «Голоса» и мужики, окружившие его на карикатуре в 28-м номере, подписанной: «Шествие Краевского в народ для проповедования культуры».

В целом на страницах «Добряка» повторяются в новой иллюстративной форме характерные для всего творчества Мещерского мотивы обвинения петербургской журналистики в готовности угождать невзыскательной публике, заискивать перед либеральной общественностью, в оторванности как популярных журналистов, так и их читателей от истинных интересов и нужд народа.

Рис. 5

«Добряк», номер 29, полоса 4

Заключение. В последней трети XIX в. «тип еженедельного сатирического журнала с карикатурами представлял уже общемировое явление» [5, 54], поэтому Мещерский, ориентируясь на коммерческий успех иллюстрированного еженедельника А. Маркса «Нива» [6], предполагал, что сатирическое приложение будет способствовать оживлению читательского интереса к его главному издательскому проекту — газете «Гражданин». Несмотря на то, что на два издания объявлялась отдельная подписка, подписчикам «Гражданина» приложение обходилось в 4 рубля в год, т.е. почти в два раза дешевле, чем при отдельной годовой подписке только на журнал «Добряк», стоивший 7 рублей. Однако «Добряк» не только не повторил коммерческого успеха «Нивы», но и не повлиял в положительном смысле на популярность «Гражданина».

В издательской судьбе «Добряка» негативную роль сыграли два обстоятельства. Одна из причин провала журнала (а провалом этот проект справедливо считал даже сам издатель) была в отсутствии широкого круга сотрудников и, следовательно, в постоянно ощущавшемся недостатке материала. Мещерский сетовал, что хорошие художники «разобраны между прежними изданиями, а новых нет; приходится довольствоваться посредственностями, а это не то» [6, 1], а у него самого, как редактора и практически единственного автора сразу двух изданий, «не хватает времени и головы» на то, чтобы обеспечить высокий уровень публикаций. Кроме того, по утверждению князя, журнал подвергался постоянному давлению со стороны цензуры [7].

Однако основной причиной неуспеха обоих издательских проектов князя Мещерского был, безусловно, содержательный диссонанс с ожиданиями аудитории. И полемический пафос основных публикаций «Гражданина», и сатира «Добряка» были направлены прежде всего против либеральной идеологии и ее носителей как во властных структурах, так и в журналистике. А между тем основная часть образованной публики, составляющей читательскую аудиторию любых издательских проектов этого периода, была привержена именно либеральным идеям и не желала способствовать материальному успеху изданий своих оппонентов, оформляя подписку или приобретая их в розницу. Парадоксальность ситуации заключается в том, что издания Мещерского при этом, несомненно, находились в самом центре журнальной жизни и полемики. Исследователь М. М. Леонов, проанализировав архивы библиотек, пришел к выводу, что «Гражданин» обладал едва ли не рекордным показателем запросов со стороны абонентов [8]. Либеральный читатель желал «знать врага в лицо», поэтому старательно прочитывал издания Мещерского, не вступая в число подписчиков. Так что «Гражданин» при формально низком тираже и коммерческом неуспехе обладал в действительности довольно широкой читательской аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое время.— 1882.— № 2101.— 3 (15) янв.
2. Гиляровский В. А. Студенты / В. А. Гиляровский // Москва и москвичи.— М., 2016.
3. Биюшкина Н. И. Законодательство о периодической печати в период правления Александра III / Н. И. Биюшкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.— 2011.— № 1.— С. 303–308.
4. Голос.— 1882.— 6 (18) янв.
5. Голиков А. В. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. В. Голиков // Вестник Московского университета. Сер. 8. История.— 2011.— № 4.— С. 51–71.
6. Мещерский В. П. Письма к императору Александру III, 1881–1894 / В. П. Мещерский.— НЛО.— 2018.— С. 14–15.
7. Добряк.— 1882.— № 29.
8. Мещерский В. П. Дневники / В. П. Мещерский.— СПб, 1883.— С. 317.
9. Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. / М. М. Леонов.— Самара, 2009.

Санкт-Петербургский государственный университет
Кругликова О. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики
E-mail: kruglikova@spbu.ru

St. Petersburg State University
Kruglikova O. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the History of Journalism Department
E-mail: kruglikova@spbu.ru

УДК 070

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОЦЕНОЧНОЙ ПРАКТИКЕ КОММЕНТАРИЯ СЕТЕВОГО МЕДИАКОНТЕНТА

В. В. Лабутина

Самарский национальный исследовательский университет

И. В. Топчий

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 20 марта 2022 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу дискурсивного миромоделирования на примере конструирования гендерной идентичности в дискурсивной практике сетевого комментария. Миромоделирование осуществляется комментаторами прежде всего через конструирование дискурсивной идентичности — как индивида, так и группы. Дискурсивная идентичность конструируется в том числе через ценностные практики, путем демонстрации и последовательного отстаивания своих убеждений, представлений о норме и ее нарушениях, аксиологических оценок комментируемых событий, фактов, мнений.*
Ключевые слова: *гендерная идентичность, дискурсивная идентичность, дискурсивное конструирование, сетевой комментарий, ценностные практики.*

Abstract: *the present study is devoted to the analysis of discursive world modeling on the example of constructing gender identity in the discursive practice of network commentary. World modeling is carried out by commentators primarily through the construction of discursive identity: both, for an individual and a group. Discursive identity is constructed, among other things, through value practices, by demonstrating and consistently defending one's beliefs, ideas about the norm and its violations, axiological assessments of commented events, facts, opinions.*
Keywords*: gender identity, discursive identity, discursive construction, network commentary, value practices.*

Дискурсивная практика комментария сетевого медиаконтента, как и любая дискурсивная практика,— это пространство производства смыслов, пересоздания социальной реальности, место борьбы за свои интересы и отстаивания своих ценностей, процесс конструирования идентичности, самопрезентации и отождествления себя с общностью. Пространство это аксиологически насыщенно, эмоционально заряжено, часто построено на конфронтационных основаниях. Обращение к анализу практик подобного типа позволяет проследить процессы, происходящие в символическом мире дискурса и создающие социальную реальность.

Критический анализ современных дискурсивных практик осуществляется в рамках лингвистики дискурса, которую «не занимает вопрос о связном, завершенном тексте, о принципах его устройства; ее измерение — это проникновение сквозь разные тексты» [1, 27]. Сформировалось понимание того, что «человеческое взаимодействие протекает не в мире вещей и природных объектов, а в символической реальности, в мире *значений* вещей и *значений* природных объектов, как практика символического обмена» (выделено автором) [2], что социальный мир создается и моделируется в дискурсе; продуктом проговаривания в дискурсивных практиках являются смыслы, и истины создаются дискурсивно как результат «борьбы за… интерпретации, определения и, в конечном итоге, картину мира и мировоззрение» [3, 26], другими словами, «дискурс принимает непосредственное участие в конструировании идей, социальных процессов и феноменов социального мира» [4, 61]. Именно эти важнейшие функции дискурса позволяют говорить о нем как об аксиологически насыщенном коммуникативном интеллектуальном пространстве [5]. Исследователями этого пространства развивается теория дискурсивного конструирования и дискурсивных технологий, дискурсивных кодов [6], медиаэстетики [7].

Дискурсивная природа идентичности как психологического процесса отождествления себя с какой-либо общностью [8] особенно подчеркивается исследователями. Идентичность все чаще рассматривается как «процесс конструирования идентичности, а не как заданная и жесткая категория» [9, 123], она не «дана», а «делается» в дискурсивно-коммуникативных практиках [3, 26], говорящий «всегда конструирует свою или чужую идентичность и пользуется для этого доступными ему дискурсивными смыслами» [10, 160]. Таким образом, «язык есть ее

© Лабутина В. В., Топчий И. В., 2022

(идентичности) единственная среда]», и «…нигде кроме языка и ни в какой другой форме конструкция идентичности не существует. Она дискурсивна, т.е. лингвистична» [2].

Под ценностными (оценочными, доктриальными) практиками в нашем исследовании мы будем понимать последовательное отстаивание говорящими своих представлений о правильном и неправильном, о допустимом и недопустимом, о хорошем и плохом и т.д., то есть вербализованную ценностную позицию в дискурсе СМИ, причем «ценностная позиция — доктрина — способна дать основание групповой идентичности, она объединяет говорящих в определенные, в том числе и виртуальные, группы» [10, 161–162]. Между этими группами могут разыгрываться «игры власти, борьба за символический капитал» [2]. Медиатексты, таким образом, становятся каналами трансляции ценностной информации [11].

Комментарий как особый жанр медиатекста в настоящее время становится объектом специального внимания исследователей в рамках виртуального жанроведения [12; 13], причем отмечается изменение статуса комментария именно в интернет-пространстве: комментарий понимается как интерпретационная процедура по отношению к журналистскому тексту, результатом которой является другой текст, который принципиально невозможно «дописать», он не может стать законченным и целостным [14; 15].

Цель работы — проанализировать конструирование гендерной идентичности в аксиологическом аспекте на примере дискурсивной практики комментария сетевого медиаконтента.

Материалом исследования стали комментарии сетевого медиаконтента сообщества подписчиков «Коммерсантъ» — https://www.instagram.com/kommersant_online (159 тыс. подписчиков на 17.06.2021) и «Новая газета» — https://www.instagram.com/novayagazeta/ (164 тыс. подписчиков на 17.06.2021) в сервисе Instagram в период с мая 2021 г. по июль 2021 г., собранные методом контролируемого отбора текстов комментариев, посвященных одной теме. Исследование представляет собой анализ названной дискурсивной практики с использованием критического дискурс-анализа, основанного на понимании того, что реальность в языке не отражается, а конструируется.

Анализ частотности инфоповодов, создаваемых в дискурсивном пространстве СМИ, позволяет исследовать социополитическую и идеологическую ситуацию в обществе с позиций критического дискурс-анализа, а также вычленять базовые ценности медиасообщества, вокруг которых идет борьба за присоединение оценочного смысла, в частности гендерную идентичность.

Обсуждения выявленных базовых социокультурных ценностей, то есть ценностные дискурсивные практики, становятся предметом исследования процесса конструирования дискурсивной идентичности, того, как группа или индивид определяет самого себя и что считает нормой. Гендерная идентичность, как и любая другая, создается дискурсивно и воспроизводится дискурсивно, является идеологическим эффектом дискурса.

Результатом названного процесса становится возникновение дискурсивных сообществ, которые выполняют функцию организации воедино интересов группы и принимают участие в конструировании социальных отношений и социального знания в целом.

ПОПУЛЯРНОСТЬ ИНФОПОВОДА КАК ИНДИКАТОР АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ АУДИТОРИИ СМИ

Газета «Коммерсант» позиционируется как общественно-политическое издание с усиленным деловым блоком, представляющее «актуальные новости, объективный анализ и эксклюзивные комментарии о важнейших событиях и трендах» [Коммерсантъ: последние новости России и мира. https://www.google.com/search]. «Новая газета» позиционируется как общественно-политическое издание с оппозиционной либерально-демократической и правозащитной направленностью, известное своими журналистскими расследованиями о коррупции в бизнесе и во власти, на странице в Instagram присутствует девиз-эпиграф «Рассказываем то, о чем другие боятся даже подумать» (https://www.instagram.com/novayagazeta). Таким образом, одной из задач в данной статье стал сравнительный анализ дискурсивных практик комментария к контенту изданий разной направленности.

Аксиологический аспект исследования предполагает количественный анализ популярности различных инфоповодов у подписчиков названных изданий. Посредством такого анализа возможно вычленение базовых ценностей медиасообщества, за которые идет самая активная дискурсивная борьба.

Нами были выявлены пять инфоповодов, наиболее комментируемых с 18 марта по 12 июня 2021 г. в названных изданиях. Перечислим их в порядке убывания количества комментариев.

В «Новой газете»: портрет Алексея Навального на уличной стене закрашен (28.04.2021, 19 161 просмотр, 948 комментариев. «В Пушкарском сквере в Петербурге появилось изображение Алексея Навального. В 10 утра техник-криминалист брал соскоб. Сейчас портрет уже закрасили», https://www.instagram.com/p/COM_ng-Jcex/); сколько заработала Татьяна Навка за 2020 год (17.04.2021, 9 274 пр., 682 к. «Более 212 млн. рублей заработала в 2020 году Татьяна Навка, а ее супруг Дмитрий Песков — 12 млн. рублей», https://www.instagram.com/p/CNvU8g-Ja8k/); гомофобия в России (24.04.2021, 7 504 пр., 651 к. «Мама рассказывала, что на нее нападали из-за

внешности неоднократно…», https://www.instagram.com/p/COCs4nrJ1mt/); защита прав ЛГБТ-сообщества (01.06.2021, 31 381 пр., 637 к. «У режима шансов нет 18+», https://www.instagram.com/p/CPkrg67paDn); задержали сотрудников штаба Навального (06.04.2021, 94 192 пр., 498 к. «У ИК-2 в Покрове задержали врача Анастасию Васильеву и ведущего YouTube-канала «Штаб Навального» Дмитрия Низовцева, передает наш корреспондент. Задерживают также журналистов, один из них — корреспондент CNN», https://www.instagram.com/p/CNUvgLopnqz/).

В издании «Коммерсант»: репетиция парада Победы на Дворцовой площади (06.05.2021, 3 204 пр., 246 к. «Санкт-Петербург. Репетиция пешей части парада Победы на Дворцовой площади в честь 76-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне», https://www.instagram.com/p/COijywYJvuw/); реакция президента РФ на обвинения президента США (18.03.2021, 2 175 пр., 192 к. «Владимир Путин, президент России: “Кто как обзывается, тот так и называется” о словах Джо Байдена, который считает его “убийцей”», https://www.instagram.com/p/CMj1aCvJSTB/); топ-5 блогеров в Instagram по вовлеченности (25.03.2021, 493 пр., 125 к. «Профиль Хабиба Нурмагомедова в Instagram занял первое место в рейтинге русскоязычных Instagram-блогеров по сумме лайков и комментариев по итогам февраля», https://www.instagram.com/p/CM1zYp8pmTp/); сравнение посланий президента РФ с разницей в 20 лет (25.04.2021, 23.3 тыс. пр., 124 к. «“Ъ” сравнили речи посланий Владимира Путина 2000 и 2021 годов и выделил главное, что изменилось во взглядах главы государства на проблемы и приоритеты», https://www.instagram.com/p/COGE_2-owE8/); самые зарабатывающие в правительстве (20.04.2021, 839 п., 103 к. «Сотрудники администрации президента, члены правительства, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации отчитались о доходах за 2020 год», https://www.instagram.com/p/CN4zawpJDz0/).

Как видим, такие предметные сферы медийного пространства, как справедливое государственное устройство, права человека, права меньшинств, качество жизни, социальная несправедливость, мораль и нравственность, гендерная идентичность становятся своеобразными центрами социальной, а значит, и аксиологической напряженности, вызывая наибольшее число просмотров и комментариев.

Очевидна заданная на первый взгляд разница в популярности инфоповодов изданий разной направленности: комментаторы публикаций либерально-оппозиционной «Новой газеты» не скрывают протестных настроений, живо откликаются на новости прежде всего о лидере оппозиции, тогда как в «Коммерсанте» наибольшее количество комментариев у публикаций, посвященных президенту РФ.

Однако существуют инфоповоды, не оставляющие равнодушными людей с разными политическими взглядами. Как показывает наша выборка, кроме заработков чиновников читателей обоих изданий больше всего интересует тема ЛГБТ. В «Коммерсанте» это самая обсуждаемая тема, причем поднимается она в комментариях к публикации, посвященной репетиции парада Победы. В «Новой газете» эта тема четвертая по обсуждаемости, но в любом случае общность «уязвленности» проблемой наглядна.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ СЕТЕВОГО КОММЕНТАРИЯ

Рассмотрим в качестве примера конструирования идентичности то, как конструируется одна из первичных, долговременных, приобретаемых в детстве идентичностей — гендерная — в исследуемой дискурсивной практике.

В «Коммерсанте» обсуждение проблем гендерной идентичности в исследуемый период было спровоцировано одной из фотографий, сопровождающих сообщение о репетиции парада Победы. Среди изображений военного строя, военной техники появляется фотография на этом — вполне сакральном — фоне целующихся девушек с вызывающей внешностью, открыто демонстрирующих свою сексуальную ориентацию, что обеспечивает эффект «разорванного шаблона». Первая интенция комментаторов — «поставить все на место»: дискурсивно, символически, через оценку — немедленно уничтожить неприемлемое, вернуть «правильный» миропорядок или же, наоборот, одобрить то, что они считают вполне нормальным. Эмоциональность комментариев высока, оценки резкие и острые: «пошлость, позорище, ужас, мерзость, гадость, прекрасно, стыдно, неправильно, циничность, грех, Содом и Гоморра» (*орфография и пунктуация авторов здесь и далее сохранены*): radionovaanastasia: «Что за пошлость?! Других фото не нашлось?»; iuliia.ovsepian «Фото номер 2 просто позорище»; sevaovo: «На первый план вынесли откровенную пошлость, затмив этим абсурдом репетицию… Безусловно так автор и показал истинное лицо, только нужна и подпись честная, а не так, с издевкой… Зачем нам нести эту пропаганду ЛГБТ, тем более таким образом?!»; gari_sib: «Как они прекрасны)»; gordon_shamvei: «Что за ужас на втором фото. Мерзкая пропаганда низменности животных. Они хотя бы разного пола? Что за пропаганда того что должно быть с пометкой стыдно и неправильно!!!»; allessika7: «Какая гадость… Циничность запредельная».

Выплески эмоций соседствуют с попытками аргументированно изложить свою позицию, разобраться в происходящем, например: instalex1975: «Нам Победители подарили свободу, только каждый пользуется ей, как умеет»; andrienko007: «И не поймешь теперь кто это ((печально, но каждый имеет свое мнение и выбор»; o_koalana «@katrin_skova: где вы

видите пошлятину? Они ж прекрасны, ради любви и мира сражались)»; armata_aurus: «Репетиция парада и между делом пропаганда ЛГБТ»; liveforlove.dream: «Разве воевали для этого?».

Встречаются в комментариях и призывы к действию для изменения ситуации, например: olga26rus26: «Вернуть в УК статью за мужеложество и лесбийство».

В «Новой газете» обсуждение тем гендерной идентичности, гомофобии, понятий «извращения» и «отклонения» разворачивается более широко. Если не брать во внимание высказывания оценочные, иногда оскорбительные, подобные приведенным выше, то нужно признать, что дискуссия идет почти научная, многоаспектная. Прежде всего комментаторы пытаются договориться о терминах: что подразумевать под словами, скажем, «человеческая природа», «семья» или «девиация», например: brobarmusic: «@midorisunny8 потому что у семьи есть четкое определение. Только не надо под определение семьи натягивать М+М, М+Ж+Ж и т.д.»; «@midorisunny8 семья это М+Ж — это определение не мое, а общества и именно вы здесь писали, что геи (вместе с такими как вы) хотите переделать его в М+М и Ж+Ж, именно ЛГБТ-сообщество пытается навязать людям свою парадигму. Я не против создания семьи геями — пусть создают семьи в рамках определения семьи. Разве они это не могут делать? Отнюдь, вполне могут. Но пусть не навязывают свое новое определение семьи остальному обществу. @brobarmusic специально для вас — «семья» трансформируется вслед за социокультурным изменением общества, например, «у русских крестьян при переписях записывали батраков как членов семьи… по мнению крестьян все, кто питается из одного котла — члены семьи». Под семьей также может пониматься родительская пара или один родитель как минимум с одним ребенком, а также легализованные в ряде стран однополые союзы; rusudandarmilova я не хочу чтоб мой ребенок видел эти уродливые лица которые не поймут для чего они созданы, мужчина должен жить и спать с женщиной, а все остальное это извращения; «brobarmusic @midorisunny8 брак можно регистрировать только двум разнополым лицам, зачем менять эту процедуру?»; «midorisunny8 @brobarmusic вы серьезно? Вы за то, чтобы геи женились на тетях?».

Как видим, дискурсивная практика обговаривания терминологии — это одновременно и дискурсивная практика выявления противоречий, поляризации дискурсивного пространства, придания значения тому, что «хорошо», а что «плохо», а также демонстрации того, что понимание позиции оппонента может расцениваться как «называние черного белым, а белого черным». Это первый важный этап миромоделирования, осуществляемый в исследуемой дискурсивной практике.

Далее дискуссия о гендерной идентичности неизбежно приводит в дискурсе о необходимости определения нормы — кто ее устанавливает, она общая для всех или у каждого своя, насколько допустима пропаганда нормы и какой именно, например: seven_kings_design: «Мальчик, который думает что он девочка или девочка, которая думает что она мальчик — это психическое расстройство под названием шизофрения; shaban.one Почему мы должны считать нормой половое сношение однополых людей?»; ks.moriarty «@shaban.one в таком случае на каких основаниях вы делаете выводы, что это не норма? У вас есть научные исследования на этот счет? (современные). Научное сообщество уже давно признало, что лгбт ничем не отличаются от гетеро, это такие же нормальные люди. это нормально. В природе встречается этот признак также. Люди не выбирают ориентацию, они такие рождаются и должны иметь такие же права, что и у гетеро. В России за символ радуги оштрафовать могут, это нормально по вашему? Закон о якобы пропаганде врожденного признака!, отсутствие возможности заключать браки. Это все и есть ограничения»; shaban.one «@ks.moriarty в природе много чего встречается, ага давайте вводить звериные нормы в общество»; midorisunny8 «я не спорю. Гомосексуальный половой акт это не болезнь и не отклонение. Но это не норма».

Для доказательства истинности своей позиции комментаторы применяют классическое оружие информационных войн — идеологические фантомы, слова с размытым значением типа «извращенцы», например: «svetlanashyamina Это не другие люди. Как утверждают многочисленные научные исследования, настоящих трансгендеров ничтожно мало, лишь десятые доли процента от заявивших себя таковыми. Все остальное обыкновенное извращение, как бы все эти развратники и развратницы ни старались убеждать в обратном»; midorisunny8 «@brobarmusic ну так у вас все извращенцы, кто не соответствует вашим нормам. Вы врываетесь к людям в дома, примеряете к ним свои каноны, и если не соответствует, называете извращенцами?».

Закономерен и следующий шаг в дискуссии, где конструируется гендерная идентичность,— обсуждение того, каковы реальные опасности идеологических расхождений, каковы могут быть последствия того, что люди не могут договориться в символическом мире дискурса, в пространстве смыслов, и не приведет ли это к реальной агрессии «на улице» по отношению, например, к представителям сексуальных меньшинств, с одной стороны, или, скажем, к легализации педофилии, с другой стороны: alexeyinfo «@brobarmusic как минимум, чтобы подростков не травили и чтоб не было суицидов на этой почве»; nikolai_ivanov1313 «Давайте однополые браки. Подыграем западному идиотизму»; nsk_dante «Ждем гордости педофилов и им подобных, благо дорожка уже топчется и для них».

Таким образом, рассмотренный дискурс классификации и оценки, порождаемый СМИ, является семиотическим пространством, в котором конструируются разные идентичности, транслируется ценностная информация и постоянно производится, воспроизводится и пересоздается социальный мир.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖУРНАЛИСТА И АУДИТОРИИ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ КОММЕНТАРИЯ СЕТЕВОГО МЕДИАКОНТЕНТА

Дискурсивное миромоделирование в сетевом медиаконтенте начинается еще до того, как пользователь приступает к чтению, на этапе написания текста журналистом. Реакции читателя просчитываются, предугадываются, с ним уже начат диалог и взаимодействие. Это может быть провокация возможного возмущения, как в рассмотренном случае с фотографией лесбиянок на параде Победы в «Коммерсанте». В «Новой газете» часто используется другой прием — новость преподносится таким образом, что становится очевидной позиция редакции, она как бы первой высказывает свое мнение, приглашая к диалогу и рассчитывая на поддержку аудитории, которую априори считает своими единомышленниками. Например, очевидно, что редакция «Новой газеты» на стороне сексуальных меньшинств, поскольку их права нарушаются, а соблюдение прав человека — несомненная ценность: «18+ Как России принять ЛГБТ+ сообщество? // Ревущие двадцатые. Июнь — Месяц гордости, который ежегодно дает возможность сексуальным меньшинствам по всему миру заявить о своей свободе выбора быть теми, кто они есть, и напомнить обществу, что право любить дано всем. Россия входит в этот месяц с совсем не праздничными новостями. Трансгендерного мужчину Назара Гуревича депортировали в Беларусь и запретили въезд в Россию на восемь лет. Он имеет российскую прописку и женат на гражданке РФ. («У режима шансов нет» 18+. https://www.instagram.com/p/CPkrg67paDn/, дата обращения 01.06.2021).

Реакция читателей может оправдывать ожидания журналиста, например: dariafotosdaria: «Классно! Всё правильно, пока гражданские права и свободы ущемляются по к-л признаку (в этом случае секс. ориентации) надо громко об этом говорить и обращать внимание тех, кто к этим меньшинствам не относится (или относится, но это отрицает или скрывает)»; el_ilusionista8 «Хороший материал. Люди разные, это хорошо и это нужно уважать»; «@shaban.one это про права окружающих нас людей. У меня есть определённые права и условный мой друг гей должен иметь такие же, ведь он такой же человек. Он тоже хочет иметь партнера, мужа /жену, семью. Не хочет, чтобы его избивали или убивали за то, какой он есть. Это важно, это будет по-человечески»; «@parklock.ru а Вы, лично Вы, хотели бы не афишироваться со своей девушкой/женой? ходить за руку по улице. ездить вместе в отпуск. ходить в кино. рассказывать коллегам на работе, как вместе провели выходные. устроить романтичное свидание в ресторане. иметь возможность узаконить свои отношения с юридической точки зрения, чтобы официально быть родными и иметь возможность присутствовать в больнице, в случае необходимости. гетеро пары каждый день афишируют свои отношения. и это блин нормально. ненормально, что у не-гетеро пар такой возможности нет».

Таким образом, общими усилиями участников дискуссии, в процессе подробного оговаривания создается нечто вроде манифеста гендерной идентичности, одинаково понимаемой единомышленниками.

Позиция читателей, разумеется, может и не совпадать с позицией редакции, множество примеров чему были приведены ранее, но и тогда высказанное мнение редакции остается приглашением к дискуссии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование языка как социального пространства позволяет проследить процессы конструирования разного рода идентичностей, которые являются продуктом дискурсивных практик. Их оценочность, идеологичность — естественная среда для семиотической борьбы за ценности, нормальность, понимаемую как угодно, для создания множества версий и интерпретаций окружающего мира. Дискурсивная практика комментария сетевого медиаконтента также транслирует ценностную информацию, предоставляя доступ к виртуальным процессам создания смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ревзина О. Г. Язык и дискурс / О. Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология.— 1999.— № 1.— С. 25–33.
2. Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 50, Wien 2001.— Institut für Slavische Philologie, Universität München, 2001.— Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/document/339095.html (дата обращения: 20.06.2021).
3. Кожемякин Е. А. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях президента к гражданам России / Е. А Кожемякин // Дискурс-Пи.— 2018.— № 3–4 (32–33).— С. 25–37.
4. Мельникова О. Т. Дискурсивный подход к исследованию идентичности / О. Т. Мельникова, Е. С. Кутковая // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.— 2014.— № 1.— С. 59–71.
5. Якоба И. С. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса / И. С. Якоба // Ученые записки Петрозаводского государственного университета.— 2019.— № 3 (180).— С. 94–100.
6. Загидуллина М. В. Публицистические коды дис-

куссий в социальных медиа: выработка сигнальной лексики «тотальными частностями» / М. В. Загидуллина // Век информации.— 2017.— V. 2. l. 2.— С. 118–120.

7. Симакова С. И. Визуальный образ в СМИ — формирование медиаэстетики потребителя массовой информации / С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования.— 2018.— № 3 (29).— С. 83–92.

8. Чернобровкина Е. П. Дискурс и идентичность / Е. П. Чернобровкина // Вестник Бурятского государственного университета.— 2018.— № 2.— С. 14–18.

9. Молодыченко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа / Е. Н. Молодыченко // Общество. Коммуникация. Образование.— 2017.— № 3.— С. 122–133.

10. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // *Политическая лингвистика.*— 2016.— № 6.— С. 159–167.

11. Малярчук-Прошина У. О. К вопросу о роли медиатекстов как трансляторов ценностной информации / У. О. Малярчук-Прошина // Ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки.— 2016.— № 4.— С. 145–150.

12. Василенко Е. Н. Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса / Е. Н. Василенко // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология.— 2019.— № 3 (100).— С. 20–27.

13. Абросимова Е. А. Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) / Е. А. Абросимова, Ю. Д. Кравченко // Медиаскоп.— **2017.**— Вып. 2.— Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2317 (дата обращения: 01.07.2021).

14. Labutina V. V. Construction of social reality in discourse practice of network media content commentary / V. V. Labutina, I. V. Topchii // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences.— 2019.— Vol. 66.— Pp. 220–229.

15. Лабутина В. В. *Оппозиция «мы» — «они» в дискурсивной практике комментария сетевого медиаконтента* / В. В. Лабутина, И. В. Топчий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.— 2020.— № 1.— С. 101–105.

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева

Лабутина В. В., кандидат филологических наук, доцент

E-mail: v.labutina@list.ru

Челябинский государственный университет

Топчий И. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: mm-is@mail.ru

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev

Labutina V. V., Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: v.labutina@list.ru

Chelyabinsk State University

Topchii I. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Journalism and Mass Communications Department

E-mail: mm-is@mail.ru

УДК 659.1

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

А. Н. Назайкин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 18 марта 2022 г.

Аннотация: *автор провел пилотное исследование, в рамках которого изучил отношение молодой части общества, проводящей в интернете и в соцсетях значительно больше времени, чем люди старшего возраста, к социальным сетям как к коммуникационным каналам, обобщил «претензии» и пожелания пользователей к социальным сетям.*
Ключевые слова: *социальные сети, пользование, молодежь, Россия, Китай, коммуникация, медиапотребление.*

Abstract: *the author conducted a pilot study, within the framework of which he studied the attitude of the younger part of society, who spends much more time on the Internet and in social networks than older people, to social networks as communication channels, summarized the "claims" and wishes of users to social networks.*
Keywords: *social networks, use, youth, Russia, China, communication, media consumption.*

Сегодня социальные сети во всем мире стали мощным коммуникационным инструментом, используемым всеми слоями общества. Особенно активно молодое поколение, которое проводит в интернете «значительно больше времени, чем люди старшего возраста (в особенности на сайтах социальных сетей)» [1]. Для того, чтобы осуществлять эффективную коммуникацию с молодежью, очевидно необходимо понимать, каковы ее коммуникационные ожидания. Первым шагом в изучении коммуникационных ожиданий молодежи от социальных сетей может стать проведенное автором пилотное исследование пользования соцсетями студентами двух стран с различной государственной информационной политикой, двух различных культурных цивилизаций.

Рассматривая интернет-пользование в России и Китае, стоит иметь в виду, что «различия между русской и китайской культурами хотя и весьма существенны, но все же не столь велики, как, например, различия между Китаем и странами Запада. Россия действительно является культурой, лежащей на стыке двух культурных традиций — западной и восточной, самостоятельной ветвью европейской культуры с сильным азиатским компонентом (и в этом смысле она может рассматриваться в качестве евразийской культуры)» [2]. Социальными сетями пользуется уже более половины всего отечественного интернет-сообщества («большинство россиян (62%) имеют аккаунты в социальных сетях» [3]). В Китае «из всех активных интернет-пользователей Поднебесной у 91% есть аккаунты в социальных сетях [4]. Необходимо отметить, что в России на сегодняшний день по отношению к отечественным и иностранным социальным сетям достаточно лояльное законодательство, обязывающее, в частности, самостоятельно выявлять и блокировать запрещенный контент, в том числе детскую порнографию и экстремистские материалы, предусматривающее штрафы за отказ удалять противоправную информацию. В Китае в 2003 г. запущен так называемый золотой щит [5], защищающий народные массы от вредоносной информации (от порнографии и политической дезинформации) и запрещающий популярные во всем мире Google и связанные с ним сайты (Gmail, Picasa и Google Maps), а также Facebook, Twitter, Instagram, Pinterest. В обеих странах созданы отечественные сервисы и социальные сети, схожие по характеристикам с иностранными (например, Baidu и «Яндекс» являются «аналогом» «Гугла», Youku и Rutube — YouTube, Renren и «ВКонтакте» — FaceBook и т.д.).

В рамках данного исследования мы сфокусировались на двух вопросах: «Чего ожидает от социальных сетей молодое поколение интернет-пользователей с точки зрения коммуникационных возможностей?», «Одинаково ли ожидание от коммуникационных возможностей социальных сетей у представителей России и Китая?» Были применены классические методы опроса, анализа, систематизации, сравнения и оценивания, применена ограниченная выборка (61 студент факультета журналистики 18–25 лет). Опрос проводился 26 февраля –1 марта 2021 г. по электронной почте. В его рамках задавались следующие вопросы:

1. Пользуетесь ли Вы социальными сетями?
2. Какими социальными сетями Вы пользуетесь? Почему?
3. Какими социальными сетями Вы не пользуетесь? Почему?
4. Какой, на Ваш взгляд, должна быть идеальная социальная сеть?

© Назайкин А. Н., 2022

На эти же вопросы отвечали и китайские молодые интернет-пользователи в рамках опроса по электронной почте, проведенного 14–18 января 2021 г. автором данной статьи и китайским исследователем Лю Юэ (62 студента, 18–29 лет).

Результаты опроса российских пользователей

Для молодых россиян в социальных сетях примерно одинаковую ценность представляют и технологические особенности (особенно удобство пользования, а также возможность визуальной и аудиокоммуникации), и общение (с российскими и зарубежными коллегами по учебе и работе, друзьями, родственниками), и получение определенной информации в разнообразных форматах (текст, фото, видео, аудио,) с разными целями (в основном для развлечения и отдыха, а также получения информации по учебе). При отказе от пользования социальными сетями наиболее важными являются факторы, связанные с технологическими особенностями (особенно сложность использования, неудобность интерфейса, навигации, перегруженность функциями), с общением (другая возрастная группа), с размещаемым контентом (отсутствие музыки, малая полезность информации) и уникальностью ресурса (есть аналогичные сети). Факторы доступа имели значение для небольшого количества пользователей. Более всего респонденты обращают внимание на технологические особенности (красивый дизайн, простой интерфейс, контент разных видов, не чрезмерная многофункциональность, обеспечение конфиденциальности и безопасности). Также существенным является общение (с определенными людьми, с возможностью анонимности и ограничением оскорблений), содержание контента (информационная ценность, музыка, сочетание обучения и развлечения). Немногие пользователи задумываются о присутствии рекламы в идеальной социальной сети. Большинство опрошенных представляет себе идеальную социальную сеть как обобщающую несколько имеющихся. Многие добавляют к имеющимся ресурсам определенные функции. Часть же респондентов считает: «На мой взгляд, не может быть одной идеальной социальной сети. Они все являют собой абсолютно разный набор алгоритмов, целей и типов контента»; «На мой взгляд, создать идеальную социальную сеть невозможно. У каждой сети из ныне существующих есть своя функция, которую она выполняет»; «Приложение (сайт), которое/ый возьмет и объединит в себе функции всех социальных сетей, которые я использую, но это было бы отвратительно, перегружено и неудобно»; «Идеальная социальная сеть — это общение с людьми в реальном мире».

Опрос показал также определенную динамику в пользовании молодых россиян социальными сетями. Так, респонденты не прочь поменять один ресурс на другой из-за неудовлетворенности контентом или технологическими особенностями, а также из любопытства: «Явно прослеживается тенденция вытеснения *Инстаграма Тик-Током*»; «На самом деле планирую расстаться с этим приложением»; «Пока изучаю эту соцсеть как что-то новое»; «Раньше использовала, теперь нет»; «В какой-то момент он перестал мне быть интересен»; «Когда-то была активным пользователем, но сейчас нет никакого интереса»; «Просто надоел»; «Ранее использовался для игр, не захожу уже несколько лет»; «Уже не пользуюсь Twitter»; «Пока что не пользуюсь данной социальной сетью, но в ближайшее время планирую начать».

Результаты опроса китайских пользователей

Наиболее ценным в социальных сетях для молодых китайцев является доступ к ним (возможность использования в Китае), технологические особенности (скорость, удобство, многофункциональность), общение (с друзьями и коллегами дома и за границей). Наиболее важными являются факторы, связанные с доступом к сервису, с технологическими особенностями (сложность использования, необеспечение безопасности), с общением (другая аудитория, агрессивность других пользователей), с размещаемым контентом (неинтересное, низкопробное содержание), с демонстрируемой рекламой (слишком много) и уникальностью ресурса (есть аналогичные сети).

Китайские респонденты считают важным в идеальной социальной сети доступ (во всем мире), технологические особенности (простота, легкость, конфиденциальность использования, не чрезмерная функциональность), общение (большое количество пользователей, уважительное отношение друг к другу), содержание контента (правдивость, полезность, нравственность информации). Многие опрошенные китайские пользователи даже не задумываются о присутствии рекламы в идеальной социальной сети (видимо, для них это не самый важный фактор, влияющий на выбор ресурса).

***

Оценивая использование социальных сетей молодыми россиянами и китайцами, можно отметить, что и те, и другие пользуются одновременно несколькими социальными сетями с разными целями (для образования, для общения, для работы, для развлечения и т.д.); они могут быстро отказаться от одних социальных сетей в пользу других из-за неудовлетворенности контентом или технологическими особенностями, а также из любопытства; могут иметь противоположные оценки по отношению к популярным социальным сетям (в России одна существенная часть пользователей позитивно относится к Facebook, другая — негативно; в Китае такая же ситуация с Weibo); негативно относятся к рекламе, но и не очень активно протестуют против ее присутствия.

Молодые россияне ценят такие технологические факторы, как «красивый дизайн; удобство, простота пользования; многофункциональность,

но неперегруженность функциями; обеспечение конфиденциальности и безопасности», молодые китайцы — «скорость, удобство, многофункциональность, но неперегруженность функциями; простота пользования; обеспечение конфиденциальности и безопасности». Для молодых россиян важны факторы общения «с российскими и зарубежными коллегами по учебе и работе, друзьями, родственниками; с возможностью анонимности и ограничением агрессивности», для молодых китайцев — «с друзьями и коллегами дома и за границей; неагрессивность, уважительное отношение друг к другу; большое количество пользователей». Молодые россияне ценят такие факторы контента, как «контент разных видов (текст, фото, видео, аудио), полезность информации, сочетание обучения и развлечения, наличие музыки», молодые китайцы — «интересное, не низкопробное содержание; правдивость, полезность, нравственность».

Главное и для молодых россиян, и для молодых китайцев в социальных сетях — возможность доступа к ресурсу, удобство и простота пользования, многофункциональность, но неперегруженность функциями; обеспечение конфиденциальности и безопасности; возможность общения с друзьями, коллегами, родственниками дома и за границей; уважительное отношение пользователей друг к другу; полезное содержание. В пользовании социальными сетями и соответствующих коммуникационных предпочтениях молодых россиян и китайцев, несмотря на культурную специфику, гораздо больше сходства, чем различий (последние носят непринципиальный характер).

Согласно результатам данного исследования, для активного взаимодействия с молодыми интернет-пользователями необходимы: легкий и бесплатный доступ к большинству сервисов; доступ с различных устройств; легкость открытия и закрытия аккаунта; удобство и простота навигации; красивый и стильный интерфейс; возможность подстройки интерфейса под себя; возможность нахождения информации по тегам и ключевым словам; возможность голосовой связи; сочетание с функциями мессенджера; возможность обмена файлами и контентом без потери качества; возможность покупки через клик в самой соцсети; возможность заработка пользователем на своем контенте; возможность общения как с отечественными, так и с зарубежными пользователями; отсутствие ограничения количества друзей; модерация контента (не жесткая); сочетание развлекательного и обучающего, полезного контента; разные виды контента (текст, фото, видео, аудио) с большой визуальной составляющей; возможность скачивания неограниченного музыкального контента, обмена им; легкий доступ к более ранним публикациям; возможность получения персонализированного контента; конфиденциальность и безопасность.

На наш взгляд, данное пилотное исследование может стать отправной точкой для последующего более масштабного, результаты которого могут быть экстраполированы на всю генеральную совокупность молодой аудитории. Кроме количественного расширения выборки, на наш взгляд, стоит расширить и количество представленных стран (например, к России и Китаю добавить США и крупную европейскую страну — Германию, Францию, Испанию или Италию). Для получения более показательных результатов также можно использовать закрытые вопросы с подсказкой. Более масштабное исследование позволит лучше понять особенности коммуникации молодых пользователей интернета через интернет-сервисы, а также даст возможность практикам, взаимодействующим с аудиторией в интернет-пространстве, учитывать научные выводы для повышения эффективности их работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чем живет новое поколение: статистика о российской молодежи.— Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwiegbCztvTfAhVO4YUKHYoGC3AQFjAAegQIAxAC&url=https%3A%2F%2Fwww.thinkwithgoogle.com%2F_qs%2Fdocuments%2F3169%2F00404_Google_Youth_Study_RU.pdf&usg=AOvVaw0PTg1tGmGS2DJmf4yuT0BD (дата обращения: 16.03.2022).

2. Лоу Жучжуан. Особенности процесса межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сети Интернет / Лоу Жучжуан.— Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15884427 (дата обращения: 16.03.2022).

3. ВЦИОМ: около половины россиян пользуются социальными сетями почти каждый день // ТАСС.— 2018.— 12 февр.— Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/4950095 (дата обращения: 16.03.2022).

4. Осипов Н. 7 самых популярных социальных сетей в Китае / Н. Осипов.— Режим доступа: https://enterchina.ru/blog/7-samyh-populyarnyh-socialnyh-setey-v-kitae/ (дата обращения: 16.03.2022).

5. Под запретом: какими соцсетями нельзя пользоваться в Китае.— Режим доступа: https://djdiplomat.ru/pochemu-v-kitae-zaprescheny-sotsseti/ (дата обращения: 16.03.2022).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Назайкин А. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и экономики СМИ

E-mail: info@nazaykin.ru

Lomonosov Moscow State University

Nazaykin A. N., Doctor of Philology, Professor of the Theory and Economics of Media Department

E-mail: info@nazaykin.ru

УДК 811.161.1'37

О ПЕРИФЕРИЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ МЕДИАНОМИНАЦИИ В СИСТЕМЕ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

М. А. Дрогайцева

Филиал ОАО «РЖД»

Поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию современной медианоминации. Основная цель работы связана с выявлением роли и места медианоминации в системе коммерческой номинации. Формулируется вывод о периферийном положении медианоминации в общем объеме коммерческих названий.*
Ключевые слова: *коммерческая номинация, медианоминация, ядро коммерческой номинации, периферия коммерческой номинации, коммуникативная эффективность медианоминации.*

Abstract: *the article is devoted to the study of modern media nomination. The main purpose of the work is to identify the role and place of the media nomination in the commercial nomination system. The conclusion about the peripheral position of the media nomination in the total volume of commercial names is formulated.*
Keywords: *commercial nomination, media nomination, the nuclear part of the commercial nomination, the periphery of the commercial nomination, the communicative efficiency of the media nomination.*

В настоящее время одной из активно развивающихся областей изучения ономастического пространства является область исследований названий средств массовой информации. В последнее десятилетие эти исследования обогатились новым термином: применительно к названиям СМИ начали использовать термин «медианоминация». При этом под медианоминацией стали понимать языковую номинацию средств массовой информации (например, «Веста» — название газеты, «Лиза» — название журнала и др.) [1, 95]. Исследованию феномена медианоминации и особенностей ее восприятия посвящены работы М. А. Дрогайцевой [2; 3]; [4; 5; 6]; ее диссертационное исследование явилось продолжением работ по исследованию восприятия медианоминации, начатых ранее А. Е. Барановой, К. В. Киреевой [7] и И. И. Коровченко [8; 9].

В приведенных работах демонстрируется целесообразность использования самого термина «медианоминация», осуществляется размежевание этого термина с термином «гемероним», исследуются функции медианоминации, анализируется история медианоминации, обсуждаются языковые особенности современной медианоминации, наконец, поднимается вопрос о коммуникативной эффективности обсуждаемого вида номинации и методах исследования коммуникативной эффективности и мн. др.

Стоит непременно заметить, что медианоминацию допустимо рассматривать как определенный вид так называемой коммерческой номинации. Напомним, что под коммерческой номинацией традиционно понимается языковая номинация учреждений, товаров и т.п., преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение прибыли (например, конфеты «Мишка на севере», кафе «Итальянский дворик», магазин «Магнит» и т.д.) [10, 433]. Определение «коммерческая» используется в данном случае по двум причинами: во-первых, именуется коммерческий объект или товар, во-вторых, данное наименование преследует коммерческие цели — служит продвижению товара, услуги и т.п. на рынке.

Нами уже неоднократно отмечалось, что область коммерческих названий неоднородна: согласившись с мнением Г. Х. Зиннатуллиной и Н. В. Никитиной о том, что «полевая структура ономастического пространства с выделением в ней ядерной, околоядерной и периферийной частей применима в системе языка, где ядро означает концентрацию признаков системы, а периферия — их ослабленность» [11, 85; 12, 36], констатируем, что можно выделить как так называемое ядро коммерческой номинации, так и ее периферию. По всей видимости, ядро этой группы коммерческих имен составляют собственно коммерческие названия — названия фирм, магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских, салонов красоты, транспортных агентств и т.п. Очевидно, сюда же попадают и так называемые товаронимы, под которыми обычно понимают названия тех или иных видов товаров. Представляется, что к ядру обсуждаемой группы могут быть отнесены и словесные товарные

© Новичихина М. Е., Дрогайцева М. А., 2022

знаки, представляющие собой зарегистрированные в соответствии с законом коммерческие названия. Еще одним ядерным элементом области коммерческой номинации можно считать так называемые фирменные наименования.

Однако существует объемное поле названий, находящихся на периферии обсуждаемой области. Не являясь коммерческими в полном смысле этого слова, они тем не менее выполняют явную коммерческую функцию. Очевидно, что к таким названиям могут быть отнесены так называемые фармонимы (фармацевтические наименования), ник-имена, слова-эргонимы (имена деловых объединений людей — союзов, партий, организаций, обществ, кружков и т.п.), названия мероприятий (так называемые event-названия) и некоторые другие. Исследованию периферийных элементов коммерческой номинации посвящены публикации Ю. В. Бердниковой [13], М. А. Щукиной [14], Е. В. Липуновой [15], В. В. Хабаровой [16], К. А. Литвиновой [17], М. Е. Новичихиной [18; 19] и др.

Можно предположить, что одно из важнейших мест в периферийной зоне коммерческой номинации занимает обсуждаемая в рамках данной статьи медианоминация.

Конечно же, мы осознаем, что вопрос о периферийном положении медианазвания в системе коммерческой номинации потенциально может вызывать споры. Вот почему в настоящей работе предпримем попытку обосновать постулируемые нами место и роль медианоминации среди прочих элементов коммерческой номинации.

Для начала необходимо обратить внимание на следующий очевидный факт: объем существующих на рынке медианазваний на порядок меньше, чем общий объем коммерческих названий. Достаточно привести официальные данные Роскомнадзора о том, что, например, на 5 декабря 2021 г. общее количество зарегистрированных в стране СМИ составляло 150 298 единиц [20] (при этом следует заметить, что в перечне Роскомнадзора указаны и те СМИ, чье действие на сегодняшний день прекращено; например, под номером 014979 значится СМИ «Центр Европы», отмеченный статус которого: «действие прекращено»). Количество же «работающих» собственно коммерческих названий исчисляется более чем сотнями тысяч. Даже этот факт — косвенное свидетельство неосновной роли медианоминации в системе коммерческой номинации.

Пристальное «внимание» к товарам, услугам, фирмам и т.п. со стороны законодательства, жесткое правовое регулирование их «жизни» и, в противовес этому, определенная законодательная «незащищенность» названия СМИ (см. подробнее в: [5]) также свидетельствует о второстепенной, неосновной роли медианоминации.

Так, видим, что название СМИ до сих пор не фигурирует в Гражданском кодексе РФ в качестве самостоятельного средства индивидуализации (интеллектуальной собственности). Ни Гражданский кодекс РФ, ни Закон о СМИ не устанавливают в отношении названия СМИ режима исключительных прав, не содержат его нормативного определения, не определяет его функций и режима использования.

Кроме того, следует однозначно отметить, что, несмотря на то, что такой объект номинации, как СМИ, в наши дни все более и более коммерциализируется, анализ исторического развития медиасферы и в нашей стране, и в мире в целом свидетельствует о значимости таких функций СМИ как информативная (или информирующая) функция [21], функция формирования общественного мнения [22], функция мобилизации масс на решение каких-либо задач [23] и т.п. «Средства массовой информации должны непредвзято и правдиво передавать идеи и информацию, чтобы помочь государству и гражданам создавать адекватную и полную картину мира и стать платформой для открытого диалога внутри общества» [24, 991–993]. Стоит признать мнение П. Н. Киричека о том, что «как только в духовную сферу чистоганом вторгаются деньги и начинают играть там главенствующую роль — рано или поздно все загнивает на корню: и культура, и искусство, и спорт, и журналистика, ведь ее предназначение весьма далеко отстоит от простого зарабатывания ее служителя себе на пропитание» [25, 21].

Именно поэтому такой объект номинации, как СМИ, и не логично, и не вполне корректно ставить в один ряд с такими объектами номинации как, например, товар или услуга. Как СМИ в целом, так и его название в частности нацелено отнюдь не только на получение прибыли — именно это принципиально различает медианоминацию и такие ядерные элементы коммерческой номинации, как названия фирм, магазинов, парикмахерских и т.п. Иными словами, периферийное положение медианоминации в системе коммерческой номинации в значительной степени обусловлено периферийным положением самого СМИ в системе коммерческих объектов.

Напомним далее, что и ядерные, и периферийные элементы коммерческой номинации характеризуются коммуникативной эффективностью. Коммуникативная эффективность определяется потенциалом, заложенным в слове, для использования его в качестве коммерческого обозначения. Известно, что основными составляющими коммуникативной эффективности коммерческого названия являются: ассоциативное соответствие, информативность, мотивированность и фонетическая привлекательность (о коммуникативной эффективности коммерческого названия см. подробнее в [26]). Представляется, однако, что такой перечень составляющих коммуникативной эффективности свойствен именно ядерным элементам обсуждаемой группы. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что составляющие

коммуникативной эффективности медианоминации не исчерпываются традиционными для коммерческого названия составляющими, приведенными выше. Значимым фактором коммуникативной эффективности медианоминации становится так называемая субъективная актуальность сформированного названием образа [27]. Наличие этой составляющей коммуникативной эффективности у медианазвания и ее отсутствие у ядерных элементов коммерческой номинации (см. подробнее там же), опять-таки, ставит медианазвание в специфическое положение в системе коммерческих имен.

Таким образом, перечисленные выше причины позволяют сформулировать вывод о том, что медианоминация может быть отнесена лишь к периферийной зоне коммерческой номинации.

Перспектива предпринятого исследования, с точки зрения авторов, заключается, во-первых, в разработке четких критериев отнесения того или иного вида коммерческой номинации к ядерной или же периферийной зоне, а во-вторых, в анализе других видов номинации на предмет ядерного/периферийного положения в системе коммерческих названий. В целом же исследование периферийной области коммерческой номинации представляется значимым направлением дальнейших научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новичихина М. Е. О возможностях факторного анализа в исследовании коммуникативной эффективности современной медианоминации / М. Е. Новичихина, М. А. Дрогайцева // Знак: проблемное поле медиаобразования.— Челябинск, 2020.— № 1 (35).— С. 95–101.

2. Дрогайцева М. А. Экспериментальное исследование коммуникативной эффективности современной медианоминации / М. А. Дрогайцева // Гуманитарно-педагогическое образование.— Севастополь, 2018.— Т. 4.— № 2.— С. 46–50.

3. Дрогайцева М. А. Об использовании метода ассоциативного эксперимента при изучении современной медианоминации / М. А. Дрогайцева // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика.— Воронеж, 2018.— № 3.— С. 114–116.

4. Дрогайцева М. А. Субъективная актуальность образа номинируемого СМИ как один из факторов коммуникативной эффективности медианоминации / М. А. Дрогайцева // Язык и национальное сознание. Вып. 25.— Воронеж, 2019.— С. 92–97.

5. Дрогайцева М. А. Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации): дис. … канд. филол. наук / М. А. Дрогайцева.— Тверь, 2019.— 160 с.

6. Дрогайцева М. А. Медианоминация / М. А. Дрогайцева, М. Е. Новичихина.— Воронеж, 2018.— 82 с.

7. Баранова А. Е. Эффективность медианоминации в современном медиапространстве / А. Е. Баранова, К. В. Киреева // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы.— Воронеж, 2012.— С. 8–9.

8. Коровченко И. И. Медианоминация: к вопросу об основах структурирования и систематизации / И. И. Коровченко // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика.— Воронеж, 2014.— № 1.— С. 168–175.

9. Коровченко И. И. К вопросу о построении электронного ассоциативного словаря проприальной лексики (на материале медианоминации) / И. И. Коровченко // Вопросы психолингвистики.— Москва, 2015.— № 23.— С. 199–211.

10. Новичихина М. Е. Об использовании количественных характеристик в процессе исследования коммуникативной эффективности слова-названия / М. Е. Новичихина // VI Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения / Сб. научных статей.— Севастополь, 2012.— С. 433–442.

11. Зиннатуллина Г. Х. Ономастическое пространство художественных текстов / Г. Х. Зиннатуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— Тамбов, 2014.— № 3 (33).— Ч. 2.— С. 84–87.

12. Никитина Н. В. Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского: дис. … канд. филол. наук / Н. В. Никитина.— Смоленск, 2006.— 23 с.

13. Бердникова Ю. В. Эстрадное имя как элемент формирования «личного PR» / Ю. В. Бердникова // Коммуникация в современном мире.— Воронеж, 2010.— Ч. 2.— С. 81.

14. Щукина М. А. Практическое исследование эффективности эстрадного имени / М. А. Щукина // Коммуникация в современном мире.— Воронеж, 2011.— Ч. 2.— С. 98–99.

15. Липунова Е. В. Об исследовании коммуникативной эффективности эстрадного имени / Е. В. Липунова // Проблемы массовой коммуникации.— Воронеж, 2012.— Ч. 1.— С. 49.

16. Хабарова В. В. Коммуникативная эффективность названий мероприятий / В. В. Хабарова // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы.— Воронеж, 2014.— Ч. 2.— С. 86–88.

17. Литвинова К. А. Феномен нейминга в спорте / К. А. Литвинова // Культура общения и ее формирование. Вып. 34.— Воронеж, 2018.— С. 11.

18. Новичихина М. Е. Слово-фармоним как элемент периферийной зоны коммерческой номинации / М. Е. Новичихина // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение.— Орел, 2016.— С. 152–155.

19. Новичихина М. Е. О коммуникативной эффективности никнейма / М. Е. Новичихина // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Языкознание. Севастополь, 2019.— Т. 5.— № 3.— С. 57–60.

20. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.— Режим доступа: https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/p143683/?all=1 (дата обращения: 05.12.2021).

21. Васильева Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе / Л. В. Васильева // Вестник АмГУ.— Благовещенск, 2010.— № 50.— С. 109–112.

22. Беленькая Ю. П. Средства массовой информации и медиасреда как факторы формирования общественного мнения / Ю. П. Беленькая // Вестник Ставропольского государственного университета.— Ставрополь, 2010.—

№ 4.— С. 52–57.

23. Соловьев В. А. Роль и место СМИ в мобилизации граждан на противодействие коррупции / В. А. Соловьев // Вестник МГЛУ. Общественные науки.— М., 2017.— Вып. 4 (788).— С. 76–87.

24. Гуржий Д. А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения / Д. А. Гуржий // Молодой ученый.— Казань, 2015.— № 12.— С. 991–993.

25. Киричёк П. Н. Медиакоммуникация и массовое сознание: принципы и механизмы формирования / П. Н. Киричёк.— М., 2006.

26. Новичихина М. Е. Медианоминация как элемент периферийной зоны коммерческой номинации / М. Е. Новичихина // VIII Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения.— Севастополь, 2014.— С. 131–136.

27. Дрогайцева М. А. Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации): автореф. дис. … канд. филол. наук / М. А. Дрогайцева.— Тверь, 2019.— 24 с.

Воронежский государственный университет
Новичихина М. Е., доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: novichihiname@mail.ru

Филиал ОАО «РЖД»
Дрогайцева М. А., кандидат филологических наук, специалист по управлению персоналом
E-mail: marina_dro@list.ru

Voronezh State University
Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: novichihiname@mail.ru

Branch of Joint Stock Company «Russian Railways»
Drogaitseva M. A., Candidate of Philology, HR specialist
E-mail: marina_dro@list.ru

УДК 070

ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ КНР (ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС)

Ню Мэнди

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 23 января 2022 г.

Аннотация: *цель статьи заключается в выявлении толерантных проявлений в теории и практике публичной дипломатии и международных коммуникациях Китая. Автор использует метод экспертных интервью с китайскими молодыми учеными, чьей профессиональной сферой являются политические коммуникации. Обобщая мнения 20 экспертов, автор приходит к выводу, что 1) китайское правительство в своей внешней информационно-коммуникационной политике, формируя общественное мнение, преодолевая сугубо пропагандистское мышление, создает прочную основу для мирного подъема страны, формирования имиджа «ответственной державы» на международной арене; 2) завоевывает уважение и доверие международного сообщества с помощью демонстрации толерантных и открытых ценностей.*
Ключевые слова: *публичная дипломатия, Китай, коммуникация, СМИ, толерантность.*

Abstract: *the aim of this article is to identify tolerance manifestations in the theory and practice of public diplomacy and international communications in China. The author uses the method of expert interviews with Chinese young scholars whose professional field is political communication. Summing up the opinions of 20 experts, the author concludes: 1) by shaping public opinion and overcoming purely propagandistic thinking, the Chinese government in its foreign information and communication policy creates a solid foundation for the peaceful rise of the country and the image of a «responsible power» in the international arena; 2) it wins respect and trust of the international community by demonstrating tolerant and open values.*
Keywords: *public diplomacy, China, communication, media, tolerance.*

С наступлением информационной эпохи и ускорением глобализации, простая традиционная дипломатия уже не может удовлетворять в полной мере потребности международных коммуникаций. Обладая значительными преимуществами, публичная дипломатия стала важным средством формирования имиджа страны и усиления «мягкой силы».

Несмотря на постоянное повышение международного статуса страны, общественное мнение о Китае за рубежом нельзя назвать безусловно положительным. При этом публичная дипломатия становится новым коммуникативным средством Китая, которое оценило по достоинству правительство, поняв, что с ее помощью возможно улучшить имидж страны и приобрести право голоса на международной арене.

Впервые концепция «публичной дипломатии» предложена в 1965 г. Эдмундом Гуллионом, понимавшим под ней «влияние на общественное мнение других стран, обмен групп по интересам между двумя странами, взаимодействие дипломатов и иностранных журналистов» [1].

В Китае концепция впервые упомянута в книге профессора Дипломатической академии Чжоу Ципэн «Иностранная дипломатия» в 1990 г. После теракта в США 11 сентября 2001 г. все больше китайских ученых стало изучать публичную дипломатию. Наиболее значимая монография доктора Чжао Кэцзинь «Теория и практика публичной дипломатии», опубликованная в 2007 г., анализирует различные аспекты деятельности в сфере публичной дипломатии Японии, Франции, Великобритании и Норвегии.

Китайское научное сообщество определяет понятие «публичной дипломатии» с различных сторон, но ее понимание сводится к формуле: акторами публичной дипломатии являются правительство или общественные группы, организации, доверенные правительством лица либо народ; народ за рубежом представляет собой адресат, а не другие правительства; средства осуществления политики — массовая коммуникация, гуманитарные обмены и международные связи с общественностью; источник влияния — не жесткая, а «мягкая сила». Публичная дипломатия не только наследует характеристики традиционной дипломатической работы, но и опирается на массовые коммуникации, реализует дипломатию, обращенную к иностранному народу на государственном уровне [2, 11].

Премьер-министр Чжоу Эньлай — основатель и выдающийся деятель в области дипломатии Нового Китая, своей философией заложил базу для формирования нового механизма публичной дипломатии, понимая, что «отношения между двумя

© Ню Мэнди, 2022

народами не могут быть осуществлены только профессиональными дипломатами, но обеспечиваются непосредственными связями двух народов» [3, 212]. Более того, Ч. Эньлай предложил новую дипломатическую политику, суть которой заключается в следующем: «Сначала идет народ, который продвигает правительство, а правительство руководит народами, чтобы народ и правительство шли одновременно» [4, 110].

За десятилетия развития публичной дипломатии в Китае, несмотря на то, что неправительственные обмены с другими странами увеличились, большинство из них все еще неотделимы от руководства правительства. Дипломатические принципы и ценности, выдвигаемые китайскими лидерами, всегда определяют неправительственные обмены. В 70-х и 80-х гг. прошлого века китайский лидер Дэн Сяопин сформулировал принцип «мир и развитие», который должен был стать лейтмотивом эпохи и который с того времени стал руководящей идеологией для внешней стратегии и дипломатической политики Китая. В 2005 г. в 60-ю годовщину основания ООН председатель Ху Цзиньтао официально предложил концепцию «гармоничного мира». В отчете 18-го Всекитайского собрания народных представителей Коммунистической партии Китая в 2012 г. была декларирована ценность международных отношений — «Сообщество единой судьбы человечества», направленная на общее благо всего человечества.

Вместе с тем некоторые зарубежные эксперты подвергли сомнению истинное предназначение дипломатической философии китайского лидера, считая, что Китай стремится построить «гармоничный мир» вразрез с конфронтационными доводами Запада [5, 177].

Китайские ученые в области политологии, международных отношений и массовой коммуникации полагают, что публичная дипломатия в рамках концепции «мягкой силы» дает важный импульс всей китайской дипломатии и позволяет более ответственно соблюдать интересы китайских граждан [6, 147]. По мнению российских исследователей, отличительной особенностью китайской «мягкой» дипломатии является ее идеологизированная база, идейно-философская заряженность, нацеленность на повсеместное продвижение в мире исключительно национальных (а не общечеловеческих) ценностей и мировоззрения [7, 121].

Целью исследования стала концептуализация понятия «публичная дипломатия» применительно к внешнеполитической деятельности Китая, основанная на оценках молодых ученых, высказанных в ходе фокусированного интервью.

Методология и методы. В данной работе используется метод экспертных интервью для сбора мнения китайских молодых ученых в области коммуникаций о политике и деятельности в сфере публичной дипломатии Китая. В фокусированном интервью, которое проводилось в течение февраля — марта 2021 г., приняло участие 20 экспертов — молодые преподаватели, работающие на факультетах журналистики и истории, кандидаты наук и аспиранты 3-го года обучения, изучающие международную политику, китайскую историю, журналистику, социологию и философию, а также молодые журналисты, преподаватели китайского языка как иностранного и бизнесмены, имеющие выход на международную арену. Предметом обсуждения стали толерантные проявления и характеристики в теории и практике китайской публичной дипломатии, исторические предпосылки зарождения толерантного духа и будущие направления развития публичной дипломатии. Обсуждаемые проблемы касались традиций и новаторства в сфере публичной дипломатии Китая, персоналий, инструментария, новых средств вовлечения граждан в процесс урегулирования международных отношений, реакций на агрессивные выпады против страны, изменений государственной информационной политики и др.

Результаты исследования. В экспертных интервью давалась оценка концепции Чжоу Эньлая, интерпретировались его фундаментальные дипломатические мысли. Эксперты также единодушно заявляли, что успех дипломатической философии Чжоу Эньлая заключается в комплексном использовании четырех принципов: это «независимость, равенство, стремление к единению при сохранении различий и мирное сосуществование». Преподаватель предмета «Положения и политики» в Тайюаньском технологическом университете Синь отмечает, что Ч. Эньлай олицетворяет джентльменский темперамент китайского политика со своими качествами, такими как равноправное отношение к другим, откровенность к друзьям, толерантность к противоречиям. Доцент института журналистики и новых медиа Сианьского университета коммуникации Лю Янь считает, что «пять принципов мирного сосуществования», выдвинутые Ч. Эньлаем, не только принесли пользу Китаю, но и являются вкладом в международный мир и развитие мирового сообщества. Они прежде всего выступают в качестве требовательности к себе, а затем в качестве внешней потребности.

Отвечая на вопрос, существуют ли сегодня предпосылки построения гармоничного мира для всего человечества, большинство экспертов дали утвердительный ответ. Ян Юнькэ, аспирант СПбГУ, изучающий социальные науки, перечисляет три условия: во-первых, уважение к территориальной целостности и суверенитету является основным для построения гармоничных международных отношений и достижения мирного сосуществования. Во-вторых, при глобализации экономические и культурные связи между странами становятся более тесными. Это приводит к углублению взаимопонимания между раз-

ными культурами. В-третьих, роль ООН и различные международные организации, которые могут внести вклад в поддержание гармоничного мира, увеличивается. Старший преподаватель Института «Высшей школы журналистки и массовых коммуникаций» СПбГУ Лай Линчжи считает: потребности человечества в постоянном выживании и развитии являются предпосылками построения гармоничного мира. Тем не менее Сун Цзясинь, аспирант Пекинского университета, исследуя межрегиональные и межгосударственные различия, считает, что возможность достижения «гармоничного мира» на этом этапе, мала. По ее мнению, трудно найти универсальную ценность, которая могла бы преодолеть идеологические различия. Это серьезное препятствие для общения и сотрудничества между людьми во всем мире.

При интерпретации ценности «сообщество единой судьбы человечества» эксперт Лю Янь утверждает, что данная концепция служит упразднению всех противоречий между различными экономическими и идеологическими союзами, такими как «мы» — «они», «развитые страны» и «развивающиеся страны». Аспирант кафедры истории КПК Фуданского университета Дуань Юйхань находит, что ценность созвучна с идеями Карла Маркса, предложившего некую социально-историческую перспективу перехода от капиталистического дискурса к социалистическому. Ведущая идея в условиях глобализации рождается из подтверждения субъективности и ценности человека, вырастает из понимания сущности человечества, строится на основе разумной заботы об интересах всех народов.

Лай Линчжи обращает внимание на то, что журналисты, продвигая китайскую специфику под руководством ценности «сообщество единой судьбы человечества», не должны проводить простую и скучную политическую пропагандистскую работу под лозунгом публичной дипломатии, иначе это приведет к обратным результатам. Более того, сами журналисты должны сначала разобраться в самой сути китайской концепции. Они должны прежде всего задавать себе такие вопросы: «Каковы конкретные особенности китайского пути развития?», «Какие именно китайские инновации и традиции должны продвигаться во внешнем мире?»

Экспертами оценивались также инициативы Си Цзиньпина о новом типе международных отношений, в основе которых лежат: взаимовыгодное сотрудничество, мир, развитие, толерантность. Аспирант философского факультета СПбГУ Гэн Бяо находит связь этих идей: мир — это предпосылка всего, сотрудничество — необходимое средство, развитие — главная цель, а толерантность — основной принцип. Аспирант исторического факультета Фуданьского университета Цзян Лидань дает свое понимание о новом типе международных отношений: в политическом плане важно внедрять новые идеи для построения партнерских отношений; на экономическом уровне создать новые перспективы для общего развития; в аспекте безопасности предусмотреть устройство, в котором все страны разделяют чувство безопасности; в сфере культуры сформировать через СМИ новую атмосферу толерантности и взаимного обучения и сближения различных цивилизаций.

Отвечая на сомнения мирового сообщества об истинности цели китайских дипломатических концепций, все без исключения опрошенные китайские эксперты заявили, что эти концепции — от «гармоничного мира» до «сообщества единой судьбы человечества», предложенные китайским правительством, действительно приносят пользу всему человечеству. Дуань Юйхань подтверждает, что идея «истинного сообщества» марксизма заключается в том, чтобы обращать взор на процесс развития человечества и рассматривать людей как активный и творческий элемент, созидающий дело всего человечества. Исходя из мировой тенденции, общее развитие и гармоничное сосуществование являются необходимыми потребностями. Идея Китая, продвигаемая через международные СМИ, удовлетворяет такой потребности и соответствует общей тенденции, что означает, что бенефициарами должны быть народы всего мира.

В ответе на вопрос о ресурсах «мягкой силы» китайские эксперты единодушно рассматривают традиционную культуру как важный источник «мягкой силы» в реализации мирной дипломатической политики Китая, считая, что сочетание традиционной культуры и информационной коммуникации является важной предпосылкой для рассказа миру китайской истории. Представители в сфере сетевых медиа Жэнь и Ян Юнькэ упомянули китайскую интернет-знаменитость Ли Цзыци, которая имеет более десяти миллионов подписчиков на Youtube. В своих видеороликах она показывает процесс производства различной китайской еды и образ жизни простых китайцев. Ее успех, по сути, демонстрирует коммуникационную эффективность «мягкой силы» и значительно усиливает интерес иностранцев к Китаю.

Заместитель председателя Китайско-российской ассоциации молодых предпринимателей Чжан Цзехуа отмечает, что усилия Китая по созданию собственного имиджа в международном сообществе не ограничиваются уровнем правительственной дипломатии, но также проявляются во всех аспектах международной торговли и жизни народов. Выдающиеся качества людей, представляющих Китай, профессиональная этика и способность персонала работать за границей, успехи учащихся за рубежом и т.д. также являются важными ресурсами «мягкой силы» страны.

Практически все эксперты отмечали, что устранение предрассудков и сомнений иностранной аудитории в отношении мирного подъема страны стало важной задачей китайских СМИ. Молодой специа-

лист факультета международных отношений СПбГУ Чжан Шуи считает, что для разрушения таких предрассудков и сомнений необходимо изменить логику, согласно которой «могущество» и «угроза» являются эквивалентными в международных коммуникациях. Имея богатый опыт преподавания китайского языка и распространения традиционной культуры в России, педагог Гон Тин заявляет, что в международных СМИ необходимо повсеместно продвигать культурные ценности Китая, заключающиеся в стремлении к миру и уважении различий во внешней коммуникации. Журналист новых медиа Сунь Чжу предложил три рекомендации для повышения эффективности международной коммуникации Китая. Во-первых, китайским СМИ надо избегать опровержений в западной дискурсивной системе, поскольку сущность мирного подъема противоположна западному мышлению «с нулевой суммой»; во-вторых, обязательно обращать внимание на объективность содержания коммуникации, нельзя преувеличивать достигнутые результаты; в-третьих, активно и целенаправленно реагировать на голоса извне и укреплять взаимное доверие в диалоге.

По-разному ответили на вопрос о допустимых границах в высказываниях официальных дипломатических лиц и учреждений в конфликтных ситуациях. Министерство иностранных дел Китая в 80-е гг. XX в. создало систему пресс-центров и департамент информации и печати, осуществляющих связи с общественностью. Пресс-секретари получили большую свободу выражения собственного мнения, иногда не стеснялись в выражениях, оценивая конкретные ситуации, позволяли в отношении персоналий агрессивные выпады. Как результат — в социальных сетях появилось множество видеороликов, демонстрирующих поведение китайских пресс-секретарей, выходящих за рамки общепринятого, что вызывает бурные обсуждения.

Эксперты не оставили без внимания эти тенденции публичного поведения официальных лиц. В качестве образцового приводился исторический пример с Цзян Цзэминем. Во время провокационного интервью с американским журналистом Уоллесом китайский лидер проявлял невозмутимость: независимо от того, были вопросы интервьюера вежливыми или невежливыми, приличными или нет, Цзян Цзэминь неизменно улыбался и отвечал исключительно вежливо, с достоинством, не давая воли раздражению и гневу. Как отметила часть опрошенных экспертов, выражение голоса Китая на международной арене с тех пор заметно стало «жестче», и сегодня интервьюируемые официальные лица не хотят терпеть грубость и предубеждения иностранных журналистов.

По словам Лю Янь, система связей с общественностью и система прессы определяют ценности, основные направления и организационные формы публичной дипломатии. Выход за рамки общепринятого, приличного в публичной сфере является лишь дискурсивном выражением. Мнение Чжан Шуи другое: сегодня происходит трансформация дипломатической работы и переход от «внешней пропаганды» к «публичной дипломатии». Китайская дипломатия в полной мере использует современные СМИ и другие средства не только для того, чтобы изложить свою позицию, но и выразить себя, привлекая международную аудиторию.

В ответе на вопрос об изменении тональности высказываний китайских дипломатов Ян Юнькэ, Цзян Лидань, Сун Цзясинь и др. видят причину в глубоких изменениях международной ситуации, а также в «приливах» и «отливах» национальной мощи различных стран. В обычных обстоятельствах Китай отвечает на дружбу дружбой, решительно же отвечает только тогда, когда задают вопросы, наносящие ущерб национальным интересам. На взгляды Лай Линчжи, изменение тональности не может быть охарактеризовано как коренные изменения манеры китайской дипломатии. На самом деле, высказывания большинства дипломатических представителей и даже лидеров этого мира становятся более «либеральными» и «индивидуализированными», что соответствует быстрому развитию новых медиа и их огромному влиянию.

Выводы. В экспертных интервью отмечен особый статус неправительственных организаций и учреждений в культуре, спорте, экономике, во внешней торговле и других областях с момента основания Китайской Народной Республики. Под руководством КПК публичная дипломатия разворачивается в соответствии с «пятью принципами мирного сосуществования» и принципом «стремления к единению при сохранении различий». В глубинных интервью оценены предложенные правительством с конца XX в. концепции «мирного развития», «гармоничного мира» и «сообщества единой судьбы человечества», реализующие систему идей общего прогресса для всего человеческого общества. Вывод, к которому приходят молодые ученые: все эти концепции и принципы отражают уважение китайского правительства и народа к разнообразию мировых цивилизаций и их толерантность к различиям цивилизаций. Новый тип международных отношений предполагает мир, сотрудничество, развитие и толерантность, способен не только обеспечить стабильную внешнюю среду для мирного подъема Китая, но и является предпосылкой для общего развития всего человечества.

Создавая прочную основу общественного мнения для мирного подъема и формирования имиджа «ответственной державы» на международной арене, Китай не должен отказываться от традиционной культуры и ценностей. Рассказывая китайские истории через средства массовой информации, важно целенаправленно предъявлять факты и излагать дово-

ды во внешней коммуникации, а также, преодолевая пропагандистское мышление, завоевывать уважение и доверие международного сообщества с помощью демонстрации толерантных и открытых ценностей. «Мягкая сила» в публичной дипломатии — ключ к приобретению доверия международного сообщества к Китаю.

ЛИТЕРАТУРА

1. About U. S. Public Diplomacy.— Режим доступа: http://pdaa.publicdiplomacy.org/?page_id=6 (дата обращения: 20.02.2021).
2. 叶皓. 公共外交与国际传播 // 现代传播.— 2012.— № 6.— С. 11–19.
3. 中国人民共和国外交部外交史研究室. 周恩来外交活动大事记（1949–1975).— М.: 世界知识出版社, 1993.
4. 王红续. 周恩来的公共外交实践与思想 // 公共外交季刊.— 2011.— № 6.— С. 105–111.
5. Бояркина А. В. Китайские авторы о построении гармоничного и устойчивого мира / А. В. Бояркина // Россия и АТР.— 2008.— № 4.— С. 170–179.
6. Лыков К. Ф. Политико-дипломатическое направление «мягкой силы» во внешней политике КНР в начале XXI в. / К. Ф. Лыков // Теория и практика общественного развития.— 2015.— № 16.— С. 145–1493.
7. Будаев А. В. Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая / А. В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник.— 2016.— № 54.— С. 106–129.

Санкт-Петербургский государственный университет
Ню Мэнди, аспирант Института «Высшая школа журналистики и массовой коммуникации
E-mail: 519937105@qq.com

St. Peterburg State University
Niu Mengdi, Postgraduate Student of the Journalism & Mass Communications School
E-mail: 519937105@qq.com

УДК 070 (091)

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКРЫТИЯ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЫ КОНЦА XIX В. «ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ»

В. И. Овсейко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье рассказывается об обстоятельствах закрытия одной из первых частных газет Оренбуржья «Оренбургский край».*
Ключевые слова: *частная газета, «Оренбургский край», Н. А. Баратынский, В. Л. Кигн-Дедлов, Б. А. Бреслин, редакция, типография.*

Abstract: *the article describes the circumstances of the closure of one of the first private newspapers of Orenburg region «Orenburg region».*
Keywords: *private newspaper, Orenburg Krai, N. A. Baratynsky, V. L. Kign-Dedlov, B. A. Breslin, editorial office, printing house.*

В России первые частные издания стали появляться с 1813 г. [1]. Обширный Оренбургский край не мог не ответить на веление времени. С 1876 г., в течение трех десятилетий, в губернии выходили две частные газеты — «Оренбургский листок» и «Оренбургский край», составлявшие конкуренцию государственным изданиям. Журналисты пытались как-то помочь населению, привлекали новых авторов, открывали новые темы, активно работали с рекламой. Но второе независимое издание «Оренбургский край», ярко заявив о себе и активно прожив около двух лет, неожиданно для подписчиков прекратило свое существование. О закрытии «Оренбургского края» исследователь И. С. Шукшинцев написал следующее: «Причины прекращения издания… лежали не во внутреннем строе и направлении газеты, а в обстоятельствах чисто внешних…» Невыполнение договора частной типографией Бреслина, где печаталась газета, «заставило Н. А. Баратынского прекратить издание органа, который и за короткое время своего существования сумел привлечь и сплотить в дружную семью интеллигентные силы края» [2, 101–102]. Краевед П. Н. Столпянский также посчитал, что газета закрылась из-за «типографских недоразумений» [3, 121]. Автор данного исследования обратилась к архивам, дабы уточнить обстоятельства прекращения выхода независимой газеты, история которой началась в 1892 г., когда «местной интеллигенцией была сделана попытка издавать прогрессивную газету вместо захиревшего “Оренбургского листка”» и «присяжным поверенным Н. А. Баратынским… было предпринято издание “Оренбургского края”, который выходил три раза в неделю по воскресеньям, средам и пятницам по обыкновенной для провинциальных газет программе» [3, 121].

Николай Алексеевич Баратынский, 1857 г. рождения, сын священника, по окончании курса юридических наук в Санкт-Петербургском университете пробовал служить, но, получив чин губернского секретаря, вышел в отставку и занялся адвокатурой. По специальности он был юристом-цивилистом и, как вспоминали современники, «отличался рыцарской честностью» [4, 3]. К 1892 г.— моменту издания газеты — Николаю Алексеевичу исполнилось 35 лет. Опыта редакторской деятельности у него не было, да и средства на выпуск собственной газеты были весьма скудные [2, 98]. Тем не менее им были сфор-

[1] В Петербурге — «Русский инвалид» (1813–1816 гг.), «Рецензент» (1821 г.), «Северная пчела» (1825–1864 гг.), «Литературная газета» (1830, возобновлена в 1840–1849 гг.), «Северный муравей» (1830–1833 гг.), «Художественная газета» (1836–1841 гг., в 1839 г. газета не выпускалась), «Неделя» (1866–1901 гг.) «Копейка» (1908–1918 гг.); в Москве — «Московский городской листок» (1847 г.), «Промышленный листок» (1858–1859 гг.), «Русская газета» (1858–1859 гг.), «Наше время» (1860–1861 гг.), «Московский курьер» (1861 г.), «Русская речь» (1861–1862 гг.), «День» (1861–1865 гг.), «Русские ведомости» (1863–1918 гг.), «Москва» (1867–1868 гг.), «Земство» (1880–1882 гг.), «Русь» (1880–1886 гг.), «Московский листок» (1881–1918 гг.), «Русский листок» (1890–1907 гг.). В провинции также независимые издания возникают одно за другим: астраханские «Восточные известия» (1813–1816 гг.), «Воронежский листок» (1862–1868 гг.), «Ростовский-на-Дону вестник. Листок торговый и полицейский» (1863 г.), «Донской вестник» (1866–1869 гг.), «Дон» (1868–1915 гг.), «Воронежский телеграф» (1869–1918 гг.), «Донская газета» (1873–1879 гг.), «Саратовский дневник» (1877–1907 гг.), «Сибирская газета» (1881–1888 гг.), бахчисарайский, а затем симферопольский «Переводчик» (1883–1903 гг.), николаевский «Южанин» (1884–1901 гг.) и мн. др. [1, 75–233].

© Овсейко В. И., 2022

мулированы амбициозные задачи: изучение юго-восточного района России (губерний — Оренбургской, Самарской, Уфимской, областей — Уральской, Тургайской) в экономическом и бытовом отношениях [2, 98]; изображение живым словом типов разнообразных народностей, населяющих Оренбургский край, их экономического положения, промышленности, торговли, образования, культуры, религии [2, 103].

«Оренбургский край» позиционировал себя как газету многих авторов, в том числе таких известных, как А. П. Чехов, В. Л. Кигн-Дедлов, Л. А. и П. А. Баратынские, А. И. Тарнавский, М. М. Кенигсберг, В. О. Португалов и многие другие. В газете сообщалось, что ведутся переговоры с иностранными авторами. Поступали и письма от внешних корреспондентов из Самары, Уральска, Илецка, Уфы, Актюбинска, Екатеринбурга, Бугульмы, Мензелинска, Челябинска, сел, станиц, поселков губернии. Всего за два неполных года редактор сумел объединить вокруг издания интеллигенцию, для которой просветительская деятельность являлась продолжением служения общественному и профессиональному долгу.

Особенно важно отметить роль замечательного журналиста и писателя В. Л. Кигна-Дедлова — друга Н. А. Баратынского еще со времени учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1891–1893 гг. Владимир Людвигович был чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области. Он не советовал Н. А. Баратынскому открывать частную газету, считая это нерациональным вложением средств [5, 129], но при этом все же активнейшим образом поддерживал «Оренбургский край», публикуя письма от имени издателя, читателей, подсказывая, как и что освещать. В историю оренбургской журналистики вошли и его очерки «Заметки и картинки», «Письма читателей», «Оренбург светлый», «Оренбург темный», «Маленькая столица», «Переезд в Петербург», «Разговор с читателем», «В шахматном клубе», «Литературный юбилей», «Иван Федорович Горбунов на обеде беллетристов», дорожные очерки, зарисовки о переселенцах, рассказы, повести и др. Кроме того, Владимир Людвигович вел переговоры с А. П. Чеховым о публикации в «Крае» его рассказов, уехав из Оренбурга, присылал свои книги, отрывки из которых Баратынский печатал на страницах издания.

Газета пользовалась симпатиями публики, о чем свидетельствовало постепенно возрастающее число подписчиков. В. Л. Кигн-Дедлов в письме А. П. Чехову сообщал о тираже «Оренбургского края»: «…не более пяти — шести сотен экземпляров» [5, 129], хотя в самой газете эта цифра не указывалась. В новогоднем поздравлении своих читателей с 1894 г. редакция замечала: «Не нам судить, насколько наша газета удовлетворяет наших подписчиков; одно верно, что число подписчиков время от времени увеличивалось, давая нам уверенность в сочувствии к нашему изданию и побуждая нас относиться с большей энергией к предпринятому… делу» [2, 102–103].

Но в 1894 г. между владельцем типографии Б. А. Бреслиным и редактором Н. А. Баратынским произошел конфликт, в результате которого «Край» прекратил существование. Газета выпустила четыре номера в 1892 г., затем бурно развивалась весь 1893 г. вплоть до 18 ноября 1894 г. В 1895 г. вышел всего один номер — для того, чтобы издание не было закрыто по цензурному уставу: «Всякое повременное издание, уже выходившее в свет, но по каким-либо причинам не появлявшееся в течение года, считается прекратившимся, и на возобновление оного требуется новое разрешение» [6, 398].

Можно предположить, что дело состояло в контракте, который был заключен между владельцами частной газеты «Оренбургский край» присяжным поверенным Н. А. Баратынским и частной типографии — Б. А. Бреслиным, человеком «практической опытности» [7, 3], совершенно не сведущим в юридических тонкостях. Заключая договор с Бреслиным на печать газеты, опытный юрист Баратынский сумел надежно оградить себя от всех неприятных последствий в случае возникновения каких-либо споров или недоразумений. Единственным поводом к неустойке со стороны Н. А. Баратынского мог быть лишь случай перенесения печатания газеты в другую типографию до оговоренного в контракте срока — 3 года. Зато Баратынский имел поводы к неустойке со стороны Бреслина чуть ли не по каждому пункту договора. Например, задержка выхода номера газеты, даже если опоздание это зависело от самой редакции. Именно этим воспользовался Баратынский.

Так получилось или было сделано специально, что последний № 280 за 1894 г. редакция сдала в типографию с опозданием на 9 часов. Произошло это в субботу, 19 ноября, а 20 и 21 ноября приходились на праздники. Поэтому работники предприятия уже разошлись по домам. В результате газета была приостановлена по отзыву Б. А. Бреслина — в связи с тем, что редакция доставила в печатню корректуры и, что особенно важно и не может быть объяснено иначе, как продуманный ход,— новый материал (!) в 21 час вечера вместо 12 часов дня. Так Бреслин подстраховал себя, понимая, что ночью, перед праздниками он не соберет наборщиков, верстальщиков и печатника по городу. К тому же их ночная работа в предпраздничный и праздничный дни стоила дороже.

Н. А. Баратынский не замедлил заявить нотариусу, что Б. А. Бреслин уклоняется от выпуска газеты, и свидетельствовал как о нарушении Бреслиным договора с неустойкой в сумме 3500 руб., так и об убытках по меньшей мере в сумме 12000 руб. 23 ноября 1894 г. Баратынский опубликовал сообщение о приостановке своей газеты «по причинам, от редакции не зависящим» [7, 3].

Дело разбиралось судом пять раз. И, наконец, 3 октября 1895 г., когда все стороны были выслушаны, суд вынес резолюцию: контракт, заключенный между Н. А. Баратынским и Б. А. Бреслиным, расторгнуть. Взыскать с Бреслина в пользу Баратынского неустойку в сумме 3000 руб. и предоставить Баратынскому право взыскивать убытки с Бреслина, с наложением на последнего издержек в сумме 250 руб. судебных и за ведение дела. В иске остальных 500 руб. по неустойке и в предоставлении Баратынскому права на предварительное исполнение иска суд отказал.

Решением суда сторона Б. А. Бреслина осталась недовольна, вновь и вновь доказывала, что опоздание на двое суток выпуска в свет газетного номера из-за сложившихся обстоятельств, после двух лет безупречной совместной работы редакции и типографии, не может уменьшить подписку и поэтому нельзя говорить, что деятельность Бреслина была направлена на подрыв успеха издания (на чем, по-видимому, настаивала сторона Баратынского). Во-вторых, суды показали Бреслину, что по контракту с Баратынским в любой затруднительной ситуации он будет в проигрыше, всегда будет платить неустойки, штрафы, восстанавливать мнимые убытки. Такой контракт невыгоден. Тяжба тянулась около года, и после вынесения решения дело по просьбе стороны Бреслина было перенесено в Саратовскую судебную палату. Перемирия не произошло.

Между тем педантичный Евфимовский-Мировицкий не мог пройти мимо факта, что газета вовсе не бедствовала: за первый год своего издания (1893), имея доход 3031 руб. 60 коп., понесла убытки 121 руб. 21 коп. Второй год (1894) был более успешным: прибыли поступило 3441 руб. 47 коп. Если бы 19 ноября (то есть до конца года за 1 месяц и 11 дней) издание «Оренбургского края» не было приостановлено, «по независящим от редакции причинам», редакция вполне могла покрыть дефицит первого года [7, 3].

Н. А. Баратынский просил у суда возмещения Б. А. Бреслиным 12000 руб. убытков и 3500 руб.— неустойку, но в результате долгой тяжбы получил по суду только три тысячи, на которые, скорее всего, не смог «перезапустить» издание. Или не захотел. И хотя Баратынский обещал читателям возобновить выпуск «Оренбургского края» в 1896 г., 17 ноября 1895 г. вышел последний номер газеты (№ 280).

Не оставляет ощущение, что конфликт разгорелся на пустом месте и, если бы Баратынский не выставил иск к Бреслину о взыскании убытков, неустойки и расторжении контракта, все бы утряслось. Газета вышла бы через два дня. Такое действительно случается и, если это единичный случай, на репутации издания он не отражается. Напомним, в договоре была неустойка на Н. А. Баратынского за переход в другую типографию до окончания контракта (3 года, то есть до конца 1895 г.). Можно предположить, что Баратынский, чтобы не выплачивать неустойку Бреслину, не искал другую типографию, да и сделать это в Оренбурге было сложно: большинство полиграфических предприятий было технически слабо оборудовано. Неслучайно Бреслин, взяв в работу газету «Оренбургский край», расширил типографию, усилил состав служащих, выписал новый шрифт. Это подтверждает и тот факт, что Баратынский обещал «возобновление издания в течение будущего 1896 г.» (а не сразу после суда, когда договор был расторгнут) и что тем подписчикам, которые не получили обратно денег за 1 месяц и 11 дней 1894 г., будут высылаться номера вновь выходящего «Края» [8, 3].

Возможно, это заявление было сделано для сохранения имиджа и издания, и личного — Н. А. Баратынский дорожил репутацией, а большой шум в связи с судами Баратынского и Бреслина многих заставил высказываться по этому поводу. В частности, присяжный поверенный Александр Лялин так оценил действия коллеги: «Н. А. Баратынский смотрел на свою газету с точки зрения интеллигентного человека и священнодействовал, считая своим непременным долгом точно выполнять обязательства, принятые им на себя в отношении своих подписчиков» [9, 3]. Б. А. Бреслину же Александр Лялин отвел роль торгаша, преследовавшего лишь «одну цель: набрать побольше пятаков» [9, 3]. В адрес Баратынского звучали слова: «Интеллигентный редактор-издатель, для которого газета была средством распространения высоких идей» [9, 3]. И. И. Евфимовский-Мировицкий назвал коллегу «искавший благости, света и правды…» [4, 3]. При таких высоких оценках деятельности руководителя издания «Край» мог быть закрыт только по причинам, от редакции не зависящим. И никак иначе. Но так ли это? Думается, Н. А. Баратынский наладил бы выпуск газеты в 1986 г., если бы хотел. Но этого не произошло.

Во-первых, возникли финансовые проблемы, ведь прибыли от издания «Края» Н. А. Баратынский (глава большой семьи, воспитывающий четверых детей) не получил. И суд не удовлетворил иск о возмещении убытков Бреслиным, на что мог надеяться Баратынский. Во-вторых, и скорее всего, Николаю Алексеевичу не хотелось снова браться за издание газеты (причем в другой, менее технически оснащенной типографии) без поддержки идейного вдохновителя издания, талантливого очеркиста В. Л. Кигна-Дедлова, который к тому времени уехал из Оренбурга. У самого Баратынского особого опыта редакторской работы не было. На первых порах спасали знания и перо университетского друга, который помогал Николаю Алексеевичу всем, чем мог. Теперь же издателю надо было вновь раскручивать газету самому: искать талантливых авторов, актуальные темы, интересные читателям, думать о наполнении полос и увеличении тиража, работать с рекламодателями по привлечению их в свою газету, обеспечивать все

необходимые выплаты. Возможно, за год жизни без «Края» присяжный поверенный понял, как он далек от этого подвижнического образа жизни.

Косвенно поддерживает предположение о планируемом Н. А. Баратынским закрытии издания тот факт, что последние одиннадцать номеров «Оренбургского края» вышли в траурной 4-миллиметровой рамке во всю первую полосу газеты с № 268. В воскресенье, 23 октября 1894 г., в «Крае» были опубликованы сообщение о кончине императора Александра III и манифест Николая II. Здесь траурная рамка была уместна. Но затем с широкой траурной рамкой во всю первую полосу вышли еще девять номеров: с № 269 (26.10.1894) по № 277 (13.11.1894), № 278 (15.11.1894) вышел без черной рамки, но следующий, ставший последним в 1894 г., № 279 (18.11.1894) — снова с черной рамкой (то есть ее поставили специально после того, как в предыдущем номере сняли). Конечно, кто-то может предположить, что так редактор поминал ушедшего в мир иной императора. Но при этом на полосах только раз промелькнул материал о болезни почившего государя и, что удивительно, в № 278, вышедшем без черной рамки (!). В «траурных» номерах не было материалов, посвященных покойному, только разнообразная реклама, информационные и литературные материалы. Это странное обстоятельство читателям никак не объяснялось. Возможно, № 278 был ключом к разгадке, что черная рамка во всю первую полосу из номера в номер не связана с трагическим событием. Есть и другие косвенные свидетельства предстоящего закрытия газеты: неоднократный выход газеты на двух страницах вместо заявленных четырех. Заметная небрежность в формировании содержания и верстки полос, отсутствие новых рубрик и авторов. Развитие издания остановилось. Может быть, всем этим Н. А. Баратынский давал знать читателям о своем разочаровании в предпринятом деле?..

Редакторские заботы, тяжба с владельцем типографии могли подорвать здоровье Н. А. Баратынского. Через три года и два месяца он умер после продолжительной и тяжелой болезни (ataxia cerebrospinalis progvessiva[2]). Ему было всего 42 года. В 1895 г. недомогание могло начать проявляться.

Таким образом, история с закрытием «Оренбургского края», подававшаяся как результат лишь конфликта с частной типографией, имела дополнительные — возможно, основные — обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

1. 300 лет российской печати.— М.: Известия, 2003.
2. Шукшинцев И. С. Газета Оренбургский край. Труды архивной комиссии / И. С. Шукшинцев.— Оренбург, 1903.— Т. XII.
3. Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города / П. Н. Столпянский.— Оренбург, 1906.
4. Некролог. 10 января 1899 г.— Оренбургский листок.— 1899.— № 2.
5. Чехов А. П. Письма. Т. 5 / А. П. Чехов.— М., 1977.
6. Полное собрание Законов Российской империи, 1865, часть I, закон № 41990, т. 40.— Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 29.03.2022).
7. Евфимовский-Мировицкий И. И. Дело Баратынского с Бреслиным. Оренбург, 8 октября 1895 г. / И. И. Евфимовский-Мировицкий // Оренбургский листок.— 1895.— № 41.
8. Хроника. Оренбург, 19 ноября 1895 г.— Оренбургский листок.— 1895.— № 47.
9. Письмо к редактору. 26 марта 1895 г.— Оренбургский листок.— 1895.— № 47.

[2] Атакси́я в переводе с греческого языка — «беспорядок» — нарушение согласованности движений различных мышц при условии отсутствия мышечной слабости. Одно из часто наблюдаемых расстройств моторики. Плохо координированные движения связаны, главным образом, с повреждением мозжечка и/или мозжечковых связей. Это нервно-мышечное заболевание, которое может носить генетический характер, а также развивается при серьезном гиповитаминозе витамина B12 и как следствие церебрального инсульта.

Сила в конечностях может быть сохранена полностью, однако движения становятся неловкими, неточными, нарушается их преемственность и последовательность, равновесие при стоянии и ходьбе.

Воронежский государственный университет
Овсейко В. И., соискатель
E-mail: vio5922@mail.ru

Voronezh State University
Ovseiko V. I., Candidate of the Faculty of Journalism
E-mail: vio5922@mail.ru

УДК 070

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ДОВЕРИЕ АУДИТОРИИ

Е. С. Стогова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 19 февраля 2022 г.

Аннотация*: в статье анализируются факторы, влияющие на уровень доверия российской аудитории к публикациям отечественных и западных медиа, на примере информационных агентств МИА «Россия сегодня» («РИА Новости») и «Рейтер»: язык, источник информации, жанр текста, источник финансирования издания и т.д.*
Ключевые слова*: информация, информационное агентство, «РИА Новости», «Рейтер», аудитория СМИ, доверие.*

Abstract: *The article analyzes the factors influencing the level of confidence of the Russian audience in the publications of domestic and Western media on the example of the news agencies MIA «Rossiya Segodnya» («RIA Novosti») and «Reuters»: language, source of information, genre of text, source of funding for the publication, etc.*
Keywords*: information, news agency, «RIA Novosti», «Reuters», media audience, trust.*

Доверие к средствам массовой информации является залогом реализации социального предназначения журналистики как системы, обеспечивающей адекватное информационное обеспечение жизнедеятельности массовой аудитории и социальных институтов[1, 59]. Кроме того, оно гарантирует успешное осуществление не только коммуникативной и информирующей функций журналистики, но и идеологической и организаторской.

По классификации С. Рощина, степень доверия аудитории к тому или иному коммуникатору — собственно журналисту или индивиду, передающему информацию посредством СМИ,— зависит от трех факторов. Во-первых, это авторитетность, которая определяется социальным и профессиональным статусом. Во-вторых, это компетентность, то есть глубина осведомленности по освещаемому вопросу. И, в-третьих, это привлекательность — наиболее субъективный фактор, который зависит от персональных качеств [2, 192]. По А. Короченскому [3, 44–46], доверие к конкретному медиа вызывают такие качества, как правдивость, честность, неподкупность и беспристрастность. Все это так или иначе является субъективными, апеллирующими к эмоциональной составляющей критериями. Ни форма подачи материала, ни личность журналиста, ни жанровая специфика публикаций, ни источник информации ранее не попадали в фокус внимания исследователей.

Опросы общественных мнений в последние годы демонстрируют недостаточный уровень доверия российской аудитории к СМИ. Так, недавнее исследование «Эдельман Траст Барометр 2020» (Edelman Trust Barometer 2020) показало, что медиа доверяют только 28% россиян [4]. Среди основных причин недоверия к медиа А. Короченский в своей публикации «Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ» от 2006 г. выделяет использование технологий манипулятивного воздействия, невнимание к социальным последствиям передачи информации, коммерциализацию СМИ [3, 44–46], а также усиление монотонности информации при тяге к сенсационности. Несмотря на то, что предложенные им тезисы во многом объясняют и текущие тенденции, работа не учитывает набирающего силу влияния геополитических и технологических факторов.

В свою очередь, Т. Рассадина в статье «Доверие к средствам массовой информации в условиях “общества риска”», проведя анализ данных фокус-групп, обратила внимание на то, что по критерию охвата аудитории максимум доверия среди аудитории имеют центральные телевидение, радио и газеты, а также местное телевидение, при этом Интернет, местные газеты и радио пользуются наименьшим авторитетом [5, 66]. А. Ларина подчеркивает, что доверие к СМИ включает в себя три компонента: уверенность в достоверности предоставляемой информации, осознанный выбор конкретного медиа и одобрение собственно деятельности этого медиа [6, 136]. В. Тулупов [7, 49] предметом исследования выбирает репутацию СМИ, которая воспринимается на всех уровнях взаимодействия с аудиторией (идейно-политическая позиция), с властью (принципиальность позиции), а также с конкурентами (профессиональная репутация) и с партнерами (коммерческая

© Стогова Е. С., 2022

репутация). На психологические аспекты доверия обратили внимание Д. Фокина и О. Питько [8, 63–68], также отметив факторы репутации, достоверности и контингента издания.

Обеспокоенность как профессионального, так и научного сообщества вызывает феномен снижения уровня доверия к СМИ, на который обратили внимание А. Маслов [9, 1–4], А. Тимохович [10, 239–246], М. Карпова, У. Балабанова [11]. Проблема легла в основу аналитического вестника Совета Федерации «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства» от 2020 г.

Для сравнительного анализа доверия российской аудитории к русскоязычным и англоязычным западным СМИ, а также выявления и изучения основных факторов, влияющих на уровень доверия, был проведен дистанционный опрос в форме письменного анкетирования. Участие в нем приняли 211 россиян и постоянно проживающих на территории России граждан СНГ. 99,5% участников опроса — совершеннолетние, 82,5% имеют минимум одно полное высшее образование или ученую степень. Все вопросы были обязательными для ответа участников. Опрос проводился в период с 20 по 22 мая 2021 г. на условиях анонимности участников. При этом мы намеренно не давали респондентам дефиниции специфичных журналистских терминов и точные определения публицистических жанров, ориентируясь именно на специфику восприятия информационных продуктов аудиторией, на то, как тот или иной продукт СМИ видит читатель, а не профессионал.

Объектами исследования, предложенными участникам опроса, были выбраны информационные агентства «РИА Новости» и «Рейтер» (Reuters). Выбор среди всех подсистем СМИ именно агентств обусловлен их максимально широкой тематикой, представленностью в материалах всех жанров и форм подачи информации, обращением к разного рода источникам и оперативностью публикуемых данных. Кроме того, информационные агентства, по Е. Вартановой, Г. Вирену и Т. Фроловой, являются основным звеном любой национальной медиасистемы, поскольку «именно они формируют повестку дня, выделяя в потоке информации главные новости» [12, 6].

Опрос показал, что 61,6% респондентов в той или иной степени доверяют сведениям, которые распространяются посредством средств массовой информации в целом. В свою очередь, 31,3% выбрали ответ «скорее нет, чем да», 7,1% не доверяют вовсе. Разница в общем уровне доверия к русскоязычным и англоязычным западным СМИ отсутствует. Так, на отдельные соответствующие вопросы варианты ответов «да» и «скорее да, чем нет» суммарно выбрали по 55% респондентов. При этом о доверии к материалам «РИА Новости» сообщили 62,1%, о доверии к материалам «Рейтер» — 64%, таким образом, отличие пусть и в пользу англоязычного агентства, но все-таки минимально.

Далее респондентам было предложено выбрать, информации двух агентств в каких сферах они преимущественно доверяют (вопрос подразумевал множественный выбор без ограничения по количеству возможных ответов). Полные результаты можно увидеть в таб. 1. Показательно, что наименьший процент респондентов выражают доверие к новостям, связанным с внешней политикой (13,7% у «РИА Новости» и 19,4% — у «Рейтер») и политикой в целом (18,5% и 21,8% соответственно). При этом агентству «Рейтер» в этих сферах все же доверяют больше.

Таблица 1.

Процент респондентов, выражающих доверие к информации в указанных сферах (в %)

	Политика	Внешняя политика	Экономика	Общество	Происшествия	Наука	Культура	Спорт	Не доверяю никакой информации
РИА Новости	18,5	13,7	24,2	44,1	46,9	50,2	67,3	65,4	10
Рейтер	21,8	19,4	44,1	47,9	32,7	48,8	54	50,7	12,8

Респондентам также было предложено выбрать публицистические жанры, уровень доверия к которым у них выше (вопрос также подразумевал множественный выбор без ограничения по количеству возможных ответов). Полные результаты можно увидеть в табл. 2. Опрос показал, что наибольший процент аудитории доверяет новостным заметкам и интервью. Наименьшее число респондентов доверяют рецензиям, мнениям и аналитическим статьям. Однако жанр «аналитическая ста-

тья» является единственным, доверие к которому выше у аудитории «Рейтера», а не «РИА Новости». Треть респондентов заявила, что уровень доверия к информации не зависит от того, в каком жанре опубликован материал.

Таблица 2.

Процент респондентов, выражающих доверие к информации, представленной в материалах указанных жанров (в %)

	Новостная заметка	Интервью	Репортаж	Аналитическая статья	Мнение	Рецензия	Обзор	Не зависит от жанра	Свой вариант
РИА Новости	39	37,6	29,5	18,1	14,8	11,4	19	30	3,5
Рейтер	36,7	28,1	22,4	21	11,4	11	15,7	35,2	4,9

Кроме того, респондентам было предложено выбрать источники информации, уровень доверия к которым у них выше (вопрос также подразумевал множественный выбор без ограничения по количеству возможных ответов и без разделения между агентствами). Полные результаты представлены в табл. 3. Наибольший процент аудитории — а также больше половины респондентов, 55,2%,— выражает доверие информации, предоставляемой научными и исследовательскими центрами. Любопытно, что на втором месте по количеству доверяющих следует президент, несмотря на то, что данные опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения показывают общее падение доверия к президенту РФ Владимиру Путину [13], а результаты исследования Центра Пью (Pew Research Center) говорят о том, что президент США Дональд Трамп пользуется наименьшим доверием аудитории среди политиков [14].

Меньше всего респондентов сообщили о доверии чиновникам и депутатам (7,6%), а также анонимным, не указанным по тем или иным причинам в тексте источникам (9,5). 18,1% в данном блоке опроса признались, что не доверяют никому, а из предложенных самими опрошенными вариантов следует отметить опции «зависит от обстоятельств» и «сравниваю минимум три источника» (такой вариант предложили два участника опроса).

Таблица 3.

Процент респондентов, выражающих доверие к информации от указанных источников (в %)

Президент	Министерства, ведомства	НКО	Научные и исследовательские центры	Правоохранительные органы	Государственные учреждения	Негосударственные учреждения	Представители власти, чиновники, депутаты	Частные лица	Анонимные источники	Не доверяю никому	Свой вариант
31,9	28,6	21,4	55,2	13,3	18,6	18,1	7,6	24,3	9,5	18,1	3

Далее участникам опроса было предложено указать причины, по которым они могут не доверять тому или иному СМИ. Полные результаты представлены в табл. 4. Большинство отметило, что повлиять на их недоверие могли бы такие факторы, как ранее замеченные фейк-ньюс в данном СМИ (62,1%) и плохая репутация самого медиа (58,8%). Меньше всего респондентов выбрали варианты «СМИ является негосударственным» и «не доверяю конкретным журналистам».

Больше четверти опрошенных заявили о своей вере в то, что все СМИ занимаются пропагандой, и именно по этой причине они не выказывают доверия распространяемой посредством медиа информации. Среди предложенных самими респондентами вариантов следует отметить такие влияющие на недоверие факторы, как «идеологическая ангажированность СМИ» и «ранее работала в нескольких СМИ, поэтому не доверяю».

Таблица 4.

Причины, по которым аудитория с недоверием относится к тому или иному СМИ (в %)

СМИ является государственным	СМИ является негосударственным	Не доверяю конкретным журналистам	У СМИ плохая репутация	Ранее замечал фейк-ньюс в данном СМИ	Не доверяю системе СМИ в целом	Верю, что все СМИ занимаются пропагандой	Свой вариант
37,4	14,2	22,3	58,8	62,1	21,8	27	1,5

Таким образом, уровень доверия российской аудитории не зависит от места происхождения и языка того или иного СМИ. Наименьшей лояльностью пользуются новости в сферах внешней политики и политики в целом, тогда как сведениям о сферах, в наименьшей мере связанных с политикой — культуре, науке и спорту,— доверяет превалирующее большинство. Тенденция говорит и о том, что аудитория СМИ склонна доверять материалам, представленным в новостных жанрах, тогда как процент тех, кто не ставит под сомнение аналитику, в разы меньше. Что касается источников информации, наибольшим доверием среди аудитории пользуются неправительственные, экономически и политически независимые источники: научно-исследовательские центры, частные лица и некоммерческие организации. Однако исключением являются президент, а также министерства и ведомства: им доверяет относительно высокий процент потребителей информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров.— М., 2009.
2. Рощин С. К. Психология и журналистика / С. К. Рощин.— М.: Наука, 1989.— 187 с.
3. Короченский А П. Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ / А. П. Короченский // Журналистика и медиарынок.— 2006.— № 12.— С. 44–46.
4. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report // Edelman.— Режим доступа: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020–01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf (дата обращения: 16.08.2021).
5. Рассадина Т. А. Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.— 2018.— С. 61–66.
6. Ларина А. К. Доверие к СМИ / А. К. Ларина // Система ценностей современного общества.— 2008.— С. 124–132.
7. Тулупов В. В. Репутация СМИ и доверие к журналистике / В. В. Тулупов // Социально-гуманитарные знания.— 2019.— С. 48–50.
8. Питько О. А. Психологические аспекты доверия молодежи к интернет-СМИ / О. А. Питько, Д. В. Фокина // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема.— 2019.— № 2.— С. 63–68.
9. Маслов А. С. Феномен снижения уровня доверия к СМИ: тенденции и минимизация угроз / А. С. Маслов // Ученые записки Новгородского государственного университета.— 2020.— № 4.— С. 1–4.
10. Тимохович А. Н. Доверие каналу коммуникации как фактор влияния на поведение потребителей / А. Н. Тимохович // Вестник университета.— 2017.— С. 239–246.
11. Балабанова У. Г. Проблема недоверия общества к средствам массовой информации / У. Г. Балабанова, М. К. Карпова // Наука. Общество. Государство.— 2017.— Т. 5.— № 2.
12. Вартанова Е. Л. Типология информационных агентств / Е. Л. Вартанова, Г. В. Вирен, Т. И. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика.— 2013.— № 3.— С. 6–30.
13. Доверие политикам. Опрос // ВЦИОМ.— Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 16.10.2021).
14. Devlin K. Trump's International Ratings Remain Low, Especially Among Key Allies / K. Devlin, J. Poushter, L. Silver, etc // Pew Research Center.— Режим доступа: https://www.pewresearch.org/global/2018/10/01/trumps-international-ratings-remain-low-especially-among-key-allies/ (дата обращения: 22.10.2021).

Российский университет дружбы народов

Стогова Е. С., аспирант кафедры теории и истории журналистики

E-mail: janestogova@mail.ru

People's Friendship University of Russia

Stogova E. S., Postgraduate Student of the Theory and History of Journalism Department

E-mail: janestogova@mail.ru

УДК 070 (091)

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕССЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КРАЯ

Л. А. Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова РАН

Поступила в редакцию 21 февраля 2022 г.

Аннотация: *в период, получивший в исторической науке название «социалистическое строительство», на Северном Кавказе сложилась журналистика особого типа, которая использовалась властью в качестве инструмента социально-политического управления обществом и средством формирования авторитарно-тоталитарного мышления.*
Ключевые слова: *история российской журналистики, Северный Кавказ, тоталитаризм.*

Abstract: *during the period that received the name of socialist construction in historical science, a special type of journalism developed in the North Caucasus, which was used by the authorities as an instrument of socio-political management of society and a means of forming authoritarian-totalitarian thinking.*
Keywords: *history of Russian journalism, North Caucasus, totalitarianism.*

Введение. Специфические проблемы становления системы печати в республиках Северного Кавказа в научной литературе рассмотрены фрагментарно и еще не обобщены. Выделение же журналистики Южного региона для изучения правомерно, отмечают исследователи СМИ Северного Кавказа и Дона Е. В. Ахмадулин и А. И. Станько, еще в дореволюционной России именно здесь функционировала одна из самых разветвленных систем печати среди провинций. Они подчеркивают: «При исследовании печати интерес представляет не только специфика журналистики этого региона, но и общие черты, характерные для становления, развития и влияния на читательскую аудиторию всей провинциальной прессы. Исследование одного из звеньев общей цепи местной печати России имеет историко-теоретическое и методологическое значение» [1, 7].

Цель данной работы состоит в выявлении основных тенденций трансформации системы журналистики народностей Северного Кавказа в контексте установления и укрепления советской власти. Важно представить типологическую характеристику местных периодических изданий, раскрыть сущность государственной политики по культурному развитию национальных автономий Северного Кавказа, в частности в сфере печати.

Основная часть. На развитие системы журналистики в национальных регионах Северного Кавказа оказывали влияние перманентные реорганизации административно-территориальной структуры края. Часто они проводились волевым образом директивами центра без учета границ компактного проживания одного народа, а порой и разделяя один и тот же этнос в разных автономных образованиях. Так, созданная в 1922 г. Карачево-Черкесская автономная область уже в 1926 г. постановлением президиума ВЦИК была разделена на Карачаевскую автономную область, Черкесский автономный округ и Баталпашинский район с подчинением краю. В связи с разделением произошли значительные изменения в общей картине национальной прессы. Так, было прекращено издание русского печатного органа «Горская жизнь», рассчитанного на все народности бывшей Карачаево-Черкессии, а в карачаевской национальной газете были выделены две страницы для публикаций на русском языке. С 19 декабря 1926 г. в Карачае начала выходить газета «Таулу джашау» («Горская жизнь») на двух языках — карачаевском и русском. Подверглись трансформации все основные характеристики областной газеты. С 1929 г. в соответствии с постановлениями обкома ВКП(б) от 12 и 19 декабря 1928 г., указавших на необходимость «переименовать газету с термином политического содержания», «Таулу джашау» сменила логотип на «Таулу джарлыла» («Горская беднота»). 22 августа редакция была переведена из Баталпашинска в областной центр КАО — город Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). С 21 октября 1928 г. газета начала выходить не один, а два раза в неделю [2, 77].

С созданием Черкесского автономного округа в апреле 1926 г. «Адыге псэукэ» («Черкесская жизнь»), выходившая с 1924 г., стала официальным органом окружных партийных и советских властей. В апреле 1928 г. округ был преобразован в автономную область. С этого момента начинается новый период в развитии местной печати. Вместо «Адыге псэукэ»

© Турпалов Л. А., 2022

появилось новое областное издание «Черкес плъыж» («Красная Черкессия»).

Между тем не все национальные меньшинства Северного Кавказа имели печать на родных языках даже в конце 1920-х годов. К таким народам относились ногайцы, абазины, лезгины и таты. По переписи 1926 г. в СССР насчитывалось 36,3 тыс. ногайцев. Они проживали в различных автономиях Северного Кавказа. Наибольшее количество было сосредоточено в Черкесской области и Дагестанской республике. Поэтому не случайно, что именно в этих регионах были предприняты попытки создания ногайской письменности и печати [3, 125]. Первый научно разработанный алфавит ногайского языка был создан в 1928 г. в Черкессии ученым и просветителем Абдулхамидом Джанибековым, а в 1929 г. в областной газете «Черкес плъыж» появилась отдельная страница с материалами на ногайском языке. Выход полосы было встречено ногайцами не только Черкессии, но других субъектов края, с одобрением. Они практически впервые увидели печатные тексты, написанные на их родном языке.

Абазинцы обрели свою письменность в 1932 г. Облисполком Черкесской АО в ходе реализации программы латинизации письменностей малых народов принял постановление о создании абазинского алфавита, на котором стала печататься страничка в черкесской газете «Черкес плъыж». Но на этом программа создания абазинской письменности прекратилась.

В конце 1920-х гг. обрели письменность лезгины, табасаранцы и таты. В связи с этим пленум Дагестанского обкома партии в июне 1928 г. решил вопрос об издании газет для них. До этого они пользовались изданиями, выходившими на тюркском языке. В 1928 г. появились газеты «Зехметкаш» («Трудящийся») — на татском и «Цийи дунья» («Новый мир») — на лезгинском языках. В 1931 г. была создана первая газета на ногайском языке «Кзыл байрак» («Красное знамя»), а в следующем году в Бурганкенте вышла первая табасаранская газета «Уру Табасаран» («Красный Табасаран») [3, 140, 143, 152].

Появившаяся в феврале 1926 г. двуязычная адыгейская областная газета «Адыге псэукэ» («Адыгская жизнь») в 1929 г. была переименована в «Гъупчъхэуат» («Серп и молот»), а с марта 1931-го — в «Колхоз браг» («Колхозное знамя»).

Особое внимание проблеме типизации национальных изданий уделило краевое совещание редакторов в 1926 г., на котором было отмечено: «…рост количества и распространение газет в крае требует большей дифференциации их содержания применительно к особенностям округов. Исходя из этого, совещание считает необходимым установить следующее разделение газет по типам:

Массовые рабочие газеты — “Красное знамя” (Таганрог), “Красный шахтер”, “Красное Черноморье”, “Грозненский рабочий”.

Массовые крестьянские газеты — “Власть советов”, “Красный пахарь” с обслуживанием и лесных рабочих и “Сельский пахарь”. Сюда же отнести все нацгазеты, с учетом специфических особенностей национальных областей.

Смешанного типа с большим уклоном на деревню — “Красное знамя” (Краснодар), “Терек”, “Трудовой путь”.

Смешанного типа с большим уклоном на город — “Власть труда”.

При таком разделении не отпадает необходимость освещения рабочими газетами жизни деревни, а крестьянскими — жизни города, но такое освещение должно строиться в первом случае применительно к рабочему читателю, а во втором — к крестьянскому» [4, 16].

По рекомендации участников форума секретариат Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) 22 июня 1926 г. принял постановление, в котором указывалось: «…принять меры к тому, чтобы в округах с преобладающим крестьянским населением газеты обслуживали в основной своей работе именно крестьянское население, т.е. имели бы характер (тип) “крестьянской газеты”. В округах с преобладающим рабочим населением тип газеты должен быть в основном “рабочей газеты”. При такой дифференциации газет, однако вовсе не отпадает, а наоборот остается в силе необходимость освещения рабочими газетами жизни деревни (крестьянства, сельского хоз., кооперации), а крестьянскими газетами жизни рабочих, промышленности и др.» [5].

Развитие системы местной печати находилось под постоянным контролем партии. Большевистское руководство ежегодными директивами усиливало вертикаль власти. Так, в 1928 г. вопрос о типе национальной газеты рассматривался на Северо-Кавказском краевом совещании работников национальной печати и издательств [6, 36]. Хотя совещание еще раз указало на необходимость углубления дифференциации прессы в национальных регионах, ситуация особо не изменилась. «К концу 20-х годов газеты на языках народов Северного Кавказа в основном определились как крестьянские с ориентацией на определенный круг читателей,— отмечает З. Ю. Хуако.— В то же время при наличии в национальных республиках и областях, кроме Северной Осетии и Дагестана, лишь по одной газете трудно было требовать от редакции дифференциации в типах периодических изданий. Как правило, национальная газета сохраняла особенности смешанного издания, в котором элементы руководящей газеты сочетались с массовостью <…>» [7, 146].

То есть особенностью национальной периодической печати в 1920-е гг. являлся выпуск смешанных изданий на двух или даже нескольких языках. Так, орган Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) «Карахалк» печатался на четырех языках. Дагестанской

партийный журнал «Коммунистическое просвещение» выходил на шести языках [3, 157]. Возникала проблема выбора того или другого языка для важных материалов или дублирования их на разных языках. Необходимо было найти специфическую форму верстки смешанных изданий, расположения текстов на разных языках в номере. Между тем эта особенность развития системы прессы в национальных областях в научной литературе оценивается неоднозначно. Некоторые исследователи склонны не рассматривать местные русскоязычные издания как национальные. Однако, как утверждает З. Ю. Хуако, «…процесс становления общеполитической национальной газеты как **типа** периодического **издания** имеет множество граней, среди которых особое место занимает проблема национально-русского двуязычия в печати — явления интересного и между тем мало изученного. Двуязычие стало характерной чертой прессы народов Северного Кавказа <…> Объективно, в силу конкретно-исторических условий во всех автономиях Северного Кавказа сложилась система различных периодических изданий на национальных и русском языках. В автономных образованиях русскоязычные газеты и журналы являются национальными и отражают наряду с общесоюзными проблемами и национальные, характерные только для данной республики, области» [7, 146].

Действительно местные газеты и журналы, выходившие на русском языке, освещали жизнь, проблемы национальных регионов, в их редакционных коллективах работали представители народностей. Даже по стилистике изложения материалов они выглядели национальными.

В этот период на Северном Кавказе стал зарождаться такой важный сегмент прессы, как молодежные издания. В Горской АССР были учреждены «Горская молодежь» и «Горский пионер». Но выходили они недолго. Нужно отметить, что первые комсомольские издания в национальных регионах выходили преимущественно на местных языках. Отмечает эту характерную черту и З. Ю. Хуако: «Особенность молодежных газет в автономных республиках и областях региона заключалась в том, что печать, адресованная юношеству, первоначально родилась на национальных языках. Вместе с тем в молодежных национальных газетах для обслуживания русскоязычной юношеской аудитории выпускались на русском языке приложения в форме листовок. К примеру, такая страница регулярно печаталась в осетинской молодежной газете» [7, 170].

В Дагестане еще в 1921 г. «…были созданы первые комсомольские газеты на аварском, кумыкском и даргинском языках под названием «Молодой дагестанец» — орган ДК РКСМ. Все эти издания дублировали одни и те же материалы» [8, 54]. Однако из-за проблем, связанных с нехваткой средств, отсутствием кадров журналистики, эти издания также выходили недолго.

Партия уделяла пристальное внимание становлению национальной молодежной прессы. Так, ЦК РКП(б) в 1925 г. принял специальное постановление «О работе комсомола в области печати», в котором подчеркивалось важное значение издания юношеских изданий на национальных языках [9, 137]. Однако возможность наладить выпуск молодежной газеты имели не все местные обкомы комсомола. Не хватало материально-технических средств, журналистов — представителей коренной национальности. В 1923–1924 гг. Грозненский губернский комитет РКСМ, как приложение к газете «Нефтерабочий», два раза в месяц издавал газету «Юный нефтяник» [10, 11 марта]. Об этом издании, которое выходило всего несколько месяцев, известно очень немного. Сохранилось всего несколько номеров. Однако и они дают представление о газете как органе коммунистического перевоспитания молодых людей.

Чеченский и Ингушский обкомы РКСМ, не располагая ресурсами для выпуска своих газет, использовали областные партийные издания, в которых имелись комсомольские странички. В «Грозненском рабочем» они выходили под названием «Красная молодежь» (1922), «Молодой рабочий» (1927); в «Сердало» — «Комсомольская страничка» (первая полоса вышла 19 ноября 1924 г.); в «Серло» Чеченский обком комсомола в 1926 г. создал отдел молодежи «В рядах смены». В 1928 г. по решению Грозненского окружкома партии стала выходить газета «Искра нового» — орган Грозненского горкома ВЛКСМ. В целях усиления политико-воспитательной работы среди молодежи и горянок, по решению Северо-Кавказского крайкома и Кабардино-Балкарского обкома партии, редакция газеты «Карахалк» («Беднота») выпускала странички молодежи и горянок [11, 5].

К концу 1920-х гг. комсомольско-молодежная печать в определенной степени сложилась в Дагестане, Чечне, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. В остальных автономиях регулярно выпускались комсомольские странички [7, 171].

Система национальной периодической печати в исследуемый период состояла из изданий, выходивших на: а) русском языке, б) национальном языке, в) двух или нескольких языках (смешанные). Русскоязычные газеты преимущественно освещали проблемы развития местной промышленности, вопросы идеологического воспитания, партийного строительства. Издания на национальных языках ориентировались на горское крестьянство, больше внимания уделяли сельскому хозяйству, национально-культурному строительству. Однако в мировоззренческом ракурсе вся журналистика была тотально подчинена большевистской партии и служила пропаганде одной идеологии — коммунистической. «Заложенные с ноября 1917 года в Декрете о печати временные положения о чрезвычайных мерах по отношению к прессе в условиях командно-

административной системы руководства и культа личности стали постоянными, больше того, они получили дальнейшее развитие» [7, 67],— справедливо отмечает З. Ю. Хуако.

Принципы партийного руководства прессой обусловливались положением правящей партии, которая формулировала свою политику в программных документах, декларациях и лозунгах и проводила ее в жизнь посредством печати. Отсюда трактовались упрощенно и принципы взаимодействия печати с партийными комитетами, причем печатные органы рассматривались как некие «приводные ремни» от партии к массам. Пресса и в национальных образованиях, созданная с самого начала как партийно-советская, фактически была подчинена партийным комитетам. СМИ были выведены из-под влияния формальных учредителей, будь то советы, профсоюзы, общественные организации, которым оставлялось материально-техническое снабжение, экономическое и финансовое обеспечение периодических изданий и отводилась роль снабженцев.

Заключение. К концу 1920-х гг. на Северном Кавказе в основном завершился этап организационного становления национальной печати [12, 9]. Исследование печати автономных республик показывает, что если в начале двадцатых годов структура сети периодических изданий в различных национальных областях значительно отличалась друг от друга, в силу неравномерности исторического развития народностей, то к концу восстановительного периода сложилась относительно единая система печати всех национальных регионов. Она от центральной до местной печати складывалась по одному образцу. «Специфической особенностью становления советской журналистики стало придание ей унитарного и системного характера,— подчеркивает Н. Тобольцева.— обусловленного задачами, поставленными перед ней издателем. По мере стабилизации режима эта традиция приобретает устойчивый характер и переходит в новую закономерность функционирования СМИ при тоталитаризме» [13, 5]. Между тем региональные газеты и журналы представляли собой не совсем удачное копирование центральных органов печати.

Национальная пресса стала превращаться в мощное орудие пропаганды идей социализма среди народностей России, играла значительную роль в укреплении партийного влияния в стране. Завершение восстановления экономики и наступление определенной стабилизации общественно-политической ситуации позволила власти вплотную заняться идеологическими вопросами. Как важнейший инструмент для их решения рассматривалась печать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулин Е. В. Региональная печать Дона и Северного Кавказа / Е. В. Ахмадулин, А. И. Станько.— Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014.
2. Магулаева Ф. А. Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959) / Ф. А. Магулаева.— Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
3. Ахмедов Д. Н. Национальная печать Северного Кавказа (1917–1937) / Д. Н. Ахмедов.— Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989.
4. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 333. Л. 16.
5. Итоги совещания редакторов. Постановление Секретариата СККК ВКП (б) 22 июня 1926 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 333. Л. 13.
6. Семякин. За дело (К итогам совещания работников нацпечати и издательств) / Семякин // Революция и горец.— Ростов-на-Дону.— 1928.— № 2.— С. 33–37.
7. Хуако З. Ю. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.): дис. … д-ра ист. наук / З. Ю. Хуако.— М., 1991.
8. Магомедов Г. А. История даргинской национальной прессы 1920–1940 гг. Зарождение и развитие: дис. … канд. ист. наук / Г. А. Магомедов.— Махачкала, 1998.
9. О работе комсомола в области печати: Постановление ЦК РКП(б), 14 августа 1925 г. // О партийной и советской печати и радиовещании и телевидении.— М., 1972.
10. Комсомольское племя. Орган Чечено-Ингушского ОК ВЛКСМ.
11. Сабанчиев Х. Из истории советской печати в Кабарде / Х. Сабанчиев.— Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1953.
12. Кузнецов И. В. Партийно-советская печать в годы социалистической индустриализации страны (1926–1929): Лекции / И. В. Кузнецов.— М.: Изд-во МГУ, 1974.
13. Тобольцева Н. М. Тоталитаризм и журналистика / Н. М. Тобольцева.— М.: Московский гос. ун-тет им. М. В. Ломоносова. Факультет журналистики, 2004.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова Российской академии наук

Турпалов Л. А., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований

E-mail: turpalov@list.ru

The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

Turpalov L. A., Candidate of History, Leading Researcher

E-mail: turpalov@list.ru

УДК: 316.77

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НАДЕЖДЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИИ?

Л. Н. Федотова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 31 декабря 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена становлению общественного мнения как феномена Новейшего времени. В начале человеческой цивилизации существовало единообразное отношение к миру. Полифония голосов появилась позднее, в результате изменений модернизационного характера. Перечислены источники информации для отдельной личности о социальном многоголосии. Обсуждаются факторы несовпадения результатов профессиональных опросов общественного мнения и предполагаемого исходного: методические, методологические, связанные с социально-политическими характеристиками социума «здесь и сейчас».*
Ключевые слова: *единообразное отношение к миру, полифония голосов, модернизационное общество, становление общественного мнения, источники информации о социальном многоголосии, несовпадения результатов опросов и исходного общественного мнения, методические факторы, методологические факторы, роль социально-политических характеристик социума.*

Abstract: *the article is devoted to the formation of public opinion as a phenomenon of modern times. At the beginning of human civilization, there was a uniform attitude towards the world. Polyphony of voices appeared later, as a result of modernization changes. Sources of information for an individual about social polyphony are listed. The factors of discrepancy between the results of professional public opinion polls and the presumed baseline are discussed: methodological, associated with the socio-political characteristics of the society "here and now".*
Keywords: *uniform attitude to the world, polyphony of voices, society of a modernizing nature, the formation of public opinion, sources of information about social polyphony, discrepancy between poll results and initial public opinion, methodological factors, the role of socio-political characteristics of society.*

Только человеческому поведению присущи такие связи
и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы.
М. Вебер. О некоторых категориях понимающей социологии

ЧАСТЬ 2

Спрос на картину мнений. Перечислим основные институты, которые заинтересованы в информации, которую поставляют структуры по изучению общественного мнения — на регулярной основе, профессиональными научными способами фиксирующие картину мнений людей (отношений, оценок, предпочтений и др.).

Какие в этом смысле ожидания *государства* от этого «мира мнений и мнений о мире»[1]? В трансформирующемся обществе ему необходимо *объяснять* свои цели, решение которых невозможно без участия в этих процессах больших масс людей. Значит, государство должно заботиться о своем репутационном капитале, об имидже, оно должно *информировать* население «о проделанной работе» и даже в определенной мере *отчитываться* перед ним за те обещания, которые были адресованы населению в периоды выборных кампаний (речь идет о государствах с демократическими тенденциями); оно должно *советоваться* с общественным мнением, когда на повестку дня выходят непопулярные меры — для этого ему нужно держать руку на пульсе общественного организма, а значит, изучать мнения людей.

Наука и общество. Мы показали, что изучение *мира мнений общества* помогает воссоздать существенные характеристики социума / общества, человеческой цивилизации / общественного строя. Именно поэтому само общество заинтересовано в деятельности по получению такой информации: это знания об актуальных характеристиках самого общества (1), знания об этом феномене: как оно

[1] Так называлась первая монография Б. А. Грушина. См.: Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967.

© Федотова Л. Н., 2022

формируется, как измеряется, как меняется во времени, как соотносится с индивидуальным мнением (2). Эти проблемы являются предметным полем для многих обществоведческих наук: социологии, политологии, социальной психологии, социологии общественного мнения.

Средства массовой коммуникации / медиа — для институтов производства общественно значимой информации этот *мир мнений* является частью *контента*. Это та площадка, где представлены разные точки зрения, а результаты опросов общественного мнения — это по определению *разные точки зрения, количественно взвешенные.*

Политические силы, партии заинтересованы в общении с массами для решения общественных проблем. Новое время началось с того, что общество стало выбирать из альтернатив социальной практики, самих политических фигур. Специализированная деятельность по сбору информации об отношениях, мнениях, вкусах, оценках, приоритетах решений социальных проблем, информированности членов общества о персоналиях в сфере политики стала одним из признаков демократического общества.

Задачи политических структур тут можно выстроить по степени тактической значимости: узнать степень *информированности* общества о лидерах, партиях, социально-экономических сценариях, с которыми они идут на выборы (1); узнать *отношение* членов общества к лидерам, партиям, к этим социально-экономических сценариям (2); узнать степень *готовности* общества вручить мандат определенным лидерам, партиям на выборах (3); взвесить роль разных инструментов влияния на массы — политической рекламы, размещения ее в СМК, характера аргументации в политической полемике, отношения к политику в ходе теледебатов и т.п. (4). Социологическая информация такого рода — это фундамент для реальных политических шагов каждого политика. Исследования общественного мнения политики используют для того, *чтобы знать, как действовать.*

Рекламодатели, специалисты по связям с общественностью. Эти структуры, удовлетворяя *социальные интересы отдельных социальных групп* (собственников средств производства, владельцев капитала, владельцев рабочих рук), столкнулись с *зависимостью решения их проблем от массы людей* в рамках национальных границ, от населения той или иной страны в целом. Этим объясняется глобальный интерес рекламодателей и структур по связям с общественностью к изучению мнений общества.

Технология получения картины мнений в рамках становящейся индустрии

Одна из основополагающих проблем заключается в следующем: все общество опрашивать или использовать выборку, что позволяет с наименьшими усилиями дать наибольший объем сведений об этой общей совокупности.

Идея всеобщего опроса восходит еще к Древней Греции, откуда в общечеловеческий лексикон пришли слова *плебисцит* и *референдум,* хотя тогда существовал жесткий ценз для отобранных групп населения, которые олицетворяли собой общество. Идея всеобщности и всенародности пришла к человечеству из Франции конца XVIII в. Она как нельзя лучше подходила к ситуации Новейшего времени. Но эти форматы репрезентации всеобщего мнения не могли стать *повседневной* практикой, гораздо более притягательной была теория выборочного исследования, восходящая к многовековым усилиям математиков и статистиков. С разработкой прикладных математических моделей стало возможным регулярное исследование поля массового сознания на конкретную тему.

Но идеология референдума подарила выборочным исследованиям свой набор требований к ним: в идеале выборкам должны быть органически присущи и фундаментальные характеристики плебисцита/референдума: *всенародность*, право каждого члена общества на участие в них; *анонимность* участия в них и, как результат выборов, *весь набор* продемонстрированных народом мнений. Соответственно, каждый член общества при этом имеет *равновероятную* возможность выразить свое мнение, чтобы оно, независимо от содержания и знака отношения к объекту мнения, вошло как часть мнения всего общества, при этом оставаясь анонимным. И это может быть рассмотрено как модель, как своеобразный идеальный тип выражения общественного мнения.

Надо только выбрать эту часть так, чтобы она представляла всю совокупность. Стандарт профессиональной деятельности подразумевает, что должны реализовываться определенные принципы отбора опрашиваемых, чтобы сравнительно небольшое число их, как правило это 1500–2000 человек, позволило распространять данные опроса на все население страны. При другой стратегии исследователь берет произвольное число случаев и говорит нам, что изучаемое им явление *е с т ь*, оно имеет определенные, зафиксированные в ходе его исследования характеристики. Этот принцип успешно реализуется в так называемых *качественных* исследованиях (фокус-группах, психолингвистических, лабораторных исследованиях).

Есть социополитическая практика, которая дает шанс проверить, насколько выборочное исследование по своим результатам совпадает с реальным мнением всего общества, т.е. демонстрирует свои прогностические возможности. Можно — в случае совпадения — говорить о точности, адекватности опросов вообще. Так исторически и случилось. Результаты опросов Института Гэллапа в 1935 г. (США) и степень совпадения их с результатами реальных выборов были настолько точными, что

они заложили основу бренда «Гэллап». Он остается непоколебимым и после некоторых случаев несовпадений[2]. За 86 лет существования Института бывало и такое.

Это лишний раз говорит о возможностях отклонений, а значит, и о принципиальной роли выборок, на основе которых проходит опрос в границах общенациональной совокупности. Чистота совпадений во многом зависит от процентного соотношения ряда *социально-демографических характеристик* опрашиваемых, попавших в выборку, и такого же соотношения этих характеристик в населении всей страны. Это идеология сегодняшней индустрии изучения общественного мнения. Но сразу обозначим и методологическую проблему: как же быть с теми основаниями различий в общественном сознании, которые заложены в нашем перечислении источников его формирования? Отчасти эти различия всплывают в отработанной технологии двойных связей[3]; Б. А. Грушин в своем постанализе многодесятилетних опросов общественного мнения (см. список источников к данной статье) сразу предъявлял некоторые социально-демографические характеристики как *группы сознания;* Институт Гэллапа закладывал в свою выборку такие характеристики, как политические пристрастия, религиозную ориентацию и расово-этнические различия. Но, конечно, это возможно лишь в странах, где существует устоявшаяся идентификация населения по этим параметрам и данные вошли в общенациональную статистику.

Вывод один — сама технология формирования выборки может повлиять на результаты опроса. Здесь кроются огромные возможности для манипуляции общественным мнением. Надежда может стать иллюзией.

Сам Гэллап считал научное решение этой проблемы, вкупе со следующей, самыми главными гарантиями адекватности полученных мнений тем фундаментальным их основаниям, которые существуют в обществе.

А вторая из этих проблем — *как задавать вопросы.* Есть такая банальная фраза (банально, но от этого не менее верно, как сказал кто-то из великих): каков вопрос, таков ответ. И гарантия хорошего качества тут только одна — профессионализация исследовательского коллектива. Эта область специальных методических изысканий, и мы лишь отметим, что вопросы могут быть *тенденциозными.* Мы знаем массу примеров наводящих вопросов, которые и приводят к тенденциозности, а в итоге к манипулированию общественным мнением. Как минимум при знакомстве с результатами зондажей мы должны знать, какой вопрос задавался: при различной фразировке вопроса мы имеем дело с *разным* общественным мнением. Это будет *другое* общественное мнение, мнение о *другом* предмете высказывания. Вывод — публикации результатов опросов общественного мнения должны цитировать тот вопрос, который задавался опрашиваемым.

К сожалению, нет такого барометра, который бы определял степень профессионализации изучающей структуры. *Обоснованность ее результатов* — это производная от престижа самой организации; давности ее присутствия в профессиональном пространстве; регулярности выхода ее в профессиональную и массовую периодику с объяснениями своей методики; открытости ее для научных и непрофессиональных дискуссий, для общественных экспертиз. Но встречается еще практика, когда сами социологи используют наводящие вопросы, чтобы получить нужные им (или их заказчикам) результаты. Это уже за пределами науки и нравственности.

Возвращаясь к проблеме совпадения результатов выборов и предварительных опросов, социологам следует максимально подчеркивать ограниченность возможностей прогноза: центры сообщают лишь те сведения, которые характеризуют состояние массового сознания на сегодня. Как правило, тактика социологов тут одна: дается картина этого состояния на данный момент — демонстрируется *слепок*. Это наиболее корректная и наименее уязвимая для исследователя позиция: одно дело, когда специалист говорит об общественном мнении как о слепке сегодняшнего дня, и другое — когда он прогнозирует будущее. Тут специалист вступает в зону риска. В ход идет расчетная информация: фигурируют слова типа *по нашим расчетам*, *можно предположить, что* и т.д. *Прогноз* тут — производное от диагноза и математических операций (статистика прошлых голосований; объемы отказавшихся принять участие в опросах и в выборах; объемы высказавших свое мнение с определенной степенью уверенности и др.).

Это объясняет, почему всякий раз — во все времена и во всех странах — настроение читателей и зрителей, наблюдающих за предвыборными публикация-

[2] Первый такой случай произошел 2 ноября 1948 г., когда Гэллап экспериментировал с форматом своей выборки. Но сам он никогда не сводил возможное объяснение только к этому.

[3] Действительно, социология активно эксплуатирует эти связи: как любого ответа в соответствии с социально-демографическими характеристиками носителя или любого ответа в соответствии с любым другим ответом содержательного характера («отношение к президенту и потребление конкретных информационных источников»); см. работы С. В. Чеснокова о детерминационном анализе; см. работы А. В. Жаворонкова, в частности одну из последних опубликованных его работ: Жаворонков А. В., Воронина Н. С. Отношение к иммигрантам в массовом сознании европейцев. Ч. 1. Единство и дифференциация смысловых полей // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 42–65; и др.

ми профессионалов-социологов, достигает вершины ажиотажа. Такая информация ценится на вес золота. Действительно, спросить у населения, как оно собирается голосовать, а потом подправить свой имидж, увеличить свое присутствие в информационном пространстве и для этого увеличить свой рекламный бюджет — это дорогого стоит. Партийные функционеры сверяют свой план действий с этим барометром.

Результаты социологических опросов начинают жить самостоятельной жизнью, когда их опубликуют в медиа: их может принять в расчет как сами политики, так и электорат (опросы могут влиять на его поведение). Они представляют огромный интерес и для изучающего систему массовой коммуникации. Исследователь получает возможность поставить вопросы: влияют ли медиа на результаты выборов, под действием какой информации избиратель принимает решение при голосовании, является ли личное влияние более действенным, чем влияние массмедиа и т.д.

Но этот слепок еще надо получить. Мы назвали несколько *методических*, инструментальных обстоятельств, которые объясняют, п*очему прогнозы не сбываются стопроцентно. Или шире — в какой мере адекватна информация, полученная социологами в ходе опроса, истинной картине мнений общества?*

Человеческий фактор

К этим обстоятельствам надо прибавить факторы, не менее мощные по своим воздействиям. Начнем с человеческого фактора.

Для начала один простой тезис — люди не всегда говорят правду, скажу больше: они подчас намеренно ее скрывают. Сами социологи не сразу стали называть эту причину, думаю, из этических соображений: ну не могли они в этом упрекнуть своего конфидента по опросу, людей, *проявивших добрую волю пообщаться* с социологами (выражение С. Чеснокова). Но когда социологи стали искать эмпирическое подтверждение этому факту (никакой личностной проекции, только в общем виде, типа *кое-кто у нас порой… бывает ли такое… известны ли вам такие случаи*), то отвечающие довольно охотно с этим соглашались — цифры поражают воображение, в некоторых опросах они достигают трети опрошенных. Исследования *другой* стороны — самих интервьюеров, тоже показывают, что такие случаи нередки (мы профессионалы, мы знаем, что они нам ответят, выдадим информацию, нарисованную *на пеньке,* за истинное мнение МарьИванны).

Но все-таки будем отличать в этом поведении опрашиваемых и более сложные мотивы — принципиальное *умолчание, заведомое изменение мнения.*

Согласимся, что такое *решение* человека — это результат влияния ряда факторов: контента массовой коммуникации; механизма циркулирования информации в межличностной среде и др. В свете обсуждаемой ситуации нам интересна гипотеза Э. Ноэль-Нойман о *спирали умолчания*. Э. Ноэль-Нойман, многолетний директор Института демоскопии в Алленбахе (ФРГ), обобщив многолетнюю практику изучения мирового общественного мнения, предложила гипотезу, которая была принята представителями этой индустрии как весьма эвристичная. Суть ее состоит в том, что человек очень активен в своей рефлексии относительно того, *насколько его индивидуальное мнение совпадает с групповым или с мнением более широкой совокупности*; более того, он, опираясь на свои наблюдения, прогнозирует, будет ли это мнение распространено в его ближайшем окружении и далее, во времени, или оно будет иметь тенденцию к уменьшению. На основании этих наблюдений он принимает решение, транслировать ли свое мнение, если оно не совпадет с общепринятым, в доступных ему каналах общения (сюда может входить и общение с социологом, и *поведение в ходе голосования,* и общение в вагоне поезда дальнего следования, и в очереди в поликлинике). То есть, если индивидуальное мнение совпадает с массовидными проявлениями, человек охотно его транслирует, если нет — человек *умалчивает* об этом и даже меняет свое мнение/поведение в том же направлении.

Единственное, что может подвигнуть его придерживаться своего *альтернативного* мнения: если он встретит аналогичное мнение в массовых источниках информации. Надо сказать, что сама гипотеза и вытекающие из нее допущения родились в *старую* эпоху — доинтернетовскую, и понятно, что сегодня она требует эмпирической верификации с учетом циркуляции мнений в соцсетях.

Но все же главные идеи гипотезы лежат в русле механизма порождения общественного сознания, две из них — на противоположных точках вектора развития социума и личности: влияние на человека социума остается доминирующим даже в новейшую эпоху; информационные массовые каналы *способны* и уже по одному по этому *обязаны* расширять информационный потенциал человека, предоставляя ему альтернативные точки зрения на происходящее. Закукленное мироощущение граждан идет в разрез с идеологией модернизационного общества, для которого одна из задач — максимально активизировать население к участию в происходящем: поисками альтернативных моделей социальной, экономической, политической жизни, поддержкой моделей, которые прошли экспертное обсуждение в прессе и на других трибунах социального дискурса.

Но в какой мере медиа предоставляют такую возможность индивиду сегодня? Здесь обобщение должно уступить место отдельным социально-политическим формам организации информационного пространства.

Корпоративные факторы. Назовем так аморфно довольно многочисленную группу *интересантов,* эффективность деятельности которых впрямую за-

висит от *хорошего* общественного мнения. Это, конечно, в первую очередь структуры, осуществляющие рекламную и деятельность по с связям с общественностью: они заинтересованы во всех стадиях порождения мнения населения: если оно будет *информировано* об их существовании; если оно будет *хорошо* к ним относиться; если оно будет демонстрировать *поведенческие потенции* по отношению к ним (купить, участвовать в акциях этих организаций).

Позволить себе общенациональные опросы общественного мнения могут себе далеко не все структуры — это дорогое удовольствие; но и не для всех в этом есть необходимость — только для общенациональных сетей и структур, имидж которых имеет общенациональные границы. Но почти все структуры максимально эксплуатируют качественные исследования: когда на небольших группах респондентов тестируется рекламная кампания, сами рекламные сообщения, отслеживается эффективность в разных точках рекламной кампании. Это в равной мере относится и к политтехнологической деятельности.

Для нашей проблематики важно, что изучение общественного мнения сегодня входит в набор функциональных требований к *журналистике* — для нее это социальная информация об обществе, как мы говорили, «здесь и сейчас». Не случайно газеты были первыми организаторами собственных опросов (начало XIX в., США); сегодня, как оперативная информация, сообщения о реальных опросах занимают важное место в информационном потоке на телевещании, по радио, в газетах, на сайтах интернета[4].

Роль *государства* в этих процессах трудно переоценить: начнем с организации самого информационного поля: каждый член сообщества должен иметь равновероятную возможность доступа к социальной информации. Объективные параметра доступа — физическая доставка — являются вопросами инфраструктуры (киоски для продажи периодики и наличие спутников для получения интернета, и дотирование государством районных газет, и финансовые затраты на цифровизацию радио-, телевещания). Как видно из этого списка, конечно, мы имеем дело с информационным неравенством в нашей стране.

Весь остальной мир тут не исключение. И с самого начала профессионального изучения мнений социологи разрабатывали методику, чтобы вычленить из наличного состава отвечающих людей неинформированных: вопрос-фильтр на информированность; выделение людей, которые затруднились ответить; открытые вопросы, когда людям предлагается сформулировать свое отношение к проблеме, независимо от того, слышали ли они о ней предварительно и т.п. Корректность профессионалов состоит в том, чтобы четко и недвусмысленно оговаривать такие случаи, давать распределение всей совокупности по таким критериям, оперировать мнениями с учетом перечисленных обстоятельств и т.д.

За государством остается задача общегуманитарного свойства: увеличивать информированность людей, а значит, решать те объективные проблемы, которые мы сформулировали выше[5]. Это нужно не только отдельному человеку, это нужно всему обществу: стратегическая нацеленность модернизационных обществ на нововведения неотделима от повышения всеобщей информированности людей[6]. Это нужно не для того, чтобы быть *изученным* таким, а чтобы *быть* таким.

Второй пласт обсуждения — контент информационных каналов. В какой мере они воспроизводят все точки зрения по какой-то проблеме, всю политическую повестку дня, всех акторов политического поля и т.д. и т.п.? Это тоже общемировая проблема. В прошлом веке к концу его первых двух третей наметилась тенденция отказа мировой информационной индустрии от партийных изданий в пользу массовых изданий. В общем-то это казалось логичным. С точки зрения политехнологий партийным структурам было важным не только манифестировать свою политическую платформу своим сторонникам, но и расширять ее за счет новых приверженцев. Казалось, эта задача решаема за счет массовых изданий. Но, по-видимому, в политической коммуникации возобладала точка зрения, что в ситуации увеличения количества политических структур, претендующих на участие во власти, важнее было *предъявить* свою позицию, *отъединиться* от конкурентов. Наметилось возрождение партийных изданий.

Массовые же медиа стали воспроизводить *весь* спектр интересов аудитории, но главное — стала отчетливо себя проявлять разница между качественными изданиями и всеми остальными. Именно к первым применимо требование давать аналитику событий, в том числе экспертную; прослеживать истоки проблем в их связи с заинтересованными силами (как заинтересованных их решать, так и vice versa); давать *разные точки зрения* на обсуждаемое; давать

[4] Это большая и отдельная тема — существование этой информации в публичном поле. Впервые об этом написал Гэллап в 1971 г. после исхода выборов в Великобритании.

[5] Например, в Финляндии принят закон, где право на интернет уравнивается с другими правами граждан.

[6] Неожиданным образом разговор по смежной проблематике вошел в наш информационный дискурс в годы пандемии (2019–2020) и продолжается по сей день, когда обнаружилось, что люди плохо информированы в научном плане, имеют массу предрассудков по поводу вакцинирования. Не в последнюю очередь *виновников* нашли в плохой пропаганде медицинских знаний вообще. Последний такой всплеск этой проблематики был, когда общество осознало размеры контингента ВИЧ-больных.

альтернативы решения проблем (кончились времена, когда мы *знали, как надо*); давать их с максимальной проработкой последствий; воссоздавать дихотомию *позитивное — негативное;* давать критерии отбора экспертов и т.д.

Казалось бы, бери этот контент и обогащай свое индивидуальное мнение! Но жизнь показала: качественная пресса не стала самоокупаемой. И тут мы должны вспомнить еще раз человеческий фактор: теорию когнитивного диссонанса Л. Фестингера — аудитория не просто консервативна в своих информационных привычках: она выбирает для потребления источники, контент которых *подтверждает* ее точку зрения и никогда наоборот; человек *трансформирует* полученные сведения — вплоть до полного совпадения с его собственными.

Анализ информационных источников показывает, что государство сегодня активно вмешивается в редакционную политику каналов — от прямой цензуры до запретов на издательскую деятельность как всего канала, так и отдельных журналистов. Такая деятельность государств отслеживается в рейтингах современных стран по признаку свободы слова. Нас эта проблематика интересует в той степени, в какой она влияет на общий социально-политический климат в стране, как она может увеличить опасения граждан высказывать свои мнения по острой проблематике. Особенности социально-политической ситуации такого рода являются мощным фактором искажения истинной картины мнений.

Вмешательство государства в процесс актуализации мнений профессионалами имеет разнообразный характер. История изобилует такими примерами. Мы уже говорили о 1971 г. в Великобритании — там случился перенос выборов с осени на лето: и самым драматическим образом пострадал престиж центров по изучению ОМ: люди, опрошенные весной, давали одну картину мнений, а летом они разъехались по отпускам, и предварительная картина не совпала с реальным распределением голосов на выборах. Этот пример вошел в анналы истории. Ну, и конечно, самый вопиющий случай, когда в ход идет так называемый *административный ресурс*: социологи дают свой прогноз, а реальная картина результатов выборов чудодейственным образом отличается от этих прогнозов. Кейсы такого рода никогда не остаются незамеченными, но мало того, что страдает престиж социологов — резко меняется отношение граждан к самим опросам. Можно говорить и о судьбах народного представительства в осуществлении демократии.

Общественное мнение является сегодня реальным субъектом общественных отношений. И девиз социологов остается прежним: *делай что должно.* Подвижки не заставят себя ждать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушин Б. А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин.— М.: Прогресс — Традиция, 2001.
2. Грушин Б. А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 1 / Б. А. Грушин.— М.: Прогресс — Традиция, 2003.
3. Грушин Б. А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 2 / Б. А. Грушин.— М.: Прогресс — Традиция, 2006. Докторов Б. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М., 2006.
4. Левада Ю. А. От мнения к пониманию: Социол. очерки, 1993–2000 / Ю. А. Левада.— М.: Моск. школа полит. исслед., 2000.— 574 с.
5. Ноэль-Нойман Э. Введение в методы демоскопии / Э. Ноэль-Нойманн, Т. Петерсен.— М.: МГУКИ, 2007.— 616 с.
6. Федотова Л. Н. Общественное мнение в рекламе и связях с общественностью: учебное пособие / Л. Н. Федотова.— М.: Издательство Московского университета, 2013.— 424 с.
7. Федотова Л. Н. Общественное мнение: хулить или хвалить? / Л. Н. Федотова.— М.: Вест-Консалтинг, 2018.— 442 с.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Федотова Л. Н., доктор социологических наук, профессор
E-mail: fedotova117437@mail.ru

Moscow State University
Fedotova L. N., Doctor of Sociology, Professor
E-mail: fedotova117437@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавливается словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутоновые фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.